



**АНДРЕЙ
КРАСНИКОВ**



УНИЧТОЖЕНИЕ

2017

В книгах часто описываются приключения людей, попадающих в иные реальности. Как правило, таких счастливицков в обязательном порядке ждут девушки, слава, мировое господство... Но из правил всегда существуют исключения. Вот и авианосец военно-морских сил США со всем своим экипажем проваливается в другой мир. И теперь у этих всех людей только одна цель — просто выжить...

Красников Андрей Андреевич

Уничтожение

Часть 1. Инцидент.

Механик Джон Картер. 8640.

Жена, сидя за рулем потрепанного жизнью шевроле, неустанно щебетала о чем-то, но Джон ее практически не слышал. Из словесного потока Сьюзен и в обычное-то время было сложно вычлениить связную информацию, а перед очередным расставанием процент глупого бреда, перемешанного с розовыми соплями, достигал критических значений.

— Джонни, ты меня слушаешь? Я говорю, что, как только окажешься на борту, сразу же свяжись с домом! Я должна тебя видеть каждый день и знать...

"Опять то же самое", — с грустью подумал Картер, механически кивая головой. Перед каждым выходом в море повторялась одна и та же сцена, ему приходилось давать одни и те же обещания... Которые на корабле практически сразу же забывались — болтовни жены механику хватало и на суше, в море же было слишком много своих проблем.

Из-за крыш домов появились первые антенны его корабля и Джон слегка вздохнул. Вообще, рассуждая чисто технически, "Барак Обама" авианосцем не являлся. Все-таки многофункциональные мобильные платформы переросли классические корабли такого типа на голову. Но называли их по привычке все так же.

Машина проехала еще пару сотен ярдов по улице, а затем выбралась на открытое пространство перед военно-морской базой и, сбавив ход, подъехала к массивным воротам со скучающими часовыми в форме морской пехоты. Взгляду открылся весь гигантский корпус авианосца, приютившегося возле крошечного, по сравнению с ним, пирса. Картер мысленно сплюнул, когда взгляд скользнул по белой надписи с названием, расположенной на носу корабля. Джон давно перестал быть совсем уж оголтелым расистом и, в общем-то, нормально относился к первому чернокожему президенту США, тем более, что не застал его в живых, но бурная молодость и свастика, наколотая на руке, до сих пор серьезно осложняли ему жизнь. Особенно при общении с рабочим звеном корабля, где проклятых нигеров было заметно больше, чем белых.

Картер поморщился. Ему не нравилось его место службы.

На КПП Сьюзен наградила его страстным поцелуем и долго смотрела вслед мужу неспешно идущему к серой громадине корабля. Это несколько поднимало настроение Джону, но в целом оно, настроение, сегодня было у него намного ниже плинтуса. Восемь месяцев. Восемь месяцев внутри этой здоровенной железки, бок о бок с ненавидящими его за татуировку коллегами. Фак.

Кинув рюкзак с вещами в каюту и доложившись старшему механику, он не слишком-то удивился, узнав, что буквально через два часа начинается его смена на пункте наблюдения возле второго реактора. Леброн Диллинджер, толстый негр, по недосмотру бога занимавший

пост его непосредственного начальника, в свое время первый заметил проклятую тагуировку и с тех пор засовывал Расиста, как звали Джона за глаза и в лицо почти все его коллеги, в самые неприятные места. Вот уже второй год.

Реактор, конечно, защищен сверх всякой меры и находится рядом с ним совершенно безопасно — в теории. На практике же Джон очень тревожился на тему того, что однажды, вернувшись из похода, не сможет ничего сделать со своей женой. Тем более, пара неприятных случаев у него уже была, хоть проныра-психолог и объяснил все это какими-то хитрыми словами, списав на неосознанные ожидания самого Джона, а не на его физическую неполноценность.

Психолог, конечно, пустобрех, но верить ему хотелось, да и после пары посещений жить стало легче. Впрочем, совсем перестать тревожиться, зная, что за стеной варится адская ядерная смесь, Картер все равно не мог.

Оставшиеся полтора часа до смены он постарался провести с пользой — разобрал вещи, стер нарисованную маркером на двери его каюты свастику с парой бранных слов, почистил лишней раз зубы, съел завалившийся в рюкзаке апельсин. Затем шлепнулся на койку в своей малюсенькой каюте и остаток свободного времени до вахты развлекался, гоняя на висящем перед носом голографическом экране забавных пичуг.

— Здорово, Расист, — поприветствовал его сидящий за пультом сменщик. В отличие от большинства трудящихся здесь, он был белым и на него Джон за кличку не злился.

— И тебе привет, Чарли. Как тут?

— Все системы в норме, сбоев нет. Да и откуда им взяться, если мы у причала стоим и у нас почти ничего не работает. Ладно, я потопал, теперь твоя очередь поджаривать шары, — Чарли гнусно захохотал. Впрочем, на дежурную шутку Джон внимания тоже не обратил.

Сесть в мягкое продавленное кресло, немного отрегулировать по высоте, сделать запись в журнале, проверить несколько экранов с данными... И все, остальные пять часов сорок минут вахты можно ничего не делать. Можно читать книгу или даже спать — все равно любое изменение ситуации сопровождается звуковым сигналом. Вот только как тут поспишь, когда сволочь Диллинджер, наверняка, время от времени поглядывает на картинку с камеры слежения и держит наготове открытый файл с бланком рапорта.

Приходилось сидеть и смотреть в мерно ползущие по экрану одинаковые цифры.

Младший лейтенант Джозеф Виск. 8640.

Джозефу было скучно. И скучать ему придется еще примерно сутки, до тех пор, пока "Барак" не выйдет в открытое море и батарея рельсовых орудий правого борта не встанет на боевое дежурство. Тогда хоть можно будет вволю порезвиться, отслеживая всевозможные кораблики и самолетики. Капитан, вначале неодобрительно смотревший на инициативу Виска, во время прошлого похода взявшегося из любви к искусству держать на прицеле своих установок одновременно все потенциальные цели в зоне прямой видимости, видать, поразмыслил немного своими старыми мозгами и сделал вывод, что постоянная боеготовность — дело нелишнее. И теперь ведение целей рельсотронами прочно вошло в штатное расписание корабля. Жаль только, что в зону прямой видимости к авианосцу мало кто рисковал приближаться.

Увы, но на порт это расписание не распространялось и Джозеф, закинувший ноги на тускло мигающий несколькими огоньками пульт управления стрельбой, прозябающий в

спящем режиме, никуда не мог приложить свою кипучую энергию.

Хотя, с другой стороны... Младший лейтенант воровато оглянулся и перещелкнул несколько тумблеров. Серая стена за пультом мигнула и спустя мгновение показала вид Сан-Диего, разукрашенный жирными красными точками и пунктирными линиями. Почти мгновенно звякнул динамик внутренней связи.

— Рельс-один, ответьте мостику. Что у вас происходит?

Викс мысленно чертыхнулся, но ответил ровным тоном бывалого вояки:

— Рельс-один на связи, сэр. Провожу внеплановую проверку систем наведения и моделирования обстановки, сэр. Разрешите продолжить?

На несколько секунд повисло молчание. Викс как будто наяву слышал, как крутятся шестеренки в голове у дежурного. С одной стороны — несанкционированный запуск пары служб, с другой — запуск этот абсолютно безвреден — все равно все орудия отключены с мостика, а проверка систем наведения вполне входила в компетенцию младшего лейтенанта.

— Рельс-один, проверка разрешена. Впредь оповещайте о ней заранее. Отбой.

Ну и отлично.

Джозеф провел рукой по управляющей сфере и город, спроецированный на стене, провалился вниз — теперь картинка рисовалась с высоты птичьего полета. От огромной туши корабля в сторону берега протянулось двадцать красных линий, упирающихся в здания неподалеку.

— Команда! Расчет повреждений, тип — "город".

— Команда не принята, — раздался механический женский голос.

Лейтенант чертыхнулся и проговорил более разборчиво и четко:

— Команда! Расчет повреждений, тип — "город".

Карта мигнула и выдала дополнительные линии, проходящие сквозь ближние здания и уходящие в следующие. А затем еще дальше.

— Команда! Тип боеприпасов — два.

Линии за первыми зданиями исчезли, зато позади них появились небольшие сектора, отмеченные красным цветом. Джозеф крутанул сферу в обратную сторону и снова увидел обычную картинку города. Здания, на которых были нарисованы красные кружки, отчетливо горели красным цветом. Одно, два, три... восемь. Младший лейтенант прищурился с улыбкой маньяка и наставил на экран указательный палец.

— Паффф!

На мгновение ему остро захотелось, чтобы орудия были включены. Чтобы можно было нажать на сенсорном экране большую красную кнопку... И смотреть, смотреть на то, как валятся друг на друга пораженные вихрем стали небоскребы...

Он позволил себе несколько секунд мечтательно пялиться в экран, затем грустно вздохнул и пустил штатный тест систем. Воевать "Бараку" было не с кем. Разумеется, существовал Китай, за последние десятилетия превратившийся в военного исполина, существовала Россия, хоть и ставшая не так давно другом и союзником, но все равно несколько подозрительная, особенно в последнее время, существовала Объединенная Европа, тоже представлявшая из себя мощный геополитический центр... Но все эти потенциальные противники, случись что, не станут сидеть и ждать, когда авианосец придет к их берегам. Особенно, если подходить на дистанцию поражения из рельсовых орудий а не на те пятьсот-восемьсот миль, в пределах которых спокойно работают авиация и ракеты. В глобальном военном конфликте, к сожалению, его любимое оружие будет бесполезно чуть

больше, чем полностью.

Вот и получается, что вся эта мощь, сосредоточенная внутри корабля, оставалась, по большей части, лишь страшилкой для отдельных неядерных держав. Джозеф хмыкнул. В принципе, "Барак Обама" вполне способен был некоторое время успешно вести боевые действия с любой страной Африки или Южной Америки. Рано или поздно, конечно, закончится топливо у самолетов, да и запас снарядов и ракет далеко не бесконечен... Но его любимый рельсотрон, тянущий энергию напрямую от реакторов, практически вечен. Да и снаряды первого типа — обычные стальные болванки — вполне можно изготавливать из подручных материалов, например, разбирая переборки. Благо, оборудование для изготовления таких боезапасов было предусмотрительно законсервировано в трюме. Так что можно ходить вокруг берегов Черного континента и наводить ужас на прибрежные районы.

Джозеф хмыкнул еще раз, нежно проведя по экрану пальцем. Ракеты можно сбить. Самолеты можно не пропустить к цели. Артиллерийский залп так просто не собьешь, но задача эта при нынешних технологиях все же частично выполнима. Хотя бы постановкой осколочной завесы. А как остановить болванку весом в сотни фунтов, прошивающую пространство со скоростью больше десяти миль в секунду? Ему доводилось бывать на показательных стрельбах для Объединенного штаба. Самый современный, шикарно оснащенный, могучий и грозный танк, выведенный на полигон, получив снаряд, выпущенный из рельсового орудия с расстояния в несколько миль, раскололся пополам, как сырое яйцо, оброненное на пол. Всего одна болванка, всего один выстрел, ничтожная доля секунды — и вместо машины осталась лишь груда искореженных обломков. Не помогла ни хитрая броня, ни специально разработанная форма корпуса.

К сожалению, все это великолепие работало исключительно на дистанции прямой видимости — в районе тридцати-сорока миль, оставаясь исключительно оружием ближнего боя. В самом деле — какой смысл отправлять стальную болванку за горизонт, если с каждой последующей милей она будет уходить все выше от земной поверхности и начнет снижение, лишь растеряв всю свою убойную энергию.

Джозеф никогда бы не признался в этом даже самому себе, но он отвечал за одну из самых бесполезных и одновременно дорогостоящих систем вооружений на корабле. Это если мерить все объективными реалиями современной войны, ведущейся на расстоянии сотен и тысяч миль от противника. Впрочем, если расстояние по каким-то причинам сокращалось, иллюзорная и бесполезная мощь быстро превращалась в реальную. А в случае, когда требовалось похвастаться новейшими достижениями военной техники, рельсотронам вообще не было равных.

Именно поэтому лейтенант предпочитал жить в мирке, ограниченном показательными выступлениями и зоной в тридцать миль вокруг авианосца.

В прошлом году, когда он только поступил служить на корабль, "Барак" некоторое время ходил в зоне прямой видимости от китайского флота во главе с их собственным авианосцем. Вроде как просто учения, но обе стороны явственно поигрывали мускулами. У китайцев это получалось заметно хуже. Хотя бы просто от осознания того, что американский корабль способен одним залпом своих орудий за полсекунды отправить на дно половину их соединения. А потом перезарядиться и отправить туда же остатки, оставив практически беззащитный авианосец на закуску. Теоретически можно было бы опасаться ответного залпа, но рельсотроны в мире никто больше на кораблях не ставил. А всему остальному авианосцу в течение некоторого времени мог сопротивляться без особых

проблем. Разве что самолетам на верхней палубе однозначно не поздоровилось бы, завязись вдруг встречный бой.

Те учения прочно поселили в душе Вика вечную любовь к своему оружию. Пусть объективно и не вполне оправданную.

Закончив проверку, Джозеф снова перевел пульт управления в спящий режим и развалился в кресле, предаваясь размышлениям на любимую тему.

Еще один недостаток рельсовых орудий — это просто дикое потребление энергии. Да, для первого залпа всегда есть заряженные конденсаторы, но вот для того, чтобы сделать следующий, требовалась перенаправлять к батарее все доступные энергетические потоки, на несколько минут оставляя корабль практически без электричества. Не самая приятная перспектива в бою.

Впрочем, перезарядить конденсаторы можно и потом, постепенно. В конце концов, современная тактика, предусматривающая использование рельсотронов, предполагала либо точечные единичные выстрелы, либо один-единственный залп, после которого рекомендовалось вести бой другими средствами. Впрочем, при желании можно было перенаправить энергию с конденсаторов другого борта и сделать уже два залпа...

Стратегические думы Вика прервал незаметно подкравшийся сон, обеспечивший ему в будущем затекшую ухо и строгий выговор от проверяющего, который застал его развалившимся в непотребной позе на командном кресле, храпящим и пускающим слюни на подлокотник.

Роберт Ки, кок. 8640.

Проклятая жестяная коробка стремительно набивалась людьми, возвращающимися из увольнений и Роберту, равно как и десяткам других коков, приходилось крутиться, как хомячкам в колесе. Шутка ли, приготовить ужин, а потом и завтрак почти на девять тысяч человек! Ладно, еще далеко не все вернулись с суши, но пять-шесть тысяч прожорливых глоток — это тоже цифра, достойная внимания.

Роберт смахнул со лба пот и яростнее заработал тесаком, кромсая коровью тушу на мелкие кусочки. Проклятые гондоны со склада, похоже, снова врубили температуру на десяток градусов ниже нормальной, опасаясь, что провизия пропадет. Им-то хорошо, они свою задачу выполняют, а то, что ему приходится рубить мясо, по твердости схожее с гранитом, никого не волнует...

— Долбаные пассивные геи, — ожесточенно шептал кок, срубая куски мяса с кости. — Вас бы...

— Боб, какого черта ты копаешься?! — раздался рядом начальственный рык. Шеф-повар Джузеппе Энцо, чьей основной обязанностью было согласование меню с капитаном и шпыняние нерадивых подчиненных, добрался и до его угла. — Тебя что, в детстве мало кормили, что ты готов каждый грамм мяса отскоблить с этой кости? Чертов экипаж хочет жрать!

Роберт, оставив при себе мнение о итальяшке и заодно о кладовщиках, хмуро рявкнул "есть, сэр!" и недрогнувшей рукой отправил кость с остатками мяса на ленту мусорного транспортера. Энцо, покровительственно кивнув, отправился дальше.

В конце концов, начальник прав. Трюм забит провизией под завязку и некий процент расточительства погоды не сделает, а вот есть люди хотят прямо сейчас.

Ки выпрямился и окинул взглядом череду работающих. Отделенное от костей мясо

летело вперед, на один транспортер, кости, шкура и прочие отбросы — назад, на другой. Куда попадают отбросы, кок особо не интересовался — точнее, знал, что они улетают в мусорные контейнеры, которые потом, в открытом море, будут опорожнены за борт, на радость морским обитателям. А вот будущая пища продолжала свое движение в следующий зал, где разбивалась на несколько потоков — что-то жарилось, превращаясь в стейки, что-то варилось в огромных котлах, что-то прокручивалось в фарш, чтобы немного позднее превратиться в котлеты. В экипаже были выходцы из самых различных культур, обожающие привередничать и воротить нос то от одних, то от других блюд, так что приходилось то и дело вносить в меню изменения или же просто разнообразить надоевший команде рацион.

Перед Робертом на разделочный стол упала новая туша, приехавшая на крюке со склада. В лицо прилетели мелкие льдинки, отскочившие при ударе. Кок, вздохнул, стиснул зубы и поднял тесак.

Элизабет Кокс, доктор медицины. 8640.

— Уф, едва не опоздала! — покрасневшая Элизабет, ворвавшись в госпитальный отсек, словно ураган, заметно оживила обстановку. — До сих пор никак не привыкну к этому чертову распорядку и к тому, что здесь нельзя нигде задерживаться!

Двое мужчин в белых халатах, сосредоточенно размышлявшие до этого над шахматной партией, одновременно подняли головы и изучающе уставились на прибывшую.

— Что такое? Вы так на меня смотрите, будто я забыла одеться! — Элизабет действительно окинула себя быстрым взглядом в висевшем на стене зеркале.

— Да нет, Лиззи, — добродушно возразил старший, убеленный сединами, шахматист. — Мы просто до сих пор не можем привыкнуть к твоей манере появляться. Что на этот раз? Пробки в городе или сломавшийся лифт?

— Я забыла пропуск и меня не хотели пускать на базу! И этот балбес-часовой даже не согласился связать меня с капитаном!

Оба врача синхронно хрюкнули. Затем молодой встал и, держа курс на кофейник, располагающийся на столе среди различных колбочек, поинтересовался:

— А ты уверена, дорогая, что связываться с тобой, забывшей пропуск — это то, чего страстно желает капитан нашей посуды, который сейчас, в два ночи, наверняка спит? Ему эту махину через четыре часа выводить в плавание, если что.

— Ну, не обязательно капитан, могли бы и с дежурным соединить. А так пришлось тащиться обратно за долбаным пропуском. А, черт с ним, Дон, налей мне тоже кофе.

— А ты что, спать не собираешься? — удивился тот.

— Не, я в прошлый раз выход проспала, теперь хочу посмотреть, как это бывает. А у вас тут что? — она подошла к доске и принялась изучать фигуры.

— Док, а ведь вам через четыре хода будет мат! Я смотрю, этот прожигатель жизни уже неплохо научился играть в шахматы.

Доктор Льюис, для друзей — просто Док, горестно вздохнул и щелчком отправил однодолларовую монету в полет в направлении Дональда. Тот ловко поймал ее и, радостно улыбнувшись, неосторожно отхлебнул обжигающе горячий кофе, подарив коллегам пару минут радости.

— Тоже мне, врачи! Я себе язык чуть не сжег, а вам — веселье.

— Ну, мы можем наложить тебе повязку, хочешь? — Дональд возмущенно засопел.

— Ладно, молодежь, — Док, улыбаясь, поднялся со стула. — Оставайтесь на дежурстве,

смотрите на удаляющийся берег, а я, пожалуй, посплю. Навидался я уже этих отправлений...

Без доктора Льюиса общение потихоньку сошло на нет и Элизабет, прихлебывая никак не желающий остывать напиток, отправилась наводить порядок в своей лаборатории. Впрочем, делать особо ничего не пришлось — все было точно таким же, как и прежде. Вообще, моряки, все время похода проводящие в открытом океане и находящиеся в изоляции от хворей, господствующих на суше, совсем не стремились подхватывать и распространять эпидемии холеры и брюшного тифа. Так что лаборатория доктора Кокс, ориентированная на противодействие всем возможным разновидностям вирусов и бактерий, месяцами стояла без дела.

Элизабет время от времени, страдая от отсутствия работы, принималась помогать остальным коллегам, но работы было немного и на всех все равно не хватало. В изолированном мирке огромного авианосца болезням не было места. Максимум того, что попадалось врачам — различные простуды и отравления самовольно выловленными морскими тварями. Ну и иногда, как праздник, — проклюнувшийся у кого-нибудь аппендицит либо вывих.

В целом же медперсонал маялся от безделья и не особо скрывал этого.

Потыкав пальцем в экран компьютера и не найдя там ничего интересного, Лиззи забралась на дежурную кушетку и принялась размышлять о смысле жизни. Работа, на которую ее сподвиг роман с бывшим командером "Барака", оказалась хорошо оплачиваемой, непыльной и, в целом, вполне сносной. Проблема была в том, что роман давно закончился, командер отправился командовать каким-то эсминцем на другом конце света, а она так и осталась на авианосце, связанная пятилетним контрактом. Благо, что уже почти половина срока прошла.

Элизабет, потихоньку начинала все больше задумываться о типичной американской жизни — постоянная работа, семья, домик и пикники по выходным. Гигантская плавучая крепость в ее мечты, к сожалению, никак не входила, хоть и предоставляла немало возможностей найти себе спутника жизни по душе. Впрочем, это мисс Кокс тоже пока что не удавалось. Те, кто воспринимался ей благосклонно, как правило, уже имели жен, а то и ребятшек. Те же, кто жен не имел, либо не отвечали ее высоким стандартам, либо вообще оказывались геями. Таких, правда, надо отдать должное флоту, на корабле было немного. Зато неотесанных мужланов, недостойных ее внимания, — с избытком...

Погруженная в размышления о несправедливости мира, Элизабет и не заметила, как заснула, напрочь перечеркнув очередную возможность понаблюдать отправление корабля в плавание.

Командер Рональд Терон. 8640.

Командер был не выспавшийся и злой. Всю ночь ему пришлось торчать на мостике, принимая отчеты по проверке всех систем гигантского корабля. Все шло достаточно штатно — авианосец был не так давно построен и ничто на нем еще не успело посыпаться, — но головной боли от этого меньше не становилось. Особенно сильно командера злили российские зенитные комплексы, с какого-то перепуга установленные на гордость американского флота и теперь живущие своей собственной, особенной, жизнью. Да, русские союзники, мать их, наловчились делать зенитные системы такого уровня, до которого штатам было далековато. Но все равно ставить чужое оружие на свой корабль — это слишком. Да еще оружие, которое иногда начинало вести себя достаточно непредсказуемо,

как сейчас.

— Коммандер, докладывает зенитная палуба! Сбой систем русского комплекса произошел из-за того, что протокол проверки, запущенный нами, вступил в конфликт с протоколом проверки, идущей по плану в фоновом режиме. Сэр, русский консультант настаивает на полной перезагрузке системы и отдельно требует донести до вашего сведения, что мы — стадо тупых обезьян, неспособных запомнить, что проверка комплекса возможна только в случае первоначальной расконсервации либо же при переустановке программного обеспечения после критических сбоев! Сэр!

Рональд выругался сквозь зубы. Обслуживающий персонал действительно — стадо макак, если не способны запомнить такую простую вещь. Впрочем, явно вставший не с той ноги русский — тоже гондон. Нет бы объяснить все спокойно и снова пойти на боковую.

— Приказываю провести полную перезагрузку систем под непосредственным наблюдением специалиста. Конец связи.

А нечего обзывать его моряков обезьянами. Теперь сиди там и смотри, вместо того, чтобы спокойно спать. Коммандер принялся наблюдать за быстро бегущими строчками, показывающими ход стандартного теста реакторов. Тест был длинный, но все строчки горели успокаивающим зеленым цветом.

— Капитан на мостике!

Ну вот, скоро можно будет, наконец, передать бразды правления и отправиться на отдых. Участвовать в процессе выхода корабля из порта сонному Рональду не хотелось абсолютно.

— Сэр, за время вашего отсутствия значимых происшествий не было! Все проверки успешно проведены, все системы работают в штатном порядке, корабль полностью готов к выходу на боевое дежурство!

— Вольно, Рональд. Журналистов вроде не наблюдается. Говоришь, значимых происшествий не было? А не значимых?

Капитан не особенно любил журналистов, то и дело сующих нос не в свое дело и стремящихся показать все грязное белье армии и флота, но старался быть "своим парнем" на мостике.

— Из незначительных — чертов русский комплекс, капитан. Из-за небольшой оплошности персонала пришлось перезапустить систему. Прошло уже... — он глянул на стильный серебристый Ролекс, украшавший его запястье, — почти десять минут, комплекс вот-вот должен выйти на рабочий режим.

Словно услышав его слова, включилась связь с зенитной палубой — все действительно заработало. Впрочем, Шеф не удовлетворился лаконичным докладом, въедливо расспросил о неполадке офицера-зенитчика и, услышав исчерпывающие объяснения, приказал исключить подобные проверки из штатного расписания смены, оставив их прерогативой консультанта.

Коммандер в душе злорадно улыбнулся. Зенитный комплекс за последние два года барахлил только пару раз, да и то по вине его подчиненных, поэтому прикомандированный к нему русский все это время нагло бездельничал, получая дикую зарплату и предаваясь всем доступным на борту авианосца развлечениям. Теперь хоть тень ответственность будет заслонять собой солнце для этого ленивца.

Рональд, конечно, был несправедлив к русскому — в конце концов, любую глобальную поломку системы придется устранять ему и только ему, неся за это всю возможную ответственность. Но союзники, как назло, сделали комплекс очень надежным и текущее

безделье иностранца раздражало командера до невозможности.

— Пятиминутная готовность, господа.

Шеф подошел к обзорной панели, расположенной по периметру мостика и имитирующей круговой обзор. Рональд, так и не нашедший повода покинуть мостик, а потому смирившийся с тем, что ему все же придется участвовать в выходе корабля из порта, двинулся следом.

— Проклятые новые технологии. Помнится, лет тридцать назад мы спокойно смотрели на мир через обычное стекло. А сейчас... даже не поймешь, правду тебе показывает эта стенка или нет.

Командер хмыкнул. К обзорной панели тоже нужно было привыкнуть. В обычном режиме она рисовала обычную картину мира, передаваемую внешними камерами и ни капли не меняющуюся при приближении или удалении. Что было достаточно удобно в принципе, но сильно злило при попытках посмотреть через "окно" вверх или вниз. По большому счету, объективную картинку панель показывала только тем, кто находился в самом центре мостика. Впрочем, достаточно было надеть тактические очки или шлем, чтобы система начала подстраиваться под тебя индивидуально, рисуя на сетчатке то изображение, которое соответствовало бы обычному виду из окна. Сейчас в тактических шлемах сидела только штурманская группа.

— Осталась минута, сэр!

Капитан раздраженно отвернулся от окна.

— Отстыковку начать.

— Отстыковка произведена, сэр!

— Левый ход, пятьдесят ярдов!

— Есть левый ход, пятьдесят ярдов!

— Подготовка к развороту!

— Есть подготовка к развороту!

Командер, не участвующий в общем движении, взял со стола очки, надел тесный обруч на голову и привычно перетерпел мельтешение разноцветных пятен на старте системы. А затем взглянул на удаляющийся причал Сан-Диего уже по-настоящему. Реальный мостик дополнялся системой визуального наблюдения с такой точностью и четкостью, что стена, как по мановению волшебной палочки, превратилась из экрана телевизора в обычное окно.

Город медленно удалялся. Рональд, проведя пальцем по дужке, приблизил изображение. Ну да, обычные толпы зевак неподалеку от КПП. Да и вообще, в окрестностях, несмотря на ранний час, было много народа — выход из порта одной из трех существующих в мире многофункциональных платформ — всегда событие. А вдруг рулевой ошибется и колосс на повороте раздавит пару корабликов поменьше?

Ему внезапно стало весело.

— Корабль лег на курс, сэр!

— Разгон до двадцати пяти узлов — начать! Развертывание походного режима — начать!

— Есть, сэр!

Где-то в глубине корабля послышалось тонкое гудение, потихоньку перерастающее в тихий свист — конденсаторы рельсовых орудий, снятые с блокировки, принялись жадно поглощать энергию. На краю видимости обзорной панели из палубных шахт в небо унеслись два модуля-разведчика. Теперь они в течение суток будут висеть в нескольких милях над

кораблем, поставляя в его системы информацию об окружающем пространстве. Ближайший зенитный рельсотрон внезапно лихо закрутил своей башней — видать, оператор не удержался и решил проверить установку еще раз. Обзорная стена, повинувшись чьей-то команде, раскрасилась графиками, данными и точками ведомых целей. Рональд, как обычно, удивился тому, сколько всякого народа ошивается в, казалось бы, абсолютно чистом и спокойном небе. Несколько зеленых отметок — это свои, береговая авиация. Несколько желтых — это подтвержденные гражданские самолеты. Вдалеке вспыхнул красный кружок, почти сразу же сменившийся спокойной желтой отметкой — какой-то гражданский пересек зону контроля авианосца, но оперативно отправил ответ на запрос.

Могучий гигант стремительно поднимался во весь рост, становясь грозным и неуязвимым.

— Докладывает десантная палуба! Инцидент класса "М", сэр!

— Сэр, штаб флота на линии! Просят вас, сэр!

Ну вот, все, как обычно. Только вышли в океан, сразу началось. Рональд с досадой сдернул с головы очки. Он абсолютно точно знал, что именно ему придется разбираться с несчастным случаем у десантников, пока Шеф будет общаться с шишкой из штаба. Уже проходя к двери лифта, он поймал взгляд капитана и получил одобрителный кивок.

Десантник Фил Скотт. 8639.

Филу хотелось блевать. Собственно, блевать хотелось всем, кто смотрел сейчас на то, что осталось от Разини, но brave морпехи старательно делали морды кирпичами, мужественно удерживая рвотные позывы.

Собственно, Разиня оправдал свою невезучесть и получил-таки свое. Обидно, глупо, на самом старте похода. Не от пули матерого врага, а от плохо закрепленного ящика с патронами, неподалеку от которого его угораздило прикорнуть. Легкие вибрации от корпуса плюс чья-то преступная халатность — и, как итог, через десять минут крейсерского хода проклятый ящик падает и размазывает мозги бедолаги по всему полу.

Фил машинально отметил, что досталось даже гусеницам стоящего неподалеку "абрамса". И его снова замутило.

Вдалеке послышались шаги и виноватый голос старшины. Десантники, стоящие вокруг трупа, подобрались. Каждый чувствовал приближающиеся к его личной заднице неприятности и старался выглядеть молодцевато и подтянуто.

— Отделение, построиться! — донесся до них знакомый рев. И через пять секунд броуновского движения рядом с телом стояла уже не кучка непонятных личностей в камуфляжной одежде, а суровый и внушающий уважение отряд воинов. Правда, с зеленоватыми лицами, но это ведь всегда можно отнести на счет дополнительного природного камуфляжа...

Из-за танка быстрым шагом вышли старшина Васкес и командер Терон. Подошли к трупу и замершим десанникам. Филу хотелось думать, что командера тянет блевать не меньше, чем его, но внешне это было незаметно. "Хорошо маскируется, офицеришка", — промелькнула неуставная мысль.

— Кто?

— Рядовой Лукас Вольф, сэр! Позывной — "Разиня", третье отделение.

— Причины, я думаю, ясны... Ответственные за складирование груза?

— Складская служба Сан Диего, сэр!

Скотту показалось, что командер скрипнул зубами. Действительно, портовые крысы убивают его экипаж, а единственное, что он может сделать — отправить в штаб рапорт. Он внезапно проникся к офицеру дружескими чувствами.

— Ответственный за проверку?

— Помощник интенданта Розмари Викерс, сэр!

Фил вспомнил симпатичную маленькую девушку, ответственную за их участок. Что она забыла на интендантской службе, всегда представляло для него загадку. Но работала как-то, даже справлялась с учетом и размещением многочисленного арсенала. До этого дня.

Командер нажал кнопку закрепленного на правом плече штабного коммуникатора.

— Найджел, десантная палуба, третий отсек, инцидент "М" с летальным исходом. Со штабом свяжусь сам, ответственная на месте — Розмари Викерс. Гауптвахта и расследование — на тебе.

— Вас понял, конец связи, — проговорил коммуникатор и отключился.

Скотту стало жалко еще ничего не знающую о своей судьбе девушку. Возможно, она сейчас лежит на кровати, читает какую-нибудь книжку про любовь и улыбается, переживая за главную героиню... А жернова судьбы в лице командера Терона и шефа корабельной полиции Гатлинга тем временем уже подхватили зернышко ее судьбы и остались считанные мгновения до того, как от нее останется лишь пыль...

— Где пострадавший? — из-за танка тем временем показалось новое действующее лицо — доктор Льюис. Судя по взъерошенной седой шевелюре и красным глазам, Дока выдернули прямо из койки.

Где-то вдалеке послышался лязг железа и брань — помощники доктора никак не могли протолкнуть каталку сквозь узкие двери отсека.

Десантники старого хирурга любили и уважали, помня о том, что после неудачно сложившегося боя именно он и несколько его ассистентов встанут между ними и смертью. А Скотту когда-то именно Док вырезал аппендикс, вернув упрямого дурака, не обращавшегося в медчасть целых полтора дня после начала первых болей, буквально с того света.

— Бросьте, Док, — устало проговорил командер, кивнув на медицинский чемоданчик врача. — Здесь все ясно и ваша помощь не потребуется. Просто составьте рапорт и пусть бедолагу увезут в морг.

Он повернулся к десантникам.

— Вашей вины в случившемся нет, но чистоту в отсеке наводить придется именно вам. Старшина, проконтролируйте.

И ушел, оставив отделение морпехов наблюдать за тем, как останки их невезучего сослуживца грузят на затащенную-таки в отсек каталку.

Тони Хоук, оператор CNN. 8642.

— Что ты говоришь? Ни черта не слышно!!! — Тони с остервенением ударил по барахлящим наушникам. Современные вертолеты, конечно, гораздо более тихие, нежели их аналоги столетней давности, но все равно разговаривать в кабине без радиосвязи было нереально.

— Камеру вкл..., идиот, подл...м!

Его напарница по этому заданию, расфуфыренная блондинка Мэри Лайк, звезда новостей военной тематики и просто очень красивая девушка, сейчас напоминала рассвирепевшую мегеру. Мало того, что ей обломали начавшуюся подготовку к свадьбе с

этим вылетом на "Обаму", так еще и само задание было продолжительностью чуть ли не в месяц — авианосец должен зайти в Сасебо только через двадцать пять дней.

Самому Тони на это было, в общем и целом, все равно. Ему нравились корабли, нравилась его работа, нравилось текущее поручение. Не нравилось только общество неудовлетворенной стервочки, капающей на мозг, но тут всегда были свои варианты. От "выкинуть суку нахрен за борт темной ночью" до банального соблазнения и дальнейшего совместного радостного времяпрепровождения на борту корабля. Благо, Тони не без оснований считался среди коллег красавчиком.

Приятные мысли, впрочем, не мешали ему работать. Перед глазами развернулся экран, а из брюха вертолета высунулась камера. Пилот, его тезка, взглянул на какие-то показатели на приборной панели и что-то проорал в микрофон об аэродинамике и о "предупреждать надо", но Тони привычно не обратил на это внимания. Пилот, как и все они, был профессионалом и выглянувшая из корпуса камера точно не могла привести машину под его управлением к беде.

— Тони, сделай облет вокруг корабля! — проорал он пилоту, отчаянно надеясь, что тот услышит.

Услышал. Вертолет, слегка замедлившись при подлете, снизился почти до уровня палубы авианосца и, развернувшись к нему кабиной, продолжил движение вдоль "Барака" уже боком.

"Вот оно, счастье оператора", — подумалось Тони, снимающему ряды самолетов и приветственно машущих вертолету моряков. Вдобавок, как будто специально ради них, с места сорвался и понесся на взлет один из F-40. Вертолет, повинувшись опытному пилоту, тоже ускорился, позволяя заснять весь процесс взлета. А в конце еще и набрал высоту параллельно уходящему в небо самолету. Тони хотелось завопить от радости, но он придержал эмоции и продолжил работать.

Рядом проплыла вынесенная немного в сторону от корпуса носовая зенитка. Тони неосознанно передернул плечами, поняв, что два из шести стволов аккуратно ведут их машинку, постоянно держа кабину на прицеле. Черт.

Впрочем, психов за пультом не оказалось и вертолет, завершив полукруг, спокойно опустился на гостевую вертолетную площадку. Пора было заниматься самым неблагодарным трудом — разгрузкой аппаратуры.

Вытаскивая вместе с тезкой тяжелые ящики из заднего отсека винтокрылой машины, Тони усиленно пытался понять, о чем Мэри разговаривает с молодцеватым лейтенантом из пресс-службы авианосца, но так ничего и не расслышал.

Разумеется, блондинистая стерва в итоге технично свалила с лейтенантом — знакомиться с будущим местом обитания и пресс-центром. Тони-Итальянец, пилот, оказался ничуть не лучше и умотал к местным механикам. Договариваться об обслуживании своей птички.

Тони-оператору же, как обычно, выпала роль носильщика — кому-то ведь все равно надо было перенести багаж до отведенных им кают. Самое обидное, что, когда он попытался, перетаскав свои коробки, аккуратно скрыться с палубы, оставив на ней вещи остальных членов съемочной группы, то через десять минут был найден раздраженным матросом, который передал ему распоряжение "немедленно к чертовой матери убрать с палубы посторонний хлам".

Злясь на весь мир, Тони вернулся на свежий воздух и взялся было за чужой багаж, но

быстро остановился. Пошли все в одно место.

Тренированному оператору не составило большого труда запихнуть оставшиеся сумки и коробки обратно в вертолет, после чего закрыть отсек, победно улыбаясь.

Впрочем, практически сразу же в его мозгу родилась другая мысль — как он собирается соблазнить свою журналистку, если сейчас нагло и цинично оставит здесь ее вещи и, фактически, заставит потом их таскать до каюты? Даже если их принесет кто-то другой, а не она сама, очков Тони на этом точно не заработает.

В конце концов, компромисс был им найден. Тщательно порывшись в оставшихся сумках, он выволок три баула, принадлежащие Мэри, но оставил в отсеке все, что вез с собой его тезка. Его он соблазнить точно не планировал.

Старший научный сотрудник, подполковник Ильин М. Д. Уральские горы.

Маленькая красная отметка на огромной карте Тихого океана медленно подбиралась к полупрозрачному красному кругу, нарисованному чуть западнее. Подбиралась уже второй день и через несколько часов должна была зайти внутрь. А еще через два часа был запланирован, собственно, сам эксперимент...

Подполковник устало прикрыл глаза.

— Гриш, разбуди через три часа...

Сон накрыл усталого человека мгновенно. Сон тревожный и беспокойный, состоящий из сюрреалистичных картин и диковинных существ. Когда помощник деликатно потрепал его по плечу, подполковник даже не почувствовал, что спал — тремя часами нельзя было прогнать многомесячную усталость.

В операционном зале секретной лаборатории собрался весь научный состав. На двух огромных вспомогательных экранах виднелись упитанные лица президента и министра обороны.

Подполковник зашел за маленькую кафедру в углу зала и откашлялся. Шепотки в зале стихли.

— Господа, вы все в курсе, что нам сегодня предстоит. Многолетняя работа, чрезвычайная секретность, десятки тысяч человеко-часов... И теперь мы готовы к первому боевому, так сказать, эксперименту. Эксперименту, который раз и навсегда должен изменить баланс сил в современном мире.

Ильин облизал пересохшие губы и глотнул воды из предусмотрительно припасенной бутылочки.

— Господин президент, господин министр, вы не до конца в курсе, я знаю. К сожалению, режим чрезвычайной секретности, введенный предыдущим президентом, позволил нам включить вас в число посвященных только недавно, на этапе завершения проекта.

Президент на экране недовольно скривился, министр остался невозмутимым.

— Итак. Вы все видите карту. Красная отметка — это американская авианесущая платформа...

— Вы их вот так специально отслеживаете? — подал голос президент. — Они же этого очень не любят.

— Это пассивное наблюдение, господин президент. Сколько бы американцы не маскировались, не пытались исказить картинку со спутников и не перекрывали сигналы чужих радаров, они не блокируют излучение своих собственных зенитных комплексов.

Которые на самом деле наши.

— Вы засунули туда систему слежения?! А если найдут?! Это же срыв отношений, контрактов и возврат к прежним натянутым отношениям! Вы о чем думали?! — президент возмущенно развернулся к министру обороны, похожему на кота, объевшегося сметаной.

— Господин президент, — устало произнес подполковник. — Это пассивное наблюдение. Наши спутники просто вычлениют сигналы наших же комплексов и с помощью интерполяции выдают точное их местоположение. Сами системы абсолютно чисты.

— А они так могут? — президент явно успокоился.

— Теоретически — да, практически — наверное, нет. Это узкоспециализированные аппараты и у нас они есть только потому, что мы начали выпускать их на орбиту одновременно с началом поставок С-801 за границу. Да и вообще, если позволите, это совершенно непринципиально — современные группировки спутников, что наших, что американских, отследят что угодно. Просто сейчас нам удобнее отслеживать их именно так.

Ильин отпил еще глоток воды.

— Итак, господа, американский авианосец прямо сейчас входит, наконец, в зону действия нашей разработки. Через час мы сможем нажать красную кнопку и на реальном примере увидеть, как выглядит пятое измерение, втиснутое в наши привычные три. А сейчас у меня есть немного времени, чтобы ответить на ваши вопросы...

Тедди Монтгомери, оператор С-801. 8642.

Вахта проходила заведомо буднично. Дураков, желающих напасть на авианосец, заметно не было. Вдобавок, корабль потихоньку уходил в воды, над которыми практически не проходили гражданские авиалинии. Так что приходилось смотреть только на зеленые отметки родных, резвящихся над кораблем истребителей, да на одинокую желтую точку вертолетика журналистов. Скукота.

Рядом с Тедди, сидевшим на неудобном русском кресле, вольготно устроились его непосредственный командир, младший лейтенант Стивен Энке и русский консультант Глеб. Фамилией русского он никогда не интересовался, а сам консультант вполне довольствовался обращением по имени.

В данный момент они располагались в мягких, удобных, специально притащенных из кают-компаний креслах и неторопливо обсуждали возможности применения комплекса для работы по наводным и подводным, располагающимся вблизи поверхности, целям. Насколько понимал слушающий вполуха Тедди, лейтенант пытался доказать, что систему, спокойно работающую по высоте от ноля до чуть ли не плюс бесконечности, можно было бы использовать и на минусовых отметках. Русский лениво соглашался, что по кораблям комплекс отстреляться может без особых проблем. Но указывал на непригодность ракет этого типа к преодолению водной толщи.

Тедди было все равно, но он бы точно не отказался попробовать пострелять по каким-нибудь подводным пиратам — просто для развлечения.

Неожиданно изображение на экране моргнуло и пошло мелким шумом. Монтгомери непонимающе уставился в экран — за год его службы такое было впервые.

— Э, сэр, тут...

Объяснить он не успел — умная машина выдала резкий звонок и на дополнительном информационном табло высветилась шокирующая надпись:

"Облучение неизвестного типа. Перекрытие диапазона сканирования. Постановка помех. Уровень тревоги — красный. Возможна атака. Вероятность атаки — 86 %"

— Что за хрень? — послышался сзади удивленный возглас лейтенанта.

Русский соображал быстрее.

— Парень, вылезай, быстро! — не удовлетворившись словами, консультант буквально вытолкнул его из кресла и запрыгнул туда сам. Одновременно пискнул сигнал связи.

— Внимание по кораблю! Говорит капитан! Протокол "Зеро!" Выполнять!

Тедди почувствовал, как огромный корабль словно вздрогнул всем корпусом, переходя в полностью боевой режим. Впрочем, в их пункте управления ничего не изменилось. Только русский с совершенно фантастической скоростью печатал что-то на виртуальной клавиатуре. Лейтенант, да и сам Тэдди, смотрели на этого всегдашнего бездельника, раскрыв рот.

Медленно тянулись минуты. Экран, наконец, очистился от снега, масштаб неизмеримо изменился, а изображение приобрело другой вид — теперь, вместо плоской карты с отметками на экране показывалась медленно вращающаяся трехмерная модель окружающего ландшафта с прозрачной зеленой полусферой, где в центре виднелось изображение маленького кораблика. Менее удобно для реальных действий, но более информативно.

— Твою мать... — русский прошептал еще что-то и снова застрочил на клавиатуре. Кораблик резко уменьшился, а сфера, наоборот, распухла почти на весь экран. Внутри нее по-прежнему виднелись всего четыре зеленые искорки, медленно ползущие по разным маршрутам вокруг корабля — это свои, вылетевшие на задание истребители.

—! — русский пробормотал что-то совсем неразборчивое и ввел еще одну команду.

Кораблик исчез, а на экране появилось схематичное изображение Земли с яркой зеленой точкой между Японией и Америкой, испещренное многочисленными черточками и надписями.

Русский принялся нажимать на кнопки на пульте и количество объектов на картине стало стремительно уменьшаться.

— Самолетов нет. Ракет нет. Остались спутники... Идентификация, идентификация...

Тедди завороченно смотрел на экран, где из моря информации остались только восемь точек над самой поверхностью земли и две — где-то очень-очень высоко. Русский откинулся на спинку.

— Лейтенант! Над нами — десять неопознанных спутников. Облучение идет откуда-то с них. Восемь летят на невысокой орбите, около двухсот миль. Мы достаем четыре из них — те, которые только заходят в зону контроля. Еще два — висят на геостационарной. Достать можем только с помощью ваших стратегических ракет, если вы достаточно больны на голову, чтобы отправлять их в космос. Все, я свое дело сделал...

Младший лейтенант, выйдя из легкого ступора, отпихнул Тедди и бросился к интеркому.

— Мостик, мостик! Говорит зенитная палуба! Есть результат! Над нами восемь... то есть, десять, условно враждебных спутников! Неопознанных, сэр! Господин Аксенов говорит, что мы достаем четыре из них, а остальные — только с помощью баллистических ракет... Есть подождать, сэр! Есть передать координаты, сэр...

Пол их каморки внезапно мягко подпрыгнул и накренился. Русский, как его, Аксинофф, чертыхаясь, выпал из кресла и укатился в угол. Сам Тедди удержался на ногах только

потому, что схватился за намертво присобаченное к полу кресло оператора. Мимо, выделывая замысловатые па и страшно ругаясь, пролетел лейтенант. Его танец закончился около стены, о которую Стивен впечатался всем своим немаленьким весом.

Корабль содрогнулся от мягкого, но могучего удара. Ноги Тедди оторвались от пола и оператор буквально повис на кресле практически перпендикулярно стенам. Снизу в два голоса неслись ругательства.

Пол, несколько долгих секунд постояв почти вертикально, начал возвращаться в нормальное состояние.

— Что это, сэр? — непослушными губами прошептал Тедди. Интерком истошно завопил что-то вроде "уничтожить нахрен все живое вокруг".

— Это война, рядовой, — прорычал поднявшийся на ноги лейтенант и довольно ловко запрыгнул в кресло. Ему было далеко до скорости русского, но намечать цели он начал вполне уверенно.

Тони Хоук, оператор CNN. 8642.

Тони с повседневной камерой, висящей за плечом, вальяжно разгуливал по корме авианосца. Мэри внезапно свалилась с острым приступом морской болезни — хоть минимальное волнение и не имело шансов сколько-нибудь серьезно поколебать огромную тушу корабля, девушке хватило. Так что оператор остался предоставлен самому себе. Накануне ему, хоть и с неохотой, вручили пропуск-"вездеход" и сегодня он им вовсю наслаждался, делая небольшие операторские зарисовки, болтая с экипажем или просто гуляя по кораблю. Сейчас был именно такой перерывчик.

Он подошел к самому срезу кормы и, ухватившись за туго натянутый леер, принялся рассматривать выбегающую где-то далеко внизу из-под корпуса корабля пенную струю. Хотелось курить, но на флоте подобные вольности были строго-настрого запрещены еще лет десять назад.

Тони горестно вздохнул и, постаравшись изгнать из головы мысли о сигаретах, отправился к виднеющимся вдалеке самолетам и марширующим между ними солдатам.

Все-таки, верхняя палуба длиной почти в треть мили — пару раз туда-сюда сходишь, — уже и зарядка, отвлекающая от никотиновой ломки.

Ему удалось дойти как раз до основной корабельной надстройки, десятиэтажным домом возвышающейся над его фигуркой, когда по всему периметру авианосца одновременно вспыхнули мигающие оранжевые лампочки. Воздух прорезала звонкая трель сирены и палуба вокруг оператора, как по мановению волшебной палочки, заполнилась мчащимися куда-то людьми. До него, ошеломленно смотрящего на это сумасшествие, только через долгих десятков секунд дошло, что на корабле объявлена тревога и что именно сейчас — самое время что-то снимать.

Камера пушинкой взлетела к плечу, а наметанный глаз принялся вычленять зрелищные моменты. Вот молодой матросик, соскакивая с трапа, смешно поскользывается и летит на мокрую палубу... Мокрую?!

— Черт, откуда дождь... — Тони оторвался от видеоискателя и глянул вверх. И сразу же направил туда же камеру. Наверху творилось что-то непонятное. Ярко-синее небо прямо над авианосцем стремительно чернело. Клякса темноты быстро расплзлась во все стороны... и шел дождь.

— Нужен общий план... — пробормотал себе под нос Тони и опрометью бросился назад, на корму. Поскользнулся, чуть было не упал, как тот матрос, но все же добрался, прижался спиной к ограждению и выровнял картинку.

— Да я, мать его, бог журналистики...

Серая мокрая палуба, уходящая вдаль, громадина надстройки и пятно черноты посреди ясного неба над всем этим... Тони упивался моментом.

Кто-то, увидев его, замахал руками, требуя немедленно убраться с палубы, но ему было плевать.

Некоторое время в кадре ничего не происходило, а затем по нервам ударил беззвучный грохот. И незыблемая твердыня авианосца, надежней которой не было ничего в этом водном мире, внезапно стремительно начала заваливаться на правую сторону.

На пару долгих мгновений оператор, успевший изо всех сил вцепиться в стальной трос ограждения, почувствовал себя в невесомости. А затем борт авианосца встретил-таки на своем пути воды Тихого океана.

Могучий толчок едва не вырвал опору из судорожно сжатых рук Тони. Стальной гигант, до этого словно бы падающий в пропасть, теперь, окутавшись облаками брызг, наполовину скрылся под водой. Где-то далеко впереди, не выдерживая инерции, срывались с креплений самолеты, тут же мгновенно исчезая в беснующихся волнах. Неподалеку из вентиляционных отверстий левого борта выплеснулся длинный факел пламени, сопровождающийся красиво летящими обломками и бьющим по ушам треском. Сам Тони повис практически параллельно палубе, держась мертвой хваткой за единственную доступную опору. Совсем рядом с его ботинками, тщетно скребущими по палубному настилу, закрутилась бурлящая масса воды.

— Нам всем хана, хана... — прошептал оператор, продолжая цепляться содранными в кровь пальцами за крепления троса. Огромная, непонятно откуда взявшаяся, волна мягко ударила в палубу, пытаясь унести Тони с собой и заставляя его заткнуться и зажмуриться. Затем схлынула так же быстро, как и появилась, а стальной гигант, опрокинутый на бок, начал выравниваться. Выровнялся — и тут же ушел в крен на другую сторону, окатив потоками не успевшей убраться с палубы воды скрючившегося на корме человека. И опять чуть не смыл его в океан.

Камера незадачливого оператора, до этого надежно держащаяся на своем ремне, внезапно непостижимым образом сорвалась, весело подпрыгнула и, увлекаемая остатками потока, покатила к далекому борту. Тони, не отпуская трос, наудачу махнул ногой и сумел-таки прижать ремень аппарата к палубе. У него в голове пронеслась мысль, что, не сумей он в последний момент поймать камеру, пришлось бы лететь за ней — без боя отдавать морскому богу уникальные кадры у него не было ни малейшего желания.

Корабль снова начал выравниваться и Тони смог-таки перехватить свой бесценный инструмент рукой. Несмотря на то, что палуба под ногами все еще плавно качалась, поднялся на ноги и осмотрелся.

Океан вблизи авианосца бурлил и волновался, но чем это было вызвано, оператор так и не понял. Впрочем, на этот счет он особо не заморачивался — потом расскажут. А сейчас нужно снимать странное природное явление...

Явления больше не было. Тони посмотрел на камеру у себя в руках, на небо, снова на камеру... Черной кляксы в небе больше не наблюдалось.

— Я что, грибов галлюциногенных объелся? — сам себя спросил он.

Мотнув головой, проверил работоспособность камеры и снова навел ее на палубу — как оказалось, очень вовремя. Откуда-то из-за надстройки ввысь ударили фонтаны плазмы. Один, второй, третий... Военный журналист отлично знал, как выглядит пуск гиперзвуковых ракет из русского комплекса С-801 и сейчас, видя стремительно исчезающие в вышине лоскутки пламени, успел удивиться:

— Святое дерьмо, мы что, воюем?

А затем его настиг удар звуковой волны и Тони, выронив камеру, сжался в три погибели, старательно закрывая уши и не менее старательно раскрывая рот, чтобы хоть как-то нормализовать давление на барабанные перепонки. Он пытался не думать, каково тем, кто сейчас находится там, неподалеку от пусковой установки. Хотя, с другой стороны, после такого купания... Не факт, что кто-то вообще остался на палубе.

Совсем неподалеку раздался тяжелый металлический лязг и он нашел в себе силы поднять голову.

— Твою ж мать... — других слов у него не оставалось, потому что все остальное он делал уже на инстинктах. Подобрать камеру и бежать, бежать отсюда нахрен! За спиной у бегущего журналиста медленно раскрывались створки пусковой шахты межконтинентальной стратегической ракеты.

— Время развертывания — две минуты. Пуск через десять секунд после полного открытия... Время развертывания — две...

Он успел. Успел добежать до ближайшего угла надстройки и даже, плюхнувшись на живот, взять в кадр полностью открытую шахту.

Пуск ракеты был плавным и неспешным. Ее длинное стройное тело, раскрашенное в серо-белые полосы, опираясь на столб пламени, выскользнуло из шахты, замерло на полсекунды в раздумьях, а затем, все набирая и набирая скорость, ушло в небо. Этого спрятавшийся за своим углом Тони уже не видел, опять зажимая уши и отчаянно кашляя от заполонившего всю палубу и терзающего его легкие густого едкого дыма.

Высоко над кораблем опять стала проступать чернильная тьма, снова начал моросить легкий дождик, но журналист, надышавшийся отравой, отключился. Камера продолжала бесстрастно фиксировать кусок палубы и его ботинок, заслоняющий большую часть кадра.

Старший научный сотрудник, подполковник Ильин М. Д. Уральские горы.

— Подполковник, мать вашу, вы что, получается, промахнулись и просто вышвырнули черт знает куда кубический километр морской воды?

— Господин президент, корректировка уже произведена, энергии нам хватает... — подполковник, чувствуя, как его волосы начинают стремительно сесть, а звезды на погонах — так же стремительно уменьшаться, снова нажал на большую красную кнопку.

Коммандер Рональд Терон. 8133.

— Сэр, на пусковой площадке человек, кажется, это тот самый журналист! — энсин Холли Тим, щеголяя быстро набухающим синяком под глазом, преданно смотрела на Шефа.

"Дурочка", — раздраженно подумал Рональд, одновременно отдавая приказ находящимся в воздухе пилотам держаться поодаль от корабля.

Плевать хотел Шеф на потери в такой момент. Особенно — в такой момент. Когда только что на его глазах неведомое оружие неведомого противника в буквальном смысле этого слова проделало огромную дыру в океанской глади совсем рядом с бортом авианосца.

Которая, разумеется, сразу же схлопнулась, увлекая в себя гигантский корабль и болтая его, как угловую шлюпку.

— Он сам виноват, энсин. Немедленный запуск!

— Есть, сэр!

Экран послушно показал убегающего от раскрывающейся шахты журналиста. Не дурак, выживет... Если уж выжил в том аду, что творился на палубе, когда "Барак", угодивший в водяную яму, ворочался в ней с бока на бок, разбрасывая во все стороны людей и технику.

— Сэр, докладывает зенитная палуба! Четыре из восьми целей уничтожены! Остальные ушли из зоны контроля. Наблюдаются новые неопознанные цели, входящие в радиус поражения. Их траектория отслеживается, перехват может быть выполнен с вероятностью в сто процентов.

Кто-то на мостике попытался было радостно похлопать, но мгновенно прекратил, встретив взгляд капитана.

— Все неопознанные объекты — уничтожать без дальнейших приказов. Доклад по "Дьяволу".

— Сэр, статус ракеты — зеленый. Начальная дальность до целей — двадцать три тысячи миль и двадцать шесть тысяч миль. Подлетное время на данный момент — пятьдесят девять минут и почти семьдесят минут.

— Слишком долго... — пробормотал Рональд, себе под нос, но капитан его услышал.

— Нормально, командер. Первые цели уничтожены, возможно, враг был среди них. Ждем...

— Сэр, радиосвязи по-прежнему нет!

— Сэр, смотрите, опять! — донесся возглас с другого конца мостика. Рональд глянул в сторону экрана и замер. Очертания окружающего мира даже на нарисованной картинке словно подернулись потоками серого тумана, причудливо преломляющего свет и искажающего реальность.

— Господи Иисусе... — донесся чей-то шепот.

— Приготовиться к удару! — заорал командер что есть духу. В следующий миг мягкая колотушка снова с размаху опустилась на океанскую гладь, выбивая гордость американского флота из привычных людям измерений.

Старший научный сотрудник, подполковник Ильин М. Д. Уральские горы.

— Это вам за спутники, сволочи!!! — обычно уравновешенный и спокойный подполковник, с болью в сердце воспринявший потерю сразу четырех приборов наведения, радовался, как ребенок, видя исчезнувшее с карты пятно.

— А вы уверены, что они именно уничтожены? В первый раз вы вообще промахнулись, — поинтересовался въедливый президент. Ильин несколько сник. Уверен он не был.

— Кстати... — вкрадчивым голосом начал министр обороны, — а сколько там миллиардов стоил ваш прототип? Потому что я вот прямо сейчас вижу на экране, как к нему летит ракета. И сделать мы ничего не можем. А, если бы могли, не стали бы в целях конспирации. Так вот, внимание, вопрос — мы в прибыли или в убытке?

Ильин не знал, что ответить. За него это сделал президент.

— Завтра будет видно. Взрыв на орбите развяжет нам руки — прилетим и посмотрим,

что случилось. Убедимся, есть там эта их плавающая хрень, или нет. Проверим весь район. Если есть, вам, товарищ Ильин, придется отправиться еще севернее. Или еще глубже, сами понимаете. А вот, если ее там нет, то, возможно, вам пора заказывать новые погоны. Возможно. Когда мы все посчитаем.

Президент отключился, оставив весь исследовательский отдел в глубоких раздумьях.

Неизвестная науке ящерица. Неизвестное науке море.

Ящерица, греющаяся на солнышке, обернулась на странный гул со стороны моря.

Примитивный мозг не смог полностью оценить все величие материализовавшегося в десятке километров от берега гигантского водяного холма. Но инстинкты оказались надежнее — еще до того, как он рухнул вниз, пресмыкающееся опрометью бросилось вглубь леса.

Огромный объем воды, обрушившись в океан, образовал локальное цунами, стремительно понесшееся во все стороны. К счастью для ящерицы, инстинкт ее не подвел, заставив забраться в надежную каменную расщелину. Поэтому прокатившийся через островок водяной вал оставил ее в живых. Впрочем, редкие здешние обитатели к большим волнам были довольно привычны. Погибали от них только глупые и невезучие, остальные прятались, переживали, а затем снова вели обычную жизнь.

Даже деревья на острове, чем-то напоминающие обычные земные пальмы, получив могучий удар, сумели перераспределить его энергию, отвести ее от узловых точек и рассеять без особого вреда для себя.

Ящерица выглянула из укрытия и, убедившись в том, что волна прошла дальше, снова вылезла на мокрые камни.

Но, не успела она пригреться на новом месте, как над океанской гладью появился еще один массив воды, в этот раз увенчанный гигантским серым силуэтом. Замерев на мгновение, водяной холм повторил судьбу своего предшественника, обрушившись вниз.

Через пару секунд стремительного спуска корабль достиг уровня океана и по инерции провалился еще ниже, практически полностью исчезнув под водой. Наверху остались только надстройки и кучи всевозможных антенн. Авианосец несколько секунд словно обдумывал идею превращения в подводную лодку, а затем все же, медленно и нехотя, начал появляться обратно, истекая потоками воды, безжалостно смывающей с палубы все, что чудом осталось там во время предыдущих событий.

Еще через пару минут новая волна докатилась до линии прибоя, ударила о скалы, пронеслась сквозь заросли деревьев...

В этот раз выглянувшей из своего укрытия ящерице не повезло. Здоровенный валун, который приволокла с берега разбушевавшаяся стихия, оборвал ее существование так же неотвратимо, как кузнечный молот давит случайно попавшую под него мошкарку.

Роберт Ки, кок. 7215.

Роберт открыл глаза и обвел мутным взглядом окружающий мир. Последний настигший корабль удар вышиб из не понимающего ничего кока остатки сознания и теперь он изо всех сил пытался понять, что же случилось.

Вокруг царил хаос. Разбросанные коровьи туши, перевернутые столы, поваленный шкаф, из-под которого выглядывает чья-то рука...

Он постарался встать и взвыл от боли. Черт, черт, черт... Правая нога неестественно

выгибалась в сторону в колене, а штанина форменных брюк быстро пропитывалась кровью. Кок еще раз попробовал двинуться, но вспышка боли чуть не заставила потерять его сознание снова.

— Помогите... — он попытался крикнуть, но получился только слабый хрип. Роберт решил, что пришла его пора умирать и откинулся назад, на удачно лежащую коровью тушу.

Несколько минут прошло в попытках примириться со смертью или хотя бы заставить себя игнорировать боль. Увы, ни то, ни другое никак не получалось, вдобавок, ледяной холод от замороженного мяса заставил разболеться еще и голову.

Холод... это же анестезия. Человек снова попытался пошевелиться и открыл глаза. Посмотрел по сторонам затуманенными глазами. Тушу, лежащую под головой, к ноге он не подтащит, да и саму ногу до нее не передвинет, скорее всего. Нужен какой-то кусок поменьше...

После минутного разглядывания комнаты в неверном свете мигающего аварийного освещения он все же нашел искомое — замороженный окорок, валяющийся неподалеку. Попытался дернуться в его сторону и с каким-то отстраненным изумлением понял, что примерз волосами к чертовой замороженной туше.

— Складские мудаки, — прошептал он и потерял сознание.

Очнулся он от осторожных похлопываний по щекам. Прямо перед ним маячило смутно знакомое лицо черномазого парня. Джим. Точно, Джим.

— Дшим... я жив... — слова давались невероятно тяжело.

— Знаю, друг, знаю, не волнуйся! — разукрашенное царапинами и ссадинами лицо теперь всю улыбалось. — Я вколол тебе морфия и перетянул ногу. Что дальше — не знаю, нужен врач. Но ты не умрешь, друг, понял? Не умрешь!

— А я... хочу... — и Роберт снова отключился.

Следующее пробуждение было таким же туманным.

— Несите его аккуратнее, сложный перелом.

— Сделаем, док, не беспокойтесь. Туда лучше не заходите, сэр...

Роберт услышал, как кто-то беззастенчиво блюет прямо на пол. Похоже, доктор, подумал он с отстраненным интересом.

— Сэр, я же говорил...

Рядом кто-то тихо прошептал:

— Черт, да я сам блеванул, когда туда глянул. Там воду кипятили в четырех или пяти котлах. Когда корабль болтануло, там... в общем, туда лучше не заходить...

Вернулась боль, пробравшись сквозь наркотическую пелену. Роберт тихо застонал.

— Держись, парень, — кто-то невидимый аккуратно похлопал его по плечу. — Сейчас, уже скоро сдадим тебя в госпиталь, там о тебе позаботятся.

Розмари Викерс, заключенная. 7215.

Маленькая женщина упрямо барабанила в дверь одиночной камеры на гауптвахте. Барабанила уже больше часа, только иногда отвлекаясь на то, чтобы взглянуть на себя в маленькое зеркало, висящее на стене. Зрелище ей не нравилось.

Когда неведомая сила выбросила ее из койки, мисс Викерс мирно спала и видела радостные сны, очень сильно контрастирующие с ее текущей жизненной ситуацией. Пробуждение было жестоким. Розмари, упав на пол, стукнулась головой о ножку стола и

теперь ее лоб украшала огромная сочащаяся кровью ссадина. Точнее, сейчас-то ее голову украшала довольно неряшливая повязка, но ссадина была там, под ней, она болела, в ней наверняка уже сидели различные бактерии и ее нужно было срочно продезинфицировать и, возможно, зашить.

— Выпустите меня, гады! — завопила она, в очередной раз услышав где-то неподалеку шум шагов. — Выпустите!

И со всей дури стукнула железную дверь ногой, больно ушибив палец. Шаги затихли вдаль, а женщина присела на край кровати и тихо заплакала от бессилия. На корабле творилось что-то непонятное, возможно даже его захватили террористы...

Розмари немного подумала и решила, что террористам такое не по зубам. Судя по тому, как ее выбросило из кровати, корабль очень сильно качнуло. Что могло вызвать это?

Она в ужасе прижала ладонки ко рту. Атомный взрыв! Прямо рядом с кораблем! И потом еще — она помнила, как, через несколько минут после толчка, авианосец будто бы провалился в какую-то яму, а потом резко остановился. Она тогда лежала на кровати и от этого никак не пострадала, но, похоже, с кораблем случилось что-то еще...

Боже... Ядерная война и первые взрывы как раз рядом с ней! И радиация прямо сейчас проникает в ее организм...

"Я облысею и умру!" — внезапно с отчетливой ясностью поняла Розмари. И, невзирая на ноющий палец, снова бросилась стучаться в дверь. Прозрение наступило только через несколько минут. Если вокруг — радиация, то, возможно, самое безопасное место — именно здесь, в герметично закрытой камере!

Когда еще через час ее дверь открыл уставший и помятый десантник, чтобы сообщить, что все обвинения временно аннулируются, а также проводить бывшую заключенную в госпитальный отсек, Розмари отбивалась всеми силами, пытаясь остаться в камере за плотно закрытой дверью.

— Ну и сиди здесь, тупая дура, — в сердцах бросил морпех в итоге, прижимая ладонь к поцарапанной щеке.

Мисс Викерс подождала, пока он отойдет от камеры, потом осторожно подбежала к выходу и закрыла дверь, а затем снова притаилась в уголке кровати, накрывшись одеялом.

Рэй Гивен, младший лейтенант, пилот. 7211.

Рэй вышел из госпитального отсека, где только что лично закрыл глаза своему штурману и, по совместительству, лучшему другу.

Травм во время только что произошедшей непонятной стычки он не получил, но стены предательски двоились и расплывались перед глазами.

— Вам помочь, сэр? — рядом, видя его неважное состояние, остановился десантник. — Госпиталь рядом, вас проводить?

— Нет, спасибо, — Рэй постарался улыбнуться сквозь слезы. Получилось наверняка очень жалко и неубедительно, но ему было плевать. — Я только оттуда, солдат. Друг погиб.

— Понял, сэр! Извините, сэр! — Десантник выпрямился, отдал честь и быстро удалился в сторону медицинского отсека.

Лейтенант добрался до трапа, ведущего на палубу. Перемещаться на лифтах пока что было чревато — электроэнергия подавалась не по всему кораблю, вдобавок, с перебоями.

На палубе было тепло и мокро. Солнце, не стесняясь, давило световым потоком по кораблю и людям, потихоньку испаряя воду и превращая палубу в подобие влажных

джунглей. Да и воздух пах как-то странно и незнакомо — Рэй даже не понимал, приятный это запах или нет. Впрочем, ему сейчас было не до запахов.

Пилот хмуро окинул взглядом летную палубу. Черт знает, что здесь случилось — он во время всех произошедших событий находился во внутренних помещениях и не знал ровным счетом ничего, — но потери авиакрыла были просто дикими. Все размещенные на палубе самолеты и вертолеты отсутствовали, как класс. То есть, если даже предположить, что находящиеся во внутренних помещениях птички уцелели полностью, крыло все равно потеряло практически половину техники. И неизвестно, сколько людей.

Неподалеку от него внезапно ожила рельсовая зенитная установка. С немислимой скоростью провернувшись во всех возможных плоскостях, она внезапно замерла, нацелившись в сторону берега, а затем с оглушительным треском и сумасшедшей скоростью отстреляла длинную очередь. Рэй, поболтав головой, чтобы избавиться от звона в ушах, заинтересованно глянул в сторону едва виднеющегося вдалеке берега острова, но там не было видно никаких врагов — только несколько деревьев, срезанные шквалом разогнанных до космических скоростей снарядов, медленно валились на берег.

Просто полная проверка вооружения. Он одобрительно хмыкнул, глядя, как зенитка подняла вверх стволы и замерла — красивая и обманчиво безобидная. Что ж, по крайней мере, от примитивных видов воздушной агрессии корабль защищен...

Вдали с палубы в небо взмыли два разведчика-беспилотника. За спиной зашуршала, проверяясь перед работой, антенна русской зенитной установки. Рэй слышал краем уха, что основной бой пришелся как раз на долю ракетчиков — они по кому-то отстрелялись, кого-то, говорят, даже сбили. Правда, никто так и не разъяснил — кого и за что.

Стало немного жарче и он недовольно завертел головой, пытаясь понять причину такого повышения температуры. И замер, глядя на морской горизонт, из-за которого медленно поднимался исполинский сияющий диск второго светила.

— Я, наверное, сплю...

Механик Джон Картер. 7211.

Джон был в ужасе. В ужасе он был уже примерно полчаса, прошедших с того момента, когда оказалось, что после взрывов где-то неподалеку и непонятной болтанки, стоившей лично ему здорового синяка на ребрах, температура во втором реакторе начала неуклонно подниматься. Механик не знал, что именно послужило причиной, из-за которой готовый к любым неожиданностям и защищенный сверх всякой меры реактор внезапно начал барахлить, но это сейчас волновало его меньше всего на свете. Он просто смотрел на пульт управления в полнейшем ступоре, чувствуя, что его ночные кошмары начинают воплощаться в жизнь.

Благо хоть, поднималась температура не столь стремительно, как ему виделось иногда во снах. Да, показания датчиков перешли уже все критические отметки, но до того, как вся эта огромная адская машина расплавится и растечется вокруг потоками радиоактивного металла, оставалось еще несколько часов.

Джон, наконец, встрепенулся и принялся думать, попутно проклиная расписание, благодаря которому он оказался на дежурстве во время всей этой болтанки.

Можно ведь и не останавливать реактор, а просто починить вышедшую из строя систему замедлителей... Картер аккуратно подошел к пульта управления и нажал несколько кнопок, пытаясь запустить самодиагностику. Пульт выпустил струйку дыма и попытался ударить

механика искрой.

— Ах ты ж, скотина... — Джон обошел пульт кругом и обнаружил причину его плохого самочувствия. Здоровенный красный топор, обычно висящий на противоположной стене на пожарном щитке, неведь каким образом оказался валяющимся за пультом. И этот топор по ходу дела умудрился проткнуть защиту идущих к контролирующей системе проводов.

Джон долго, затейливо и с чувством выругался. Разбираться в хитросплетениях толстой связки кабелей, выясняя, какой из них задел чертов топор — то еще удовольствие.

— Чего ты ругаешься, Расист? — послышался за его спиной хриплый голос Диллинджера. Механик от неожиданности подпрыгнул.

— Докладывай, — морщась и кривясь, прокряхтел начальник, изучающе рассматривающий пульт.

— Реактор разогревается — передача тепла почему-то не происходит. Вдобавок, не получается пустить в ход замедлители. Починить все это в обозримые сроки не представляется возможным. Пульт управления поврежден. Его отремонтировать — не проблема, но тоже потребуется время. Температура растет, хотя есть еще несколько часов до критической отметки.

— Так какого же ты хрена ничего не делаешь? — негр пытался говорить величественно и злобно, но получалось хрипло и жалко. Похоже, во время болтанки ему тоже изрядно досталось. Джон почувствовал отвращение. — Нужно вставить стержни и погасить реактор. Действуй!

Увы, но замедляющие реакцию стержни куда-то там опускаться по-прежнему совсем не хотели, не реагируя ни на обычные команды, ни на экстренный рычаг сброса. Температура продолжала медленно подниматься.

— Надевай скафандр, полезешь внутрь! — Джон похолодел, несмотря на жар, идущий от реактора. Его ночные кошмары продолжали сбываться.

— Ни за что... сэр.

— Это прямой приказ, расистский ублюдок... кха... — Негр закашлялся и концовка получилась не очень убедительной. — Лезь внутрь, иначе пойдешь под трибунал!

Возможно, Джон бы и выполнил приказ, не будь у него давней, выработанной бесконечными вахтами перед пультом, фобии перед радиацией. Но он просто физически не мог заставить себя пойти туда, где потоки радиоактивных частиц кружились в своем атомном танце. Только не он.

— Нет!

— Ах ты, сраный маленький... — Диллинджер попробовал было заехать ему по лицу, но промахнулся. Точнее, Джон аккуратно отступил назад, пропустив богатырский замах негра. А дальше все получилось почти так же, как на тренировках по рукопашному бою в молодости. Громадная туша негра неожиданно легко отлетела назад от прямого удара ногой в грудь. Леброн ударился головой о стену и медленно сполз на пол.

— Ну, что же ты, вставай, мерзкий черномазый ушлепок! — Джон переступил черту и теперь ему было море по колено. — Вставай, тварь!

Негр не вставал. Его жирная туша раздавленным слизняком сидела, привалившись к стене, глаза стеклянно замерли, уставившись куда-то на ботинки Джона, а внизу под ним начало медленно расплываться красное пятно.

— Чего расселся, вставай, гадина!

— Ты на кого кричишь, Расист? — послышался из коридора голос и в диспетчерскую

бодрым шагом зашел Чарли.

Представшая его глазам картина была достойна кисти великого художника. Помятый, взмокший, оскаливший все свои тридцать два зуба Джон стоял в боевой стойке напротив лежащего без движения начальника, под которым потихоньку собиралась кровавая лужа.

Картер, услышав окрик, застыл и медленно повернулся. Пелена потихоньку начинала спадать с его глаз и он все отчетливее видел округлившиеся от изумления глаза напарника.

— Джон, ты что его, того?

Картер выпрямился, разжал кулаки и посмотрел на свои трясущиеся руки. Перевел взгляд на валяющегося негра. И сел прямо там, где стоял.

— Э, э, старина, не раскисай, сейчас не время! — Чарли, похоже, справившись с удивлением, быстро взял инициативу в свои руки. — Очнись, Расист, мать твою!

Джон помотал головой. Потихоньку до него стало доходить, что он натворил.

— Ох...

— Потом вздыхать будешь! Джон! Я никому ничего не скажу. Этот мудака достал меня еще больше, чем тебя, понял? Мы тут в одной лодке. Понял, говорю?

— Да... понял.

— Ты зашел. Здесь уже лежал его труп. Наверняка он пострадал при первом толчке, а потом, во время второго, его швырнуло об стенку — и все. Понял?

Надежда робкой пташкой шевельнулась в груди у Картера.

— Ты сейчас пойдешь и доложишь на мостик ситуацию с реактором. Расскажешь, про Диллинджера. На корабле такой бардак, что никто ничего не заподозрит, отправят его в морг и все, поверь мне. Понял?

Набрать на интеркоме код мостика оказалось самым тяжелым. Дальше все получилось уже как-то само собой. В естественную смерть негра командер Терон поверил сразу и безоговорочно. Скорее всего, на фоне новости о неполадках с реактором жизнь и смерть одного человека не имела вообще никакого значения. Главное, чтобы оставались люди, способные этого человека заменить.

Джон отключился и медленно повернулся к Чарли.

— Получилось. Назначил меня временно исполняющим обязанности Леброна. По ситуации с реактором, сказал, примет решение и передаст приказ...

Командер Рональд Терон. 7210.

Хотелось завять и вниз головой прыгнуть в море прямо с мостика. Или банально застрелиться. Или, как самый простой вариант — напиться вдрызг.

Увы, но после того, как авианосец провалился черт знает куда, на мостике прибавилось двое пострадавших. Разумеется, по воле злого рока помощник штурмана Джиллиан Ван Вейк всего лишь поцарапала ноготь и ушибла пару ребер, зато Шеф получил по полной. Не удержавшийся на ногах капитан сломал лодыжку, получил легкое сотрясение мозга и в данный момент в абсолютно недееспособном состоянии находился в госпитальном отсеке.

А громадный поток разнообразной информации пришлось обрабатывать командеру. Нет, он, конечно, был готов к этому, но все равно предпочел бы просто помогать Шефу...

— Командер, на связи десантники. В шестом ангаре череда взрывов, много убитых, есть раненые...

— Холли, передай, внутренние проблемы десантного крыла — на ответственности капитана Лэксби. Карт-бланш по всему десанту — у него, ясно? По раненым — всех сразу

переправляйте к Доку... Кстати...

Рональд набрал код на командном коммуникаторе.

— Док, это командер Терон. Да. Да! Док, вы назначаетесь главным и ответственным по всем вопросам с ранеными, это ясно? Мостик не дергать... Ставить уколы у вас помощники есть! Нет! Да, медики из десанта вам помогут. Нет! Всех с медицинскими вопросами будут переправлять к вам. Выполнять!

Чертовы полугражданские специалисты. Командер вытер испарину.

— Сэр, на связи капитан Роджерс!

Командир авиакрыла эмоционально доложил о безвозвратной потере почти половины авиапарка и о повреждениях почти всех оставшихся летательных средств.

— Капитан, я все понимаю, но сейчас мы не ведем наступательных действий. С самолетами разберемся позднее. Вы должны навести порядок в личном составе, отправить раненых к Доку и обеспечить мне запуск двоих разведывательных дронов. Все!

— Есть, сэр! — ну, хоть свои, военные, отлично понимают, сколько сейчас у него проблем и просто выполняют приказы мостика.

— Сэр, зенитная палуба в полном составе просит разрешения на полномасштабную проверку!

— Разрешить.

— Сэр, РЛС будет запущена через четыре минуты!

— Отлично.

— Сэр, диагностика корпуса и обшивки показывает отсутствие критических повреждений!

Жизнь потихоньку налаживалась. Все же не зря авианосец обладал диким запасом живучести — даже после только что пережитого все повреждения оказались, по большому счету, косметическими.

— Сэр, все системы визуального и электронного обнаружения включены в штатном режиме! Разрешите включить обзорный экран?

— Разрешаю.

Наконец-то можно будет увидеть, что творится вокруг. Сидеть в закрытом помещении, ориентируясь только на приборы, не очень приятно. Рональд надел очки... и тут же с проклятьем сдернул их с головы, вытирая слезящиеся глаза. За его спиной послышался дружный вздох изумления.

Подождав, пока цветные пятна станут чуть пореже, а умный экран отрегулирует дикую яркость изображения, он снова посмотрел на стену. Оно никуда не делось. Громадное красное солнце вставало из-за горизонта, поднимаясь все выше. Второе, не такое большое, но бывшее все же немного крупнее привычного земного Солнца, мирно сияло в зените.

За спиной кто-то, абсолютно не стесняясь начальства, витиевато выругался. Чей-то женский голос тихо зашептал молитву. Почти незамеченными на этом фоне прошли взлеты беспилотников и проверочные стрельбы зенитчиков. От созерцания могучего светила собравшихся на мостике людей отвлек только настойчивый вызов из реакторного отсека.

Вызывал какой-то механик, долго мямлил что-то о найденном трупe своего начальника, но потом, наконец, перешел к главному.

— Ждите. Я через пять минут скажу, что вам делать.

Командер прошелся вокруг штурманского пульта и посмотрел в потолок. Мостик почтительно примолк.

— Холли!

— Да, сэр! — такая подобострастная и готовая на все, что аж противно... Пару раз он даже задавал себе вопрос — а что, если приказать энсину Тим отдаться ему прямо здесь, на мостике. Разумеется, только и исключительно в целях повышения боевого духа командира... Тьфу, командер, не о том думаешь...

— Холли, соедини меня с операторами первого реактора.

— Да, сэр!

Через несколько минут Терон вздохнул заметно спокойнее. Первый реактор работал идеально.

— Док, это командер. Мне нужен капитан на пару слов... И надолго он в отключке? Все, Док, понял, больше не мешаю.

Снова круг по мостику. Косой взгляд в сторону почти полностью вылезшего из-за горизонта светила.

Наконец, Рональд решился. Реактор не починить. По крайней мере, быстро. Через какие-то пару часов, если промедлить, огромный отсек корабля станет непригоден вообще ни для чего. Жаль, конечно, что не удалось получить одобрение Шефа, но выбора не остается.

Снова пара кнопок на коммуникаторе и усталый голос главного механика:

— Да, сэр.

— Брэдли, нам нужно срочно осуществить сброс второго реактора. Нужно, чтобы вы лично занялись этим.

— Сэр... — в голосе механика послышалась озабоченность, — вы не будете возражать, если я взгляну на ситуацию сам? А потом уже сбросим, если что.

— Проверяйте, Брэдли. Только, если увидите, что ситуация действительно критическая, считайте, что приказ на сброс у вас уже есть. Не теряйте времени.

— Да, сэр!

Одной проблемой меньше. И одним реактором тоже... Хорошо еще, на авианосце, как дань традиции, стоят без дела дизельные двигатели. В случае чего запасов топлива хватит, чтобы разок уплыть к черту на рога. Вернуться уже, правда, не получится.

— Сэр, на связи палуба! На корпусе корабля критическая температура, работать становится невозможным!

Проклятое солнце. Оба солнца. Мозг командера, занятый обработкой постоянно поступающих вызовов и докладов со всех концов корабля, тактично отложил в сторону все вопросы, связанные с непонятным небесным явлением. Сейчас самым главным было привести авианосец в состояние полной боевой готовности, решить вопросы, связанные с потерями... А потом можно будет и начать разбираться в том, что творится вокруг корабля. Похоже, большинство офицеров разделяли его точку зрения — даже среди женского состава мостика теперь царило сосредоточенное молчание, прерываемое только в служебных целях. Экипаж работал.

— Всех вниз. Энергию на кондиционеры. Приоритет топливным складам и арсеналам. Нам только взрывов еще не хватало...

— Сэр, возможно, использовать систему пожаротушения?

Командер подумал пару мгновений.

— Хорошая идея. Начинайте.

К сожалению, как оказалось, пожарно-очистная система после случившегося работать

отказывалась наотрез. Механики клялись и божились, что все исправят в самое ближайшее время, но...

— Значит, упор на кондиционеры, — пожал плечами Рональд.

Несколько минут прошло в относительном спокойствии — все на корабле, получив сектора работ, занимались делом и не тревожили мостик своими проблемами. Затем старший штурман Дон Бойлз, оторвавшись от экрана, перед которым он все это время сидел, буквально уткнувшись в него носом, нерешительно произнес:

— Коммандер... Я свел все данные с беспилотников. Это место никогда не было Землей. Ноль совпадений по местности. Провожу полное астрономическое исследование, но оно только подтвердит это, я уверен...

Штурман смутился и примолк, не закончив фразу — действительно, смысл доказывать что-то людям, которые смотрят на два светила, гоняющиеся друг за другом в небе.

— Сэр, на связи капитан Роджерс. Мы потеряли оба беспилотника.

— Как это произошло? Внешняя угроза?

— Нет, сэр, температура. В тени сейчас уже больше трехсот по Фаренгейту, температура обшивки выше раза в два. Они просто не выдержали аномальной температуры. Выпускать новых или данных достаточно?

— Отставить новых. Примите возможные меры по защите людей и техники от перегрева. Отбой.

— Сэр, такими темпами вокруг нас скоро закипит море. Температура воды быстро повышается.

— Однако...

Кто-то вывел посреди мостика объемное изображение авианосца и окрестностей. Сюрреализм какой-то...

— Может, я сплю? — раздался сзади командера чей-то неуверенный голос. — Ущипните меня, кто-нибудь... Ай!

— Никто из нас не спит, господа, — собственный голос показался ему чужим и неприятным... Мы бог знает где, бог знает, по чьей прихоти и лишь бог знает, что нас здесь ждет. Но мы прорвемся, выживем и, если на то будет воля божья, вернемся назад!

— Аминь! — произнесло сразу несколько голосов.

Элизабет Кокс, доктор медицины. 7209.

Очередной пациент, пожилой испанец со страшными ожогами всего тела, умер у нее на руках. Вроде как, он работал на кухне. Элизабет, как сомнамбула, механически поднялась от койки умершего, взглядом нашла фигуру одного из приданных ей в помощь десантников и призывно махнула рукой. Когда тот подошел к телу, она уже была у койки другого пострадавшего.

Здесь, слава богу, все было хорошо. Относительно хорошо. Кто-то постарался, обмотав рассеченную руку парня толстым слоем бинтов, но пациент постоянно надсадно кашлял, что было явным отклонением от нормы при рваных ранах конечностей.

— Здравствуйте, — она глянула в заполненную на треть карту больного, — Тони. Как ваше самочувствие?

— Плохо, док, — прохрипел парень в перерыве между кашлем. — Не смотрите на руку. Рука заживет.

Он снова закашлялся. Элизабет терпеливо ждала. Сейчас, через пару часов после Инцидента, как успели окрестить случившееся моряки, уже можно было позволить себе быть чуть менее быстрой. Тяжелым раненым помощь уже оказана, самые тяжелые уже умерли, самым легким успели помочь десантники или просто товарищи, оказавшиеся рядом.

— Я был на палубе, когда ушла межконтиненталка... — он снова закашлялся. — Я снимал старт, я журналист. После старта я не сумел, не успел спрятаться. И надыхался дыма от нее...

— Ракетное топливо очень ядовитое, — добавил он через несколько секунд с какой-то детской обидой.

С чем доктору Кокс точно не приходилось встречаться за свою недолгую карьеру врача, так это с отравлениями топливом межконтинентальных ракет.

— Подождите, Тони, я вас поняла, но мне необходимо уточнить лечение...

— Не уходите, док... — парень попытался поймать ее руку слабыми пальцами.

— Тони, лежите, я скоро!

Компьютерный консультант быстро откликнулся на вопрос, но предложенные им методы лечения были трудновыполнимы на борту авианосца. Препараты, выводящие подобные яды из организма, тоже практически отсутствовали. В конце концов, Элизабет отыскала на складе бутылек, содержимое которого должно было хоть немного почистить парню кровь. В остальном же приходилось импровизировать.

Больной поприветствовал ее слабой улыбкой на фиолетовых губах.

— Я думал, вы меня бросили, док...

— Не говорите ерунды. Я принесла вам лекарство. Оно поможет, но не до конца, — говоря, она одновременно успела подвесить к стойке капельницу и теперь искала подходящую вену на руке у Тони. — К сожалению, лучше у нас ничего нет. Терпите!

— Терплю, док.

— Второе — вам нужно почистить легкие. Знаю, это устаревшие методы, но опять-таки, лучше ничего нет. Вот трубка, вот кофейник. Он подогреет воду градусов до пятидесяти, потихоньку пойдет пар. Дышите им. Отхаркивайте то, что получится, вот сюда. Не опрокиньте капельницу!

— Спасибо, док...

— Что понадобится — позовете медсестру или десантника, будут спрашивать — расскажете, что я вам назначила.

Отойдя от койки журналиста, Элизабет глянула на часы. Все, у нее есть законный маленький перерыв. Когда можно просто десять минут посидеть в своей камере, выпить чашку кофе... Она невесело усмехнулась. Кофе выпить теперь не получится, да...

Мэри Лайк, журналистка CNN. 7204.

Мэри проснулась в отвратительном настроении. Приступ морской болезни, намертво уложивший ее в койку, прошел, но общая слабость и ноющая голова — не лучшие предвестники начинающегося дня. Она отстегнула ремни, которыми предусмотрительно пристегнулась к кровати, свесила на пол ноги и критически осмотрела каюту.

— Это ж как меня вчера вштырило, что я такой бардак навела... — с легкой задумчивостью произнесла мисс Лайк.

В помещении было невыносимо жарко и Мэри сбросила пропотевший за ночь халатик,

оставшись в чем мать родила.

"Надеюсь, я заперла дверь, а то будет полный отстой, если кто-то из группы вдруг заглянет," — мысли своего оператора, явно придумывающего способ затащить ее в постель, давно были для нее раскрытой книгой. Да, Тони, конечно, красавчик, но ее Майкл ничуть не хуже. И вообще, к черту Тони.

Безуспешно попытавшись добиться от кондиционера потоков холодного воздуха, девушка последовательно и изобретательно предала анафеме авианосец, механиков авианосца, капитана авианосца, своего непосредственного шефа и, на всякий случай, своего оператора. Потом пошла в душ и просидела в нем минут двадцать, наслаждаясь прохладными струями воды, уносящими прочь слабость и головную боль.

Жизнь уже не казалась откровенно паскудной, хотя кондиционер все так же не работал.

Одевшись и приведя прическу с макияжем в порядок, она задумалась над тем, куда отправиться в первую очередь. Есть после вчерашних мучений еще не хотелось, работать не хотелось вовсе. Общаться с экипажем — тоже. Пусть этим занимается Тони.

Мэри решительно тряхнула белокурыми локонами и отправилась искать ближайший выход на палубу. Да здравствует свежий морской воздух.

Пройдя несколько коридоров, петляющих между каютами, ей удалось встретить какого-то матроса. Матрос щеголял шишкой на лбу, выглядел довольно неопрятно и, вдобавок, таранился на чистенькую, словно сошедшую со страницы журнала, журналистку, как на привидение. Непонятно только, доброе или злое.

— Привет, дорогой! — она постаралась выдавить из себя самую искреннюю улыбку. — Не подскажешь, как выйти на палубу?

— Э... мисс... э, да, конечно! Только там, говорят, сейчас жарко!

— Пустяки. Так как туда выйти?

— Пройдете вот по этому коридору до упора, там будут лифты. Вам на нулевой этаж, — матрос продолжал пожирать ее глазами и Мэри это бесило. Нет, она любила внимание противоположного пола, но не от нерях же с шишками на лбу!

— Спасибо, дорогой! — она подарила ему еще одну улыбку и отправилась по указанному маршруту, назло вождедеющему матросу, наверняка провожающему ее взглядом, как можно сексуальнее покачивая бедрами.

— Мисс, там очень жарко! — донесся до нее крик, но она не обратила на него внимания, целеустремленно шагая к лифту. Здесь дежурили двое десантников, но пропуск, выданный в пресс-центре, оказал магическое действие — здоровенные парни даже не спросили ее о цели маршрута.

Перед выходом на палубу она, наконец-то встретила работающий кондиционер. Да еще какой! Полноценная температурная завеса, выставленная, похоже, на абсолютный ноль, гнала нескончаемый поток холода на дверь. Температура во всем помещении явно была на пару десятков градусов ниже, чем в жилом отсеке.

— Лучше б в каютах кондишки включили, солдафоны, — проворчала она, подходя к двери. — Черт!

Поток воздуха из-под кондиционера, легко преодолев сопротивление полупрозрачного платяца, окутал ее лютым морозом. Мэри, завизжав от неожиданности, крутанула странно горячую ручку двери и, спасаясь от холода, выскочила на свежий воздух.

Волна жары, мгновенно окутавшей ее тело, принесла приятное облегчение...

В следующий миг световой поток от двух висящих в ласковом небе звезд заставил ее изо

всех сил зажмуриться. Внезапно отчетливо потянуло паленым волосом, а еще через мгновение подошвы ее легких кроссовок растеклись по раскаленной до температуры плавления свинца палубе, окутав нежные ножки не менее нежными объятиями кипящего пластика.

Мэри, отчаянно заорав от внезапной сжигающей боли, попыталась отпрыгнуть назад, к двери, но зажмуренные глаза и прилипшие к оставшимся от кроссовок лужицам ноги не позволили ей это сделать. Девушка неловко упала на бок, прожигая платье о палубу и сжигая ладони в безуспешных попытках подняться.

Любовно расчесанные каких-то полчаса назад локоны вспыхнули, прикоснувшись к раскаленной стали..

Долгих пять секунд продолжалась отчаянная борьба за выживание, в результате которой обратно внутрь корабля с трудом протиснулось кричащее, наполовину ослепшее, полуголое, почти лысое, покрытое ожогами существо с обуглившейся кожей на ладонях и облепленными потеками черной пластмассы ногами.

Существо проползло под потоком ледяного ветра, свернулось в клубок и, прекратив кричать, отчаянно, на одной ноте, завывало от продолжающейся нестерпимой боли. Затем оно затихло, потеряв, наконец, сознание.

Воздух в помещении с полуоткрытой дверью начал быстро нагреваться.

Тедди Монтгомери, оператор С-801. 7204.

— Проклятая жара! — Тедди вытер рукавом катящиеся по лицу капли пота. — Сэр, вы уверены, что установке ничего не будет при такой температуре?

Русский консультант, который до сих пор торчал в его пункте управления, хмыкнул, почесал волосатое пузо и задумался. Тедди покосился на него с завистью — едва температура начала подниматься, господин Аксенов, плюнув на правила флота США, снял с себя всю одежду, оставшись в одних трусах с непонятной надписью "КГБ". Оператор боялся, что русский может в недалеком будущем снять и трусы, но пока этого еще не произошло, слава всем богам.

— Сложно сказать, — консультант еще раз почесал пузо. — Мы сейчас ниже уровня палубы, нас тут даже, типа, кондиционеры обдувают... С диспетчерской точно ничего не случится. Ракетам тоже пофиг. Они стабильны и при больших температурах. Вот с РЛС могут быть проблемы. Сейчас по ней так лупит... С другой стороны, она рассчитана выдерживать излучение ядерного взрыва в среднем радиусе от корабля. Сдюжит, я думаю.

Он снова с наслаждением почесал пузо. Насквозь пропотевший Тедди почувствовал, что у него тоже чешется живот.

— Сэр, а что это вообще было, как вы думаете? — нерешительно спросил он.

— Откуда же я знаю, — скривился консультант. — Кто-то на нас напал. Судя по приборам, применили какое-то неизвестное оружие. Похоже, провели эксперимент в условиях, приближенных к боевым. А вот кто это сделал — я без понятия. Может, китайцы, может, наши, русские. А может, ваши, американцы, чтобы обвинить китайцев. Хрен его знает.

— Мы никогда бы так не сделали!

— Угу, ты мне еще расскажи, что в начале века ваши небоскребы действительно умудрились развалить какие-то немытые неграмотные террористы...

Десантник Фил Скотт. 7204.

Филу было жарко. Даже не так — ему было чертовски жарко и душно. После того, как в одном из десантных ангаров "абрамс", сорванный с креплений разбушевавшейся стихией, влетел в стеллаж с оперативным боезапасом, запустилась цепочка событий, в результате которых десантник и мучился сейчас от жары.

Неизвестно, сколько снарядов взорвалось от непосредственного удара. Камера слежения успела зафиксировать только факт взрыва перед тем, как отключилась. Вполне возможно, что снаряд был всего один. Но этого с избытком хватило для того, чтобы сдетонировало все остальное. Задняя стенка ангара, за которой располагался один из самых защищенных отсеков корабля — пусковые шахты баллистических ракет, — практически не пострадала. Зато все то, что находилось в самом ангаре, не только получило сполна от ударной волны и осколков, но и было выброшено наружу после того, как были выбиты десантные створки. Увы, к удару изнутри, в отличие от внешней угрозы, они оказались не готовы. Разумеется, соседние ангары, защищенные заметно хуже ядерных ракет, тоже получили свое. От полного уничтожения всего десантного крыла корабль спасло только то, что в обоих смежных ангарах прямо за перегородками находились танки, а не боеприпасы.

Итог — дыра в корпусе, сквозь которую практически сразу же хлынули океанские волны, благо, быстро убравшиеся обратно, напоминающие решето стенки соседних ангаров, четыре не подлежащих восстановлению танка и парочка уничтоженных "хамви".

И, разумеется, люди.

Ангар, послуживший эпицентром проблем, бросили на произвол судьбы. В ближайших, после того, как температура окружающей среды начала стремительно повышаться, принялись спешно заваривать дыры в стенах. Сейчас эта работа близилась к концу, но пар и жара, проникающие внутрь сквозь малейшие щели, делали существование в них отвратительным. С одной стороны в помещения нагнетались могучие волны холодного воздуха, с другой — проникала жара от обшивки и влага сквозь не до конца заделанные пробоины. В результате в одной части того ангара, где дежурил Фил, было знойное тропическое лето, а в противоположной — суровая русская зима. С изморозью, инеем и прочим снегом.

Десантник старался держаться посередине, особенно не заходя в холодную зону. Простудиться сейчас было подобно насмешке богов. Вдобавок, в госпиталь бы его в сложившейся обстановке никто не пустил, оставив страдать в одиночестве.

И вообще, Фил хотел попасть в госпиталь совсем в другом качестве, например, часового. Поговаривали, что там свежий воздух и легкая приятная прохлада...

Скотт вытер лицо рукавом и тоскливо оглянулся по сторонам. Два покореженных танка и одна целая машина, штабель ящиков с сидящей на них кошкой, брошенное ремонтниками сварочное оборудование, долбаный пар, аккуратно просачивающийся с одной стороны ангара и оседающий ледяными кристалликами на другой... и еще три часа дежурства в этой душегубке.

Филу внезапно почудилась какая-то несуразность в своих размышлениях. Он снова огляделся. Танки, машина, стеллажи, баллоны сварщиков, иней на стене ангара... Что-то не давало ему покоя. Точно. Он бы мог поклясться, что видел сидящую на ящике кошку.

Морпех снова внимательно осмотрел ящики. Кошки не было. Да и откуда ей было взяться на военном корабле? Здесь, если уж и заводится домашняя живность, то про нее все

мгновенно узнают. Скотт был абсолютно уверен, что кошек на "Барাকে Обаме" нет. Разве что кто-то притащил перед самым отплытием?

— Кс-кс-кс!

В ответ — тишина и молчание.

— Похоже, перегрелся ты, друг, — сам себе сказал Фил.

Смех-смехом, а надо будет намекнуть старшине, чтобы он сделал запрос на проверку состава чертовой атмосферы. Еще не хватало, чтобы здесь народ то и дело ловил глюки. Недаром же воздух как-то странно пахнет... Некоторое время он размышлял над тем, связаться ли с Васкесом прямо сейчас или же подождать окончания дежурства. Победил второй вариант и Фил остался на месте, рассматривая ангар.

Прошло полчаса. Глюки были забыты и теперь сама идея о разговоре со старшиной казалась смешной. Скотт лениво обводил взглядом свои владения, остро жалея о том, что не догадался взять с собой хотя бы наладонник для развлечения, когда внезапно увидел глаза.

Глаза смотрели на него из тьмы, сгустившейся под корпусом стоящей неподалеку машины. Глаза были зеленые и внимательные. Фил замер, аккуратно нащупывая предохранитель на штурмовой винтовке. Почему-то ему уже не казалось, что в ангаре завелся маленький домашний питомец.

Глаза мигнули, но продолжили смотреть на морпеха, не отрываясь. Сколько они уже наблюдают за ним? Предохранитель на винтовке с легким щелчком перешел в боевое положение. Это придало Филу немного уверенности.

— Кс-кс-кс! Котик, это ты?

Некоторое время глаза продолжали изучать задавшего вопрос человека, затем из-под машины послышалось:

— Хс-с-с. Хоси со сы.

Затем глаза снова мигнули и их обладатель счел необходимым появиться на свет. Тьма под машиной пришла в движение и вытекла поближе к человеку.

— Да, ты не очень похож на котика, — нервно проговорил Фил, аккуратно отступая подальше и поднимая винтовку к плечу.

"Котик", напоминающий бесформенный клубок то ли мягкой шерсти, то ли черного тумана, остановил движение и вперил свои зеленые глазищи в человека.

— Хосих.

— Да-да, котик, пушистый такой, черненький, — поспешно проговорил Фил, отступая еще дальше. — Ты не него не очень похож.

Существо подобралось и человек легонько прижал спусковой крючок, готовясь стрелять. Но ничего страшного не произошло. Потечи тумана, слегка поколыхавшись, стянулись в более плотную массу, потихоньку приобретая форму небольшого гротескного кота. С очень внимательными зелеными глазами.

— Хосих.

Фил почувствовал, что по его лицу ползут капли холодного пота, но побоялся вытереть лицо. "Котик" сделал аккуратный шаг вперед. Фил отступил и уперся спиной в стену.

— Да-да, котик, хороший черный котик! — проговорил он.

— Хосих. Хс-с-с.

Существо склонило голову и провело лапкой по палубе. Послышался легкий скрежет и Фил увидел появившиеся на полу блестящие бороздки. "Котик" с сомнением поднял лапку и перевел на нее взгляд. Затем снова взглянул на морпеха.

— Да-да, у котиков есть коготки, они ими царапают, — поспешно пояснил Скотт. — А еще они мурчат!

Лучше уж пусть мурчит, чем царапает все вокруг...

— Хосих. Хуххсяс. — согласные буквы существу явно не давались.

— Да-да, мурчат, — поспешно подтвердил Фил, вспоминая своего толстого и ленивого кота, который любил лежать у него на коленях и умиротворенно мурчать, придавая обстановке уюта.

Существо взглянуло на него с новым интересом. Фил заметил, что за последние минуты "котик" потихоньку избавился от гротескности, став почти что неотличимым от обычного шерстяного питомца.

Затем его гость слегка надулся и издал низкий, на грани инфразвука, мерный рокот, легонько сотрясаясь всем телом. Фил ощутил паническую волну и чуть было не разрядил в собеседника всю обойму, сдержавшись каким-то чудом.

— Да-да... почти так, — подтвердил он, осмеливаясь, наконец, вытереть пот с лица.

— Хосих? — в монотонном звучании слов, издаваемых существом, ему почудился вопрос.

— Котик, котик, — подтвердил он. — Очень-очень похож!

Существо снова попыталось изобразить мурчание и в этот раз у него получилось заметно лучше.

— Хороший котик, хороший! — посчитал нужным ободрить его Фил.

"Котик" издал короткое, по-видимому, довольное, мурчание и решительно направился к человеку. Человек замер.

— Хосих? — поинтересовалось существо и требовательно провело лапой по штанине Фила, оставив четыре безупречных разреза. И легонько царапнув ногу.

— Ты что же, хочешь ко мне на колени? — дошло до Скотта. "Котик" уставился ему в глаза и склонил голову набок.

Человек, страшаясь своей храбрости, отвел винтовку в сторону и аккуратно присел на стоящий рядом ящик. Черная копия кота тут же грациозным прыжком оказалась у него на коленях, мгновенно свернувшись клубочком. И мирно замурчала.

Фил должен был признать, что получается это у существа все лучше и лучше. В его голове крутился хоровод мыслей — от попыток доказать самому себе, что все происходящее — это глобальный глюк, до удивления тем фактом, что он не только не пристрелил непонятное существо, но и держит его на коленях, даже не докладывая сержанту.

Впрочем, "котик" вел себя вполне мирно и дружелюбно — мурчал и внушал спокойствие.

Неладное морпех начал чувствовать минут через десять. Сначала к телу подступила и окутала его мягким покрывалом легкая усталость. Затем подкралась такая же легкая слабость — как после одно-двухдневной голодовки. Фил попробовал было аккуратно пошевелиться, но почувствовал, как его ногу совсем рядом с самым ценным мужским органом аккуратно царапнули острейшие когти и снова замер.

Через полчаса верная винтовка уже стала слишком тяжелой для того, чтобы удерживать ее стоящей на полу в вертикальном положении. На шум падения существо не обратило никакого внимания, продолжая мирно мурчать.

Он попытался объяснить "котику", что ему плохо и что пора бы уже и слезть с колен, но был проигнорирован. Попытался слабо пошевелиться, но был небрежно располосован до

крови мягкой лапкой с стальными когтями. Все, что ему было позволено — откинуться, прислонившись к стене мягкой тряпичной игрушкой.

Скотт не ощутил момента, когда существо спрыгнуло с его колен. В этот момент он уже вообще мало что ощущал. Но начальственный голос старшины сумел-таки вывести его из полузабытья.

— Скотт, мать твою, ты что, спишь на посту?! Совсем страх и совесть потерял, салага... Господи Иисусе!

Он попытался слабо улыбнуться.

— Старшина, я...

— Молчи, Фил, молчи, — Васкес с побледневшим лицом быстро заговорил что-то в рацию на куртке. — Сейчас тебе помогут...

Рэй Гивен, младший лейтенант, пилот. 7202.

Рэй не знал, чем себя занять. Внезапно он ощутил себя никому не нужным и бесполезным. Его самолет смыло в океан, его лучшего друга чуть ли не на пополам разрезало упавшей балкой, на ангарной палубе, где он находился, ему было нечего делать — здесь всем заправляли механики, а коллег-пилотов видно не было.

Гивен, некоторое время поскитавшись по длинному душному ангару, наполненному самолетами разной степени поврежденности, отчаялся найти себе применение и, сев на отломанное шасси одного из истребителей, принялся рассматривать суету, царившую вокруг.

Механики, лихо орудуя различными машинами, растаскивали, ставили на ноги и чинили поврежденные аппараты. Видно было, что займет это у них не один день, да даже и не одну неделю, но точно так же было очевидно, что дело свое они сделают. И эти птички, рано или поздно, поднимутся в небо. По крайней мере, несколько из них.

Небо... Увиденная картина не давала пилоту покоя больше, нежели собственная бесполезность. Два солнца, висящих на небосклоне, обозначали только одно — другой, чужой мир. Мысль казалась бредом, но не могут же бредить одновременно сотни людей? Новость гуляла по кораблю, достигая даже тех отсеков, обитатели которых неделями не видят солнечного света. Новость находила все новые подтверждения — хотя бы в том, что буквально пару часов назад кто-то случайно обнаружил полустгоревшую дуру-журналистку, вышедшую на верхнюю палубу, где в данный момент температура металла достигала почти шестисот градусов по Фаренгейту.

Дурочку, вроде как, откачали, но один из механиков, прибывший из госпиталя, говорил, что, когда она очнется, то сразу захочет обратно в могилу.

Рэй попробовал было оценить, какой ущерб причинил Инцидент кораблю, но скоро запутался. Судя по разговорам, страдали все — те, кто был на палубе, унесены в море почти в полном составе. Разве что журналист зацепился ремнем своей камеры за какой-то крюк и сумел остаться на корабле. У десантников что-то очень некисло взорвалось, положив разом не меньше пары отделений. На камбузе творилось такое, что не хотелось обсуждать. Здесь, среди нагромождений самолетов и прочей техники, работающим людям досталось еще больше. По всему кораблю люди считали ушибы, переломы и мертвых друзей. Проблемы были везде, но в целом авианосец держался, да и экипаж тоже.

Внезапно включился информационный экран и на нем появилось лицо командера Терона.

— Минутная готовность до глобального информационного объявления. Всем

рекомендуется приостановить работы некритичной степени важности. Корабль сейчас не подвергается активной опасности. В любом случае, моя речь будет доступна в корабельной сети.

Коммандер подождал немного, очевидно, дожидаясь истечения минутного срока. Рэй вскочил и подошел к экрану. Люди поблизости откладывали дела и подходили тоже.

— Итак, дамы и господа. Я всегда придерживался политики открытого доступа к информации и теперь, когда у меня на руках есть первые выводы наших специалистов, я хочу озвучить их вам.

Терон взял небольшую паузу и пристально посмотрел с экрана.

— Факт первый, самый глобальный и страшный, о котором многие из вас уже знают, заключается в том, что мы с вами больше не на Земле. Предупреждаю ваши вопросы — я не имею понятия, в результате чего мы сюда попали. Возможно, это была какая-то аномалия, возможно — чья-то осознанная атака. Это неизвестно.

Рэй услышал, как в толпе рядом с ним нарастает оживление. Люди еще толком не осознали всю тяжесть положения, но официальную новость обсудить хотели почти все.

— В данный момент мы не знаем, как нам вернуться обратно. Разумеется, наша дальнейшая стратегия направлена на это — установление контакта с разумной жизнью, если она здесь есть, а затем — поиск пути домой.

Коммандер постарался побыстрее закончить скользкую тему и перешел на более приземленные вещи.

— Наш корабль получил некоторые повреждения, но они не особенно критичны. Самая большая проблема — критичный сбой в работе второго реактора, но она была решена примерно полтора часа назад путем его сброса. Первый реактор и остальные системы энергообеспечения работают без проблем.

Теперь Рэй понял, чем была вызвана небольшая дрожь корпуса корабля и последовавший за ней легкий крен — громадный отсек отсоединился и ушел на глубину. Жалко, конечно, но гораздо лучше, нежели оставить радиоактивную заразу на корабле.

— В остальном повреждения корабля невелики. Произошел серьезный взрыв в десантном отсеке, несколько других взрывов, имеющих меньшие последствия, а также череда пожаров. Авиационное крыло безвозвратно потеряло больше половины единиц техники. К сожалению, — коммандер опустил глаза, — мы понесли громадные людские потери. Из-за декларируемой устойчивости корабля во время любых волнений на море мы оказались не готовы к резкому крену и последующему вслед за Инцидентом кратковременному погружению. Техника безопасности также никак не предусматривала подобный катаклизм, в результате чего слишком много объектов не удержалось на своих креплениях, приведя к самым печальным последствиям. Мы потеряли почти полторы тысячи человек погибшими и пропавшими без вести. Это — страшная цифра и черный день в нашей истории.

Коммандер на экране поднял глаза на камеру и снова взял небольшую паузу. Люди рядом с пилотом молчали.

— В настоящий момент ситуация на корабле нормализовалась. Все системы защиты работают в штатном режиме и мы можем противостоять любой внешней угрозе. К сожалению, температура за корпусом достигает более трехсот градусов по Ференгейту в тени. Океан вокруг нас кипит, а палуба разогрета до температуры более пятисот пятидесяти градусов. Помните, сейчас выход на открытый воздух несет максимальную угрозу для жизни.

Прошу вас, никакого риска. Нам нужен каждый человек.

Рэй хмыкнул про себя. В свою ценность он больше не особо верил.

— Судя по анализу внешней среды, скоро температура заметно упадет — второе солнце уже уходит к горизонту. Мы пока не можем просчитать полный цикл смены дня и ночи, но в ближайшее время на орбиту будут выведены несколько спутников. В данный момент специалисты переоборудуют наши стратегические ракеты для такого запуска. Так что через несколько дней мы получим гораздо более полную картину окружающего нас мира.

Терон куда-то потянулся, достал из-за кадра стакан воды и промочил горло.

— Из не критичных новостей. Первоначальный анализ воды и воздуха не выявил каких-либо сиюминутных опасностей для человеческого организма. В этом нам повезло.

Коммандер немного задумался, потом вздохнул.

— Вот, в принципе, и все. Мы попали в непростую обстановку, но мы находимся на корабле, который способен преодолеть любые невзгоды. Мы собрались, у нас есть план и мы будем его выполнять! И да поможет нам Бог!

— Аминь! — послышался дружный рев вокруг Рэя. Он даже несколько сконфузился, поскольку был атеистом и не крикнул вместе со всеми.

Народ начал расходиться по делам, оживленно рассуждая о перспективах. Пилот, чувствуя невиданное доселе воодушевление, отправился на поиски капитана Роджерса, которого вскоре и нашел неподалеку.

— Сэр, разрешите обратиться!

— Вольно, Гивен. Слушаю.

— Сэр, я прошу вас найти мне работу! Любую работу, лишь бы я был при деле!

Капитан прищурился.

— Чего это вдруг? Речь коммандера повлияла?

— Нет... Да, сэр. После потери самолета я чувствую себя абсолютно бесполезным. А если я буду делать хоть что-нибудь для пользы общества...

— Сынок. Ты в курсе, что у нас осталось больше самолетов, чем пилотов для них? При том, что самолетов практически не осталось?

— Э... нет, сэр.

— Ну так вот теперь в курсе. Я запретил это особо афишировать, но большая... — капитан задумчиво пожевал губами. — Слишком большая компания собралась здесь в одном из уголков отпраздновать чей-то день рождения...

— И что, сэр? — спросил Рэй, уже понимая ответ. Капитан раздраженно глянул на него.

— И транспортный вертолет, сорвавшийся с места при крене корабля, сделал из них одну громадную лепешку, вот что. После чего загорелся и поджарил остатки.

— Ясно, сэр! — снова вытянулся по стойке смирно лейтенант.

Роджерс легонько поморщился.

— Вольно еще раз. Просто намотай себе на ус — когда мы поставим на ноги наших птичек, а мы это сделаем, каждый пилот будет на вес золота, — палец капитана уткнулся в грудь Рэю. — Так что отставить пораженческие настроения! Считаю себя в недельной увольнительной. Это приказ!

— Есть, сэр!

Обратно к своему месту на обломке шасси он шел уже гораздо более твердым шагом.

Роберт Ки, кок. 7201.

Из госпитального отсека вывезли еще одну каталку с накрытым простыней телом. На

фоне только что отзвучавших слов командера это выглядело зловеще. Вообще, атмосфера, царящая здесь, мало напоминала радостную. Сам Роберт, некоторое время назад чувствовавший себя последним страдальцем, теперь стыдился показать даже толику слабости.

На фоне обгоревших, израненных осколками, обварившихся в кипятке и переломанных падающими самолетами людей, сломанная нога, в настоящий момент жестко зафиксированная в лубке и практически не беспокоящая кока, казалась манной небесной.

За два места от него лежал изможденный старик, еле шевелящийся на койке. Его привезли совсем недавно и Роберт пытался угадать, кто же это такой. В конце концов, он пришел к выводу, что это — кто-то из гражданских консультантов корабля.

К венам старика тянулись многочисленные нитки капельниц, но дела его, похоже, были совсем плохи.

Впрочем, старик быстро пропал из сферы интересов кока, когда ему приспичило в туалет. Просить утку было унижительно, тем более, что Док пообещал, что при должной осторожности начать ходить он может хоть сейчас.

— Эй, друг! — слабым голосом позвал он морпеха, ошивающегося неподалеку. Тот подошел.

— Что случилось?

— Друг, я просто встать хочу, мне Док разрешил, — зачастил кок, опасаясь, что морпех заставит его остаться на месте и воспользоваться все-таки ненавистной уткой. — Можешь найти мне костыли?

Морпех, ни слова не говоря, кивнул и вскоре принес пару вполне приличных ходилок. И даже помог добраться до санузла.

Правда, обратную дорогу пришлось преодолевать уже самому, но Роберт был этому только рад. Как, оказывается, мало нужно для счастья человеку — всего-то иметь свободу передвижения.

По пути ему попались пара молодых врачей, которые не обратили на него особого внимания, но, кажется, отнеслись к его самостоятельности с одобрением.

Затем взгляд натолкнулся на странную пару — бледный, как смерть, молодой человек сидел на одной из кушеток рядом с почти полностью перебинтованной женской фигурой и что-то успокаивающе ей говорил. Интересно, как можно успокоить женщину, — а фигура явно была женской, — перебинтованную с ног до головы? Наверняка ведь и личико пострадало, да и вообще...

Добравшись до койки, Роберт почувствовал себя так, как будто пробежал марафон. Но, тем не менее, сумел сам залезть на свое место и растянулся там, чувствуя себя почти здоровым человеком.

Луис Суарес, оператор СМОС. 7201.

Луис вальяжно расположился в кресле оператора. Единственное, что ему мешало — громоздкий тактический шлем, надетый на голову. Шлем, несмотря на заявленное соответствие всем самым высоким стандартам, был тесным и душным. Зато чертовски информативным.

Вообще, неожиданно подкравшееся будущее подарило людям множество возможностей по взаимодействию человека и техники. Вот только человеческий организм не всегда оказывался готов к такой интеграции. Те же самые тактические очки, которые то и дело

использовал командный состав на мостике, мог носить любой человек — степень слияния там была исчезающе маленькой. Зато, чтобы получить допуск к работе с тактическим шлемом, требовалось отучиться не меньше года. Перенести две сложных операции. И курс гормональной стабилизации. Когда любое моргание оператора или неосознанное желание что-то сделать может не только реализоваться на экране, но и иметь последствия в реальной обстановке, поневоле перестраخуешься.

Так что своей работой оператора станции мониторинга окружающей среды Луис гордился и гордился обоснованно.

Прямо сейчас в черноте его шлема отображалось вся обстановка вокруг гигантского корабля. Отображалось в виде полупрозрачной карты местности, в виде многочисленных отметок, графиков и таблиц.

Вокруг все было спокойно. В космосе не висели вражеские спутники, под килем корабля не пробирались коварные субмарины, даже воздушных целей не объявлялось.

Суарес вспомнил, как перед Инцидентом зенитчики отстрелялись по каким-то спутникам и невольно дернул рукой. Изображение окружающей местности перед ним тут же наклонилось на тридцать семь градусов, а затем принялось медленно вращаться. Оператор глубоко вздохнул и дважды быстро моргнул. Картинка вернулась в норму.

Конфликт, созданный по недомыслию каким-то политиком лет пять назад, до сих пор тихо продолжался на флоте и его отголоски задевали даже тренированное сознание операторов на боевом посту.

На американские корабли стали ставить зенитные комплексы российских "друзей". Да, комплексы были хороши. Очень хороши. Но принципиально не хотели интегрироваться в родные системы кораблей США. Какие-то непонятные протоколы, нестыковки при обмене данными, свои собственные длины волн, на которых шло сканирование, — все это позволяло максимум передавать картинку и оперативную информацию на мостик. Об нормальной работе с американскими спутниками или РЛС корабля речи даже не шло. В результате получалось, что весь корабль в данный момент полагался на Луиса и его дублера, а русские ракетные комплексы — на свою собственную систему, смонтированную параллельно.

Самым обидным было то, что русский спец во время Инцидента успел вычленить все возможные цели над авианосцем, отстреляться по ближайшим, передать на мостик данные по недостижимым, а американская РЛС в это время только-только закончила поиск и сортировку предполагаемых вражеских объектов. В операторском кресле тогда сидел не Луис, но неприятно было все равно.

Ничего, скоро на орбиту выведут спутники и русский вместе со своими подопечными навсегда потеряет свое преимущество. Его система хороша, но без интеграции с орбитальными данными все же слабовата.

Суарес бросил взгляд на часы. По идее, он успеет отсмотреть и проводить ракеты на орбиту до окончания смены. И время пуска, и время, когда нужно будет сдать вахту дублеру, неумолимо приближалось, но пуск все же был на пять минут раньше.

На экранах тем временем ничего не происходило. То ли планета была не особенно-то и обитаема, то ли сжигающее все и вся второе солнце заставило всех спрятаться глубоко и надолго. Луис, чуть помудрив со шлемом, вызвал карту звездной системы. Та выглядела удручающе, щеголяя красными секторами пространства и сплошными строчками надписей "нет данных". Но все, что было нужно Суаресу, система уже знала — до полного захода большого солнца за горизонт оставалось всего чуть больше часа.

Интересно, с какой скоростью здесь падает температура?

С мостика поступил запрос на отслеживание данных по запуску ракет. И приказ на передачу всех основных параметров и всех критичных — как на мостик, так и в научно-аналитический центр, который, собственно, выводом спутников на орбиту и занимался.

Луис, поколдовав целых двадцать секунд со своим шлемом и пультом управления, сформировал картинку-конфетку, показывающую в трехмерной проекции корабль, местность, траектории полета ракет и точки отстыковки спутников. Перебросил картинку в общий доступ и сосредоточился на выведении других данных, отслеживать которые предстояло только ему. Начиналась настоящая работа.

В виртуальности тактического шлема две нарисованные ракеты поднялись над кораблем и медленно пошли в небо, аккуратно двигаясь по своим траекториям. В реальности же оператор почувствовал легкую вибрацию в тот момент, когда длинные полосатые сигары отрывались от палубы.

Полет проходил штатно. Через пять минут на краю его поля зрения замигала желтая пиктограмма передачи смены и Луис аккуратно отключился, тут же сняв душный шлем с мокрой головы.

— Эй, амиго, давай к нам, — тут же позвал его один из коллег, сидевших в небольшой зоне отдыха и поманил его бутылкой кока-колы.

Он присоединился к компании. Вообще, в боевой или приравненной к ней обстановке, вся дежурная группа из десяти операторов лежала бы в своих креслах, выдавая потоки запрашиваемой информации в различные службы корабля. Сейчас же вполне хватало и одного дежурного в паре с дублером.

Голова привычно побаливала и слегка кружилась. Коллеги сочувственно улыбались — вернуться в реальный мир после виртуального всегда не очень просто.

— Держи, — в его руки прилетела холодная бутылка. — Как там, на горизонте?

Луис жадно отхлебнул напиток и откинулся на спинку кресла.

— Да все то же. Вокруг только кипящее море и островок тот. Парит все дико. Вообще, как в сауне там. Правда, солнце через час сядет, думаю, после этого нас ждет неплохой такой дождик.

"Барак Обама", авианосец. 7199.

Громадный корабль возвращался к жизни. Выжигающее планету светило скрылось за горизонтом, второе солнце тоже потихоньку уходило к краю небосклона — и температура окружающей среды начала понижаться с пугающей скоростью.

Сначала прекратило кипеть море. Затем на корабле все же включились системы пожаротушения и очистки, заливая палубу потоками охлажденной воды и снижая, таким образом, ее температуру до приемлемых значений. А следом на воздух снова выбрались люди, что-то увлеченно таскающие, чинящие и проверяющие, несмотря на горячий туман, все еще стоящий над океаном. Вверх взлетели очередные беспилотники.

Еще через час на палубу поднялись из ангаров два чудом уцелевших самолета, чуть-чуть поползали по кораблю, а затем стремительно унеслись в небо.

В борту авианосца раскрылось здоровенное отверстие и на воду скользнул десантный "бриз" — корабль на воздушной подушке. Сделав пару маневров рядом с авианосцем, десантник резво понесся к виднеющемуся вдалеке островку.

Люди, измученные многочасовым сидением в неизвестности и ничегонеделании,

развели бурную деятельность, как только природа позволила им это.

Температура продолжала падать, неправдоподобно быстро приближаясь к нормальным для людей значениям. В небе, с которого потихоньку убиралось второе солнце, появились первые легкие облачка, быстро набирающие объем и наливающиеся темнотой.

Самолеты, сделав облет вокруг авианосца и не заметив в радиусе пары сотен миль ничего подозрительного, вернулись на корабль, сразу же предусмотрительно отправившись вниз, на ангарную палубу. Десантный бот, поплутав среди скал, окружающих островок, вылезти на берег не сумел, но выпустил пару отделений морпехов на наддувных лодках.

Где-то в невообразимой высоте выведенные на орбиту спутники начали собирать информацию обо всем, что попадало в поле зрения их цепких стеклянных глаз.

Тучи над кораблем сгущались. Подул робкий и неожиданно прохладный ветерок.

Коммандер Рональд Терон. 7199.

Рональд мрачно выслушал докладывающего старшину. Тот, рассказав все, что знал, теперь усердно стоял навытяжку, рассматривая потолок.

— Вольно, свободен.

Подождав, пока докладчик удалится, коммандер позволил себе выругаться. Другой мир, потери, проблемы — это все более-менее в рамки укладывается. Но откровенная чертовщина — это уже слишком.

— Дон, на тебе оперативное управление! — обратился он к старшему штурману и быстро направился к лифту. Пора было в госпиталь.

Встретил его не Док, как он надеялся, а его помощник Дональд Тук — хороший специалист, но довольно стеснительный молодой человек.

— Коммандер, прошу вас, — Тук ожидаемо ступешался, указывая ему дорогу. — Доктор Льюис сейчас отсыпается, так что не смог вас встретить...

Рональд кивнул.

— Как здоровье Шефа, кстати? — спросил он, заходя в местное отделение морга.

— Капитана? С ним все будет хорошо, сэр! Хотя сотрясение оказалось несколько опаснее, чем мы думали, но все нормализуется. Думаю, через неделю мы его отпустим на мостик.

Коммандер мрачно кивнул. Еще неделю ответственности за все и всех... Что ж, он ведь для этого и шел в офицеры, не так ли?

— Вот, смотрите, — Тук поочередно сдернул простыни с тел. Перед коммандером лежали два иссохших старика.

— И кто это? Установили?

— Да, сэр. Один — Мэтт Рочестер, техник, обслуживающий системы опреснения воды. Второй — Джозеф Симмонс, он из компьютерщиков.

— Как все случилось, установили?

Доктор не успел ответить — в морг протиснулся шеф корабельной полиции и, быстро отдав честь, протянул коммандеру планшет.

— Смотрите, сэр, что мы обнаружили. Камеры почему-то работали со сбоями, но все равно картинка достаточно четкая.

На экране еще живой Джозеф разговаривал с кем-то в одном из маленьких отсеков отдыха. Ну, как отдыха — стол, два дивана, аппараты, выдающие напитки и шоколадки.

Самое то, чтобы посидеть десять минут, когда время позволяет.

— Смотрите дальше.

Собеседник Джозефа ушел и тот остался один. Взял кофе из автомата и присел на диван. Залез в наладонник...

— Вот!

На стол перед человеком запрыгнул крупный черный кот.

— У нас же нет животных вроде? — поинтересовался доктор, заглядывающий через плечо капитана на картинку.

— У меня большие сомнения в том, что это просто кот, — мрачно произнес Найджел.

На экране кот и компьютерщик быстро нашли точки соприкосновения и животное разлеглось на коленях у человека, прихлебывающего кофе.

— Сейчас я быстро перемотаю.

Счетчик времени на видео резко ускорился. На экране человек, делая смешные резкие движения, пил кофе и изредка гладил кота. В какой-то момент он поставил стаканчик на стол, попытался снять с себя животное, но тот молниеносно отмахнулся лапой и как-то весь растопырился. Человек застыл. Картинка замерла.

— Давайте-ка глянем на тело, — произнес Найджел, остановивший запись.

На руке человека обнаружили пятна крови, обрамляющие хирургически тонкие разрезы на рубашке. За ними виднелись такие же разрезы уже на руке трупа.

— Мы это видели, но не придали значения — мало ли где порезаться мог, — оправдывающимся тоном сказал Тук.

Коммандер не обратил на это внимания.

— Что дальше?

Дальше на экране кот продолжал сидеть на человеке. А человек потихоньку переходил во все более расслабленное состояние — опустились плечи, плетьюми упали руки, голова откинулась на спинку дивана... Через час по времени видеокамеры кот спрыгнул с колен и удалился в неизвестном направлении, оставив на диване валяющееся тело.

Некоторое время все трое помолчали. Затем Терон спросил в никуда:

— То есть, мы должны предупредить экипаж не вступать в контакт с черным котом?

— Похоже на то...

— Сэр, я вспомнил, у нас ведь еще двое в госпитале с похожими симптомами лежат, — опомнился Дональд.

Тони Хоука забраковали сразу — хоть оператор и напоминал живого мертвеца своей пергаментной кожей и начавшими стремительно сесть волосами, но с ним все было ясно.

А вот рассказ Скотта был выслушан очень внимательно.

— Значит, в этом забытом богом месте водятся существа, способные изменять форму, копировать звуки и вытягивать силы из живых организмов. Или как-то их травить неизвестным образом... Найджел, распорядитесь о предупреждении экипажу...

На плече у коммандера пискнул коммуникатор.

— Сэр, докладывает мостик! У нас здесь, похоже, шторм — и шторм сильный! Образовался буквально за несколько минут, сэр! Вдобавок, очень быстро усиливается. И еще спутники зафиксировали множественные прохождения метеоров сквозь атмосферу. Некоторые достигают поверхности. Один упал совсем рядом с кораблем. Крупный метеорит, сэр. Вам лучше бы вернуться.

— В общем, разберись с этим, — повторил Рональд шефу полиции. — А вы, док, пока

не говорите никому ни слова.

На мостике царила тревога. Обзорные экраны рисовали сплошные завесы туч вокруг корабля и льющий, как из ведра, дождь. Быстро увеличивалась скорость ветра, волны вокруг корабля, пока что смешные в сравнении с его размерами, потихоньку подрастали и обзаводились симпатичными барашками.

— За какой промежуток времени, говорите, изменилась погода?

— За считанные минуты, сэр! Буквально полчаса назад было полностью ясно!

— Что с десантом?

— Корабль лег в дрейф в полукилометре от острова, наземные группы обследуют... обследовали остров, сейчас на месте решают вопрос о возвращении.

— При таком волнении — вряд ли... Да и мы не сможем обратно принять десантный бот. Какого черта этот долбаный шторм застиг нас врасплох?!

Вокруг воцарилось смущенное молчание.

Коммандер, краем глаза наблюдая за усиливающимися волнами, с досадой подумал о том, что стоило включать мозги прежде, чем отправлять десант. В конце концов, ему должно было быть очевидно, что резкая смена температурного режима повлечет за собой неприятные последствия...

На оперативном экране внезапно возникла схема расположения корабля. Спутники, исправно делающие свою работу, уже неплохо обрисовали местность, зацепив даже побережье континента, располагающегося почти в полутора тысячах миль на... запад? Восток? В общем, почти в полутора тысячах миль.

Но побережье — это вторично. Коммандер понял, зачем оператор СМОС вывел эту картинку. С противоположной стороны на корабль надвигалось что-то, отмеченное длинными пологими красными линиями.

На экране вспыхнула надпись:

"Приближается череда волн. Ориентировочная высота — от пятидесяти до шестидесяти ярдов. Ориентировочное время подхода первой волны — двадцать пять минут. Второй — тридцать две минуты. Третьей — сорок минут. Последующие волны не несут в себе потенциальной угрозы."

— Вот черт... Откуда здесь, в открытом море, чертово цунами? — риторически спросил один из штурманов.

— Не иначе, как из-за этих звезд, играющих в чехарду друг с другом — предположил второй.

— А что, наложились приливные взаимодействия, где-то треснула кора, землетрясение — и все понеслось...

— Может, метеорит какой-нибудь? Это попроще ваших...

— Точно, только что ведь было зафиксировано падение. Вроде...

— Отставить разговоры! — коммандер внезапно прочувствовал серьезность ситуации. — Выровнять корабль перпендикулярно волнам. Передать приказ по кораблю о двадцатиминутной готовности. Объявить аврал. Немедленно закрепить все, что может быть закреплено, особенно на авиационной и десантной палубах!

— Сэр, что с десантом?

— Десант, десант... сравнительная высота волны и высота острова?

— Волна выше, сэр! Остров довольно плоский.

— Связь с десантом, быстро!

Через полминуты на мостике раздался голос, почти заглушаемый свистом ветра.

— Старшина Лэйкерс на связи, сэр!

— Старшина, слушайте меня очень внимательно. Надвигается цунами. Ваш остров оно точно накроет — через двадцать минут. Вам необходимо сесть в лодки и выйти в открытое море. Прием.

— Сэр, не получится! Волнение такое, что нас мгновенно разобьет о скалы! Вы...

Свет на мостике вырубился вместе со всей аппаратурой. Один сегмент обзорного экрана затрещал и выдал россыпь искр, а затем окутался противным дымком. Заорала противопожарная сигнализация.

— Какого...

Свет вспыхнул снова. По экранам приборов потекли загрузочные строчки.

Несколько десятков секунд все провели в томительном неведении, затем на мостик пробился сигнал из центра мониторинга. Оператор доложил, что, судя по картинке, снятой беспилотниками, в надстройку корабля ударила молния. Молния такой силы, что все системы вырубил в хлам. А кое-что и сожгло.

— А ведь все только начинается... — раздался трепещущий голос энсина Тим.

— Отставить разговоры! Все работы выполнять по плану!

Коммандер связался с капитаном Роджерсом.

— Роджерс на связи, коммандер.

— Капитан, у вас в строю сейчас сколько вертолетов? Задача — эвакуировать десантную группу с острова до подхода чертовых волн.

— Времени осталось меньше двадцати минут уже, так? — Роджерс, похоже, тоже получил картинку от мониторщиков.

— Да.

— Попробуем, сэр.

Рэй Гивен, младший лейтенант, пилот. 7199.

Рэй, сидя в кабине "апаха", выезжал на палубу авианосца. Рядом с ним виднелись еще три машины. Приказ капитана был неожиданным — вылет на боевых вертолетах за группой десантников. Рэй попробовал было заикнуться о том, что его специализация — все же самолеты... Но поблизости из пилотов больше никого не было, счет шел на минуты и Роджерс не принял отговорки во внимание.

— Осталось двенадцать минут, — проговорил голос в шлеме.

Как обычно в таких случаях — нужно успеть за ничтожный срок сделать невозможное. Времени действительно было в обрез, единственный оставшийся более-менее целым транспортный вертолет пока еще находился в недееспособном состоянии — вот и пришлось лететь на боевых машин, надеясь, что они смогут поднять прицепившихся морпехов. С одной стороны, дури в штурмовом вертолете, на подвесках которого отсутствует боезапас, должно спокойно хватать на подъем двух-трех десятков людей. С другой — у доставшегося Рэю вертолета наблюдались после Инцидента какие-то неполадки в электронике, вследствие которых он выдавал чуть ли не половинную тягу и сам-то еле-еле был способен подниматься в воздух. Но больше целых машин не было.

Пилот запустил раскрутку винтов.

Рядом с ним более шустрый коллега уже поднялся в воздух. Черно-синяя стрекоза, зависнув на пару секунд над палубой, быстро пошла в небо... И почти тут же, получив чудовищный удар молнии, посыпалась обратно кусками горящего пластика и оплавленного металла.

Рэй, моргая и пытаясь прийти в себя от вспышки, полуослепшими глазами наблюдал за тем, как обломки вертолета валяются в море совсем рядом с бортом корабля.

— Нам всем хана, — прошептал он и потянул на себя джойстик. Послушная машинка, приподнявшись над палубой, скользнула в сторону, а затем, повинуясь рукам пилота, понеслась к невидимому за стеной дождя острову.

— Осталось девять минут.

Он пытался вести вертолет как можно ближе к воде, наивно рассчитывая, что следующая молния здесь его может и не заметить. И старался не думать о ком-то, лежащем сейчас среди обломков своего вертолета на дне моря.

Остров появился в поле зрения внезапно, вынырнув из бушующих волн, потоков дождя и клубящихся туч. И где здесь искать морпехов? Рэй провел машину немного вперед и запросил координаты дружественных целей.

В небе неподалеку зажглись две точки. Внизу почему-то не было никого.

— Да мать вашу... — он вызвал авианосец. — Срочно нужно местоположение десанта, на месте ничего не пеленгуется!

Ответа не пришло, зато на экране тактического шлема вспыхнули новые зеленые искорки. Две группы, одна — совсем рядом. Пилот качнул джойстик, подлетая поближе.

Увы, но десантники, прячущиеся от дождя и ветра, просто не слышали и не видели его вертолет. Группа точек продолжала неподвижно располагаться в самой гуще леса неподалеку, игнорируя полянку, над которой завис Рэй.

— Осталось пять минут. Через пять минут вам будет необходимо набрать высоту минимум в сто пятьдесят футов.

Рэй злобно выругался, проклиная морпехов, погоду и непонятно откуда взявшиеся волны.

После чего отстрелил тепловые ловушки, окутав вертолет огнем и дымом. Ноль внимания со стороны зеленых искорок.

— Ну, была — ни была... — отчаявшийся пилот аккуратно повел боевым джойстиком, прижал клавишу...

Ювелирно проложенная просека легла прямо между притаившимися искорками. Рэй снова сбросил тепловые ловушки. Искорки засуетились и одна за другой побежали к его полянке.

— Осталось три минуты.

Он снизился почти до земли и увидел, наконец, первых бегущих.

— Скорее, мать вашу!

Люди, отлично понимая, что к чему, ловко хватались за полозья вертолета. Один, второй, третий... На седьмом подбежавшем умная машина сообщила, что достигнут критический уровень нагрузки.

— Осталась одна минута. Срочно поднимайтесь.

Рэй потянул на себя джойстик и поблагодарил бога за то, что непогода не позволяет ему отчетливо рассмотреть лица оставшихся восьми "искорок", стоявших под медленно

уходящим ввысь вертолетом и отчаянно машущих руками.

Одна из маленьких фигурок внизу внезапно вскинула винтовку и, прежде чем соседняя уложила ее на землю прямым ударом в голову, успела выпустить короткую очередь. Рэй почувствовал барабанную дробь по обшивке, но вреда вертолету не было нанесено никакого.

Оставшиеся внизу прекратили махать руками и просто смотрели в небо.

А затем пришла волна.

Младший лейтенант Джозеф Виск. 7198.

Джозеф воспринял приказ о срочной подготовке к чему-то, напоминающему цунами, достаточно скептически. Волны, вызванные землетрясениями и постоянно тревожащие ту же Японию, опасны только при их воздействии на берег, в открытом же море они почти не чувствуются — там гораздо страшнее обычная мертвая зыбь.

Он, в отличие от подчиненных, проигнорировал приказ и подошел поближе к экрану, пытаясь рассмотреть приближающуюся волну.

— Лейтенант, вы бы лучше тоже пристегнулись! Одна минута до подхода!

Он отмахнулся, продолжая всматриваться в нарисованный океанский пейзаж. Царившая на открытом воздухе пляска волн и ветра пока что вообще не волновала авианосец. И Виску что-то не верилось, что с приходом какой-то заваливающей волны ситуация изменится.

— Десять секунд, сэр!

Горизонт в его очках аккуратно, но быстро пополз вверх. Сзади послышалось легкое чертыхание. Джозеф внезапно осознал ошибки жизни и бросился к своему креслу, но не успел. Пол внезапно коварно накренился и отправил младшего лейтенанта в полет к дальней стенке. По пути ему встретилось чье-то кресло, о которое он ударился головой, чьи-то руки, безуспешно пытающиеся его поймать... В следующий момент гигантский корабль перевалился через водяной холм, а Виск упал на стену диспетчерской.

— Ххаа...

Гребень прокатился под кораблем и авианосец, скатываясь по склону волны, ухнул вниз. Джозеф, оглушенный ударом о стену, безвольно покатился в обратном направлении.

В себя он пришел уже только сидящим в кресле и наглухо пристегнутым ремнями безопасности — постарались коллеги.

— Что это было, черт возьми? — слабым голосом поинтересовался он.

— Волна, сэр... Но на Земле такого никогда не бывало, иначе бы все наше побережье точно лежало в руинах.

— Это точно не цунами. Это как будто кто-то аккуратно бросил в океан небольшую гору! — молодой оператор явно был в восторге. Еще бы — его-то не било о стенку...

— На подходе вторая волна, внимание!

В этот раз все обошлось спокойно. Гигантский водяной вал приподнял корабль, наклонил его, а затем укатился себе дальше. Третья волна вообще воспринялась как нечто обыденное и не заслуживающее внимания.

По кораблю пронеслось глобальное оповещение о конце тревоги. Народ отстегнулся от кресел и принялся собирать разлетевшиеся по помещению предметы. Виск нашел и снова надел тактические очки.

За бортом продолжал бушевать шторм, но на него авианосцу было все равно. Корабль лишь слегка колыхался, игнорируя все усилия стихии.

Механик Джон Картер. 7198.

После того, как реактор номер два, скрежеща и сопротивляясь, отправился в морскую пучину, Джон практически остался без работы. Начальство, правда, обещало его куда-нибудь пристроить, но по факту вся группа, обслуживающая сброшенный реактор, осталась не у дел.

Люди сидели по каютам, болтались по кораблю, иногда заходили посмотреть на гигантскую дыру, оставшуюся от отсека с их бывшим местом работы... Пока что никто не успел заскучать, а некоторые, самые большие оптимисты, пытались даже ловить рыбу в импровизированном бассейне.

Джон был как раз из таких. Примостившись в одном из проходов, раньше ведущих к пультам управления, а теперь обрывающихся в глубокую шахту с поблескивающей на дне водой, он неспешно подергивал удочкой, надеясь привлечь бултыханием блесны кого-нибудь из здешних обитателей.

Рыбалка была откровенно бестолковой, клевать никто даже не собирался, но это сейчас волновало Джона меньше всего. Все мысли механика вертелись вокруг Чарли. Когда Картера назначили старшим, тот откровенно радовался, понимая, что, зная тайну непосредственного начальства, он теперь обеспечен льготами и бонусами. Но радость быстро сошла на нет после того, как оказалось, что реактор поврежден каким-то хитрым боеприпасом, сметонировавшим в соседнем отсеке и сумевшим пробиться сквозь несколько слоев защиты. И что его, реактор, необходимо сбрасывать.

В настоящий момент они оба находились в одинаковом положении ненужного балласта, который распределят черт знает куда при первой же возможности. И никаких бонусов от Джона Чарли теперь получить не сможет.

Ситуация тревожила Картера. И так-то неприятно, что кто-то знает о совершенном тобой преступлении, а теперь получается, что не осталось никаких предпосылок к тому, чтобы этот знающий держал язык за зубами. Вдобавок, Чарли, похоже, тоже начал понимать неприятность ситуации — хорошо еще, что в качестве линии поведения он избрал не поход к командиру и покаяние во всех смертных грехах, а избыточное дружелюбие по отношению к Картеру. Тот, возможно, и успокоился бы, если бы не ловил от Чарли пару раз откровенно настороженные взгляды, никак не вяжущиеся с его показной веселостью. Чарли опасался его и, чем больше Джон думал об этом, тем меньше ему это нравилось.

— Эй, Расист, ты чего здесь сидишь? — легок на помине. — По кораблю объявили предупреждение, нас прямо сейчас какими-то волнами накроет. Рекомендуются сидеть в каюте, обвязавшись ремнями и не отвечивать.

Напарник аккуратно подошел к краю шахты и заглянул вниз. Еле-еле освещающаяся аварийным освещением поверхность воды выглядела тихой и маслянистой.

— С другой стороны, — произнес Чарли, поворачиваясь к Джону, — мне кажется...

Что там казалось Чарли, осталось загадкой, потому что плавно, но неотвратимо наклонившаяся палуба безапелляционно столкнула обоих техников в темный провал.

Картер успел ухватиться за оставшийся от прежнего коридора порожек на границе шахты и повис над провалом, замирая от страха. Чарли, отчаянно ругаясь, полетел вниз и плюхнулся в темную воду, подняв фонтаны брызг.

Корабль, пропустив под собой волну, начал выравниваться и Джон, отчаянно елозя по скользкому железу ногами, сумел-таки вылезти наверх. Внизу снова послышались вопли —

напарник вынырнул и теперь костерил почему зря весь белый свет. Джон, отползя подалее от шахты, привалился к переборке. Руки нервно дрожали.

— Джон! — слышались далекие вопли. — Вытащи меня отсюда!

Картер, морщась от боли в расцарапанных твердым порогом рук, осторожно подполз к краю. Внизу виднелась голова Чарли, пытающегося найти зацепки на вертикальных стенах шахты.

— Я сейчас принесу веревку! — крикнул Джон. — Ты там как, нормально?

— Спину ушиб, но жить буду... Слышь, мне кажется, тут что-то есть!

— В смысле? — не понял Картер.

— Тут рядом со мной какая-то непонятная хрень, мать ее! Вытащи меня отсюда!!!

Джон, мучительно пытаясь вспомнить, где можно раздобыть какой-нибудь трос, бросился было на выход, но корабль снова наклонило и некоторое время ему пришлось цепляться за стены, чтобы не упасть. Проход третьей волны он уже особо не заметил, пытаясь найти в окрестностях что-то, чем можно было бы вытащить Чарли.

Поиски увенчались успехом, только когда он встретил еще одного из своей команды, вспомнившего, что видел подходящий трос в одном из подсобных помещений неподалеку.

К шахте они вернулись уже вчетвером.

— И где он? — озвучил общие мысли молодой афроамериканец Стив Джемайли.

Лениво колыхающаяся далеко внизу вода, отсвечивающая странным красноватым оттенком в свете желтых аварийных фонарей, хранила молчание.

Лейтенант Джимми Псаки, пресс-атташе авианосца. 7174.

Вызов командера обрадовал лейтенанта до невозможности. Все время с начала инцидента он, счастливо проскочивший мимо опасностей нового мира, не знал, чем заняться. Да, помогал, конечно, раненым, участвовал в разборе техники на летной палубе, но толку от него там было немного — Джим сам это отлично понимал. И вот, наконец-то, нормальная нужная работа.

— Лейтенант, мы находимся в непростой ситуации и в непростом месте. Экипаж, если ничего не предпринимать и не сообщать новости, скоро начнет возмущаться. Или паниковать. Вам надлежит взять на себя организацию внутрикорабельного телевидения. Три-пять каналов. Нам нужен стандартный набор на любые вкусы, благо, библиотека данных у нас огромная. Музыка, познавательные передачи, фильмы. И, самое главное, — канал живых новостей. У вас есть свои сотрудники, вдобавок на борту находится съемочная группа CNN. У вас карт-бланш. И каналы нужны уже сегодня.

Джимми, получив задание, за два часа развил буйную деятельность. В подчиненных у него было всего три человека, но все они были в полном порядке и все неплохо знали свое дело.

Каналы, получающие информацию из базы данных библиотеки, сделать оказалось легче легкого. Немного магии старшины Гахана, отвечающего за техническую сторону работы пресс-центра, и все корабельные телевизоры, транслирующие в последнее время только экстренные оповещения мостика и однообразный цифровой шум, включились в работу, начав показывать диковинных земных зверушек и скачущих по сцене полуголых красоток с микрофонами.

Второй помощнице, Барбаре Сандерфилд, тут же были переданы бразды правления всеми созданными каналами. Джимми намекнул ей напоследок, что в будущем стоит

озаботиться еще и распечаткой, а также распространением телепрограммы, после чего выкинул эту часть работы из головы. Предстояло самое сложное и интересное.

После недолгой перебранки с каким-то типом со станции мониторинга, упорно не хотевшим понимать, зачем ему нужно взваливать на своих подчиненных дополнительную работу, в пресс-центр все же были отправлены потоковые данные со всех внешних камер авианосца. После еще одного сеанса споров, уже с привлечением командера, к ним добавились данные с оперативных камер самолетов, вертолетов и кораблей десанта, а также спутниковая информация.

Теперь нужно было найти журналистов. Джимми отправился в госпиталь — что-то подсказывало ему, что, раз по кораблю не носятся люди с камерами, значит, они или уже отправились в лучший мир, или валяются на больничной койке.

Здесь его постигло разочарование. Красотка-журналистка, совсем недавно весело щебетавшая о всяческих пустяках, теперь в виде перебинтованной с головы до ног мумии валялась без сознания на больничной койке, накачанная наркотиками. Какой-то замученный жизнью доктор, оказавшийся поблизости, сообщил, что она периодически приходит в себя, но, с целью скорейшего восстановления, ее предпочитают держать в отключке.

С оператором ему повезло чуть больше. Изможденный молодой человек с пергаментной кожей и седеющими волосами заявил, что готов начать работать хоть прямо сейчас. Впрочем, сошлись на том, что пока он просто отдаст видеозапись Инцидента, а к работе приступит, как только наберется сил.

Тони пытался спорить, но его лечащий врач, пришедшая как раз вовремя, обрубил пререкания на корню, сообщив, что ему еще несколько дней минимум придется провести в госпитале, под очищающими кровь капельницами.

Найти пилота телевизионщиков оказалось сложнее, но ненамного — он обнаружился неподалеку от своего вертолета, расквартированного на авиационной палубе. Бело-красная машинка, которую благодаря его паранойе по прибытии намертво прикрепили к палубе, практически не пострадала во время произошедших событий и пилот занимался посильной помощью техникам, проверяющим стоявший рядом "апач".

К восходу маленького солнца все заказанные каналы худо-бедно выдавали информацию на экраны, а сам Джимми, наладивший систему, спал сном праведника.

Часть вторая. Интеграция.

"Барак Обама", авианосец. 7165.

Если считать по земному времени, то уже почти двое суток авианосец двигался в сторону далекой суши. Если считать по времени местному, то почти столько же. А вот результаты остальных исследований заставляли заходить ум за разум.

Судя по данным спутников, исправно собирающих, в том числе, и астрономическую информацию, планета, на которой повезло оказаться американским морякам, существовала в странной системе двух горящих солнц, одного потухшего и трех газовых гигантов. При этом неяркое солнце вместе с потухшей звездой вращалось вокруг общего центра масс, скорее всего, представляющего из себя нерегистрируемую приборами спутника черную дыру или еще какую-то аномалию схожего типа. Сама же планета пребывания вместе с относительно большой, а на деле очень маленькой, немногим больше Юпитера, звездочкой вращались совсем неподалеку друг от друга на низких орбитах вокруг звезды потухшей. Что было довольно странным, угловая скорость звезды была на несколько порядков выше

угловой скорости планеты — поэтому-то в свое первое появление жаркое светило настолько быстро пролетело по небу.

Газовые гиганты и всякая мелочь болтались среди всего этого, следуя по своим, совершенно непонятным траекториям, зависящим одновременно от всех трех звезд и друг от друга. Один гигант крутился на орбите потухшей звезды поблизости от планеты, куда попал "Барак Обама". Еще два вращались около центра масс системы. Возможно, около второго солнца тоже были какие-то планеты, но их спутнику зарегистрировать не удалось.

Компьютеры из всех сил пытались переварить поступающую информацию, но факторов было слишком много — одни только систематические волновые влияния газовых гигантов постоянно должны были дергать орбиту шарика то туда, то сюда. Когда же на это накладывались гравитационные поля от крутящихся поблизости звезд, длительный прогноз вообще переставал просчитываться. Единственное, что пока с уверенностью заявляли аналитики — большое солнце появится снова не раньше, чем через неделю, когда в своей непрерывной гонке вокруг потухшего собрата опять не нагонит планету. Еще через неделю сама планета зайдет в тень и месяца полтора будет обходиться без света центральной звезды, пока снова не выглянет из-за спины потухшего светила..

Иногда при взгляде на карту неба казалось, что летящий сквозь пространство крохотный шарик вообще обязан окончить свои дни в столкновении с местным аналогом Юпитера. Иногда — что его единственный путь — в ближайшую звезду. Но факты говорили о том, что такая вакханалия продолжается уже тысячелетия и будет продолжаться минимум столько же.

Ну, а время от времени пробегающие по коре планеты приливные волны и довольно часто падающие на нее метеориты — это, как оказалось, здесь вполне в порядке вещей.

За двое суток, прошедших в мирном и безопасном существовании, корабль окончательно пришел в себя. Тела погибших с почестями отправились в море. Пострадавшие во время Инцидента потихоньку расползались из госпиталя, долечиваться в родных каютах. На больничных койках оставались только самые тяжелые пациенты.

Экономя топливо, самолеты взлетали с корабля достаточно редко. Впрочем, этого хватило для того, чтобы идентифицировать на постепенно приближающемся побережье что-то, напоминающее постройки разумных существ. Движения там замечено не было, но авианосец все равно скорректировал курс, чтобы осмотреть место более подробно. Командер, по-прежнему командующий на мостике, задал скорость корабля таким образом, чтобы он подошел к берегу сразу после рассвета.

Экипаж авианосца потихоньку проникался ситуацией. Несмотря на бодрые репортажи по созданному с нуля корабельному телевидению, "Барак" продолжал оставаться в чужом мире без особой надежды на возвращение, людские потери за три последних дня оказались просто шокирующими, а местные обитатели заранее внушали боязнь — чего стоил только проклятый кот-призрак, иногда появляющийся на записях видеокамер и за последние два дня оставивший после себя уже пять трупов.

В общем, люди нервничали, правда, пока что тихо. И ждали приближающегося берега, как спасительного рая.

Элизабет Кокс, доктор медицины. 7165.

Далекое солнце коснулось краем горизонта, окрасив океанские волны в пурпур и охру. С противоположной стороны, над океаном, постепенно заслоняя небосвод, потихоньку

вырастал гигантский молочно-белый диск мертвой звезды.

Женская фигурка, стоявшая на краю палубы, вцепившись в ограждение, казалась абсолютно одинокой и чуждой этому миру.

Элизабет первый раз с момента Инцидента выглянула на палубу — до этого времени все ее внимание приковывали раненые и умирающие пациенты. И вот оно, первое знакомство с миром. Лиззи закрыла глаза и полной грудью вдохнула свежий морской воздух.

— Не так уж тут и плохо, — пробормотала она, не открывая глаз. Где-то за ее спиной, шелестя колесами по палубе, проехал недавно приземлившийся самолет. Далеко внизу слышалось шуршание волн, омывающих борт корабля.

И ни единого признака жизни. Ни вездесущих на Земле чаек, ни резвых дельфинов, ни забавных летучих рыб. Океан, сквозь который пробирался авианосец, был девственно пуст.

— Эй, док! — послышался издали голос. Лиззи открыла глаза и оглянулась.

Ей издали махал еле держащийся на ногах, бледный как смерть и седой, как глубокий старик, ее недавний пациент, оператор Тони. Провалившись в госпитале пару дней и основательно прочистив организм от ядов, он все же сбежал из-под ее опеки, утащив с собой напоследок запас стимуляторов.

— Чего вам? — крикнула она в ответ.

Тони поставил на палубу камеру, которую держал в руках, после чего целеустремленно направился к ней. За его спиной из-под палубы стал подниматься какой-то вертолет.

— Как самочувствие? — строго спросила Лиззи, едва он приблизился на расстояние, позволяющее нормально разговаривать. — Еще не поздно вернуться на лечение.

— Все норм, док, — осклабился Тони, слегка пошатываясь. — Вы меня спасли и я, как честный мужчина, пришел вас отблагодарить. Приглашаю на вертолетную экскурсию!

— То есть? — только сейчас она заметила, что поднимающийся на палубу вертолет раскрашен в бело-красные тона.

Тони уловил ее взгляд.

— Да-да, док, у нас штатный вылет — снимаем корабль на фоне заката и все такое. Одно место на борту свободно и я решил пригласить вас. Полетели?

Лиззи колебалась не больше секунды. В конце концов, такого шанса может больше и не быть.

Пилот вертолета поприветствовал ее довольно ворчливо, несколько смутив, так что в кресло она забралась очень аккуратно и притаилась там, совсем как маленькая серая мышка. За ее спиной, фальшиво посвистывая, Тони-оператор разворачивал видеосистемы.

Вертолет легонько качнулся, а затем быстро пошел вверх. Все смущение было мгновенно забыто. Доктор Кокс, как маленькая девочка, прильнула к стеклу кабины, рассматривая уходящую вниз палубу.

— Эй, тезка, не так быстро! — послышался голос сзади. И вообще, не набирай пока что высоту, нам нужны кадры с силуэтом кораблика на фоне заката. А потом медленный красивый облет, чтобы еще и та здоровенная фигня с другой стороны в кадр попала.

— Понял, будет тебе и закат, и фигня...

Вертолет внезапно замер и камнем рухнул вниз. Лиззи завизжала, увидев стремительно приближающуюся корабельную надстройку, сзади послышалась крепкая ругань, произнесенная на удивление спокойным голосом... И бело-красная стрекоза, разминувшись с надстройкой на пару десятков метров, плавно ушла в сторону от корабля.

— Не обращайтесь внимания, док, — послышался голос Тони. — Тезка любит пугать

новичков. Но он у нас настоящий мастер, так что можно ничего не бояться.

Элизабет осторожно посмотрела на пилота. Тот довольно добродушно улыбался, искоса поглядывая на пассажирку.

— Получилось, как на аттракционе, — осторожно сказала она. Пилот что-то пробурчал в усы, улыбнулся напоследок и снова стал серьезным и важным. Наверное, он не любил аттракционы.

Авианосец на фоне заката смотрелся грандиозно и величественно. Тони-пилот специально опустил вертолет к самой воде и теперь корабль почти заслонял собой солнце.

— Отлично! Теперь давай аккуратный сужающийся облет с набором высоты. На сто восемьдесят будет вполне достаточно.

Послушная машинка полетела по возвышающейся спирали и закончила движение как раз тогда, когда корабль оказался прямо на фоне занимающего уже треть небосклона потухшего гиганта.

— Снято! — голос Тони-оператора лучился довольством. — Это, пожалуй, можно будет пустить на заставку какой-нибудь нашей новой программы. Можно возвращаться. Следующий вылет теперь утром, когда подойдем к берегу.

Маленькое приключение, в которое неожиданно попала Лиззи, заканчивалось. Вертолет приземлился на палубу, солнечный диск окончательно скрылся за горизонтом, стало ощутимо прохладнее. На небе начали проступать многочисленные звезды.

— Замерзли, док? — с улыбкой спросил Тони. — Топайте внутрь, здесь уже не будет ничего интересного. И это, будет время, заскакивайте, летаем еще.

— Спасибо, больной, — с ехидцей ответила доктор Кокс. — На самом деле спасибо. Я первый раз летала на вертолете, да еще и виды такие...

Она, несколько смутившись, пожала ему руку. Хитрый пациент попытался было пододвинуться поближе, похоже, рассчитывая на нечто большее, но не преуспел в этом. Погрозив ему на прощание пальцем, Лиззи шустро упорхнула с палубы.

Десантник Фил Скотт. 7165.

Скотту было обидно и мучительно стыдно перед товарищами, готовящимися к высадке на материк. Умом он понимал, что с таким истощением организма даже после двух дней усиленной регенерации деградировавших тканей и нервов шансов попасть в оперативную команду нет в принципе. Он и на ногах то держался не всегда совсем твердо. Но сердце рвалось быть вместе с товарищами. И подальше от корабля, где в каком-то темном уголке притаился черный котик.

Старшина Васкес, выслушал его, хмыкнул, но пообещал поговорить с руководством. И вот теперь, в предрассветных сумерках, он занимал наиглупейший пост часового на мостике одного из десантных кораблей. Да, в теории этот пост был нужен и важен, на практике же все понимали, что находящиеся там во время высадки люди просто пробездельничают все время операции.

Корабль ощутимо вздрогнул — в транспортное отделение заехал один из уцелевших танков. Неподалеку прогрохотали ботинки десантников. Командир десантного корабля, лейтенант Грегори Уотс, начал перебирать кнопки на пульте управления, тестируя системы.

Фил, стоящий у двери с винтовкой в руках, чувствовал себя идиотом.

Младший лейтенант Джозеф Виск. 7165.

Джозеф нервно ходил по пункту управления, все время посматривая на берег, видневшийся в трех километрах от авианосца. Ему чертовски повезло, что корабль развернулся к берегу именно правым бортом — теперь он, как минимум, увидит все напрямую, а как максимум — поучаствует в событиях на равных правах с остальными.

На экране прибавлялись и прибавлялись точки. Сначала в небо один за другим поднялись два десятка беспилотников, организовавших броуновское движение над местностью на высоте двух-трех миль. Им предлагалось принять на себя первый удар теоретического противника. Противник не появлялся.

Через десяток минут в небо ушли три звена истребителей — собственно, все самолеты, которые удалось поставить в строй за эти несколько дней. Теперь они организовывали вторую волну прикрытия, висящую высоко над дронами и готовую нанести удар по любым неприятельским целям.

Краем уха Виск слышал о подтверждении готовности артиллерии, ракетчиков и даже зенитной палубы. Он тоже уже отрапортовал о полной готовности своих батарей. Вдобавок к штатным конденсаторам сегодня на его орудия были перенаправлены каналы энергии и с другого борта. Два залпа вместо одного — это много.

На голографической модели пространства вокруг корабля появились еще четыре зеленые точки и одна желтая. В воздух поднялись штурмовые вертолеты прикрытия и вертолетик журналистов. Виск глянул на часы. До начала высадки оставалось семь минут.

Луис Суарес, оператор СМОС. 7165.

Голова оператора пухла и раскалывалась от необходимости следить за кучей воздушных целей. То, что каждым беспилотником управлял отдельный человек на летной палубе, облегчения не приносило — всех все равно нужно было отслеживать, раздавать тактические задачи... Даже осознание того, что его полностью дублирует другой оператор, оптимизма не добавляло — Джулия Кьеллини только-только закончила академию и не имела никакого практического опыта.

Правда, точеное личико и глаза с искорками заметно нивелировали ее профессиональные недостатки, но, все равно, чувствовать на подстраховке именно ее Луису было чертовски неприятно.

Как обычно во время сильного волнения ему страстно захотелось закурить. Увы, но этому желанию будет не суждено сбыться, как минимум, до конца вахты. А вахта, в связи с высадкой, бессрочная — может закончиться и по расписанию, и через сутки, как повезет.

Мысли Суареса, продолжая контролировать хаотично летающие беспилотники, обернулись к заветному ящику в каюте, где, помимо осточертевших электронных сигарет и нескольких пачек оригинального "Мальборо", притаились четыре большие, коричневые и восхитительно пахнущие кубинские сигары.

Он невольно облизнул губы и пообещал себе, что после этой вахты точно заткнет в каюте датчики дыма и выкурит одну из них.

Приятные грезы прервало экстренное сообщение — высадка началась.

Тони Хоук, оператор CNN. 7165.

В этот раз пригласить с собой в полет симпатичную докторшу не получилось. А жаль, жаль... Судя по ее поведению во время и после полета, у Тони определенно имелись шансы на успех. В конце концов, седина и бледность — чем не образ какого-нибудь модного эльфа или вампира? Стоит, пожалуй, отпустить волосы подлиннее и тогда он точно будет вылитым темным эльфом-вампиром из недавно вышедшего фильма "Властелин колец против Гарри Поттера".

Единственное, что его тревожило — он понятия не имел, нравились ли доктору Кокс эльфы.

Работа пока что была рутинной. Сняв с корабля взлет беспилотников и самолетов, он прыгнул в вертолет и успел заснять с верхней точки отрыв "апачей" от палубы. Затем, почти с уровня воды, понаблюдал за тем, как по опустившейся аппарели на водную гладь скользнул десантный корабль.

Потом их вертолет ушел немного в сторону и вверх, давая общий план. Они с пилотом понимали друг друга с полуслова и шикарно делали свою работу. И гордились этим. По крайней мере, Тони-оператор точно гордился.

Несчастливая Мэри, валяющаяся в госпитале, как-то очень быстро позабылась.

Далеко внизу два десантных корабля, окутанные облаками водяной взвеси, быстро понеслись вперед, к берегу. Сразу за ними, развернув четкий строй, шли четыре вертолета. Тони попытался найти в небе беспилотники и самолеты, но тщетно — дроны были невелики, а самолеты прятались где-то высоко за облаками.

Он снова переключился на корабли внизу.

Тедди Монтгомери, оператор С-801. 7165.

В отличие от всего остального экипажа, зенитный расчет бездельничал в штатном режиме. Лейтенант и русский рубились в шахматы, а Тедди лениво отслеживал ситуацию вокруг корабля. Кроме мельтешения зеленых точек, ничего интересного в воздухе не наблюдалось.

Да и, судя по всему, никакой активности так и не будет. Планета, на которую их угораздило попасть, пока что не радовала изобилием форм жизни. По крайней мере, документально было подтверждено только существование загадочного черного кота.

Тедди внезапно подумалось — а что, если все это — сон или глобальный наркотический глюк? Что, если на самом деле сейчас он спит на вахте или же вообще, одурманенный, валяется в ванне со льдом, потихоньку погибая от кровопотери, потому что охотники за органами вырезали ему почки?

Он вздрогнул, украдкой посмотрел на шахматистов, на всякий случай ущипнул себя за ногу и снова сосредоточился на приборах.

На экране десантные корабли уже подошли к самому берегу, а авиация, совершая сложные перестроения, образовала нечто вроде громадной воронки с основанием в непонятных строениях.

Сзади послышался русский мат — господин Аксенов, похоже, проиграл очередную партию.

Десантник Фил Скотт. 7165.

Пологий песчаный пляж стремительно приближался. А Фил, нагло манкируя своими обязанностями часового, большими глазами рассматривал странные сооружения, начинающиеся в паре сотен ярдов от среза воды. Напоминающие термитники узкие конусы красновато-песочного цвета с синими прожилками на гранях поднимались на высоту трех-четырёх этажей, доминируя над пологой местностью и невысокой растительностью. Конусы рядом с берегом стояли разрозненно, позволяя заполнять пространство рядом с собой кустарникам и мелким деревьям, напоминающим обычные пальмы, конусы чуть подальше начинали ютиться все плотнее, постепенно сливаясь друг с другом и вытягиваясь ввысь. А вдалеке за ними виднелся исполинский монолит, уходящий в небо ярдов на семьдесят.

Впрочем, рассмотреть его в деталях было проблематично, поскольку рассветный туман еще не до конца рассеялся.

Их корабль, подняв тучи песка, лихо взлетел на берег и тут же, выключив турбины, создающие воздушную подушку, мягко хлопнулся на песок. Откинулась аппарель и на пляж выскочил танк, сопровождаемый отрядом морпехов. У Филадельфия опять испортилось настроение — ему предстояло во всем этом веселье выполнять роль статиста. Хорошо еще, что лейтенант Уотс, тоже оставшийся на мостике, вывел на информационную панель над живыми иллюминаторами картинку с камер десантников.

Вид из окна показывал быстро и аккуратно рассредотачивающихся пехотинцев, а также танк, остановившийся на середине расстояния до первых конусов.

Картинки с камер показывали постепенно приближающиеся конусы и транслировали шумное дыхание людей, тащащих на себе по песку десятки фунтов снаряжения.

Старшина десанта Дон Васкес. 7165.

Отделение остановилось перед первыми конусами. Вблизи они уже не напоминали жалкие постройки термитов — глянцевая красноватая поверхность была отполирована почти до блеска, а по синим прожилкам, оказавшимся неглубокими канавками, как будто постоянно перемещались световые импульсы. От вершины — к земле и куда-то дальше, вглубь.

Старшина, не удержавшись, потрогал рукой стенку конуса. Она оказалась неожиданно прохладной и приятной на ощупь. Пехотинцы его взвода, видя колонизаторский успех командира, приободрились и тоже подошли вплотную к конусу.

— Что у вас там, старшина? — раздался в наушнике голос капитана Лэксби.

— Все в норме, сэр! Первый контакт с постройками есть, враждебной реакции не замечено!

В этот момент один из пехотинцев, демонстрируя отвагу и героизм, ткнул пальцем в синюю прожилку рядом со старшиной.

Васкес ослеп и оглох в мгновение ока. Зажмурившись и закрывая руками уши, он почувствовал, что теряет равновесие и даже попробовал было сгруппироваться, но все равно довольно чувствительно приложился о землю плечом.

Чувства возвращались постепенно. Сначала сквозь звон в ушах прорезалась многоголосая ругань, в которой он с удивлением слышал и свой собственный голос. Затем внимание сконцентрировалось на кричащем у него в ухе капитане. Наконец, глаза начали различать очертания окружающей местности.

— Сэр... мы в порядке, сэр, просто ослепли и оглохли. Сейчас отчитаюсь о ситуации.

К ним подбежали десантники из соседнего отделения, аккуратно отгаскивая еще не до конца пришедших в себя людей от опасного сооружения.

Васкес обратил внимание на обуглившееся тело, лежащее совсем рядом с ним в луже расплавленного песка.

— Фак!

— Что у вас, старшина? — тут же откликнулся в ухе капитан.

— Сэр, один человек погиб, коснувшись синей прожилки на постройке. Передайте всем, при взаимодействии с синими прожилками можно получить удар...

— Старшина, контакт! — хриплым шепотом проговорил солдат рядом с Доном.

Он обернулся.

— Капитан, запрашиваю инструкции... запрашиваю инструкции... контакт с местным населением... — в десяти метрах от группы насторожившихся десантников виднелась неизвестно когда появившаяся гротескная черная фигура, слегка напоминающая человеческую.

Люди, замерев, смотрели на аборигена.

Абориген, смешно склонив голову, изучал людей, постоянно перебирая длинными пальцами, выглядящими как потоки тумана.

— Демонстрируй миролюбие, мать твою! — послышался в наушнике злой шепот.

Васкес аккуратно снял винтовку, показал ее аборигену и отложил в сторону на землю. Абориген с интересом посмотрел на его манипуляции, изучил взглядом винтовку а затем снова уставился на старшину, демонстрирующего открытые ладони.

— Э... вы говорите по-английски? — чувствуя себя полным идиотом, спросил Васкес. Абориген оживился, махнул рукой, склонил голову на другую сторону и внезапно достаточно отчетливо произнес:

— Э, фы хофорисе по-анхлийски?

Сзади послышалась пара крепких словечек. Абориген внимательно прислушался, но повторять не стал. Вместо этого он неожиданно опустился на корточки напротив старшины и требовательно протянул вперед руки. Васкес сделал шаг вперед.

— Старшина, не надо, — послышался сзади шепот.

Но он не обратил на это внимания и, практически без колебаний, присел напротив черного существа. В мозгу почему-то совсем некстати крутились мысли о Ниле Армстронге, когда-то первым ступившим на поверхность Луны. Да Армстронг по сравнению с ним — жалкий неудачник... Васкес осторожно протянул вперед руки. Сзади кто-то встревоженно и сосредоточенно засопел. Абориген снова смешно наклонил голову на бок и коснулся своими пальцами рук человека.

Старшина почувствовал вспышку обжигающего холода, стремительно пронесшуюся по всему его телу, а затем мир погас, оставив последней картинкой в угасающем мозгу любопытный и изучающий взгляд черного существа.

Десантник Фил Скотт. 7163.

На транслируемой с нашлемной камеры одного из десантников картинке тело старшины еще падало на песок, а в эфире уже раздался вопль кого-то из его подразделения:

— Старшину убили!

В следующее мгновение заработали автоматы и черная фигура, получив с полсотни

попаданий, рухнула напротив своей жертвы.

Фил с изумлением смотрел, как на экране цвет кожи существа медленно сменяется на чистейший белый, а затем тело рассыпается невесомой пылью.

В эфире бесновался капитан, требуя прекратить стрельбу и вести себя мирно. А из-за конусов навстречу десантникам вышли уже три черные фигуры.

Раздираемые на части естественным желанием стрелять в появившегося противника и прямым приказом капитана этого не делать, морпехи замерли в тревожном ожидании. И тут же поплатились за это. Одно из вышедших созданий пару мгновений изучающе рассматривало оставшийся после смерти своего собрата налет снежно-белой пыли, а затем положило руку прямо на толстую синюю жилу на конусе.

Другой рукой абориген сделал грациозный жест и внезапно вспыхнувший яркими разводами синих линий конус расцвел фонтаном молний, ударившим в людей. Два отделения десанта прекратили существование в одно мгновение. Фила прошиб холодный пот, когда он увидел, как его сослуживцы, секунду назад бывшие живыми и здоровыми, один за другим обугленными манекенами падают в образовавшиеся от чудовищной температуры лужи стекла и застывают там, словно муравьи в янтаре.

— Вот дерьмо, — одновременно произнесли они с лейтенантом.

В этот момент танк, стоящий перед их кораблем, подпрыгнул от выстрела, а в следующую секунду конус, поджаривший морпехов, разлетелся стеклянными брызгами, срезая осколками кустарник, деревья и черные фигуры рядом с собой.

— Да, вот так вот! Получайте, гады! — пафосно крикнул лейтенант.

Фил выскочил на палубу, пробежал на нос корабля, собираясь спрыгнуть на песок, но замер на самом краю.

Немного дальше уничтоженного конуса вспыхнул синими огнями еще один. В этот раз молний не было. Фил вообще ничего не заметил до того момента, когда танк, водящий башней из стороны в сторону в поисках новой цели, внезапно не смялся внутрь самого себя, как пластиковая бутылка, из которой выкачали воздух. Одна гусеница лопнула, погнутая пушка устремилась в небо, по башне внезапно пробежала трещина, а затем изо всех щелей боевой машины мощными фонтанами выплеснулось пламя — не выдержал боезапас. Сорванная башня с погнутой пушкой взлетела высоко в небо, но Скотт на танк уже не смотрел.

Он, наконец, увидел, что выпустил на этот раз конус. От уничтоженного "абрамса" к десантному кораблю быстро приближался сгусток странно преломляющего свет воздуха. Песок на его пути легкой взвесью взмывал вверх, со всех сторон устремляясь в центр непонятной аномалии и бесследно исчезал, попав туда.

Мозги у Фила включились только тогда, когда непонятный сгусток, окруженный облаком песка, оказался совсем рядом с кораблем. Морпех, отбросив винтовку, изо всех сил бросился в сторону и, взлетев на фальшборт, прыгнул прочь.

На один краткий миг летящий человек почувствовал, как невидимые пальцы остановили его полет и дернули обратно, но воздействие тут же прекратилось и Фил, как выброшенная из воды каракатица, шлепнулся на песок совсем рядом с бортом.

Поодаль прогремел взрыв.

Коммандер Рональд Терон. 7109.

На берегу творилась какая-то чертовщина. Эскалация конфликта произошла настолько

быстро и неожиданно, что командер банально растерялся. Практически весь десант оказался уничтожен непонятным оружием, оба танка были взорваны, а один из десантных кораблей начал гореть, коптя небо шлейфом густого черного дыма. На картинке, проецируемой на обзорный экран, было видно, как несколько морпехов бегут ко второму кораблю. Внезапно последний из них запнулся и на глазах у впавшего в ступор Терона рассыпался пылью.

— Сэр! Что передавать подразделениям, сэр? — добрались до его сознания слова энсина Тим.

Он повернул на нее шальные глаза.

— Общая атака, Холли! Цель — все эти конусы. Вооружение — все, кроме ядерного. Выполнять!

И командер снова отвернулся в сторону экрана.

Тони Хоук, оператор CNN. 7106.

Тони снимал. Покрывшись холодным потом от осознания того, что следующий удар местных обитателей может прийти в их машинку, но снимал, выхватывая эффектные ракурсы каждой из трех работающих на вертолете камер.

Взвившийся столб пламени на месте взорвавшегося танка и кувыркающаяся в воздухе башня заставили его замереть от восторга, вцепившись в пульт управления. Прыжок морпеха с корабля, попавшего под удар непонятного оружия, вызвал невольный одобрителный кивок.

А затем Тони-пилот восхищенно ругнулся, а ему самому пришлось срочно переориентировать одну из камер на общий план, а вторую — на авианосец, оставив для крупных планов только третью.

Гордость американского флота впервые за всю историю существования многофункциональных платформ по-настоящему вступила в бой.

Первый удар был неожиданным и ошеломляющим. Воздух словно пронзили мгновенно появившиеся огненные спицы, а затем первые четыре яруса стоящих на берегу конусов, раскрашенных светящейся синей паутиной, словно в замедленной съемке покрылись сеточкой трещин, неуловимый миг простояли в шатком равновесии и затем рухнули вниз горой обломков. Во все стороны разошлась волна пыльного воздуха. А над берегом прокатился запоздавший громовой раскат.

Тони в первый раз в жизни видел полный залп батареи тяжелых рельсовых орудий и теперь молился всем богам, чтобы видео, снятое им, не погибло во время конфликта. Потом он вспомнил, что трансляция идет, в том числе, напрямую на сервер авианосца и успокоился.

Воздух прочертили первые дымные полосы. Десятки беспилотников, притаившиеся где-то за облаками, получили приказ и теперь спешили опорожнить свой арсенал.

Берег внизу расцвел вспышками взрывов. Ракеты, ювелирно корректируемые наводчиками с авианосца, ударили в конусы, стоящие сразу же за только что уничтоженными залпом рельсотронов и, разнеся их в клочки, принялись за следующий ряд. По странному городу катился огненный вал, методично перемальвающий все на своем пути и неуклонно приближающийся к центральному монолиту.

Мимо вертолета одна за другой пронеслись четыре ракеты, красиво завернувшие

траектории перед землей и уничтожившие очередное скопление конусов, обеспечив Тони очередными шедевральными кадрами.

— Да, детка, да! — завопил оператор в экстазе.

Авианосец, показывающийся на второй камере, окутался огнем и дымом — из пусковых шахт один за другим вылетали прятавшиеся там "томагавки". Два, четыре, шесть, восемь... Тони сбился со счета, но, похоже, авианосец выполнил полный пуск из сорока ракет подряд.

Опять все было сработано по высшему разряду — после упреждающего залпа рельсовых орудий и первой волны легких ракет от беспилотников следует тяжелейший удар томагавками, после чего в действие вступит уже живая авиация, работающая по уцелевшим целям. Затем самолеты уйдут на разворот, последует артиллерийский залп, призванный заполнить временной промежуток до того момента, когда новые томагавки займут место в шахтах, а затем новый ракетный залп, новый заход самолетов...

Тони был знаком с теоретической тактикой удара платформы по городу, вследствие использования которой тот превращался в одно бесконечное поле развалин, но не ожидал увидеть это на своем веку.

Мечты сбывались.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Первая пара ракет достигла подножья монолита.

Два слившихся в один взрыва окутали облаком огня и дыма громадное сооружение, разметав окружающие его скопления конусов на мелкие части. Монолит вздрогнул, но устоял.

Следующая двойка ракет скрылась в не успевшем еще опасть огненном облаке и в этот миг циклопическое сооружение ярко вспыхнуло синим огнем бесконечной вязи прожилок на своей поверхности.

Новых взрывов Тони уже не увидел, потому что в этот момент его система камер, перегруженная чудовищным скачком электромагнитного поля, банально сгорела напрочь. Еще хуже было то, что вертолет с вырубившейся электроникой медленно накренился и, все набирая скорость, заскользил вниз, к водной глади.

Тони матерно заорал, понимая, что сейчас его молодая и полная приключений жизнь банально закончится. Он был так поглощен ругательствами, что даже не заметил момента, когда его тезка, сорвав аварийную пломбу, дернул за красный рычаг экстренного катапультирования.

Вертолет, повинувшись замыслу конструктора, в одно мгновение разлетелся на части, оставив от себя только маленькую платформу с двумя людьми, качающуюся под куполом раскрывшегося парашюта.

Рэй Гивен, младший лейтенант, пилот. 7106.

Рэя удар непонятного оружия застал на высоте шести миль — его звено как раз закладывало вираж, выходя на вектор атаки.

F-40, внезапно утративший контроль над своим стальным телом, беспорядочно закувыркался в воздухе, моргая быстро бегущими строчками рестарта системы на тактическом дисплее.

Почти сразу же сзади послышался выстрел катапульты — его новый штурман явно предпочел мирный полет на парашюте головокружительному аттракциону. Рэй прошелся

крепким словом по матушке штурмана и, стараясь удержать вестибулярный аппарат в норме, сжимая кулаки, уставился на дисплей.

Стандартное время полного запуска — минута десять секунд. Лететь до земли с такой высоты — около двух минут. Он должен успеть.

Рэй не видел, что все его коллеги, попавшие под раздачу, уже мудро катапультировались и теперь плавно спускались на парашютах, провожая взглядом падающие в беспорядке самолеты.

Экран вспыхнул и выдал стандартную рабочую картинку, когда до земли оставалось еще почти полторы мили. Пилот схватился за джойстик, включая потухший двигатель сразу на форсаж и одновременно пытаясь стабилизировать полет.

Самолет окончательно ожил и выровнялся только в паре сотен ярдов над стремительно приближающейся землей. Рэй, видя надвигающуюся стену зелени, до отказа потянул на себя джойстик.

В глазах потемнело от перегрузок, из носа хлынула кровь, но стальная птица, почти коснувшись брюхом крон деревьев, все же вышла из пике и уверенно пошла вверх. Пилот потерял сознание.

Восприятие возвращалось к нему медленно, с трудом пробиваясь сквозь головную боль. Перед затянутыми красной поволокой глазами медленно проступали очертания гигантского бело-синего полукруга, обрамленного бескрайней чернотой, наполненной искрами звезд.

— Что за черт? — слабо удивился пилот, ворочая головой по сторонам и морщась от боли. Кровь, натекая из носа, промочила летную куртку и неприятно холодила тело.

В наушниках послышался какой-то неразборчивый хрип.

Потихоньку реальность становилась все более понятной. Самолет, повинувшись последнему сознательному движению лейтенанта, уходил все выше в небо и в данный момент из последних сил упрямо полз куда-то сквозь стратосферу. Со стороны брюха светило местное солнце, далеко внизу, за планетой, виднелась гигантская тень потухшего светила, в стороне, на пределе видимости, просматривался маленький серый шар газового гиганта, располагавшегося на более высокой орбите, нежели их планета.

— Красиво, — от души сказал Рэй, хлопнул заполненным кровью носом и начал разворачивать свою машину обратно к земле.

Десантник Фил Скотт. 7103.

— Я еще жив. Я еще жив, — несколько однообразно и бестолково шептали губы Фила, в то время, как он сам смотрел на здоровенный обломок крыла от F-40, лежащий прямо у его ног.

После того, как монолит вспыхнул синим огнем, столь блистательно начавшаяся атака мгновенно захлебнулась. Ракеты, пущенные с авианосца, кроме первых четырех, поразивших цель, рухнули на странный город бесполезными болванками. Сам корабль прекратил всяческую активность. А сверху посыпались дроны, вертолеты и самолеты.

Скотт наблюдал это завораживающее зрелище, разинув рот и выпрямившись в полный рост, даже позабыв о том, что неприятель совсем близко.

Первым досталось вертолетам, которые, согласно общей стратегии, так и не сделав ни одного выстрела, висели неподалеку над водой. Винтокрылые машинки словно встряхнул невидимый великан, после чего все четыре, беспорядочно кружась, пошли на встречу с

водой.

Фил увидел результат того, как пилоты, понимая неизбежность падения, принялись дергать аварийные рычаги. Во все стороны полетели отстреленные лопасти и куски фюзеляжей. Винт одного из вертолетов умудрился попасть все еще крутящейся с бешеной скоростью лопастью по ракетной подвеске второго.

Стоящий на берегу человек зажмурился от яркой вспышки и поспешно отскочил под прикрытие покореженного десантного корабля.

Через четыре секунды один из потерявших управление дронов врезался прямо по центру кораблика, пробив собой палубу и резервуар с топливом. Вверх взвился столб клубящегося огня, перевитый клубами черного дыма.

Фил на четвереньках бросился наутек, чувствуя спиной и местом пониже спины чудовищный жар.

Отбежав на полсотни ярдов в тень взорвавшегося и теперь лишь слабо чадающего танка, он, задыхаясь, упал на песок. Перевернулся на спину.

С неба падали беспилотники. В море, на пляж, куда-то далеко в джунгли. Некоторые просто уходили под воду или разлетались на искореженные обломки, парочка красиво и эффектно взорвалась, взметнув к небу очередные клубы пламени.

— Да что же это такое творится, — прошептал Фил и тут же примолк. С неба, беспорядочно кувыряясь, прямо на него падал самолет.

Скотт сжался в ожидании неминуемой кончины, но самолет пролетел над ним и над его танком. Спустя мгновение послышался глухой удар, а затем морпеха подбросило взрывной волной — сдетонировал боезапас истребителя.

— Нам, похоже, полная жопа, — пробормотал Фил.

В отдалении один за другим на лес падали еще три малюсеньких самолетика. Один перед самым падением сумел как-то вывернуться и ушел чуть ли не по вертикали в небо, оставшиеся два рухнули на деревья. Один из них взорвался.

Неподалеку раздался еще один взрыв. Фил хотел было выглянуть из-за танка и посмотреть, но тут броня "абрамса" издала протяжный звон и совсем рядом с ним в песок упал горящий кусок крыла от самолета.

И все закончилось.

Горел десантный корабль, окруженный растекшимся и пылающим топливом, мерно потрескивал огонь внутри остатков танка, неподалеку в лесу весело плясали языки пламени от взорвавшегося беспилотника.

Из моря выползал человек в летной форме, таща за собой другого, находившегося, по-видимому, в отключке. На пляж упала спасательная платформа, оставшаяся от вертолета с журналистами. Сами репортеры, похоже, были в порядке, поскольку довольно бодро заковыляли в сторону его танка. Далеко в небе виднелись несколько парашютных куполов.

Фил рискнул подняться и выглянуть из-за своего укрытия. Не сказать, чтобы пляж был густо усеян обломками сбитых аппаратов — в конце концов, летали те в гораздо большем радиусе, нежели зона высадки десанта, — но остатки двух самолетов он точно опознал. Причем в непосредственной близости от себя. Еще немного поодаль валялся разбитый, но не взорвавшийся беспилотник.

Окрестности медленно, но верно затягивало дымом от пожаров. И среди этой дымной пелены зловещим колоссом виднелся монолит, сияющий пронзительным синим светом.

Морпеху послышался тонкий, на пределе слышимости, свист, а затем сияние пропало.

По окрестностям словно прокатился тяжкий вздох и Скотт, замирая от страха, увидел, как со стороны города к нему несется вибрирующий и переливающийся воздушный вал.

Он в очередной раз за последние полчаса простился с жизнью.

Заряд непонятого оружия прокатился совсем рядом, обдав человека волной нестерпимого холода и ультимативно погасив горящий танк. После чего унесся дальше, туда, где далеко в море виднелся силуэт авианосца. Следом за ним по водной глади стремительно бежала быстро расширяющаяся ледяная дорожка.

За спиной у Фила монолит снова начал светиться синим светом, с каждой секундой все ярче и ярче.

— Да вашу ж мать, сделайте же что-нибудь!

Монолит опять свистнул и погас. Умудренный опытом морпех тут же бросился прочь от своего укрытия. И не зря — новый сгусток воздуха, пролетев сквозь многострадальный танк, заставил его рассыпаться по песку серой трухой. Скотт протер глаза, но танка действительно больше не существовало. Только неровная кучка серой трухи. И такого же цвета неширокий след, ведущий в море параллельно замороженной дорожке.

В третий раз вспыхнуть и погаснуть монолиту было не суждено. Над головой у морпеха вспыхнули ослепительные полосы, раздался оглушительный грохот, а мгновение спустя спустя со стороны города донесся страшный удар. Фил поспешно обернулся. Стрелявший явно сделал выводы из того, что четыре ракеты так и не сумели взломать поверхность сооружения. Залп рельсовых орудий в этот раз был бронебойным и двадцать болванок, попавших в самую середину монолита, образовали идеальный круг ярдов в десять диаметром. Фил помнил из прочитанной когда-то статьи в военном журнале, что в случае такого распределения ударной нагрузки внутренняя часть испытывает колоссальные деформации и, даже если броня умудряется выдержать одиночный выстрел из рельсотрона, такой залп для нее все равно смертелен.

Предел прочности имелся и у монолита, причем, явно меньший, чем рассчитывал стрелявший. Внутреннюю часть круга просто внесло внутрь сооружения, протащило сквозь него и выплюнуло с другой стороны, проделав сквозную дыру. Монолит содрогнулся всем корпусом, пару раз мигнул синими огнями, а затем, не справившись с ударом, медленно и величественно начал заваливаться назад. Но все же не завалился, оставшись стоять под нелепым углом. Огоньки с его поверхности исчезли.

— Да! — на радостях заорал морпех. За его спиной слышались такие же радостные вопли журналистов.

Земля под ногами опять затряслась, заставляя Фила упасть на пятую точку. Странный город, расположенный вокруг поверженного колосса, рушился. Рассыпались собрания конусов, подламывались и падали отдельные оставшиеся в строю "здания".

Через пару минут к воплям радости присоединились вылезший из моря вертолетчик и его пришедший в себя спутник. Впрочем, общее ликование оказалось недолгим.

Последовал новый толчок и развалины города зашевелились. Люди замерли. Фила охватило нехорошее предчувствие.

— О, боги, почему у меня нет камеры, — послышался сзади шепот.

Из под руин медленно, но неотвратно поднималось что-то колоссальное.

— Они пускают стратегические, — раздался другой голос и все обернулись на авианосец. Там, опираясь на огненные хвосты, одна за другой уходили в небо маленькие черточки ракет.

Коммандер Рональд Терон. 7103.

Удар по электронике был нанесен коварно, неожиданно и с чудовищной силой. Вырубилась все системы, как основные, так и резервные. Неизвестное оружие шутя прошло сквозь всю хваленую защиту против электромагнитных импульсов.

Откуда-то доносился тревожный запах обгоревшей проводки. Коммандер с холодком в душе успел подумать, что, не дай бог, досталось еще и последнему оставшемуся в строю реактору.

Мостик замер в ожидании. Люди сидели в едва освещенном помещении, смотрели на строчки прогружающихся систем, нюхали вонь от обуглившейся где-то изоляции и думали, наверняка, о чем-то не самом хорошем. Сам коммандер с ностальгией вспоминал времена, когда с мостика можно было все увидеть вживую, через иллюминаторы. Раньше он бы ни за что не оказался в таком гробу без единого окна... Рональд встряхнулся.

— Внимание всем! После восстановления систем удар из всех орудий по центральному монолиту! Игнорировать строения вокруг до уничтожения первоочередной цели!

— Есть, сэр! — браво козырнула Холли и отбежала к коммуникативному узлу.

Наконец, обзорные экраны вспыхнули, показав окружающую действительность. Действительность выглядела печально — то здесь, то там на берегу виднелись костры от упавших летательных аппаратов.

— Смотрите, сэр!

— Что за черт?

Коммандер, рассматривавший у себя в очках берег на максимальном приближении и не обращавший внимания на пространство между берегом и кораблем, не сразу понял, в чем дело.

— Оно приближается!

Рональд, наконец, догадался вернуть очкам нормальный масштаб и с удивлением увидел быстро несущуюся к борту авианосца белую полосу, напоминающую потек льда. Было очевидно, что ни увернуться, ни как-то предотвратить столкновение кораблю не удастся.

Коммандер врубил общекорабельную связь.

— Внимание всем! Десятисекундная готовность до удара! Девять. Восемь. Семь...

Лейтенант Джимми Псаки, пресс-атташе авианосца. 7103.

Корпус корабля слегка вздрогнул. Джимми, вцепившийся в подлокотники кресла, несколько удивленно переглянулся с Глорией, дежурившей вместе с ним в пресс-центре.

— И это все? — спросила она.

В следующий момент дальняя от них пластиковая стена заскрежетала и как-то странно изогнулась, как будто съеживаясь. По обшивке побежали морозные узоры.

— Ой! — вскрикнула старшина.

Через секунду висящий на стене монитор сорвался и упал на пол, разлетаясь на неправдоподобно мелкие осколки.

— Бежим! — завопил Джимми и соскочил с кресла, чувствуя, как липкие пальцы неземного холода пытаются ухватить его нежное тело.

Стена, не выдержав перепадов энергии, рухнула грудой обломков, обнаружив за собой

украшенный ледяными узорами коридор с покрытым инеем телом, безвольно прислонившись к переборке. Глория взвизгнула и, резво спрыгнув со своего места вслед за шефом, попыталась броситься к выходу, но поскользнулась на внезапно обледеневшем полу и упала прямо рядом с рабочим столом. Еще один компьютер рассыпался замороженными брызгами.

Джимми потратил нестерпимо долгую долю мгновения, пытаясь решить, помогать ли подчиненной или же удирать со всех ног самому. Точку в его моральных терзаниях поставил странно струящийся и переливающийся воздух, стремительно втекающий в пресс-центр сквозь дыру в стене. У тела в коридоре с отчетливым хрустом подломилась нога и Джимми, очнувшись, метнулся к противоположному выходу, не слушая криков пытающейся встать Глории.

Крики внезапно прекратились, когда лейтенант уже схватился за ручку. Помимо своей воли он обернулся. Его подчиненная изломанной белой куклой лежала на полу, протянув руку с растопыренными пальцами в его сторону. В заледеневших глазах застыл ужас.

Джимми невнятно хрюкнул и, спасаясь от приблизившейся уже вплотную стены переливающегося воздуха, рыбкой прыгнул в коридор.

Колеблющиеся струи догнали его в полете, окутали нежным саваном и, опустив температуру тела лейтенанта Псаки с плюс девяносто семи градусов по Фаренгейту до минус четырехсот тридцати, унеслись дальше, раскрашивая стены коридора диковинным ледяным орнаментом.

Летящая по инерции статуя человека ударилась о стену и упала на пол, расколовшись на несколько частей.

Из-за насмешки судьбы, катящаяся по полу голова лейтенанта остановилась так, как будто бы смотрела на тянущуюся к ней в последней надежде руку Глории.

Волна холода продолжала идти сквозь корабль.

Роберт Ки, кок. 6734.

— Не понял, что за хрень? — Роберт, идущий на процедуры в госпитальный блок из своей каюты, куда был отпущен день назад добрым доктором Льюисом, остановился в недоумении.

Мало того, что только что вырубилось все освещение и коку пришлось несколько минут блуждать в темноте, так еще и впереди в коридоре творилось что-то непонятное. Роберт поежился от внезапно нахлынувшего холода и, крепко вцепившись в костыль правой рукой, потрогал левой стену коридора.

Стена была холодной. Даже не так, стена была чертовски холодной и его пальцы мгновенно прилипли к металлу. Холод попытался было ухватиться за руку целиком, но Роберт, с воплем отодрав пальцы и оставив на переборке несколько кусочков кожи, этому воспрепятствовал. Становилось все холоднее.

Кок длинно и нецензурно выругался, баюкая окровавленную руку, но не решаясь идти дальше, к госпиталю. Там явно было еще хуже. Впрочем, ранки на кончиках пальцев, хоть и болели все неприятнее, но никак не угрожали жизни и уходить назад Роберту тоже не хотелось. Он, наверное, долго еще бы стоял в колебаниях, если бы не доктор Кокс, с деловым видом выскочившая откуда-то из-за его спины.

— Добрый день, мисс, — поприветствовал он девушку, остановившуюся рядом с ним и с удивлением смотрящую на медленно проявляющийся на стене иней.

— И вам доброго дня, — машинально ответила она. — Что здесь происходит? Вы поранились?

— Пустяки, царапина. А вот что за холодрыга и откуда она — это я не знаю. Но вперед лучше не идти, тут с каждым шагом все холоднее.

— Там же больные! — спохватилась доктор и решительно направилась вперед, обхватив мерзнущие плечи руками

Роберт чертыхнулся и заковылял следом.

Пока они дошли до совсем близко, казалось бы, расположенного госпитального отсека, температура опустилась, по скромным подсчетам Роберта, градусов до шестидесяти ниже нуля. Докторшу разобрала крупная дрожь, кончик курносого носика посинел. Самого кока тоже бил озноб, а попутно одолевали подозрения, что ничего хорошего они в госпитале не увидят.

Перед железной дверью, ведущей в отсек к пациентам, доктор притормозила. Впрочем, Роберт ее понимал — хвататься руками за покрытое инеем железо ему тоже не хотелось.

— М-м-может-т, в-вер-рнем-м-с-ся? — стуча зубами, проговорил он.

Она в ответ попыталась что-то сказать, но тоже щелкнула пару раз зубами и, решив больше не пробовать, просто помотала головой.

А затем с решительным видом спрятала покрытую пупырышками руку в рукав и осторожно ухватила ручку двери через ткань. Подергала, потянула — безуспешно.

— Позволь-льте я, мисс-с...

Дверь открылась только после нескольких ударов костылем и последующего энергичного дерганья. Роберт даже чуть-чуть согрелся.

Докторша, не обращая внимания на новую волну холода, заскочила в открывшуюся дверь и замерла. Затем кок услышал тихий всхлип и потерявшая сознание девушка рухнула прямо на него, чуть не сбив с ног. Роберту пришлось выпустить костыль и опереться плечом о стену коридора, чтобы не упасть самому и не уронить ее на ледяной пол.

Сломанная нога, на которую пришлось встать, отозвалась острой болью, плечо обожгло холодом, но он справился.

Прежде, чем потащить девушку обратно к теплу, Роберт все же одним глазком заглянул в отсек. Заглянул, прошептал "боже мой" и постарался выбросить увиденное из головы.

В замороженном насквозь отсеке больше не было пациентов. Теперь там оставались только чертовски реалистичные, покрытые белым инеем скульптуры людей.

Коммандер Рональд Терон. 6734.

— Вроде бы никакого воздействия не чувствуется, — осторожно заметил Найджел, непонятно как оказавшийся на мостике.

— Похоже на то, — задумчиво произнес коммандер.

Странная ледяная дорожка, пробежав до корабля, ударила о борт прямо напротив надстройки, покрыла значительную часть корпуса инеем, а затем, судя по картинке с обзорных камер, появилась с другой стороны авианосца и убежала вдаль.

Освещение внезапно резко притухло, послышался предупреждающий писк систем. Со стороны штурманского отдела послышалась легкая, но все равно неуставная ругань.

— Всем сохранять спокойствие! — Рональд в этот раз первый разобрался в ситуации. — Это просто залп рельсотронов.

Картинка на одном из мониторов, показывающая берег, укрупнилась, показывая стоящий посреди полуразрушенного каменного города монолит. Тот, получив сквозную

пробоину, медленно валился на землю.

— Да, черт возьми! — старший штурман победно вскинул вверх руки.

Кто-то зааплодировал. Энсин Тим запрыгала от восторга. Сам командер почувствовал приближающуюся победу. На этом фоне экстренный вызов из центра мониторинга показался громом среди ясного неба.

— Громкую связь!

— Говорит оператор Исаак Ливингстон, сэр. Только что в радиусе трех тысяч миль от нас спутник засек одновременный пуск неизвестных летательных аппаратов из семи различных мест. Разброс времени — в пределах секунды. Картинка со спутника не везде идеальна, но снимки есть. Вывожу сводную информацию.

На центральном оперативном экране понеслась обобщенная информация. Сначала выскочила схема континента, у берегов которого они находились. Континент был не очень велик, примерно как половина Австралии.

Картинка его поверхности раскрасилась точками, векторами и спутниковыми снимками. На снимках виднелись каменные города, все как один похожие на тот, что находился от них в нескольких милях, на берегу.

— Да нам, похоже, объявили войну, — сдавленно произнес кто-то.

— Аналитики выдают предварительный анализ, — произнес продолжающий оставаться на громкой связи Исаак. — Судя по векторам движения аппаратов, времени запуска и данным спутника, мы столкнулись с неприятелем, связанным одной системой связи. Вероятность широкомасштабной агрессии против нас — больше девяноста пяти процентов. С учетом предполагаемых боевых возможностей неприятеля и нашего текущего состояния, нам грозит уничтожение с вероятностью в восемьдесят процентов и выше. Рекомендуемые меры — немедленный встречный ядерный удар по всем зарегистрированным точкам неприятеля и последующая подготовка к отражению атаки уже поднявшихся в воздух сил. Операторы стратегических ракет находятся в полной готовности. Координаты ими получены. Нужно ваше решение.

"Замечательный первый контакт с внеземной цивилизацией", — подумал про себя командер и отдал короткий приказ.

Через десять секунд из предусмотрительно открытой перед высадкой шахты на корме авианосца выглянул первый из полосатых цилиндров.

— Да здравствует первый контакт разумных цивилизаций, — озвучил-таки свою печальную мысль Рональд, смотря на оперативный экран. На экране в сторону авианосца медленно ползли семь красных точек. Со стороны авианосца в сторону красных точек уходили точки зеленые. Уже пять.

На другом экране очередная ракета выскользнула из шахты и к зеленым точкам прибавилась шестая.

— Если такие контакты будут продолжаться с такой же интенсивностью, нам точно несдобровать, — мрачно заметил шеф полиции. — У нас сколько ракет-то межконтинентальных осталось? Две?

— Да, — не менее мрачно подтвердил командер.

— Зато у нас очень много обычных "томагавков" и на них тоже наберется пара десятков ядерных зарядов, — старший штурман Бойлз явно не разделял их пессимизма.

— Ну да, только дальность полета...

— Сэр, внимание на берег! Движение!

— О, боже, смотрите, что с палубой!

Два женских голоса, оба с нотками истерики, принадлежали Холли и мисс Ван Вейк. Люди на мостике закрутили головами, пытаясь понять, что и где случилось. Рональд уставился на экран, показывающий неприятельский берег.

Там из руин города медленно поднимался ввысь какой-то огромный предмет непонятных изломанных форм, испещренный синими прожилками и покрытый странными ребрами и выступами.

— Рельсам — огонь! — скомандовал он и не сразу понял, что его никто не слушает. Люди, застыв, смотрели на расположенный на стене обзорный экран, показывающий уходящую вдаль палубу корабля.

Глеб Аксенов, консультант. 5921.

— Ох ты ж твою мать... Едрена вошь...

Душу консультанта переполняли эмоции. Можно сказать, что таких глубоких и неподдельно острых переживаний он не испытывал со времен первого секса — точнее, со времен пробуждения после гулянки, в результате которой этот секс произошел. Тогда, увидев, какой ужас по пьяни оказался у него в кровати, он произнес примерно то же самое.

После того, как что-то вырубил даже совершенно неубиваемую русскую электронику, Глебу пришлось отложить очередную шахматную партию и, вооружившись аварийным набором, в темпе выскочить на палубу к вынесенному туда аварийному пункту управления механизмами ракетных шахт. Американцы, оставшиеся около перезагружающегося пульта, что-то кричали вслед, но объяснять ситуацию у консультанта не было никакого желания. Тем более, что американским друзьям совершенно необязательно было знать о том, что в лучшей зенитно-ракетной системе мира был небольшой косячок — при полной аварийной перезагрузке всех систем почему-то выключалась система открытия ракетных шахт. На экране все было в ажуре, а на деле уходящая ракета утыкалась в заслонку, в лучшем случае выбивая ее к чертям, попутно теряя пригодность к дальнейшему полету, а в худшем — взрываясь прямо в шахте, выводя при этом из строя все шахтное звено. Лечилась эта неполадка быстро, но, увы, только руками и только при контакте с самим механизмом.

Добраться до шахт и поменять свихнувшийся датчик заняло у консультанта всего несколько минут — когда знаешь, что и как делать, все оказывается даже слишком просто.

Захлопнув стальной люк, Глеб выпрямился и шагнул обратно. Навстречу ему потянуло легким сибирским холодком. Он в недоумении остановился — с неба все так же светило солнце, как раз выглянувшее во всей своей красе из-за упитанных облаков, на далеком берегу виднелись зеленые заросли, за бортом лениво плескалось море... Вроде лето же? Легкий холод, тем временем, стремительно превратился в трескучий мороз, заставив человека от души выматериться и, поскальзываясь на внезапно обледеневшей палубе, отбежать подальше от надстройки, туда, где еще чувствовались остатки тепла.

Пробежав полсотни метров, Глеб остановился. Здесь прохлада уже практически сошла на нет и продолжала исчезать, разгоняемая лучами висящего над головой светила.

— Если я когда-нибудь вернусь домой, мне один хрен никто не поверит, — задумчиво качая головой, пробормотал он, рассматривая полосу инея, перечертившую палубу авианосца от борта до борта. Иней начинался метрах в сорока от него, покрывал всю палубу от борта до борта, взбирался на несколько метров по надстройке, уходил немного дальше в сторону кормы и там заканчивался.

Глеб, мимоходом глянув на далекий берег, затянутый дымом, аккуратно подошел к краю палубы и посмотрел вниз. Широкая белая полоса убегала по корпусу до самого среза воды, где плавно переходила в медленно расползающуюся ледяную дорожку, уходящую к пляжу. Легкие волны то и дело перехлестывали через нее, украшая все новыми и новыми абстрактными скульптурами — похоже, температуры этого льда хватало на то, чтобы проморозить даже быстро проносящиеся мимо брызги.

Через несколько секунд созерцания странного природного явления прямо под ногами у Аксенова из борта корабля выплеснулись клубы огня и каждую клеточку его тела сотряс звуковой удар — батарея рельсовых орудий отправила в сторону берега свои снаряды. Самих болванок оглушенный и напуганный Глеб, понятно, не разглядел, увидев только огненные нити траекторий, теряющиеся вдаль и почувствовав толчок под ногами. Впрочем, на фоне ударной волны он показался ничтожным.

Почти сразу же корпус корабля тряхнуло еще раз — вдалеке, над кормой, опираясь на огненный факел, ввысь пошла толстая длинная ракета. За ней еще одна. И еще...

За бортом послышался треск — ледяной мостик, не выдержав колебаний, ломался. Куски льда, отвалившиеся от него, расплывались в стороны.

— Ладно, что-то я засиделся здесь, — пробормотал себе под нос консультант, отрываясь от зрелища крошащегося льда и отправляясь обратно к надстройке, поближе к родной диспетчерской. Мертвящим холодом навстречу уже не тянуло, иней даже потихоньку начинал таять, так что ничего особо страшного в возвращении он не видел. Разве что дым от ушедших в небо ракет — но легкий ветерок тянул в другую сторону и ядовитые облака уже относилось от корабля.

Пройти ему удалось лишь несколько шагов. Затем ноги консультанта замерли, отказываясь двигаться дальше, а нижняя челюсть стремительно поползла вниз, не в силах противостоять впечатлению от увиденного.

Началось все как-то буднично и спокойно. Словно легкий ветерок взметнул песчаную поземку над палубой авианосца. Мутное облачко окутало с полсотни метров правого борта, затем, кружа в непонятном танце неизвестно откуда взявшуюся посреди моря пыль, стремительно пронеслось поперек корабля и исчезло с другой стороны, оставив за собой лишь легкий туманный след.

Кружащаяся в воздухе пыль медленно осела на палубу невесомым серым покрывалом... И та как-то мирно, беззвучно и от этого еще более пугающе провалилась вниз. Вся. От борта до борта. В воздух взметнулись новые облака серой пыли.

—!

Граница провала пролегла всего в каких-то десяти метрах от Глеба и новое облако вырвавшейся на свободу пыли мгновенно накрыло его целиком, заставив зажмуриться и закашляться.

На несколько секунд он замер в неподвижности с закрытыми глазами, ожидая чего-то страшного и сдерживая рвущийся наружу кашель. Ничего не происходило. Глеб решил открыть один глаз.

Все вокруг было покрыто стремительно оседающей пылью. Палуба, он сам, какой-то посадочный фонарь неподалеку... Но ничего сверхъестественного больше не происходило. Просто пыль, опускающаяся на палубу.

Консультант сделал осторожный шаг вперед, в ту сторону, где когда-то была надежная стальная поверхность, а теперь все еще клубилось серое облако.

Видимость быстро улучшалась и он снова не сумел сдержать крепкого словца. Прямо у него из под ног вниз уходил гигантский провал. Далеко внизу сквозь мутную пелену виднелись проблески воды. Там же, где только что находились авиапалубы, жилые помещения, какие-то склады, — там была лишь пустота, наполненная все той же падающей вниз пылью.

Глеб аккуратно лег животом на палубу и заглянул в провал. Прямо под ним находился вертолет с открытым двигательным отсеком и наполовину отсутствующим хвостом. Задняя часть винтокрылой машинки выглядела так, как будто кто-то просто отпилил этот ненужный хвост тупой пилой. Рядом с вертолетом стоял какой-то человек, с ног до головы облепленный все той же пылью и страшно ругался по-испански. Чуть дальше стоял самолет, тоже, похоже, находившийся на ремонте. У него отсутствовала половинка крыла, оказавшаяся на границе провала.

На палубе ниже виднелось складское помещение, заставленное когда-то зелеными, а теперь ультимативно-серыми ящиками. Еще ниже из толстого обрезка трубы под неплохим напором лилась прозрачная жидкость, похоже — авиационное топливо.

Глеб перевел взгляд на противоположную сторону. Пыль уже почти улеглась и ему в голову пришла безумная мысль — да это же муравейник, как в зоопарке! Когда-то давно ему довелось повидать такой. Собственно, тогда люди просто взяли и аккуратно разделили стеклом самый обычный муравейник, а затем выкинули одну часть за ненадобностью. Зато получили возможность наблюдать через стекло за деловито снующими по своим делам муравьями.

— А здесь мы все, как муравьи, — пробормотал он, рассматривая противоположную сторону провала.

Люди-муравьи там пребывали в состоянии легкой паники. Кто-то изо всех сил пытался отряхнуться от пыли, кто-то, как Глеб, глазел на провал, какой-то муравей оказался в глухой половинке отсека без окон и дверей и теперь притаился в уголке, опасаясь подойти к открывшейся бездне.

"Ничего, тем муравьишкам в зоопарке тоже несладко пришлось", — проскользнула неожиданно злорадная мысль.

Далеко внизу послышался тягучий и томный металлический скрип, а палуба под лежащим консультантом легонько наклонилась в сторону, мигом заставив забыть о муравьях и намертво вцепиться в спасительный край обрыва. Мозг заполошно стал вспоминать схему гигантского корабля. По идее, запаса живучести должно хватить на то, чтобы при практически нулевом волнении...

Снизу раздался новый душераздирающий скрип и человек еще крепче вцепился вспотевшими руками в палубный настил.

Рэй Гивен, младший лейтенант, пилот. 5921.

F-40 стремительно несся к далекой земле. Даже, скорее, падал — незапланированная попытка вывода истребителя на орбиту стоила порядочно топлива и теперь Рэй на всякий случай сэкономил, практически потушив двигатели и позволяя гравитации делать свое дело.

— База, это ястреб-четырнадцать, прием.

Тишина. Белые холмы облаков далеко внизу. Блики от солнца на фюзеляже.

Пилот набросил на глаза забрало тактического шлема. Мир вокруг немного потемнел, но ничего нового взгляду пилота не открылось.

— Неужто меня так далеко в сторону занесло, — пробормотал он и активировал режим полного погружения.

Кабина, фюзеляж, сам пилот — все исчезло. Перед глазами человека оставалось лишь безбрежное море облаков, то здесь, то там покрытое пятнами просветов, сквозь которые виднелись голубые отблески моря или зеленые — суши.

Рэй, как обычно, на всякий случай покрепче взялся за джойстик. Умом-то было понятно, что самолет никуда не делся, но глаза упрямо сообщали, что он висит один, как гордый стратосферный жаворонок, в неведомой вышине и вокруг него уж совершенно точно нет никакой железной машины.

— Сканирование.

По нарисованному миру пробежала рябь, а затем с краю поля зрения высветились строчки:

"Найдено: объект "База" Статус: активен.

Найдено: объект "ястреб-3". Статус: неактивен.

Найдено: объект "ястреб-7". Статус: неактивен.

Найдено: объект "ястреб-6". Статус: неактивен.

Найдено: объект "ястреб-17". Статус: неактивен.

....."

— Ну, хоть с кораблем все в порядке, — с надеждой в голосе сам себе сказал Рэй.

— Объект "База" — выдать направление. Режим полного погружения — отключить.

Вокруг пилота снова возник самолет. А перед глазами нарисовалась стрелка, указывающая куда-то влево. Он послушно потянул джойстик, разворачивая машину. Стрелка быстро уменьшилась и превратилась в точку на экране. Под точкой появилась маленькая заметка, информирующая, что до цели осталось сто восемьдесят миль.

— Да, унесло меня, однако, — снова пробормотал Рэй, заново разгоняя двигатели. — И когда только успел...

Истребитель, оставляя идеально ровный инверсионный след, ввинтился в тонкий слой перистых облаков, прошел его насквозь и вывалился на более привычные и знакомые высоты. Зеленая точка стремительно приближалась.

— Э, э... Мать твою!!!

Одна за другой прямо навстречу самолету стремительно шли три... нет, уже четыре дымных полосы, увенчанные темными черточками. Шлем, словно спохватившись после возгласа пилота, тут же обвел их оранжевым и заодно закрасил красным цветом добрую половину видимого пространства. И противно запиликал, предупреждая о неприятностях.

— Да знаю я...

Пилот быстро повел джойстик в сторону и истребитель ушел набок, сваливаясь в сторону и вниз, подальше от приближающихся ракет. Свой-то свои, но каждый пилот знал, что, получив боевую задачу, процессор стратегической ракеты перестает оперировать понятиями "свой-чужой" и воспринимает любой объект в непосредственной близости от курса как однозначно вражеский.

А, поскольку межконтиненталки давно перешли стадию простого забрасывания заряда из точки А в точку Б, то и методы противодействия вражеским объектам у них имелись вполне серьезные. Вплоть до нескольких гиперзвуковых ракет, прячущихся в основном

корпусе.

Рэю совершенно не хотелось мешать уходящим вдаль ракетам выполнять неизвестную миссию и еще меньше хотелось вступать с ними в перестрелку. Так что, уведя истребитель почти к самой земле и выйдя из красного сектора, он мысленно вытер со лба пот. А теперь можно и к кораблю. Тем более, что датчик топлива ненавязчиво напоминал о том, что его полет уж точно не будет продолжаться вечность..

Зеленая точка вдалеке по-прежнему не желала отвечать на запросы и лейтенант приготовился к самому худшему.

— Ястреб-четырнадцать, на связи СМОС. Доложите обстановку, прием, — внезапно пробился в шлеме незнакомый голос.

— Это ястреб-четырнадцать, сэр! Был вынужден выйти из боя, на данную секунду не получаю никакой тактической информации. Запас лета — тридцать семь минут, боезапас — полный. Сэр, почему не отвечает база?

— Лейтенант, теперь вас веду я. Все вопросы — потом. Ловите информацию. Поддержите атаку на первоочередную цель, дальше разрешаю действовать по обстановке. Отбой.

— Есть, сэр... — что за хрень, интересно, успела здесь произойти, если его ведет какой-то непонятный оператор со станции мониторинга? И с каких пор истребителям выдают приказ действовать по обстановке?..

Шлем раскрасился оперативной информацией, показывающей положение дел на быстро приближающемся пляже. Рэй удивленно присвистнул. Статус живучести авианосца находился на немыслимых, невозможных пятидесяти восьми процентах. Зеленых точек около него и на берегу были считанные единицы. Это из полноценного-то десанта с авиационным прикрытием. А над всем этим виднелся потихоньку набирающий высоту силуэт непонятного летательного аппарата, обведенный красным цветом. Для совсем тупых рядом виднелась табличка с надписью "приоритетная цель".

— И что тут такого? — по привычке пробормотал себе под нос пилот. — Залп рельс — и прощай...

Рельсотроны молчали. Хваленая С-801 молчала тоже. Набирающий высоту для захода на цель пилот внезапно понял, что по вражескому объекту работает только корабельная артиллерия — жалкий атавизм прошлого века, впрочем, еще вполне себе эффективный в определенных условиях. Но, похоже, не в текущих — хоть на корпусе неизвестного летательного аппарата и вспыхивали нескончаемой чередой разрывы снарядов, видимого вреда они ему явно не наносили. По крайней мере, Рэй не заметил каких-то особых повреждений. В голове у него промелькнула мысль о том, что его ракеты тоже могут оказаться не слишком действенными, но он постарался отогнать ее прочь.

— Ну, с богом...

Серебристо-стальная птица на мгновение зависла в высшей точке своей траектории, а затем, завалившись на крыло, рванулась вниз, туда, где неторопливо набирал высоту противник.

Рэй, вжимаемый в кресло все усиливающейся перегрузкой, аккуратно зажал прямоугольную клавишу на джойстике и из-под крыльев самолета вперед потянулись дымные следы от ракет. Пилоны опустели практически мгновенно — нечасто умный боезапас расходовался настолько бездумно и примитивно. В земных условиях шестнадцати ракет хватило бы на выполнение пары миссий против африканских террористов. Сейчас же

Рэй надеялся, что, сконцентрировав ударную мощь на одном из выступов летательного объекта, представляющего собой асимметричное сочетание неправильных тетраэдров, ему удастся хотя бы немного отвлечь внимание противника на себя.

На поверхности чужака вскипело море огня и аппарат, к радости человека, ощутило содрогнулся. Почти сразу же Рэй потянул джойстик на себя, резко уходя в свечку прямо над целью. Ведомые безупречной автоматикой, из брюха самолета выскочили четыре продолговатых цилиндра — кумулятивные бомбы. Мгновенно стабилизировавшись и поймав заданную цель, каждая бомба выплонула по длинному языку пламени, как можно сильнее разгоняясь перед ударом.

Рэй, продолжая уходить перпендикулярно вверх, включил полный обзор и крутанул картинку в шлеме, смотря на происходящее внизу. Бомбы достигли вражеского аппарата. Предназначенные для того, чтобы прожигать многометровые бетонные перекрытия, они распустились огненными цветками на спине чужака, ушли вглубь и выплеснулись длинными шлейфами пламени из брюха. Конструкцию повело в сторону, затем она приостановилась, но все же не удержалась в воздухе, завалилась набок и рухнула в прибрежные воды. Уже под водой полыхнуло два взрыва, в результате которых океан в радиусе добрых пятидесяти ярдов сначала мгновенно замерз, а затем взвился вверх облаком огня. Но пилот этого уже не увидел, поскольку влетел в слой облаков и потерял живую картинку.

Не видел он и того, что перед попаданием бомб противник все же успел сделать свой ход.

Рэй вывалился обратно на чистое пространство практически сразу же, но на месте падения чужого летательного средства уже ничего не происходило — только бесновались волны. Он развернул самолет в сторону авианосца и присвистнул от удивления. Пятьдесят восемь процентов живучести у неубиваемой многофункциональной платформы — это и так очень сильно, но увидеть корабль практически разделенным пополам и неизвестно как еще представляющим из себя нечто, напоминающее единое целое — к этому его жизнь не готовила.

— База, что, черт возьми, у вас происходит?

В этот самый момент прощальный вражеский подарок достиг цели и поперек передней половинки корабля словно ударили огромным ломом — палуба в один миг прогнулась и опустилась внутрь. Броневые плиты пошли волнами, закручиваясь, разрываясь и изгибаясь под немыслимыми углами. Весящий тысячи и тысячи тонн нос корабля смешно вздернулся к небесам. Из разрыва в корпусе в океан хлынуло горящее топливо. А затем вверх, окутанные пламенем, полетели все те же разорванные стальные пластины и балки — в этот раз кораблю не повезло совсем уж капитально и сдетонировал, похоже, сразу весь ракетный боезапас, находящийся неподалеку от места попадания. Рэй от греха подальше увел самолет за облака. Топлива оставалось еще на двадцать минут полета.

Младший лейтенант Джозеф Виск. 4172.

Лейтенант откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. С тех пор, как какое-то оружие врага уничтожило семь из двадцати подвластных ему орудий, а затем и вообще начисто вырубил канал подачи энергии, он чувствовал себя самым беспомощным человеком на свете. Более того — скорее даже мишенью в тире, видящей, что в нее целится желающий получить приз стрелок. Его команда испытывала схожие чувства.

Особенно больно было осознавать, что по факту у корабля практически не осталось вооружения для встречного боя с непонятными пришельцами — на исправно работающем экране было видно, что по неприятелю работает только артиллерия, а ракеты, так же, как и его рельсотроны, молчат.

Как ни дико было это осознавать, но пушистый сибирский лис, как говорят русские, похоже, подобрался вплотную к авианосцу.

Именно поэтому появление одинокого самолетика, выпустившего по противнику сразу весь боезапас и неожиданно добившегося успеха, было воспринято сначала с неверием, а потом — с дикой радостью, сопровождаемой бурными аплодисментами.

Джозеф откинулся на спинку и, радостно улыбаясь, прикрыл глаза. Все же выстояли. Победили.

Авианосец легонько тряхнуло и лейтенант снова с испугом поднял веки.

Элис Картер, симпатичная афроамериканочка, в обычное время охотно выполняющая функции "принеси-подай", а во время стрельб ювелирно управлявшаяся с парой своих орудий, уже успела сменить на экране вид с фронтального на верхний.

Как раз в это время обломки палубы с носа корабля, сопровождаемые клубами огня, устремились вверх, прямо на камеру, закрепленную в высшей точке авианосца.

Вокруг "Барака" вспыхнуло море. Огонь расплескался вокруг правого борта, добрался до уродливой расщелины, пересекающей гордость американского флота, похоже, нашел там дополнительное топливо и полыхнул с утроенной силой. Не прошло и минуты, как вся носовая часть корабля почти полностью оказалась окружена пламенем.

— Боже мой, там же люди... Там наши ребята...

Посреди изломанной палубы вспух еще один огненный шар.

— Я бы на твоём месте вспомнил про то, что там, в том числе, ядерные боеголовки к томагавкам хранятся...

— Внимание! — прокатился по диспетчерской безликий голос одного из операторов мониторинговой станции. — Оперативная сводка. Все вражеские единицы в непосредственной близости уничтожены. Стационарные базы врага будут поражены в течение десяти — пятнадцати минут. Контакт с поднявшимися в воздух аппаратами противника ожидается в течение полутора часов. Время может измениться.

Голос взял небольшую паузу.

— В настоящее время фактически уничтожены все боевые средства на протяжении носовой трети корабля. Обе линии тяжелых рельсотронов выведены из строя и должны быть заменены альтернативными батареями. Ракетные пусковые установки повреждены и не смогут быть введены в строй до прихода неприятеля. Авиакрыло уничтожено на восемьдесят три процента. Основные зенитно-ракетные комплексы С-801 не функционируют.

Еще одна пауза.

— Приказ по кораблю. Первоначальная задача — расконсервация резервных линий тяжелых рельсотронов и зенитно-ракетных комплексов. Ответственным офицерам разрешается привлекать любые ресурсы для скорейшего выполнения задачи. Второстепенная задача — полная изоляция по границе разлома со стороны кормы корабля. Третьестепенная задача — локализация и тушение пожара в носовой части корабля. Выполнять.

Джозеф переглянулся с подчиненными.

— Это про нас, сэр!

— Вперед! У нас остался час.

Тони Хоук, оператор CNN. 3767.

Тони сидел на плоском красноватом камне, смотрел в море и монотонно ругался. Рядом только что произошла битва, аналогов которой никогда не было в земной истории, а он оказался без своей видеокамеры и был вынужден оставаться простым наблюдателем. Вдобавок, опять захотелось курить. Проклятая привычка, от которой он всячески старался избавиться, изрядно трепала нервы.

— Да уймись ты уже, — беззлобно пробурчал его тезка, снимая ботинки и с наслаждением закапываясь пальцами в белый песок. — Снимешь еще что-нибудь хорошее, запасная камера найдется.

Стоящий неподалеку старик в костюме десантника отвлекся от созерцания столба дыма, поднимающегося над далеким авианосцем и, смерив оператора недобрый взглядом, что-то пробурчал.

Тони было плевать.

После того, как чужой летательный аппарат взорвался под водой, подарив находившимся на берегу людям шикарное зрелище горящего льда, на берегу воцарилось затишье. Молчали развалины. Никто больше не появлялся из океанских вод. Только вдалеке виднелись две человеческие фигурки, направляющиеся к ним — похоже, катапультировавшиеся из какого-то самолета.

Оператор, старик-десантник и несколько летчиков, собравшиеся на месте недавней высадки, задумчиво рассматривали далекий столб дыма.

— Похоже, про нас вспомнят не скоро, — заметил кто-то мрачно.

— У меня складывается впечатление, что сейчас гораздо спокойнее оставаться здесь, а не там, — немного помолчав, мрачно отметил старик.

— Как думаете, что там произошло?

— Судя по тому, что я здесь на своей шкуре прочувствовал — ничего хорошего. Эти гады бьют не пойми чем и у нас от этого точно нет никакой защиты. Остается отвечать ударом на удар, а это всегда больно и неправильно с тактической точки зрения.

Над головой людей очень медленно пролетел самолет. Ушел за деревья, а затем снова показался, уже над морем.

— Чего это он здесь разлетался? — пробормотал Тони себе под нос.

Один из летчиков услышал и ответил:

— Видно, приземлиться на корабль нет никаких шансов. Либо же есть, но очень слабые. Так что вырабатывает сейчас топливо, а затем или попробует сесть на палубу, или приводнится где-нибудь здесь, рядом с нами.

Самолет пролетел над пляжем еще раз, а затем ушел в сторону авианосца и больше не показывался.

Минуты текли одна за другой. Столб дыма на горизонте уменьшаться не собирался. Людьюми на берегу никто не интересовался.

— Может, искупнемся? — предложил Тони, успевший потихоньку оправиться от своей печали.

На него посмотрели, как на умалишенного.

— Ну, как знаете, — пожал плечами он. — Все равно делать нечего. И до нас никому дела не будет, я чувствую, еще долго.

Через пару минут шестеро мрачных людей на берегу наблюдали за своим товарищем, весело бултыхающимся в прибрежных водах.

— Присоединяйтесь... Буль... Вода изумительная!

Поднявшееся солнце, тропического вида лес, море — все создавало настолько курортную атмосферу, что в конце концов в море оказались и остальные. Один только десантник остался на берегу, снисходительно поглядывая на купающихся.

— Вода и впрямь классная. Как на Гавайях, — заметил кто-то из пилотов, усиленно бултыхающий ногами и поднимающий фонтаны брызг.

— Гавайи нервно курят... Только дно здесь слишком уж быстро вниз уходит...

Раздавшийся со стороны корабля тонкий свист заставил всех примолкнуть.

— Закройте уши! — заорал кто-то.

Тони послушался, тут же ушел с головой под воду, вынырнул, отплевываясь и бестолково размахивая руками... Свист внезапно превратился в грохот, ударил молотом по барабанным перепонкам и начал медленно стихать.

— Твою мать, — оператор шустро погреб к берегу. Разумеется, долбаным ракетам нужно было преодолевать звуковой барьер именно у него под ухом.

Со стороны корабля снова послышался свист. Под руками у Тони наконец-то оказался песок, он выскочил на пляж и тут же закрыл уши руками.

Грохот. И снова набирающий силу тонкий свист. И снова...

Наконец, все закончилось и оператор снова обрел способность слышать.

— Эти ракеты меня уже второй раз в гроб свести пытаются! — неестественно громко сообщил он десантнику, разлегшемуся на песке, подложив под голову какой-то обломок и надвинув на глаза кепку. Заткнуть уши, правда, старик тоже не побрезговал. — Парни, вы там как? Парни?

Не услышав ответа, Тони оглянулся на воду. Никого и ничего. Только легкая рябь на поверхности.

— Что за хрень...

Десантник Фил Скотт. 3762.

Филу чудом удалось в последний момент перехватить идиота-гражданского, бросившегося было в воду спасти пропавших людей непонятно от кого или от чего. Благо, сил хватило.

— Не дергайся, debil... — удерживать выворачивающегося оператора оказалось сложной задачей. — Мозги включи, придурок... Куда ты полез?

Оператор под ним еще раз дернулся на пробу и притих.

— Сам придурок! Они, может быть, еще живы, их спасти нужно!

— Может и живы. Может и нужно. Но, скорее всего, они уже на том свете. А то, что их прикончило, ждет — не дождется, пока в гости пожалует еще кто-то. Ты точно хочешь это проверить?

Некоторое время оператор размышлял. Затем, видно все же включив остатки мозга, недовольно пробурчал:

— Ладно, никуда я не пойду, слезь с меня.

Фил с облегчением отпустил его и поднялся на ноги. Если посмотреть со стороны — смешное зрелище. Один изможденный старик не пускает куда-то другого такого же. Если же

знать, что оба старика сейчас вполне в расцвете лет, то смешное становится грустным...

Десантник аккуратно подошел к срезу воды и внимательно уставился на волны. Через минуту к нему присоединился гражданский, успевший нацепить штаны и теперь застегивающий рубашку.

— Ну, что тут?

— Понятия не имею, — раздраженно ответил Фил. — Море как море.

— Мне кажется, или у него цвет чуть поменялся? — задумчиво пробормотал оператор.

Фил внимательнее всмотрелся в плавно перекатывающиеся волны.

Действительно, если присмотреться, какой-то красноватый оттенок... Кровь, что ли? Он встал на четвереньки и подполз к самой линии прибоя, рассматривая воду. Сзади послышалось любопытное сопение.

Вода, как вода, прозрачная... Виднеются тонкие, как волосы, водоросли, красноватые... От них, что ли, оттенок?

Фил протянул руку и подцепил пальцем прядь красноватых "волос". Подцепил — и рухнул носом в песок, практически потеряв сознание от мгновенной вспышки боли.

— Аааа...

— Эй, ты чего? — засуетился гражданский. Фил попытался сказать ему, чтобы тот оттащил его от края воды или хотя бы сбросил с руки проклятые красные волосы, продолжающие выжигать его нервы, но получился только новый хриплый стон.

Благо, после десятков секунд неторопливых раздумий, тот все же сам додумался до того, что помощь десантнику не повредит. И оттащил его на несколько шагов от воды. Красные волосы, оставив на руке сочащиеся кровью полоски, отцепились, предпочтя остаться в море. Боль начала быстро уходить. Фил с радостью почувствовал, что снова может ощущать свое тело.

— Туфой, мет...тельный притурок, — прошепелявил он с чувством. — Ты п еше с шасик поощдал бы.

Гражданский выпрямился с видом оскорбленного достоинства, но, что удивительно, все же промолчал, рассматривая кровоточащую руку Скотта.

— Что это было? — наконец, спросил он. — Что-то вроде медузы, я так понимаю?

Фил чуток помедлил.

— Пожалуй, да, — онемение быстро проходило, забирая с собой и шепелявость. — Причем нашим медузам такого и не снилось. Отключает мгновенно. Если бы в этот момент плыл — пошел бы ко дну в мгновение ока.

Палец саднил и кровоточил, по всему телу гуляли легкие волны боли, но Фил все же нашел в себе силы, чтобы подняться на ноги и снова подойти к воде. Тонкие красноватые волосы виднелись повсюду в полосе прибоя.

— Откуда ж вы взялись-то, сволочи...

Сзади послышался тяжелый вздох.

— Я вот подумал — парни только что пережили самый настоящий бой. Наш вертолет вообще разлетелся на куски к чертовой матери. И они все выжили. А сейчас, просто купаясь...

— Так всегда, — перебил его Фил. — Вечная проблема. Расслабляешься после боя и погибаешь. Нам это вдалбливали все время обучения. Как видишь, у меня хватило ума только на то, чтобы не лезть в воду вместе с вами. А отговорить — уже нет.

Ему очень хотелось сказать штатскому, что в случившемся конкретно его вина — никто

другой, скорее всего, даже не подумал бы лезть купаться сразу после пережитого боя. Но к чему?

Вдалеке по пляжу в их сторону медленно шло несколько фигурок. Одна из них внезапно наклонилась к воде, протянула руку, пытаясь что-то поднять... И рухнула ничком в прибой. Остальные засуетились, подбежали к ней, вытащили на берег... Фил отвернулся, снова рассматривая воду. Похоже, новая опасность этого мира скоро станет обыденным явлением. Из разряда — не перебегай дорогу на красный свет и проживешь еще один лишний день.

Неизвестное науке существо. Неизвестный науке континент.

Существо стояло, приложив конечность к теплому боку уходящего ввысь конуса и уставившись стремительно меняющими цвет глазами вдаль, туда, где только что скрылась летающая часть города.

Силовые линии вокруг едва заметно подрагивали. Непонятный фактор, заставивший замолчать одно из поселений, продолжил будоражить мир. Существо пока не определилось с тем, как ему относиться к этому происшествию. Агрессия? Изучение? Страх? Ненависть? Оно не знало земных названий ощущений, но они были очень близки к тому, что оно сейчас усиленно перебирало. Перебирало и не могло выбрать. Мало информации.

Конечность немного сместилась, накрыв собой канавку с пробегающими энергетическими импульсами. Очертания существа, время от времени меняющиеся и подрагивающие, словно воздух над раскаленным песком, стали четче и резче.

Оно подняло голову. Что-то непонятное приближалось сверху.

Изучение? Существо смешно склонило набок то, что в данную минуту заменяло ему голову и взгляделось в силовые линии, уходящие в небо. Что-то было уже совсем близко. Что-то несло в себе колоссальный источник спящей пока что энергии.

Существо на секунду задумалось. Нет, такой океан за раз впитать не сумеет ничто. Даже центральный монолит. Не здесь. И не во время тепла.

Что-то разделялось на части. Каждая часть была меньше целого, но несла в себе все те же моря спящей энергии.

Агрессия. Город конусов вспыхнул огнями. Импульс электризующей все вокруг энергии прокатился по окрестностям и унесся ввысь.

Изучение. Части чего-то ощущались мертвыми, но все так же стремительно приближались.

Агрессия. Новые вспышки огней.

Изучение. Частей стало меньше. Но они снова ощущались, как живые. И они стремительно делились. Какие-то из новых частей оставались опасными, какие-то практически не ощущались. Части стремительно расходились и сходились, завораживая существо переплетением своих траекторий. Они все ближе...

Страх...

Пять оставшихся от разделяющейся боеголовки блоков в последние секунды выстроились, как на грани игральной кости. Центральный, на мгновение замедлившись, осуществил воздушный подрыв на высоте трехсот ярдов — прямо над странным городом и существом, тревожно смотрящим в небо. Еще четыре, образовав почти правильный квадрат со сторонами в милю, взорвались при контакте с поверхностью.

Прямо на земле зажглось новое солнце. Несколько кубических миль пространства вокруг существа превратились в обрывки стремительно переходящих друг в друга атомов и

потоки свободных элементарных частиц. Земная кора под городом конусов застонала и немного просела под чудовищным ударом, заставив жидкое вещество астеносферы выплеснуться через жерло давно потухшего вулкана неподалеку.

Ввысь начал подниматься невиданный доселе в этом мире огромный огненный гриб.

Коммандер Рональд Терон. 3751.

Ракеты попали в цель. И стратегические, несущие на себе ядерные заряды, и гиперзвуковые зенитные, выпущенные поднятým с коек дублирующим расчетом С-801 из резервного пункта управления. Спутники уверенно докладывали, что все опасные объекты уничтожены и на пару-тройку тысяч миль вокруг нет никого, кто бы хотел причинить вред гостям с другой планеты. Дай-то бог.

Он отменил боевой протокол, оставив авианосец всего лишь в состоянии повышенной боеготовности. И запросил полные отчеты по всему кораблю.

Последний оставшийся в строю истребитель, окончательно выработав топливо, зашел на посадку на жалкий огрызок палубы. Сбросил скорость практически до нуля, включил реверс и тяжело плюхнулся на стальную плиту взлетно-посадочной полосы. Зацепился за трос финишера, немного проехался под присмотром целой оравы техников с огнетушителями, остановился. Коммандер облегченно вздохнул и переключил картинку.

Начали поступать первые данные.

Ничего утешительного в них не было.

Аварийная команда клялась и божилась, что делает все возможное, но сообщала, что потушить пожар на носу корабля нереально, пока этот самый корабль в прямом смысле слова находится посреди горящей лужи. Более того, вообще что-то сделать с носовой частью в настоящее время не представляется возможным — после череды взрывов и пожаров там образовался настоящий филиал ада и не в их силах что-то изменить. Впрочем, если корабль отвести в сторону от горящей лужи...

Подоспевшие инженеры в категоричной форме говорили, что кораблю сейчас не до перемещений. Малейшее движение грозит сместить баланс носовой части. А в этом случае она даже не отломится, а завалится набок, превратившись в циклопический якорь и попутно внося дикие нагрузки на конструкции остального корпуса. Как итог — возможны образования новых пробоин, разгерметизация отсеков и прочие неприятности. Инженерная служба рекомендовала погасить пожар, а затем уже разбираться с остатками носовой части.

Капитан Роджерс уныло отрапортовал, что в его ведении остался один безусловно исправный самолет, а также два вертолета и три самолета, которые можно отнести к категории "подлежат восстановлению". Впрочем, беспилотных аппаратов, равно как и боеприпасов, вполне хватает для проведения постоянного облета местности и локальных зачисток чего-нибудь.

Механик Джонс браво доложил, что с ходовой частью корабля все в порядке, а единственный реактор не получил никаких повреждений.

Следом за этим десантники рассказали о потере большей части состава в ходе десантной миссии и ударов врага по кораблю. Вся техника, принадлежащая десанту, была либо безвозвратно потеряна, либо находилась в состоянии, близком к этому. Собственно, кроме моторных лодок и нескольких хамви, не участвовавших в высадке, на ходу ничего больше не было.

Сообщения продолжали поступать. Копились потери в боезапасе, технике, людях. Ушатом холодной воды пришло сообщение от доктора Кокс — госпиталь, целиком, в составе практически всех врачей и всех пациентов, превратился в сборище ледяных статуй. Промороженный участок корабля на удивление быстро, буквально на глазах, оттаивал, но людей это спасти уже не могло. Теперь Терон был однозначно старшим офицером и не имел ни малейшего шанса дожидаться возвращения на мостик Шефа.

Долбаный черный кот оставил после себя еще один труп.

Станция мониторинга доложила о трех группах выживших людей на берегу. В общей сложности — четырнадцать человек.

Один из спутников предупредил о приближающемся к данному участку планеты каменном обломке, который, предположительно, упадет в океан милях в пятидесяти от авианосца через час с небольшим и однозначно поднимет очередную серьезную волну. Если судить по его размерам.

А волна сейчас принесет кучу проблем. Коммандер с ожесточением потер виски и продолжил читать и смотреть сообщения.

— Ну вот и приплыли. Твою налево... — датчики радиации недвусмысленно показывали резкое изменение ее уровня при приближении к поврежденной носовой части. Терон до последнего не хотел думать о такой возможности, но ядерные заряды, попавшие под удар, явно получили повреждения. Причем, судя по возросшему фону, повреждения значительные.

Коммандер живо представил себе скромный ядерный взрыв на борту корабля и промокнул холодный пот. Похоже, цепляться за все еще прикрепленный к основной части корабля огрызок категорически нельзя. Более того, нужно его как-то окончательно отрезать и оставить в стороне.

Рональд запретил себе думать о том, что внутри покореженного, горящего, фонащего радиацией металлического сооружения, некогда бывшего частью его авианосца, могут оставаться живые люди.

Спасение всех важнее спасения части.

Он провел короткий брифинг с инженерами и десантниками. Каким-то образом нужно было оторвать пораженную часть от организма и он мог представить себе только один способ — с помощью кучи взрывчатки, натканной по периметру оставшейся перемычки.

Адам Кошрайбер, боевой пловец. 3743.

В этот раз на задание приходилось выбираться из довольно узкого аварийного шлюза. Кому-то из его отделения повезло сильнее, но ему достался именно этот выход.

Сам Адам вполне мог обойтись и более тесным отверстием, но здоровенный ящик с накрученными вокруг него для придания нулевой плавучести баллонами — это не гибкое человеческое тело.

К тому времени, когда он, проклиная все и вся, вытащил-таки свой груз из шлюза, остальные наверняка уже приступили к монтажу.

Ящик, покинув пределы корабля, мгновение повисел в неподвижности, а затем, медленно, но очень целеустремленно, отправился к поверхности. Адам, чертыхнувшись, заработал лапами, пытаясь утащить его обратно на глубину. Чертова уйма взрывчатки, всплывающая прямо посреди горящего нефтяного озера, совершенно не вписывалась в его планы.

Спустя пару минут упорного труда и один аккуратно проколотый баллон, он добился того, что груз начал тонуть. Это было лишь чуть лучше груза всплывающего. Но, по крайней мере, включив турбину, расположенную у него на спине, он все же смог его контролировать и медленно потащил в сторону цели.

Около перемычки, которую требовалось взорвать, копошилось еще несколько фигурок в водолазных костюмах, что-то вымеряя и таская туда-сюда такие же ящики, как и у него.

Кошрайбер, продолжая волочь за собой непокорный груз, перевернулся на спину, лицом к поверхности, украшенной всеми цветами оранжево-красной части спектра.

"И вы всерьез верите, что мы сумеем все это взорвать?"

Борт авианосца уходил вниз метров на десять-двенадцать, вверх примерно на столько же — до поверхности и еще чуть выше. Конечно, неведомый враг, располовинивший корабль, проделал наибольшую часть работы. Но оставалось тоже немало...

Добравшись до места назначения, Адам присобачил магнитом ящик к корпусу и в темпе начал освобождать его от зарядов. Продолговатые мины при первичной активации намертво примагничивались к кораблю, ожидая только команды на подрыв.

Наконец, контейнер опустел и был отпущен на волю, к поверхности. Цепочка мин выглядела пугающе жалко по сравнению с громадой корпуса. Даже с учетом того, что его коллеги тоже не филонили, а кое-кто уже тащил следующую партию.

Пловец вздохнул, выпустив пару пузырьков воздуха, и отправился за следующим ящиком. Его отчасти утешало то, что внутри самого корабля сейчас надрывались еще менее удачливые люди — кому-то нужно было аккуратно разрезать все внутренние конструкции, невзирая на полыхающее вокруг море, жару и духоту. А времени, если судить по словам командера Терона, оставалось совсем немного.

Второй ящик удалось выволочь заметно быстрее — сказался опыт. С плавучестью в этот раз ничего не напутали и в итоге Адам разместил новую порцию мин чуть ли не в два раза быстрее.

Поставив последнюю, он глянул на тускло светящийся циферблат часов. До момента, определенного, как "экстренный отход", оставалось еще двадцать минут. Хотелось бы, конечно, посмотреть на дело рук своих, но, если остаться под водой, гидравлический удар оставит от тебя только воспоминания.

Остальные пловцы, заканчивая установку, быстро уплывали из опасной зоны. Адам, еще раз внимательно глянув на цепочку зарядов, последовал за ними.

"Барак Обама", авианосец. 3742.

Где-то далеко, за горизонтом, прочертив дымную полосу среди легких облаков, в океан обрушился метеорит. Он не был настолько большим, чтобы вызвать кардинальные перемены в климате, наклоне планетарной оси или хотя бы поменять ближайшую к месту падения береговую линию. Но его размеров вполне хватило для того, чтобы вызвать небольшой локальный катаклизм. Впрочем, падение в океан заметно сгладило последствия. Хотя волны по сторонам разошлись.

В полусотне миль от падения метеорита, находясь в громадной луже горящего топлива, стоял покореженный авианосец и с тревогой ожидал подхода этих волн.

Все приготовления были произведены, снаружи по периметру перемычки находилась цепочка мин, изнутри же переборки, ребра жесткости, палубные перекрытия были

немилосердно прорезаны. Ящерица готовилась отбросить хвост.

Мостик отдал приказ.

Почти полторы сотни мин, объединенных в одну сеть, взорвались практически одновременно, взметнув по бортам корабля высокие фонтаны воды, смешанной с горящим бензином, соляркой и керосином.

Поток огня, мгновенно пройдя сквозь кажущийся несокрушимым корпус, метнулся по оставленным для него пустотам вглубь перемычки, испаряя по пути попадающиеся навстречу препятствия. Гигантская огненная подкова в течение нескольких мгновений своей жизни практически начисто отделила списанный нос корабля от остальной его части. И погасла, уступив дорогу морским водам, ворвавшимся в образовавшиеся проемы.

Все еще горящий нос корабля, потеряв единственную опору, поддерживающую его асимметричную тушу в вертикальном состоянии, вздрогнул и начал медленно валиться на левый борт, попутно окончательно обрывая хрупкие металлические ниточки, все еще связывавшие его с остальной частью авианосца. Падение все ускорялось и, наконец, огромное металлическое сооружение, окончательно освободившись от уз прошлого, рухнуло в воду, расплескав в очередной раз огненное озеро.

Гравитационный удар и череда внутренних взрывов не дали ему ни шанса — уже через минуту, набрав полные внутренности воды, нос "Барака Обамы" бесславно ушел вглубь океана.

Глеб Аксенов, консультант. 3412.

Глеб до последней минуты не без оснований считал себя счастливым. Ему удалось пережить все три страшных удара, обрушившихся на авианосец. Его не сбросило в горящее море и не размазало гравитацией по палубе. Его не убило взрывами боеприпасов. Более того, когда все вокруг превратилось в огненный ад, ему уже удалось спуститься на две палубы вниз и найти герметично закрывающееся холодильное помещение, в котором уже прятались полтора десятка человек. И его даже впустили внутрь.

Дальше удача немного отвернулась от консультанта. Огонь добрался до внешней стороны двери в их закуток и теперь весело плясал там, пожирая все, что только можно. Благо, иллюминатор в двери позволял рассмотреть все очень даже хорошо.

Через некоторое время один из спрятавшихся, по-видимому, тот, в чьем ведомстве и находился отсек, обнаружил, что холодильные установки работать перестали — очевидно, оказались повреждены внешние источники энергии.

Глебу, как человеку, имевшему хоть какое-то отношение к начальству, пришлось несколько раз рассказывать, что произошло.

Матросы и обслуживающий персонал, представляющие собой всех собравшихся в отсеке, слушали, разинув рты, но явно не верили. Впрочем, Глеб их понимал — это он был в курсе всего, находясь в диспетчерской зенитного комплекса, а им здесь явно никто ничего не докладывал.

— Но нас же вытащат, верно? — в двадцатый раз спросил испуганный чернокожий паренек.

Глебу очень хотелось двинуть ему в зубы, чтобы не задавал одни и те же вопросы, но приходилось сдерживаться. Внезапно он понял, что сейчас, в этом отсеке, он самый старший по должности и командование, а равно и ответственность, лежат именно на нем.

— Пожар распространился слишком сильно, так просто его не потушить. Придется подождать...

Через час на руке одного из матросов начали пищать модные часы. Матрос, некоторое время хмурился, не понимая, в чем тут дело, потом разобрался.

— Пишет, что уровень радиации достиг ста микрорентген в час... Что это еще такое?

Глеб похолодел, начиная понимать, что с этого времени их шансы оказаться спасенными начинают стремительно падать.

— Откуда здесь радиация... — начал было говорить еще один матрос, но хлопнул себя по лбу и воскликнул: — ну конечно, ядерные заряды! Счастье еще, что они не взорвались.

Судя по всему, остальной народ, равно как и Глеб, его счастья не разделял. Уровень радиации неуклонно повышался, нервируя обладателя навороченных часов и еще больше — испуганного паренька.

Глеб, экономя силы и спасаясь от разговоров, улегся на холодном полу и сделал вид, что засыпает. А через пару минут, неожиданно для себя и действительно уснул. Видимо, сработала старая, давно, казалось бы, позабытая солдатская привычка — спать в любых обстоятельствах, пока есть возможность.

Пробуждение было странным и неожиданным. Весь отсек ощутимо встряхнуло, а затем пол медленно начал заваливаться в сторону. Глеб, еще толком не проснувшийся, с недобрыми криками покатился по полу и остановился только у дальней стены. Там же оказался и весь остальной народ.

— Что это было?

Отсек содрогнулся еще раз и пол окончательно перешел в вертикальное состояние. Сверху на Глеба упал какой-то ящик, больно ударив по голени.

— Смотрите! — крикнул кто-то. — Мы тонем!

Консультант, поднявшись на ноги, глянул в дверной иллюминатор. Огня за дверью больше не было. Точнее, были его жалкие остатки, быстро гаснущие под напором прибывающей воды. Глебу внезапно отчаянно захотелось закурить. И проснуться.

Обладатель роскошных часов некоторое время рассматривал циферблат, а затем с недоумением и обидой в голосе спросил:

— Показывает, что мы в ста пятидесяти футах под водой... Уже в ста восьмидесяти... Связь со спутником теряется... Что все это значит?

Консультант отвлекся от мыслей о сигаретах и внезапно обнаружил четырнадцать пар глаз, с испугом и надеждой смотрящих на него. Мысленно сплюнул.

— Ну, что вы на меня смотрите... Хотите жестокую правду? Мы — в железном гробу идем ко дну. Почему так получилось, я не знаю. Или появились еще неприятели и весь авианосец идет ко дну вместе с нами, или же нашу часть отделили от остального корабля, бросив на произвол судьбы. Здесь была утечка радиации, взрывы... Скорее всего, чтобы не было угрозы для остальных, капитан так и поступил.

— Но... они не могли... — темнокожий паренек чуть ли не плакал. — Вы говорили, нас спасут!

— Я ошибался. И я, если ты забыл, иду ко дну рядом с тобой, так что не нужно истерик.

— И что нам теперь делать? — спросил кто-то.

Глеб мрачно усмехнулся.

— Придумать, как умереть. Выбор, правда, небольшой. Можно задохнуться здесь медленно, а можно открыть дверь и задохнуться быстро.

— Не получится, при такой глубине там такое давление, что мы ее просто не сможем открыть...

Какие все умные. Умирать Глебу не хотелось. Тем более — умирать долго и мучительно от удушья. Происходи дело в родных морях далекой Земли, он бы еще потерпел — чем черт не шутит, вдруг и спасут...

Почувствовался легкий толчок и стены отсека немного сменили ориентацию в пространстве.

— Похоже, мы на дне.

— Глубина восемьсот тридцать футов! — тут же доложил матрос с часами.

Двести пятьдесят метров — это приговор. Сюда не доплывут аквалангисты, сюда не отправят спасательных роботов... Да и глубоководных роботов, насколько знал Глеб, на авианосце не держали.

Самим им точно не выбраться.

Консультант улегся на наклонную поверхность, когда-то бывшую стеной, подложил под голову руки и, абстрагировавшись от тихих испуганных голосов, слышащихся рядом, принялся вспоминать далекую родину, шум березовых рощ и пение птиц. Как назло, вместо прекрасных соловьиных трелей, вспоминалась только незатейливая повторяющаяся песенка зяблика.

Ему показалось, что дышать стало немножко труднее.

Тони Хоук, оператор CNN. 3412.

Тони мчался прочь от берега, как испуганный заяц.

Вокруг него, сосредоточенно пыхтя, бежали остальные люди.

Несмотря на то, что Тони первым осознал грозящую им всем опасность и бросился вглубь материка, тренированные военные постепенно нагнали его, а теперь уже начали и уверенно обгонять. Только старик-десантник не выдерживал общего темпа и немного отставал. Впрочем, Тони чувствовал, что скоро он сам, растеряв остатки сил, рухнет на землю изможденной тушкой, не способной сделать больше ни шага.

Волну он заметил, когда она приподняла маячивший вдалеке авианосец. Еще секунд десять ему понадобилось, чтобы понять, что к чему и захотеть поскорее смыться с пляжа. Расстояние от пляжа до авианосца — около трех миль. Значит, у них есть всего несколько минут на то, чтобы убраться от берега куда-нибудь повыше.

— Монолит! — послышался сзади хрип выдохшегося старика. Тони мысленно хлопнул себя по лбу.

Разумеется, самое высокое и, по совместительству, надежное место в окрестностях — остатки вражеского монолита. Если уж сооружение выдержало прямой удар авианосца и не развалилось, то от волны оно их тоже спасет.

— Люди, люди! — заорал он. — Бежим к монолиту, иначе не успеем!

Его слышали. Вектор движения бегущих сменился. Тони со стариком по-прежнему оставались в хвосте.

Вблизи обелиск казался еще величественнее, чем издали. Гладкая поверхность, испещренная тысячами и тысячами канавок, сплетающихся в непонятный узор. Громадная прореха ярдах в пятнадцати над землей. И вокруг — целое поле обломков, сквозь которые приходилось перебираться с громадным трудом.

Тони покосился на помятую ракету, валяющуюся неподалеку. Неприятное соседство.

Добежавшими первыми люди, не останавливаясь, быстро поползли вверх, цепляясь за углубления в стене. Добравшийся же к подножию Тони уперся руками в колени, переводя дыхание, пытаясь избавиться от мельтешащих перед глазами мушек и морщась от покалывания в боку.

— Не спи, твою мать! — отставший было десантник, добравшись до монолита, не останавливаясь, пополз вверх. Тони мысленно застонал, но мужественно последовал за ним.

Волна была не столь страшна, как показалось оператору на первый взгляд. Водяной вал обманчиво медленно подкрался к берегу и накрыл пологий пляж. Добрался до остатков каменного города, захлестнул подножье монолита, слегка его встряхнув... Уровень быстро повысился, прикрыв водяной массой пробитое рельсотронами отверстие. Затем под ногами у вцепившихся в камень людей прошел пологий гребень волны... и все. Уровень воды начал потихоньку понижаться. Через некоторое время прошел еще один гребень, а затем и еще. Но все это было уже несерьезно. В целом уровень все равно падал и довольно быстро.

Притаившиеся на выступающей из-под воды части монолита люди расслабились, рассматривая раскинувшуюся на месте леса и пляжа блестящую поверхность с торчащими кое-где верхушками деревьев.

— А ведь там повсюду эта красная дрянь, — заметил кто-то.

Тони невольно передернуло. Вода, медленно отступающая с отвоеванных позиций, действительно имела нехороший красноватый оттенок.

— Спасибо тебе, чувак, — кто-то фамильярно хлопнул его по плечу. Тони непонимающе оглянулся.

— Если бы не ты, остались бы от нас только воспоминания, — пояснил улыбающийся во все зубы летчик, примостившийся рядом.

Тони несмело улыбнулся, помимо воли вспоминая тех, кто как раз из-за него-то и сгинул не так давно среди этих красных волос. Тони хотелось верить, что только что он немного уменьшил свой долг перед судьбой, но на душе все равно было муторно.

Механик Джон Картер. 3412.

Джону было одиноко и до чертиков тоскливо. Работы не было. Коллеги, после исчезновения Чарли, начали смотреть на него искоса и держаться в стороне. Картер их отчасти понимал — и так не особо-то являющийся душой компании, он был рядом с людьми, один из которых точно погиб, а второй погиб практически со стопроцентной вероятностью. Если же отбросить предположение, что Чарли сумел выбраться сам и теперь зачем-то прячется в недрах корабля, то вероятность тоже становилась стопроцентной.

А все, кому часто и надолго приходится уходить в море, рано или поздно становятся очень суеверными. И не любят людей, рядом с которыми происходят таинственные смерти.

Смотреть корабельное телевидение Джону было откровенно невмоготу. Единственный теоретически стоящий канал, по которому показывали текущие корабельные новости, сейчас гнал настолько дикую и откровенную ура-пропаганду, что механику становилось аж не по себе.

Как правило, чем больше позитива показывает телевидение, тем хреновее дела на самом деле. Если это работает и здесь, то авианосец явно находился в самой глубокой заднице галактики.

Читать ему не хотелось. Гонять по экрану любимых птиц — тоже. Гулять по своему отсеку, ловя тревожные взгляды сослуживцев, было неприятно. Выйти подышать свежим воздухом на палубу пока что не позволял распорядок. Продолжить ловить рыбу — страшно.

Все время перехода до берегов континента Картер провалился у себя в каюте, время от времени выходя за сухим пайком, который сменил сочные и вкусные блюда корабельной столовой. Повара обещали, что скоро функциональность ее будет восстановлена, но пока что всем явно было не до этого.

Впрочем, на еду Джон не жаловался и не собирался жаловаться. Ему хватало мозгов понять, что, возможно, через пару лет в незнакомом мире даже эти пайки покажутся ему райским угощением.

Промелькнула мысль сделать себе неприкосновенный запас еды. Промелькнула и сгинула — корабль в любом случае был обеспечен провизией минимум на пару лет. Делать запасы на такой срок, когда не знаешь, что будет завтра, довольно глупо.

Валяющегося на койке человека быстро разбирала апатия пополам с депрессией.

Именно поэтому, когда однажды, проснувшись после короткого дневного сна, он увидел сидящего перед собой на стуле черного упитанного кота, Джон, пропустивший все новостные сводки, касающиеся нового обитателя корабля, искренне обрадовался. Он даже не задался мыслью о происхождении животного.

— Кс-кс! Иди сюда! — похлопал он по кровати.

Кот, казалось, не на шутку удивился. Но послушался и аккуратно перепрыгнул к Картеру на койку.

— Черт, какой ты классный, — пробормотал тот, чеша животное за ухом.

Котьяра неуверенно замурчал, приведя человека в еще больший восторг.

— Сиди здесь, не убегай! — Джон, найдя, наконец, средство для того, чтобы разогнать депрессию, соскочил с койки, вынул из шкафчика нераспечатанный сухой паек, разорвал фольгу и, покопавшись внутри, достал баночку консервированной трески. Открыл, вывалил на тарелку и повернулся к продолжающему смотреть на него с недоумением кота.

— Кс-кс, котьяра, пошли хавать!

Кот консервы есть не стал, хотя послушно подошел к тарелке и потыкал еду лапой.

— Вот ты ж привереда... Хотя правильно, чего там, зажрался небось... Пойдем, найдем тебе что-нибудь получше.

Схватив животное под мышку, Картер решительно отправился в сторону камбуза. Кот безвольной тушкой висел у него под рукой, иногда дикими глазами посматривая по сторонам.

— Парни, смотрите, кого я нашел! — крикнул Джон, увидев вдалеке пару коллег. — Настоящий котьяра!

Люди обернулись на крик. Кот зашипел, юлой выскользнул из рук и шмыгнул за угол.

— Стой, дурашка! — механик бросился за ним, но коридор, в который смылся зверь, был девственно чист.

Картер выругался и вернулся назад. Впрочем, поговорить по душам с народом и рассказать про кота у него не получилось — стоило приблизиться к тревожно смотрящим в его сторону людям, как те мигом вспомнили про какие-то дела и растворились в корабельных переходах не хуже пропавшего кота. Пришлось вновь идти в каюту, валяться на койке и предаваться меланхолии.

Конфликт он банально проспал, пропустив и ледяной удар, прошедший совсем

неподалеку от его каюты, и пуски ракет, и бардак, творящийся на носу корабля. Да здравствует шумоизоляция.

Разбудил его только слаженный взрыв мин, окончательно разделивший корабль на две части. Впрочем, спросонья он так и не понял, что к чему. Зато почувствовал, что проголодался и отправился за дежурным пайком. Прокатившиеся под корпусом волны практически не обратили на себя его внимания.

В столовой, куда он зашел, было непривычно много народа. Люди живо общались, размахивая недавно полученными пайками и активно спорили.

Джон начал прислушиваться и почувствовал, как его глаза медленно увеличиваются в размерах. Встречный бой? Потеря чуть ли не трети корабля? Сотни жертв? Гигантские потери в технике? Встреча с разумной жизнью? Картер почувствовал себя идиотом от того, что не следил за корабельными новостями. Впрочем, его сожаление было напрасным — вся операция никак не освещалась по внутреннему каналу.

Он аккуратно присоседился к группе незнакомых матросов, намекнул о своем невежестве и был буквально погребен под ворохом информации.

— И что теперь делать? — озвучил он первое, что пришло в голову.

— Скорее всего, скоро опять будет высадка, — авторитетно заявил один из матросов.

— Какая, нахрен, высадка, Скотти! Нас на берегу отутюжили так, как будто мы на пирогах и с копьями приплыли порт Сан-Диего штурмовать!

— Так мы же их всех завалили к черту!

— Так завалили или нет? Точная информация?

— Да черт его знает, но отстрелялись же так, что какую-нибудь Португалию после этого можно было бы одним взводом захватить.

— Здесь тебе не совсем Португалия.

— Это уж точно!

— Я разговоры пилотов слышал, — пробился сквозь какофонию голос пожилого техника. — У нас на берегу осталось несколько человек. Мы их подберем, а затем уйдем на пару сотен миль в сторону, там, вроде как, если верить спутнику, удобная бухта есть. Нам сейчас лучше особо в открытом море не светиться.

Джон отошел от компании в глубокой задумчивости. Если все так плохо уже сейчас, то, чем черт не шутит, возможно, стоит все же запастись пайками... Да нет, глупость.

Вернувшись в каюту, механик откровенно обрадовался — на полу рядом с его койкой сидел тот самый черный кот и с интересом смотрел на него.

— Здорово, хвостатый! — поприветствовал его Джон. — Хорошо, что я вечно дверь забываю закрыть. Хавать будешь, или опять носом крутить?

Розмари Викерс, помощница интенданта. 3412.

Мисс Викерс, в отличие от подавляющего большинства людей на корабле, тихо радовалась случившемуся. Женское чутье недвусмысленно намекало ей, что, после тысяч смертей и попадания в совершенно иной мир, ее проступок, повлекший за собой смерть десантника, останется оставлен в прошлом.

Эгоизм? Возможно. Но Розмари, по большому счету, было плевать на мало знакомых ей людей, а вот к себе она относилась с трепетом и бережностью.

Впрочем, несмотря ни на что, вести себя она старалась тихо и незаметно, как мышка.

Как однажды сказал встретившийся ей в столовой русский консультант — не буди лихо, пока оно тихо. Правда, что такое "лихо", она так до конца и не поняла, но смысл поговорки все же был достаточно ясен.

Пользуясь тем, что ей вернули карточку-пропуск, позволяющую выходить в прогулочные зоны на верхней палубе, Розмари, вытащив узкую пачку печенья из сухпайка и, налив в маленький серебристый термос свежеприготовленный чай, отправилась на прогулку.

Ближе к закату режим боевой готовности на корабле был заметно снижен и никто ей не препятствовал.

Впрочем, осторожно выйдя на палубу, девушка даже немного растерялась и чуть не ушла обратно. Прогулочная зона на авианосце была совмещена с пусковыми шахтами баллистических ракет — самолеты здесь сажать не стоило, а вот от ходящих людей никакого вреда шахтам точно случиться не могло. Рациональное использование пространства.

Обычно на этом участке палубы была тишь, благодать, чистота и немногочисленные отдыхающие от смен люди. Сегодня перед Розмари предстала обуглившаяся, отвратительно вонючая палуба, покрытая противной гарью. Гарь покрывала всю корму и только у самой надстройки потихоньку исчезала под натиском десятка матросов, ожесточенно драящих палубу, посыпаящих ее какими-то порошками и иногда окатывающих водой из брандспойтов.

Помощница интенданта беспомощно замерла на выходе из надстройки, смотря на покрывающую палубу грязь и подкрадывающиеся к ней серовато-мыльные потоки. Наверное, вид ее, с термосом и пачкой печенья, был столь красноречив, что один из матросов сжалился.

— Эй, парни, стоп! Перерыв две минуты, дайте даме пройти! — и галантно отогнал мыльную воду огромной шваброй, создав нечто вроде чистого прохода.

Розмари, смущенно улыбаясь, проскользнула мимо матросов и отошла немного дальше, к самой границе зоны, где начинались владения летчиков. Здесь, к сожалению, не было толком видно берега — его закрывала громада надстройки. Зато океан и солнце, постепенно уходящее за горизонт, наблюдались отлично.

Она отвинтила крышку термоса, открыла пачку печенья и, издав вздох предвкушения, облокотилась на туго натянутый леер.

На горе мисс Викерс, именно по этой части корабля несколько часов назад пришелся ледяной удар. Известно, что некоторые металлы и сплавы, например, олово, с понижением температуры переходят в состояние повышенной хрупкости. Трос, конечно же, был сделан не из олова. Но и практически мгновенный перепад температуры с совершенно обычной практически до абсолютного нуля, а потом возвращение обратно — это не поход на минус сорок градусов, требующихся для перехода оловянных предметов в состояние серой трухи.

Трос не выдержал и лопнул. Розмари, отчаянно вопя и размахивая печеньем, упала за борт. Выроненный термос, по иронии судьбы оставшийся на палубе, медленно покатился в сторону драящих палубу матросов, разливая с любовью сделанный чай.

Кричать девушка прекратила практически сразу же, потому что, спустя два ярда полета, угодила на специально расправленную за бортом страховочную сетку. Несколько драгоценных печенек выскользнули из пачки и отправились в долгий полет к воде. Розмари провожала их остекленевшим взглядом. Сколько здесь — пятьдесят, шестьдесят ярдов? Она изо всех сил вцепилась в сетку, пытаясь обрести уверенность...

Сетка, сделанная из обычных веревок, тоже попала под воздействие холода. И тоже

потеряла немного прочности. Сжатые рукой мисс Викерс, ячейки сетки начали расползаться на глазах.

Девушка, чувствуя, как держащая ее поверхность внезапно расходится под ее рукой, замерла, боясь пошевелиться и стараясь занимать как можно большую площадь. Как на льду.

Далеко-далеко внизу о борт корабля ударилась особенно крупная волна, окатила все вокруг брызгами и бессильно отпрянула. Из судорожно сжатой пачки печенья вниз посыпались крошки.

— Помогите... — прошептала Розмари, боясь сделать движение.

— Эй, мисс, с вами все в порядке? Не бойтесь, мы вас сейчас вытащим! — на ее падение кто-то все же отреагировал.

— Да, только осторожнее...

Предупредить о том, что сетка расползается у нее под руками, она не успела. Какой-то матрос, явно видя соблазнительную женскую фигурку и боясь пропустить случай покрасоваться, молодежато прыгнул вниз.

Розмари весила всего девятьюстами пять фунтов и упала на сетку плашмя. Матрос весил за сто шестьдесят и приземлился на сетку стоя. Долгую треть секунды веревки сопротивлялись неожиданному грузу, а затем сдались.

Герой-спасатель, издав удивленный вопль, провалился сквозь сетку и, отчаянно размахивая руками, понесся навстречу водной поверхности. Розмари зажмурилась.

Дон Бойлз, старший штурман. 3411.

Дон заступил на дежурство по мостику уже ближе к вечеру. Обычно в ночную смену вполне хватало нескольких младших офицеров, в тревожное время ответственность делили Шеф и командер Терон... но Шефа больше нет, командер после дикого дня еле держался на ногах, как и остальной экипаж, а старшим офицером после Рональда оставался именно Бойлз. Так что еще днем он в ультимативном порядке был отправлен на отдых, а теперь вот выдернут обратно на мостик.

Несколько часов сна — это, конечно, хорошо, но проснулся Бойлз с головной болью и диким сушняком, как будто накануне пьянствовал, как в дни бурной молодости. Впрочем, таблетка аспирина, холодный душ и мундир все же привели его практически в полный порядок.

Командер, выдав ему вахту до шести утра, кратко ввел в курс дел. В целом, получалось, что авианосец решил все свои текущие проблемы и притаился, ожидая новых. Дон от всего сердца надеялся, что они все же подождут с появлением до утра.

Проведший на мостике весь день офицерский состав тоже потихоньку разбрехался, уступая места сменщикам. Вслед за командером смылась Холли, за ней — пара дежурных. Его помощница, мисс Ван Вейк, мило попрощавшись и не менее мило зевнув, растворилась в одном из выходов.

Зато взамен откуда-то появился неизвестно где бывший весь день Гатлинг. Похоже, ему тоже был дан приказ отоспаться перед ночной сменой — старший офицер, как-никак, имеющий право принимать серьезные решения.

Нарисовался серьезный Джуллиан Капарроса, тоже штурман. По поводу их созвучных с мисс Ван Вейк имен на мостике постоянно ходили шуточки. На которые Капарроса не обращал внимания, а Ван Вейк наигранно обижалась.

Объявилась пара энсинов.

В принципе, на мостике никогда не бывало особо много народа. Старший офицер, еще один-два, имеющих право заместителей, штурманы, офицеры безопасности да энсины, отвечающие за помощь в организации коммуникации с различными узлами корабля. Все остальные службы были разнесены по наиболее удобным местам авианосца и находились в постоянной связи с мостиком.

Дон не стал занимать капитанское кресло, а плюхнулся в свое — какая разница, все равно система присвоила ему приоритетную метку, а сидеть все же удобнее в более привычном. Найджел, наоборот, облюбовал кресло Шефа и даже крутанулся на нем. Потом, видать, вспомнил, что старика больше нет на свете и утихомирился.

"Как ребенок," — с внезапным раздражением подумал Дон.

Впрочем, раздражение пропало так же быстро, как и появилось. Старший штурман, игнорируя центр мониторинга, вызвал одну из стандартных схем предоставления информации. Показывающие различные данные по системам авианосца стенные панели схлопнули изображения, а затем выдали реалистичную картинку окружающего пространства. А в центре специально отведенного пустого пространства впереди всех рабочих мест появилась здоровенная голограмма, иллюстрирующая положение дел в радиусе двадцати миль.

В центре притаился схематичный авианосец, неподалеку начинался берег, уходящий за края голограммы, все остальное место занимал океан. Над авианосцем и окрестностями бескончаемым хороводом кружились зеленые точки беспилотников. Под самым потолком, не соблюдая никакого масштаба, висела жирная зеленая точка, символизирующая спутник, находящийся над ними на геостационарной орбите.

— Ну, что ж... — пробормотал Дон себе под нос. — Надеюсь, эта смена пройдет спокойно...

Словно в ответ на его слова прозвучал вызов с открытой палубы. Какой-то лейтенант из технического отдела авиакрыла докладывал о несчастном случае, разрыве какой-то сетки и хрупком металле.

Бойлз мысленно застонал, а в реальности потер виски и с надеждой уставился на безопасника. Тот понял его без слов.

— Окей, Дон, я с этим разберусь.

Штурман благодарно кивнул Найджелу и снова помассировал виски. Боль, на время отступившая перед аспирином, медленно возвращалась.

Найджел Гатлинг, шеф военной полиции. 3411.

Выслушав еще раз сбивчивый доклад лейтенанта, Найджел, немного подумав, связался с главным инженером корабля. Но Джонс, как и все остальные, прошедшие этот сумасшедший день на ногах, уже сменился, так что удалось выловить только его заместителя Эшли Купера. Услышав про хрупкий металл, тот помолчал, потом пробурчал что-то недоброе и пообещал появиться на палубе через десять минут.

Гатлинг, с неохотой покинув удобное кресло, вышел с мостика. Надежды на легкую вахту потихоньку таяли, так что на палубе он появился уже не совсем в том благодушном настроении, в котором был всего полчаса назад.

По кораблю гулял прохладный ветерок, заставивший наглухо застегнуть мундир. Он огляделся.

На авианосце потихоньку разгорались огни фонарей, компенсируя исчезающий свет уходящего за горизонт солнца. Ближе к корме несколько матросов усердно драили палубу. А у левого борта, не так уж далеко от него, находилась небольшая группа людей.

— Шеф Гатлинг, сюда! — помахал ему кто-то из них. Он засунул начинающие мерзнуть руки в карманы и отправился к месту происшествия.

Около борта корабля сгруппировались двое матросов, тот самый лейтенант, докладывавший о происшествии и, что удивительно, недавняя заключенная — девушка-интендантша. Сжимающая в руках полупустой пакетик печенья. Найджел прищурился, осматривая ее пронизательным взором. Интендантша потупилась и постаралась спрятаться за матросами.

— Сэр, разрешите доложить...

— Вольно, лейтенант. Сейчас подойдет инженер, тогда все и расскажете. Мне только одно интересно. Мисс, ммм... Мисс Викерс, а вы-то здесь каким боком оказались?

Девушка смутилась еще больше и, запинаясь, рассказала историю про лопнувший трос, рвущуюся сетку и упавшего в океан матроса.

Найджел почесал кончик носа и из вредности смерил робеющую Розмари своим самым инквизиторским взглядом. Неизвестно, что успела придумать про свою участь несчастная, но тут к ним подошел-таки инженер Купер, большой, бородатый, добродушный и, почему-то, со здоровенной кувалдой на плече.

— Ну, раз все в сборе, докладывайте, лейтенант.

— Есть, сэр! Сегодня, ориентировочно в девятнадцать...

— Лейтенант, давай попроще чуть, — поморщился Найджел. Ему совсем не хотелось слушать длинный уставной доклад на усиливающемся ветру.

— Кхм, есть, сэр. Если вкратце, то мисс Викерс, прогуливаясь по палубе, оперлась на леер, который неожиданно лопнул под ее весом. Упала на страховочную сетку. Сетка при сильном механическом воздействии тоже начала, гм... разрушаться, да. Но в случае с мисс Викерс это было не критично. А вот когда один из матросов прыгнул ей помочь, сетка не выдержала и прорвалась. Матрос упал в воду и больше не появлялся. Были сброшены несколько спасательных кругов, но после погружения он однозначно не всплывал. Сэр.

— Вот что еще за хрень, — пробормотал себе под нос безопасник.

— А кто-нибудь помнит, во время боя не здесь ли прошелся ледяной удар? — быстрее всех сориентировался Купер.

Кто-то из матросов подтвердил — мол, да, пусть краешком, но зацепило.

— Хе. Ну, ладно, попробуем... — и инженер, даже не потрудившись предупредить окружающих, с силой обрушил кувалду на стальной настил палубы.

Во все стороны брызнули искры и кусочки металла.

— Вашу мать, Купер, вы что творите! — заорал Найджел, резво отпрыгивая от места удара.

— Спокойно, шеф, это следственный эксперимент... — Купер отставил кувалду в сторону и, опустившись на палубу, принялся изучать небольшую вмятину с рваными краями.

— Смотрите! — произнес он через мгновение, показывая всем небольшой кусочек металла.

— И что мы в нем должны увидеть? — озвучил всеобщее мнение Найджел.

— Он колется, шеф. А этот сплав относительно мягкий. Более того, он чрезвычайно вязкий. Он никогда, слышите, — никогда! — не станет колотиться на кусочки.

— И что это значит? — в свою очередь поинтересовался лейтенант.

— Значит... Значит многое. Удар холода, похоже, достаточно негативно повлиял на кристаллические решетки сплавов. Так что, боюсь, у нас новая, пусть и не критичная, проблема. В зоне поражения, похоже, ожидается просто жуть какое старение металла, а также повышенная хрупкость практически всех материалов.

Найджел мысленно застонал. Только все, вроде бы, успокоилось...

— Пойдемте-ка на мостик, Купер... Это же не критично прямо сейчас?

— Нет, шеф, но завтра нужно будет как следует все оценить.

— Отставить мостик. Идите к себе, подготовьте отчет для Джонса. Завтра Терон вместе с ним разберутся.

Свалив со своих плеч дело, Гатлинг снова повеселел. И даже сумел удержаться от издевательств над Викерс. С одной стороны, будь они на Земле, разбора полетов ей бы было не миновать. С другой — немножко не до того сейчас, чтобы третировать ни в чем не виноватую женщину.

— Идите уже, — махнул он ей рукой, когда остальные начали расходиться. — Не съем я вас.

Интендантша исчезла настолько быстро, что шефу полиции стало смешно. Внезапно даже расхотелось возвращаться на мостик.

Найджел аккуратно подошел к борту, сел на палубу и свесил ноги над пропастью, мимолетно порадовавшись тому, что фальшборта в конструкции не предусмотрено.

В спину светили неяркие желтые фонари, впереди виднелось только черное небо, испещренное мириадами звезд. Закат закончился очень быстро.

Рассматривая гроздья незнакомых созвездий, он неожиданно задумался о том, куда их забросило. Звезд на небосклоне было раза в четыре больше, чем на земном небе. Достаточно четко прослеживался здешний млечный путь. Значит, галактика по форме такая же, как и земная, может быть, та же самая... Хм, ее, вроде как, так и зовут — галактика Млечный путь. Хотя характерная полоса на небе однозначно будет наблюдаться на всех планетах, находящихся в любой из плоских галактик во вселенной.

Судя по количеству звезд, здешняя система располагалась заметно ближе к центру местной галактики, нежели Солнечная — к своему. Посмотреть бы на небо где-нибудь в самом ядре... Найджел на минуту мечтательно зажмурился, представляя себе усыпанный сплошным покровом сияющих мертвым светом бриллиантов черный небосвод... Но, увы, им даже в такой мелочи не повезло.

Холли Тим, энсин. 3411.

Холли, привычно проснувшись раньше будильника, некоторое время не могла сообразить, где находится, что происходит и чья рука лежит на ее голой груди.

Но, обладая немалым опытом, пороть горячку не стала, а принялась осознавать непонятную спросонья реальность. Вечером она ушла с мостика вслед за командером, даже предложила ему приготовить ужин, заметив, насколько тяжело и устало он передвигается по коридору... Терон что-то ответил ей, но разговор упорно не вспоминался... Впрочем, судя по тому, что они зашли в его апартаменты, он все же согласился.

Холли осторожно скосила глаз, пытаясь рассмотреть в полумраке лежащую на ней руку. Она у командера, что ли?

Воспоминания упорно не возвращались.

Так... Она что-то приготовила, какой-то ужасный салат... Готовить энсин Тим никогда

не умела и не любила, но для командера можно и сделать исключение... Хм.

Ага, салатик никому, похоже, особо не понравился, но зато у Терона нашлась бутылка вина. Точно. Они пили, а потом, ну да... пришли, так сказать, к взаимопониманию.

На лицо Холли сама собой заползла довольная ухмылочка. Командер и так вполне себе привлекал ее, как мужчина, а в данной непростой ситуации быть любовницей командующего кораблем сулило немало выгод. Возможно даже, больше, чем на Земле.

Единственное, что смущало Холли, так это то, что сам секс она вспомнить не могла. Вот они отставляют в сторону недопитое вино, вот она аккуратно усаживается Рональду на колени, снимает блузку, расстегивает ему рубашку... Целует... Они вместе заваливаются на кровать...

Холли снова скосила глаза. Глаза, немного привыкшие к полумраку, однозначно намекали на то, что рука командера была облачена в рубашку.

"Мы что, заснули, что ли, даже не успев ничего сделать?"

Мысль была ужасающая в своей простоте. После дико напряженного дня, уставшие и замученные... Точно.

И никакая она Терону не любовница, получается. С него станется еще, проснувшись, извиниться и выставить ее восвояси. Нужно что-то делать.

Холли тихонько, по чуть-чуть, выползла из-под руки командера, затем, аккуратно упершись ему в грудь рукой, добилась того, что мужчина медленно перевернулся на спину. А уже потом решительно двинулась в район так и не снятых вечером форменных брюк.

Судя по всему, пробуждение Терону понравилось. С ходу поставленный своим верным энсином в пикантную ситуацию, он не стал кочевряжиться, а очень быстро взял ситуацию в свои руки. Холли, постанывая, изгибаясь и прижимаясь спиной к его груди, констатировала тот факт, что мужчину себе она выбрала стоящего.

Отыгрываясь за всю нервотрепку последних дней, они не вылезали из постели до тех пор, пока умный будильник не напомнил, что заступать на вахту им обоим уже через полчаса. После чего началась борьба за место под душем и за остатки невкусного вчерашнего салата. Салат Холли сумела отобрать в личное пользование, а в душ пришлось идти вместе, из-за чего время чуть было снова не было потрачено на не полагающиеся по уставу вещи. Благо, чувство долга у обоих оказалось достаточно сильным. Равно как и осознание того, что после десятиминутного опоздания в каюту командера кто-то точно начнет стучаться с проверкой.

— Все, милый, я побежала, — торопливо глотая салат, неразборчиво крикнула она. — Мне-то не стоит опаздывать.

Терон, бредущийся перед зеркалом, хмыкнул. Видать, не особо верил в то, что старший вахтенный офицер обратит слишком уж пристальное внимание на ее отсутствие.

Аккуратно выглянув из каюты и убедившись, что любопытных глаз вокруг не наблюдается, Холли вихрем промчалась до своей каюты. Оставалось двенадцать минут, за которые требовалось переодеться в свежую форму, чуть-чуть подкраситься и сварганить на голове хоть что-то, похожее на прическу.

На мостик она успела минута-в-минуту. И пусть после этого кто-то скажет хоть слово про женщин-копуш.

Рональд, по заведенной им самим в давние времена привычке, опоздал ровно на три минуты. Сдающая вахта от этого точно не помрет, а у опаздывающих и подходящих точно в срок офицеров будет лишний шанс успеть попасть на мостик до старшего по званию.

— Господа.

Дон Бойлз, отстоявший ночную вахту, ввел всех новоприбывших в курс дела. Холли, исподволь рассматривая командера, пропустила все слова штурмана мимо ушей, но заметила, как встревожился Терон.

— Да что ж нам так не везет-то, — пробормотал он себе под нос. — Энсин Тим, свяжитесь с инженерами. Нужна полная и подробная экспертиза состояния попавшей под удар части корабля.

Холли чуть потупила, а затем, заметив выжидательный взгляд Рональда, вспомнила, что энсин Тим — это она и есть.

— Есть, сэр! — хорошо хоть, покраснеть получилось не слишком сильно.

Как оказалось, инженер Джонс уже был введен в курс дела своим помощником, так что объяснять ей ничего не пришлось.

Время медленно потянулось вперед. Командер явно не собирался делать ничего, пока не поступит отчет от инженеров, а инженеры столь же явно не торопились. Хотя по палубе шастали довольно энергично, о чем-то расспрашивая ходящих туда-сюда матросов и с кем-то общаясь по коммуникаторам.

Холли успела дважды приготовить кофе и заказать всем на мостике завтрак по личному распоряжению Терона. Оставшийся без салата командер явно не собирался голодать, а остальным повезло уже за компанию.

Наконец, ближе к одиннадцати утра, с мостиком связался Джонс и сообщил, что первоначальный отчет готов. Терон сразу же объявил десятиминутную готовность к брифингу и ей пришлось выводить на экраны всех значимых офицеров корабля.

Подтянутый командир десантников Лэксби.

Как две капли воды похожий на него своим типажом командир авиакрыла Роджерс.

Пьющий кофе и попутно что-то тыкающий на планшете инженер Джонс.

Какая-то молодая девушка в белом халате, представившаяся, как исполняющая обязанности главного врача доктор Кокс.

Разбуженный и немного красноглазый Бойлз, сидящий в своей каюте.

Такой же полусонный Гатлинг.

Координатор корабельных вооружений Брук.

Главный аналитик Джонс, однофамилец главного инженера.

Дежурный оператор СМОС Суарес.

Элизабет Кокс, доктор медицины. 3411.

Вызов на брифинг с мостиком пришел совершенно неожиданно для Элизабет. Хоть замороженные отсеки оттаяли еще вчера к вечеру, зайти в госпиталь снова она себя заставила только на следующее утро. За ночь кто-то успел убрать тела пациентов и теперь помещение было совершенно пустым и практически безжизненным, если не считать пары медсестер, пытающихся наводить порядок.

Она прошла в докторский отсек. Никого. Только покореженные мониторы компьютеров, осколки не выдержавших перепадов температур ампул, да стойкая вонь от испаряющихся лекарств. Элизабет заглянула в кладовую. То же самое — все, что хранилось в жидком состоянии, замерзло, расколело свои сосуды, а затем, после оттаивания, растеклось, смешавшись в вонючие лужи.

Она медленно вышла в общий отсек, столкнувшись с Анной — одной из медсестер.

— Доброе утро, мисс Кокс...

— Что с остальными? — перебила она девушку. — Доктор Льюис, доктор Тук, доктор Прайс, доктор Иванович...

При каждом упоминании имени медсестра отрицательно мотала головой, опуская глаза все ниже. И, в конце концов, разрыдалась.

— Мисс Кокс, они все мертвы! Выжили только мы с Никки — отсыпались после ночной смены. Мы думали, что и вы тоже...

Элизабет поймала себя на том, что, вместо того, чтобы самой плакать о друзьях, она обнимает Анну и пытается ее утешить.

Наскоро произведенная инвентаризация показала, что практически все сложные медицинские приборы превратились в габаритный хлам. Томограф, электронные микроскопы, анализаторы крови, медкапсулы, даже медицинский принтер — все оставалось только выкинуть за борт. Где-то в трюме должны быть запасные приборы, но уж точно не полный список. Медкапсулы и томограф однозначно там не предусмотрены.

Все жидкости тоже подлежали списанию.

В распоряжении единственного оставшегося штатного врача авианосца остались только таблетки, пилюли и простейшие медицинские инструменты.

И как раз в тот момент, когда уставшая сметать вонючую стеклянную шелуху в одну кучу мисс Кокс окончательно прониклась ситуацией, заговорил неубиваемый штатный коммуникатор на стене.

— Медицинский отсек, вызывает мостик. Не могу связаться по видео. Требуется доктор Льюис для командного брифинга.

Чуть помедлив, Элизабет ответила.

— Это доктор Кокс. Доктор Льюис погиб... — ей пришлось перевести дыхание. — На данный момент старший корабельный врач — я.

В коммуникаторе помолчали, переваривая информацию.

— Доктор Кокс, просьба найти любое изолированное помещение с работающей видеосвязью и связаться с мостиком. Брифинг через семь минут.

И вот она сидит, смотрит на экран, показывающий картинку с мостика, и ждет...

Терон, которого она практически не знала лично, пробежался глазами по экранам с собравшимися людьми, задержался немного, смотря ей в глаза, а затем, без каких-либо предисловий, передал слово главному инженеру. Его изображение тут же появилось перед ней рядом с картинкой с мостика.

— Кхм, господа... Приветствую всех. На повестке дня у меня сейчас два вопроса. Первый — общее состояние корабля. Поскольку все мы уже примерно представляем, что к чему, я лишь выделю главные моменты. Собственно говоря, они заключаются в том, что кораблю на данный момент крайне не рекомендуется пытаться развить скорость выше пятнадцати-шестнадцати узлов. Новая конфигурация носовой части потребует слишком большого напряжения силовых установок, а риск нам не нужен. Итого, рекомендую принять как данность снижение нашей максимальной скорости в два раза. Хороший же момент заключается в том, что оставшийся реактор, а также две резервные энергетические установки не пострадали. Корабль на ходу, не имеет проблем с живучестью и спокойно переживет, судя по расчетам, пяти-шестибалльный шторм. Дальше могут возникнуть проблемы с прочностью носовой части. На этом с первой частью все.

Джонс глотнул водички и задумался. Никто его не прерывал.

— Итак, второй вопрос, которому я со своей командой посвятили все сегодняшнее утро. Если вкратце, то вчера ледяной удар, прошедший по кораблю, не прошел бесследно. Гм, да, неудачные слова... Скажем так, кроме очевидных проблем, выяснились еще и скрытые. Смотрите.

Рядом с его изображением появилась еще одна картинка, показывающая корабль целиком. Сквозь нарисованный авианосец проходил толстенный красный цилиндр с разлохмаченными краями. Повинуясь Джонсу, цилиндр стал полупрозрачным, а сам корабль приблизился.

— Здесь вы видите примерную зону поражения нашего корабля, — картинка крутанулась вокруг вертикальной оси. — Как видите, поражение сквозное. Теперь смотрите более внимательно, следующую модель каждый из вас получит лично.

Цилиндр на экране исчез, оставив окрашенным в красный цвет только соприкасавшийся с ним сектор корабля. Сам авианосец стал немного прозрачным.

— Гм, да... Картинку вы потом сможете изучить подробнее. Итак. Если без лишних заумствований, то луч холода, пройдя сквозь корабль, не только причинил моментальные повреждения вроде расколотых бутылок с водой, лопнувших стекол, сломавшихся компьютеров, но и внес изменения в молекулярные связи многих материалов на своем пути.

Инженер снова хлебнул воды и опять задумался на пару мгновений.

— Вчера мой заместитель установил, что в зоне прохождения луча стальное покрытие палубы претерпело изменения. Оно стало хрупким. О, разумеется, не как стекло. Но, если раньше по листу такой стали можно было бить кувалдой, гнуть его, то теперь ничего такого не получится. Сталь просто лопнет. Расколется.

Кто-то по ту сторону экрана недовольно закричал.

— Сегодня мы изучили весь сектор поражения. Если вкратце, то семьдесят процентов материалов приобрели повышенную хрупкость. Я не знаю и не понимаю, почему так произошло. Опираясь на земную науку, можно было предполагать изменения свойств у пяти-десяти процентов материалов. Здесь же цифры таковы. Это просто факт. Из этого факта идут следующие выводы. Первое — любая техника, находящаяся в момент удара на его траектории, должна быть списана.

За экраном послышалось чертыхание.

— Брэдли, черт возьми, у нас и так этой техники не осталось почти! — похоже, кто-то из военных.

— Капитан Роджерс, я еще не закончил. Второе следствие — в этой зоне необходимо произвести тщательную смену всего возможного оборудования. Инструментов, шлангов, запасных частей... Объясню наглядно — если раньше, уронив на пол баллон с кислородом, вы поднимали его и шли дальше, то сейчас уроненный баллон имеет огромный шанс на то, чтобы лопнуть и разнести в итоге все вокруг к чертовой матери.

Элизабет с холодком в душе вспомнила про несколько стоявших в госпитальном отсеке баллонов с тем самым кислородом.

— По кораблю. Зона поражения практически вся выше ватерлинии. Каких-то особых неприятностей для корабля в целом эта проблема не несет. Впрочем, не рекомендуется биться о скалы или испытывать корабль сверх меры в штормах. На этом у меня все.

— Спасибо, мистер Джонс. Давайте теперь пробежимся по отделам корабля. Капитан Роджерс.

— У меня за последние пять минут все стало еще хуже. Если вкратце, то, учитывая информацию Брэдли, у нас есть один полностью исправный самолет. Еще один мы, скорее всего, сможем вернуть в строй через две-три недели. Также надежда есть на один штурмовой вертолет. Значительная часть боезапаса и топлива потеряна вместе с носовой частью корабля. Но на три единицы техники того, что осталось, больше, чем достаточно. Можем хоть круглосуточно летать.

Летчик на экране немного задумался.

— Есть проблемы с длиной ВПП, но квалификации пилотов хватит, чтобы взлетать и садиться на оставшемся участке. Что еще... Беспилотников наблюдения у нас море. Ударных дронов осталось сорок три единицы. Это хорошая цифра. Боезапаса на них тоже хватит, как и топлива. У меня, пожалуй, все.

— Спасибо. Капитан Лэксби?

— Кхм, да. У нас все совсем просто. У нас не осталось практически ничего. Если быть точнее, то из всей механической части у нас есть только шесть хамви. Плавать они не умеют и их как-то нужно еще переправить на сушу. Десантные корабли потеряны. Танки потеряны. В наличии хватает надувных лодок, но это единственный плюс. Полная переключка в настоящий момент пока еще затруднена, но оперативные данные говорят о том, что в строю осталось около двухсот человек личного состава. Личное стрелковое вооружение присутствует в избытке... — капитан немного задумался. — Присутствовало в избытке, но теперь, в связи с новыми данными, нужно будет проверить склады и убрать теоретически неисправное оружие. Впрочем, даже если пара складов и пострадала, в целом в любом случае легкого вооружения у нас достаточно, чтобы вооружить половину корабля.

Элизабет подумала, что, возможно, скоро так и придется поступить.

— Мистер Бойлз?

— В моем королевстве все в порядке. Навигационные приборы работают, внешняя информация поступает, корабль на ходу. Так что штурманская группа приведет вас куда нужно.

— Отлично... Шеф Гатлинг?

Мужчина на экране развел руками.

— У меня на данный момент нет работы. Команда, похоже, сплотилась из-за Инцидента, проблем нет. Люди достаточно сильно волнуются, что нормально в этой ситуации, но это не критично. В целом же панических настроений, несмотря ни на что, нет. Несколько тревожна ситуация с этим гадским котом, простите. Но здесь я бессилен. Он неуловим. Еще можно отметить большие потери в составе моих подчиненных, но в чрезвычайных ситуациях я имею право задействовать для выполнения работы по обеспечению порядка морских пехотинцев, что и делаю... Так что, в целом, все под контролем.

— Ясно, Найджел... Как у тебя обстановка, Стивен?

— У меня все достаточно плохо. Остались всего две межконтинентальные баллистические ракеты. Единственное возможное применение — ядерные удары. Основные батареи крупнокалиберных рельсотронов по обоим бортам критично повреждены. Дублирующие запущены и в строю, но, после доклада Брэдли потребуются проверка и тесты. Они однозначно частично находятся в зоне поражения. Зенитные комплексы С-801, стоявшие на дежурстве, критически повреждены. Сейчас в строй введены дублирующие. С ними все в норме. К сожалению, пропал без вести русский консультант. Вспомогательные

зенитные ракетные комплексы уничтожены. Зенитные рельсовые комплексы — остались четыре из шести. Батарея лазерных пушек — без повреждений. Остался один из двух артиллерийских зенитных комплексов. Бортовых орудий осталось по восемь с каждого борта. Теперь, получается, шесть из них под подозрением. "Томагавков" осталось всего пара десятков. Все ракеты без ядерных зарядов. Остальные складировались в потерянной части корабля. Но системы пуска полностью функциональны.

Брук облизнул губы и пошарил взглядом вокруг себя в поисках воды. Увы, ее не нашлось.

— Собственно, аппараты для стратегических торпед и установки для глубинного бомбометания — в норме. У меня все.

— Да, прошлись по нам хорошо... — пробормотал Терон, не обращая внимания на собеседников. Кто следующий? Мисс Кокс, прошу вас.

— А... э... Да, сэр! Прошу прощения, сэр, я немного не привыкла к такого рода брифингам...

— Я понимаю, доктор. Не волнуйтесь. Нам важно знать положение дел, а не ваше знание устава.

— Да, спасибо, сэр... — она постаралась говорить серьезно и весомо. — На данный момент я — единственный оставшийся врач в медицинском отделе корабля...

С той стороны экрана кто-то растерянно присвистнул.

— Да, холодный удар прошел как раз сквозь наш отдел, — командер на экране, который явно уже был в курсе, поощрительно кивнул головой, протыкая ее взглядом серьезных глаз. — Если коротко, то из штатного персонала остались только две медсестры и я. Впрочем, сейчас этого достаточно, так как раненных практически не осталось...

Элизабет неожиданно жалко шмыгнула носом и разозлилась на себя за это.

— Вдобавок, отдел потерял практически все сложные приборы. Потеряны все жидкие лекарства. Инвентаризацию я пока что не проводила, но урон колоссальный, сэр. Выведены из строя все компьютеры...

— Я переешлю вам в подчинение трех полевых медиков, мисс Кокс, — неожиданно вступил в разговор капитан Лэксби. — Они больше специалисты по хирургии, но в любом случае будут вам полезны. Полагаю, в такой ситуации посылать их на задания — глупое расточительство.

— О, спасибо, сэр! — ей действительно стало легче после этих слов. — В общем, у меня все...

— Спасибо, доктор. Что скажет служба мониторинга?

— На связи оператор Суарес, сэр, — раздался хриловатый прокуренный голос. — Если коротко и по существу, то работа станции мониторинга окружающей среды выведена на оптимальный уровень. Неполадок нет, спутники на связи, информация от беспилотников поступает в полном объеме. Функциональность службы — сто процентов.

— Отлично. И, наконец, послушаем рекомендации нашего аналитического отдела.

— Так точно, сэр.

На экране появился классический ботаник — болезненного вида худощавый человечек в очках.

— Собственно, наши рекомендации остаются прежними. Нам нужно нечто вроде порта, где нам меньше будет угрожать окружающая среда. Это особенно актуально сейчас, в свете доклада моего однофамильца об усталости металла в месте поражения ледяным ударом.

Собственно говоря, рекомендуется свести к минимуму передвижения корабля и воздействие на него окружающей среды до тех пор, пока спутники не предоставят нам полную и точную картину мира. Такая карта ожидается через три-четыре недели. После этого можно будет принимать решение о необходимости дальнейших перемещений.

Ботаник немного задумался.

— Для подъема морального духа экипажа рекомендуется сделать высадку на берегу, обустроить постоянный лагерь, провести комплексное изучение флоры и фауны. Идеальным вариантом будет нахождение пригодных в пищу белковых форм жизни. Это поддержит людей и даст им некоторую уверенность в завтрашнем дне. Боюсь, после вчерашнего боя многие уже не воспринимают корабль как идеальное убежище. Людям нужен выбор — корабль или берег. Людям нужна уверенность, что они не умрут от голода, когда закончатся припасы. Людям нужна надежда — но с этим сложнее. Сейчас вектор надежды можно нацелить на составление карты планеты и поиска мест для дальнейшей передислокации. У меня все, пожалуй.

— Отлично... Ну что же, господа. Предлагаю на рассмотрение краткий план дальнейших действий. Первое — перебазирование в намеченную бухту. Второе — развертывание постоянного лагеря на суше. Третье — исследование природы этой планеты. Дальнейшие действия будут основываться на полученной подробной карте планеты. Кто за, кто против? Предложения?

Простой, как топор, план, разумеется, был принят единогласно. И Элизабет получила возможность наконец-то вернуться в свои — теперь уже свои, — владения, чтобы поскорее выкинуть оттуда все имеющиеся баллоны с кислородом, закисью азота и прочими газами.

"Барак Обама", авианосец. 3411.

До намеченной бухты покалеченный корабль полз почти десять часов. В отличие от предыдущего горделивого перехода, теперь он скорее тихо крался, испуганно озираясь по сторонам, нежели уверенно маршировал, высокомерно игнорируя окружающий мир.

Практически все на корабле во время перехода в той или иной мере участвовали в наведении порядка. Кто-то помогал доктору Кокс с уборкой, таская мешки с битым стеклом до борта. Кто-то лупил кувалдой по стволам орудий, внимательно их потом рассматривая в поисках сколов. Кто-то не спеша и со всей тщательностью разбирался в покореженных летательных аппаратах, пытаясь найти недостающие блоки и узлы для починки вертолета. Кто-то, срезая автогенем одни переборки, создавал другие, укрепляя новый нос корабля.

В радиусе полусотни миль от авианосца шмыгали беспилотники, мониторя окружающую обстановку и заодно помогая составить подробную карту местности рядом с пунктом прибытия.

К узкому проливу, ведущему в бухту, "Барак" прибыл уже в темноте. Подходить к берегу ночью никто из команды не хотел, так что корабль остановился в паре миль от скал, погасив на всякий случай все огни, заглушив исходящий информационный трафик, но продолжая жадно впитывать информацию с беспилотников и пребывая в повышенной боевой готовности.

Младший лейтенант Вилкс, чертыхаясь,пил вкусный, но горячий кофе, приготовленный Элис, не отпуская при этом глазами обзорные экраны. Статус любого объекта искусственного происхождения был определен командиром как безусловно красный, так что

он втайне лелеял надежду на небольшую стрельбу.

Сам командир в это время, отбросив всяческие мысли о чужой планете, страстно и изобретательно пользовался нежным телом энсина Тим, заставляя ее впиваться пальцами в подушку и стонать от наслаждения.

Мисс Ван Вейк занималась примерно тем же самым, но, увы, в одиночестве. Впрочем, она твердо планировала изменить ситуацию в обозримом будущем.

Механику Джону Картеру повезло еще меньше — он всего лишь пытался научить черного кота прыгать за привязанной к леске тряпочкой. Кот прыгать отказывался.

Кок Роберт Ки, мучительно морщась, аккуратно разминал сломанную ногу и вспоминал симпатичную молоденькую докторшу. Вспоминал с сожалением, потому что чувствовал, что она ему не по зубам.

В отличие от него, Тони в свои силы верил. Не сегодня, а в принципе. Доктор Кокс никуда от него не денется. Но прямо сейчас оператор, забыв об Элизабет, злобно бурчал что-то про себя и яростно колотил по клавишам компьютера, пытаясь вытащить из замороженного и потрескавшегося диска свою запись начала боя.

Объект же его долгоиграющих планов просто спала у себя в каюте, вымотавшись за день.

Корабль потихоньку уходил от шока и возвращался к нормальной жизни.

Рэй Гивен, пилот. 3411.

Рэю, проснувшись ни свет, ни заря, опять было нечего делать. Впрочем, на этот раз никакие депрессивные мысли его не посещали. Да он герой, черт возьми!

Жаль только, что всем, на фоне потерь, на это как-то наплевать. Ну, не совсем всем, конечно. Капитан все же основательно подогрел его чувство собственного величия, приведя в пример остальным оставшимся летчикам, пожав руку и сказав немало пафосных слов.

Мелочь, а приятно. Но делать все равно было нечего.

Выглянув на палубу, пилот глянул в сторону поднимающегося над горизонтом солнца, радостно хмыкнул и откусил утащенный с камбуза бутерброд. Повара потихоньку разобрались в творившемся у них бардаке и меню начало меняться в лучшую сторону. Правда, пока что в доступности были только громадные горы бутербродов и достаточно подозрительный бульон, но никто не запрещал взять вдобавок к ним и очередной сухпак.

Бульон Рэй выпил, паек закинул в комнату, а парочку бутербродов готовился съесть на открытом воздухе.

Проблема подкралась, откуда не ждали — на палубе просто не оказалось места, где можно было бы расположиться с удобством. Если раньше он всегда мог залезть на крыло одного из базирующихся здесь самолетов, то теперь они отсутствовали как класс — единственный исправный, закрепленный за ним, оберегался, как зеница ока и прятался где-то глубоко внутри корабля.

В итоге расположиться ему было просто негде. Разве что на какой-нибудь ракетной установке. Но оттуда его уже как-то раз прогнали нецензурной бранью ракетчики и повторять эксперимент не хотелось.

В итоге пилот прошел на правый борт, поближе к носу, прислонился плечом к уходящей ввысь громаде надстройки и принялся поглощать бутерброд, рассматривая берег.

Высокие скалы, достаточно узкий по сравнению с тушей авианосца проход...

Интересно, как командер Терон намеревается пройти сквозь все эти зубцы и уступы? Он пожалел, что не захватил с собой бинокль.

Словно в ответ на его вопрос, где-то под ногами послышался оглушительный грохот, а неприятные выступы скал вдалеке расцвели каменными брызгами.

— Кха! — Рэй от неожиданности подавился бутербродом. Ну да, логично же — спилить все мешающие выступы из рельсовых орудий, да и все.

Спустя полторы минуты грохот повторился, заставив лейтенанта засунуть в уши хлебные катышки для защиты барабанных перепонок, а проход вдалеке окутался новыми облаками каменных осколков.

— Красота, красота... — промурлыкал себе под нос пилот, нацеливаясь на второй бутерброд.

К берегу потянулись новые огненные нити..

Второй бутерброд оказался заметно вкуснее предыдущего.

Откуда-то из-за спины у Рэя выскочил седовласый человек с массивной камерой, подскочил, не обращая внимания на лейтенанта, к самому борту и принялся упоенно снимать происходящее.

В проходе воцарился настоящий ад. Вздымались тучи пыли и каменной крошки, во все стороны летели осколки камней, рушились в воду целые глыбы...

Своеобразное рытье прохода продолжалось минут сорок. Иногда выстрелы прекращались, а между скал туда-сюда проносился беспилотник. Затем все начиналось заново.

Наконец, подготовка все же завершилась. Авианосец медленно развернулся на месте и очень плавно и аккуратно двинулся вперед. Бутерброды у Рэя закончились, но уходить все равно не хотелось — было интересно своими глазами понаблюдать, как корабль пройдет по проходу.

Желающих, кстати, за время обстрела набралось порядочно. Люди стояли, сидели, ходили и то и дело посматривали на приближающиеся скалы. Среди них туда-сюда шастал оператор, снимая все подряд.

Корабль вошел в проход на самом малом ходу, но просто идеально. Двигаясь, как сонная муха по клею, он медленно и аккуратно пополз внутрь бухты. Сверкающие свежими сколами камни проплывали мимо Рэя настолько близко, что хотелось коснуться рукой. Увы, расстояние все же было достаточно большим для такой попытки.

Сотню ярдов пути авианосец преодолевал минут тридцать, аккуратно протискивая свое чуть ли не в четыре раза более длинное тело мимо близких берегов. А пару раз даже зловеще скрежеща бортом по серым камням. Пилот мимоходом отметил, что перед началом движения на палубе появилось достаточно много морпехов, которые заняли позиции для отражения потенциальной угрозы. Но, наконец, все закончилось. "Барак" проник внутрь кажущейся небольшой в сравнении с его габаритами бухты и замер.

Рэй осмотрелся. Залив представлял собой нечто вроде скошенной чаши неправильной формы. Высокая сторона чаши была образована теми самыми скалами, сквозь которые только что прошел авианосец. Чем дальше же от океана, тем стремительнее понижались берега, уже через пару сотен ярдов переходя в лесистый пляж.

Размерами бухта была, как на глаз прикинул пилот, около мили в ширину и полтора — в длину. Как раз для гиганта, который в лучшие свои времена сам был длиной практически в треть мили.

Авианосец немного развернулся, обратив один борт в сторону прохода, а второй — вглубь континента. Замер. А затем послышался тяжелый звон — корабль отдавал якоря, окончательно устраиваясь на новом месте.

— Ну, вот и прибыли, — пробормотал пилот, как обычно разговаривая сам с собой. — И что дальше, интересно...

Десантник Фил Скотт. 3411.

Фил, совершенно неожиданно для себя, мало того, что оказался в авангарде высадки, так еще и получил статус эксперта по здешним опасностям. Видать, рассказы про красные волосы весьма впечатлили капитана Лэксби. Вдобавок, капитан, который отнюдь не был дураком, нагрузил его заданием по систематизации данных об окружающем мире. Скотт, в силу своего состояния, был едва ли половинкой полноценного десантника, но при этом мог отлично взаимодействовать с группой тактически и не быть обузой. Кому, как не ему, примерять на себя роль исследователя.

В ближайшем будущем на берег должны были отправиться пара ботаников из аналитического отдела, но высаживать их при первой высадке было все же глупо.

Моторка резво подскочила к берегу, наполовину залезла на него и остановилась. Шесть человек выскочили на пляж, вода стволами винтовок по сторонам, один остался на лодке, на случай немедленной эвакуации. Чуть дальше высадились еще четыре группы.

Старшина Эрих Киль, которого Фил знал весьма и весьма шапочно, сделал пару шагов вперед.

— Выдвигаемся! Цель — высота шесть. Ордер — разведка. Первый, Третий — вперед Шестой — замыкающий.

Не больно-то и хотелось, подумал он, топая в арьергарде группы. В любом случае, наводнившие небо дроны показывали исключительно мирную картинку. Никаких врагов, животных, опасностей.

Когда до точки назначения осталось полсотни ярдов, старшина поднял сжатую в кулак руку. Группа остановилась, морпехи вместе с вернувшимися Первым и Третьим, разобрали сектора контроля и замерли.

— Скорпион один — базе. Вышли на цель. Запрашиваем чистку. Прием.

— База — Скорпиону один. Готовность — пятнадцать секунд. Отбой.

Фил, вынужденный смотреть не вперед, по ходу движения группы, а назад, поскольку его сектор ответственности был именно там, все же не удержался и, отсчитав тринадцать секунд, повернул голову.

Еще две секунды на вершине небольшого холмика, отмеченного на карте, как высота шесть, непривычный земному глазу лес мирно зеленел и шелестел листвой. На следующей секунде по вершине холмика словно ударили исполинской косой. Вверх полетели тучи щепок, целые стволы деревьев, розовато-зеленые чешуйчатые листья... По холмам прокатился грохот.

— Вперед.

Пятьдесят ярдов удалось пройти без всяких проблем. Дальше начиналось открытое место, усыпанное листьями и расщепленной древесиной.

— Бомбой по муравьям, — тихо пробормотал кто-то. Фил его понимал — залп рельсовых орудий, расчистивший им место под опорный пункт, действительно был

некоторым перегибом.

Старшина, узрев перекопанное земляное месиво, усеянное древесными обломками, смачно выругался.

— Штабные умники, мать их! Нам теперь здесь два дня чистить... Проще было самим все срубить и в сторону отволочь...

Впрочем, несмотря ни на что, авианосец за секунду сделал самое главное — открыл им обзор во все стороны с нужной точки.

Через три часа разбора завалов Скотт все же перестал находить в произошедшем плюсы.

К ним тем временем пробрались еще шестеро морпехов и инженер, тащивший на себе кучу оборудования.

В итоге, четверо пехотинцев, включая Фила, были выставлены на дежурство, а оставшиеся восемь продолжили в поте лица своего таскать мусор в стороны. То и дело слышались проклятия — здешние растения содержали в себе просто неприлично много липкой, неприятно пахнущей смолы, в которой всем из них уже довелось изгваздаться.

Инженер, сидя на огрызке бревна в центре расчищенного пространства, собирал какие-то приборы. Скотту было любопытно, но не слишком — в принципе, сейчас просто разворачивалась информационная сеть. На данный момент есть одна база высшего порядка — авианосец, — и несколько десятков датчиков — на беспилотниках. Сейчас же монтировалась база второго порядка, к ней в ближайшем будущем будут подключены сотни и сотни стационарных маломощных датчиков, которые придется вручную расположить в окрестностях. Здешняя база, собирая все данные, будет выдавать лишь общую сводку на корабль, служа своеобразным ретранслятором.

Время клонилось к обеду. Расчистка территории, вопреки пессимистичным прогнозам старшины, была закончена. Морпехи немного расслабились. Все равно, что скоро их наверняка загрузят очередным заданием. Сейчас-то можно и отдохнуть.

Фил, сдав пост, рассматривал бухту. Деревья немного загоразживали ему обзор, но в целом было видно, что на берегу уже полным-полно народа. Служа своеобразным бруствером, лежала цепочка хамви. Машины, подобрав колеса и улегшись на песок вплотную друг к другу, образовывали не такое уж и плохое прикрытие.

От берега к кораблю тянулся понтонный мост, ведущий к одному из выходов для потерянных нынче десантных кораблей. По мосту ходили крошечные человечки, а иногда проезжала одна из хамви, не задействованная в устройстве периметра. Филу подумалось, что с помощью тех самых десантных кораблей, а также вертолетов, канувших в Лету, задача по организации береговой базы решилась бы на три порядка проще. Но мечтать, как говорится, не вредно.

Бездельничать пришлось долго, до самого вечера. Все это время основная работа происходила на берегу, а о них, похоже, совсем забыли. Зато тот кусочек пляжа, что был виден Филу, уже был превращен в настоящий укрепайон.

По периметру тянулся двойной забор с колючей проволокой, заполняющей пространство между сетками. Наверняка, ток тоже был подключен. Ради большей целостности забор не уходил концами в воду, а замыкался в кольцо — для выхода к мосту были предусмотрены ворота.

В более широком радиусе виднелись заготовки стационарного ограждения, которое в будущем придет на смену только что построенному временному. Стояли глубоко вкопанные в землю толстые вертикальные формы, в которых застывал бетон. На самом дальнем краю

виднелась наполовину собранная наблюдательная вышка. Фил задумался над тем, сколько же всего интересного находится в трюмах "Барака". И сколько этого интересного отправилось на дно вместе с носовой частью...

Тони Хоук, оператор CNN. 3411.

Вчерашний день прошел просто замечательно. Никто из экипажа не погиб, сам Тони успешно отмазался от тяжелой работы, а чуть позднее получил прямое распоряжение командера Терона — восстановить корабельное телевидение. Так что первую половину дня он болтался на берегу, снимая постройку базы, а вторую — сидел в аналитическом центре, куда его пустили крайне неохотно, и прикидывал масштаб будущей работы. После волны холода пресс-центр практически перестал существовать в информационном плане. Погибли те, кто занимался всей этой телевизионной кухней, сдохли компьютеры с необходимыми программами, накрылась база данных... Впрочем, здесь Тони немного повезло — будучи параноиком, он хранил дубликаты всех своих съемок у себя в каюте, так что они не пострадали. Запись же недавнего боя ему, пусть и с небольшими потерями, все же удалось выковырять из решившего было умереть диска.

Оставалось как-то превратить это все в телевидение.

Помог ему в итоге один из аналитиков. Оказалось, что в руках ботаника все делается как-то очень просто. Программы устанавливались и начинали работать, компьютеры встраивались в сеть, потоки данных систематизировались и превращались симпатичные артинки.

В итоге, вечером заработал первый канал с познавательными фильмами. А уже ночью — второй, с музыкой.

Тони решил, что утром он первым делом выпросит себе аналитика Сноуграсса в постоянный штат.

Лежа в койке перед сном, он попытался осмыслить все, что с ними происходило в последние дни. Казалось бы, смерти сотен людей, в том числе давно ему знакомых Мэри и Тони, должна была как-то его поразить, бросить в депрессию... Но нет, даже на службе по усопшим он лишь смотрел стеклянными глазами в палубу, слушая капеллана. Грусти и тоски практически не было.

Другие люди тоже не спешили как-то отчаиваться и впадать в депрессию. Более того, общее настроение на корабле, просевшее было после Инцидента, сейчас было откровенно бодрым. Не сказать, чтобы веселым, но следов депрессии Тони вспомнить не мог. Может, что-то в атмосфере влияет на них таким образом? С этой, так и не оконченной, мыслью он и провалился в объятия Морфея.

Утром Тони честно попытался вспомнить какую-то важную вещь, о которой ему думалось перед сном, но не смог и в итоге плюнул на это занятие, отправившись выбивать для себя помощника-аналитика.

Терон был не против, аналитик — только за, так что все утро у Тони прошло за подготовкой третьего канала, рассчитанного на текущие новости. Было решено, что общий формат будет следующим — постоянная связь с камерой Тони на протяжении дня, а затем часовая новостная выжимка с комментариями Сноуграсса — вечером. Собственно, Тони оставалось делать то, чем он и так занимался все время на корабле, а Том оставался ответственным за финальную нарезку, текст и программу передач для других каналов. Оба были довольны.

— Итак, старшина, обрисуйте парой слов сегодняшнее утро, — Тони не часто приходилось работать одновременно и ведущим, и оператором, но все же приходилось.

В объективе камеры немного стесняющийся старшина делился впечатлениями.

— Э... Без происшествий, сэр. Если более точно, то признаков враждебных действий против нас, корабля и обороду... оборудуемой базы не замечено. Утром наше отделение первым вышло на берег, но единственное, что привлекло наше внимание — неизвестная ящерица, застреленная при попытке перелезть забор...

— Она у вас, старшина? Это же первый представитель местной фауны, попавший к нам в руки!

— Э, нет, сэр, ящерица была недавно передана на корабль для изучения.

— Большое спасибо! С вами были Тони Хоук и старшина Роджер Янг. Оставайтесь на нашем канале!

Переключив идущую на корабль картинку с большой телекамеры на миниатюрную широкоугольную, крепящуюся у него не кепке, Тони закинул тяжелый аппарат за спину и задумался. По базе он уже побегал. Идти почти мило до какого-либо из опорных пунктов было страшновато и лениво. Болтаться по кораблю не хотелось. Хотя он поставил себе в памяти закладку — разузнать о судьбе попавшейся ящерицы.

В итоге он решил прогуляться вокруг базы, не отходя от нее слишком далеко.

— Сэр! Стойте! — стоило ему выскочить за ворота, как его нагнал какой-то морпех.

— Что такое? Мне, если что, разрешено свободное передвижение, я...

— Да, да, мистер Хоук, мы в курсе. Просто для того, чтобы вы не подорвались на mine или не запустили...

— Стоп! — Тони отработанным движением перекинул большую камеру на плечо и следующие пять минут расспрашивал морпеха о технике безопасности при перемещении по окрестностям. Затем нацепил идентификационный браслет, который принес ему солдат и все же вышел на открытое пространство.

— Итак, дорогие зрители, справа от меня вы можете наблюдать за тем, как готовится капитальный периметр для будущей базы. Первые звенья стены, как вы видите, уже готовы. Даже часовой на вышке в наличии.

Тони помахал часовому рукой, но был проигнорирован.

— В целом же, как можно заметить, плацдарм занят, теперь идут работы по его превращению в полноценную базу.

Тони повертел головой, пытаясь понять, куда идти и что говорить.

— Ага. Видите эту просеку? В настоящий момент формируется зона безопасности вокруг базы. Существуют пять развернутых опорных пунктов, которые будут контролировать наш периметр. В настоящий момент пункты уже заняты, а эти просеки — заготовки дорог, которые будут вести к ним. Давайте пройдемся немного.

Идти пришлось с полмили — работа шла очень быстро и была уже наполовину закончена. Тони некоторое время понаблюдал за процессом издали. Деревья, мешающие проезду, рубились так, чтобы стволы падали в сторону от будущей дороги. Затем от них отхватывался нижний кусок и оттаскивался в сторону. Ну и выкорчевывался пень. Затем наступал черед следующего дерева. Весь цикл занимал от силы минут двадцать.

Тони нашел бригадира.

— Сэр, вас беспокоит корабельное телевидение. Мы в прямом эфире. Расскажите немного про дорогу и методы ее прокладывания. Буквально пару слов.

— Что, правда в прямом? — удивился крепкий мужик в грязной спецовке. — А... Да, конечно... Ну, мы, в общем, делаем дорогу до поста, который находится во-он на той горке. Рубим, оттаскиваем, потом пни корчуем... Древесина — или как там ее еще назвать, — очень мягкая. Иногда пружинит, как резина почти. И смолы очень много... В общем, дело нетрудное, к вечеру управимся. Машинкам-то нашим асфальт не нужен, и так проедут...

Банально, просто, но именно это сейчас и нужно слышать экипажу. Работа идет, дело движется, ура. И все в этом духе.

Покрутившись немного около рубящих лес людей, Тони рискнул уйти в сторону. Ему хотелось немного времени уделить природе.

— Итак, хм... Перед вами одно из типичных здешних растений. Собственно, этот вид преобладает в данном лесу. Что можно сказать о нем на данный момент. Никаких опасных свойств у него не найдено. Древесина мягкая. Сам ствол покрыт красноватой... кожицей, наверное, так будет лучше сказать. Листья, как вы видите, немного чешуйчатые... В древесине содержится очень много смолы. Смола горючая и очень неприятная на вкус — вчера кто-то имел глупость ее попробовать. Наверное, по кленовому сиропу соскучился. Само дерево по форме немного напоминает наши пальмы. Пожалуй, для дальнейшей идентификации, назовем его пальмой чешуйчатой. Да, неплохо звучит.

Тони покрутил головой, пытаясь найти еще какое-нибудь дерево. Но, увы, вокруг были только пальмы чешуйчатые и только они. Пришлось наклоняться к земле.

— Здешняя природа не особенно разнообразна. По крайней мере, в этом районе. Перед вами типичная местная трава...

Луис Суарес, оператор СМОС. 3411.

Луис валялся на диване в комнате отдыха станции мониторинга, потягивал кока-колу из жестяной банки и смотрел в телевизор, где неутомимый сиэнэновский оператор шастал по лесу в поисках новых растений. На фоне надоевших земных клипов и однотипных передач смотреть было на удивление интересно.

В комнату заглянула Джулия с пустой кружкой и ищущим взглядом.

— Хай, красотка.

— Виделись уже... Кто опять заныкал куда-то кофе?

— Ливингстон, наверное. Мне кажется, я видел его ночью, крадущегося по коридору с жестянкой этого бесценного напитка.

— Тьфу на тебя... Вот же люди! — кофе нашелся в углу стола за тостером. — Почему не поставить туда, откуда взяли?

— Дикари-с... Брось ты этот кофе. Кока-кола спасет мир!

— Угу... — Джулия налила в кружку кипятка и, чуть поболтав напиток, долила холодной воды. — А ты не думал, что кофе у нас целый штабель, которого хватит на годы, а твоей любимой колы не станет уже через пару месяцев? Привыкай заранее. И подвинься. Развалился на весь диван.

— Вот я и ценю последние мгновения вместе с колой. Не Ливингстону же ее допивать. И не стесняйся, иди ко мне, этот уютный диван прямо создан для нас двоих!

Суаресу всегда было лень по-настоящему ухаживать и добиваться близости со своим вторым номером. Но, на всякий случай, флиртовал он с ней постоянно, хоть и довольно однообразно.

— Черт с тобой... Только не мечтай после этого обо мне слишком активно, — девушка шлепнулась на диван, вольготно откинувшись ему на живот, и, как будто случайно, уперлась острым локотком прямо в солнечное сплетение. — Что показывают?

— Природу показывают... — Луис пытался аккуратно вывернуться из-под угнетающего его локтя.

— Ах, природу... — локоть впился еще глубже. — Тебе удобно, дорогой?

Стервочка.

— Еще бы... — Он, наконец-то, сумел извернуться на бок, после чего локоть все же был убран.

— Ну вот, теперь мне неудобно... — Джулия демонстративно завозила в плотную к нему на диване и Суарес почувствовал, что начинает возбуждаться.

— Крошка, да ты, никак, пытаешься соблазнить старого доброго Луиса. Так не тушуйся, говори прямо! До дежурства еще больше часа, мы многое можем успеть.

— Соблазнить или не соблазнить, вот в чем вопрос... Прямо Шекспир... — теперь локоток впился ему в бедро, немного остужая желание.

— Конечно, соблазнить, Шекспир одобряет, — Луис, захваченный пошлыми мыслями, пытался вспомнить, где поблизости можно найти презерватив. Вдруг все же обломится...

— М... пожалуй, все же... — Джулия томно потянулась, заставив его сглотнуть слюну при виде четко обрисовавшейся под форменной рубашкой груди. — Пожалуй, все же нет. Уж слишком спать хочется. Да и смена совсем скоро...

Она поднялась с дивана и, нарочито соблазнительно виляя бедрами, отошла поставить кружку из-под кофе в раковину.

— Но у тебя есть еще целый час, чтобы помечтать обо мне, — подмигнула она Луису, выходя из комнаты. — Только проверь, чтобы дверь была заперта.

— Сучка! — крикнул ей вслед Суарес.

— Сам такой, милый! — донеслось в ответ.

Луис понял, что теперь просто обязан затащить в постель эту вредную девчонку.

Роберт Ки, кок. 3411.

На разделку инопланетной ящерицы Роберт попал совершенно случайно, оказавшись в госпитале как раз в тот момент, когда туда притащили это чудо.

Здоровенный морпех в полном боевом обвесе заявился, когда милая докторша расспрашивала его о сломанной ноге. Рукой морпех держал за хвост упитанную тушку той самой ящерицы. Ящерица была с ярд длиной, антрацитово-черного цвета и видом своим напоминала игуан из документальных фильмов, которые снова начали крутиться по корабельному телевидению.

— Кому ее? — лаконично поинтересовался морпех, наблюдая вокруг удивленные лица.

— Что — кому? — поинтересовалась доктор Кокс.

— Мне сказали — доставить в госпиталь для изучения, — смирившись с тупостью штатских, разъяснил морпех. — Кому отдать?

— Ну... Кладите вот на этот стол...

— Есть! — морпех уложил тушку на стол, козырнул и испарился. Роберт, доктор Кокс и подошедшая медсестра уставились на пресмыкающееся.

— И что с ней делать?

К счастью, буквально через полминуты в госпиталь заявила целая делегация. Шеф Найджел, какой-то очкастый тип и, почему-то, Джузеппе Энцо, начальник Роберта.

Джузеппе имел явно несчастный вид, который сменился на сияющий в мгновение ока, стоило ему увидеть около ящерицы Ки.

— Шеф Найджел, рекомендую вам одного из моих лучших коков — мистера Роберта Ки! Как вы видите, он уже готов к работе под вашим чутким руководством! Можете положиться на него, как на меня!

После чего, не дав даже шанса себе ответить, юркнул обратно в дверь и был таков. Гатлинг и Ки обменялись немного ошеломленными взглядами.

— Хм. Ну, ладно, раз Джузеппе вас рекомендует, — пробормотал шеф полиции.

— В чем вообще дело? — поинтересовалась Элизабет.

— Вы не смотрите новости? — удивился очкастый тип. — Передавали же недавно. Обнаружена форма жизни. Требуется вскрытие, исследование и диагноз — годны ли подобные существа в пищу. Медицинский и аналитический отделы — лучший выбор для того, чтобы провести исследования на токсичность. Шеф Гатлинг обеспечит общее руководство, а уважаемый мистер Ки даст заключение о пригодности в пищу.

— Да, все примерно так, — подтвердил Гатлинг.

За последующие три часа несчастную ящерицу вскрыли, освежевали, разделили на кусочки, просветили какой-то непонятной фигней, рассмотрели в микроскоп и даже покапали на нее разными растворами.

Результат был непонятен. Судя по словам доктора и выводам аналитика, ничем откровенно ядовитым от ящерицы не несло. Паразитов тоже не было заметно.

Роберт, набравшись смелости, утащил маленький кусочек ящерицы и подержал его в пламени горелки. Кусочек сначала пару минут провел без изменений, а затем практически мгновенно подрумянился и начал обгорать. Кок тут же вытащил его из пламени, но было поздно — вместо жареной ящеритятины в его руках наблюдался слабо дымящийся уголек.

— Хм. Вы точно хороший кок, мистер Ки? — не удержался от шпильки полицейский. Роберт решил, что отвечать — это ниже его достоинства и принялся изучать уголек.

Степень прожарки была одинаковой — когда он разломил кусочек, это стало видно наверняка.

— Похоже, мы наблюдаем действие какой-то энергетической структуры, — заметил аналитик, внимательно наблюдавший за его экспериментом. — Сначала она сопротивляется внешней энергии, возможно, аккумулирует ее, затем как будто происходит переполнение и структура рушится. В результате энергия выделяется и вот результат.

— И как приготовить эту хрень? — поинтересовался Гатлинг, заслужив неодобрительный взгляд докторши.

— Можно попробовать жарить на очень медленном огне, — предложил Роберт.

— Скорее всего, не поможет, — отверг идею аналитик. — Произойдет то же самое, только ждать придется дольше.

Провели эксперимент и убедились, что он был прав.

— Можно сразу, как появятся признаки, что выделение энергии началось, кинуть кусок в ледяную воду, — предложила доктор Кокс. Аналитик идею не поддержал.

— Боюсь, это практически мгновенный процесс. Пока кусок будет лететь в воду, он уже превратится в уголь. Нужно попробовать как-то уничтожить эту структуру до готовки.

— И как?

— На выбор — холод, электричество...

Они с упоением великих естествоиспытателей бросились экспериментировать. Шеф Гатлинг добыл откуда-то немного жидкого азота. Очкастый аналитик, так и не представившийся, собрал из остатков неработающих медицинских приборов выпрямитель тока.

Два новых кусочка ящерицы подверглись испытаниям. Промороженный был оставлен оттаивать. Второй — зажат между проводами и подвергнут обработке током. Через пять минут он внезапно окутался сизым дымом, но не сгорел и не обуглился. Первый кусочек все еще оттаивал, потихоньку окружаясь лужицей сконденсировавшейся воды. Для чистоты эксперимента испытатели подождали, пока он все же оттает до просто холодного состояния, а затем засунули оба образца в огонь.

В этот раз под пламенем горелки обуглился только тот кусочек, что побывал в азоте. Почувствовавший же на себе мощь электричества, подрумянивался, как самая обычная свинина или говядина.

— Отлично. Теперь мы знаем, как их готовить. Но осталось невыясненным — стоит ли это вообще делать?

— Надеюсь, я не опоздал?! — в дверь отсека ввалился оператор, держащий на плече камеру. Шеф Гатлинг поморщился, но ничего против не сказал.

— Мистер Хоук. Вы как раз вовремя, — растянув губы в слащавой улыбке, произнес он на камеру. — Если вкратце, то команда наших ученых протестировала найденную сегодня форму жизни на неприятные сюрпризы. Пока что мы не нашли ни одного подтверждения того, что этот вид может быть ядовитым. Вместе с тем, было сделано интересное открытие. Мистер Джонс предположил наличие в тканях этого существа какой-то энергетической структуры, не пропадающей даже после смерти. Практическое применение этому знанию заключается в том, что перед приготовлением пищи из этого существа мясо требуется обработать электричеством до появления характерного выброса сизого дымка...

Роберту пришлось специально для камеры сжечь один кусочек необработанного мяса, а затем подрумянить — кусочек обработанного. Все это время он следил за оператором, который, тем временем, похоже, аккуратно и тонко клеился к доктору Кокс. Сволочь. Роберт неожиданно почувствовал ревность.

— Господа, я вынужден констатировать, что вы проделали отличную работу, — проговорил болтливый оператор. — Но остается открытым один вопрос — съедобна ли все же эта тварь?

— Боюсь, будут нужны практические испытания, — задумчиво проговорил шеф Гатлинг. — Мистер Ки, приготовьте пару стейков?

Через двадцать минут перед собравшимися предстали два аппетитных и ароматных куска поджаренного мяса — Роберт связался с камбузом и ему оттуда приволокли сковороду, приправы и соль.

Шесть человек и одна камера смотрели на блюдо и молчали.

— Я, пожалуй, откажусь, — заявил после некоторого молчания очкарик. — Моя область, так сказать, это чистая наука, а не полевые испытания.

Медсестра, смотрящая на стейки из-за спин остальных, аккуратно и тихо удалилась.

— Э... я... — доктор Кокс обвела всех испуганными глазами.

— Доктор, о вас не может быть и речи, — успокоил ее Гатлинг. — Пожалуй, я должен попробовать.

— Шеф, вы, вообще-то, тоже очень нужны для корабля, — услышал Ки свой голос. — Я бы сказал, что пробовать нужно нам с мистером Хоуком, как самым малоценным среди присутствующих.

К разочарованию Роберта, оператор согласился, наверное, не пожелав показывать слабость перед докторшей. На что кок как раз-таки и надеялся. И теперь перед ними обоими лежало по маленькому стейку. Первым пробовать их не хотелось никому.

— Ладно, — проговорил, наконец, оператор. — Начну, пожалуй.

И нагло цапнул зубами стейк, обставив Роберта на его же поле. Пришлось не отставать и дегустировать свой.

— А ничего так, — заметил Хоук, работая челюстями. — Вы отличный повар, мистер Ки.

Роберт мрачно глянул на него, но не стал объяснять, что обзывать флотского кока поваром — это оскорбление, за которое и в суп угодить недолго.

Где-то с полчаса они провели под наблюдением доктора, затем оператор их покинул, заявив, что на корабле творятся и более интересные дела, а зрителям пообещав дать полный отчет по съедобности ящерицы утром.

Неприятности начались, когда Роберт уже ложился спать, отпущенный доктором Кокс к себе в каюту. Сначала его накрыло легкое головокружение. Пережидая его, он облокотился на спинку койки... и внезапно непослушные руки не удержали его, заставив упасть поперек ложа.

— Да чтоф фя... — он понял, что губы тоже отказываются его слушаться.

В животе проснулась пока еще легкая боль.

— Пофохите... — попытался крикнуть он, болтая непослушными руками, как каракатица, выброшенная на песок — щупальцами.

Боль стремительно нарастала, туманя сознание. Роберт только успел подумать, что чертову оператору сейчас тоже несладко, как отключился окончательно.

Он не знал, что умудренный жизнью Тони, после того, как вышел из госпиталя, первым делом бросился на поклон к белому керамическому брату и воспользовался стандартными двумя пальцами, чтобы избавиться от инопланетной пищи, прописавшейся у него в желудке. И сейчас чувствовал сквозь сон всего лишь легкое онемение и дезориентацию.

Найджел Гатлинг, шеф военной полиции. 3410.

—! — не особо цензурно высказался Найджел, когда они с одним из морпехов вскрыли каюту кока. — ...!

Проснувшись, он первым делом разбудил доктора и потребовал отчета о пациентах. Оказалось, что милая докторша не совсем в курсе. Вечером, да, она следила за здоровьем кока лично, а за оператором наблюдала через телевизор, где он рассказывал про текущее положение дел на корабле. Но затем оператор отключился, а кок ушел спать. И больше информации по ним у доктора не было.

Терзаемый непонятным предчувствием, он вызвал каюту оператора. Хоук выглядел сонным, растрепанным, сообщил, что его всего ломает и корежит, а также то, что он очень хочет спать. После чего постарался заснуть прямо в стоячем положении.

А вот Ки не отвечал. Оставив попытки до него достучаться, Найджел отправился в гости. И теперь вот лицезрел труп, лежащий поперек заправленной койки.

Шефа полиции обуяла ярость.

— Ты! — палец уперся в морпеха. — Берешь кого угодно к себе в помощь и тащишь сюда доктора Кокс, аналитика Джонса и оператора Хоука. Без камеры. Приоритет — командный. Возражения не принимаются. Все вопросы — ко мне. Выполнять!

— Есть, сэр! Так точно, сэр! — морпех, что-то говоря в рацию, унесся по коридору, оставив Найджела наедине с телом.

— Твою ж мать... Кто мне мешал проследить за всем до конца самому. Расслабился, идиот...

Первой была доставлена докторша в ночном халатике, растрепанная, испуганная и ничего не понимающая. Увидев тело, она ойкнула и прикрыла рот ладошкой.

— Что случилось...

— Обсуждение — после кворума, — отрезал Найджел. Злость не проходила. В конце концов, доктор тоже поленилась мониторить состояние объектов эксперимента по полной программе.

Аналитик, сонный, но собранный, появился еще через три минуты, сопровождаемый незнакомым Найджелу морпехом. Морпех козырнул и занял пост чуть поодаль в коридоре.

— Так-так-так... — Джонс заглянул в комнату. — Так-так-так...

— Пустите меня, мать вашу! — Хоук объявился сразу с двумя сопровождающими, практически несущими его на руках. Впрочем, увидев собравшихся, он сразу утихомирился.

Морпехи, сдав оператора шефу полиции, заняли пост в другом конце коридора.

— Итак, — обвел он собравшихся суровым взглядом. — Я хочу знать. Почему умер мистер Ки, почему не умер мистер Хоук и почему о смерти мистера Ки я узнаю не от лечащего врача. Я вас внимательно слушаю.

Докторша, осматривающая тело и съездившаяся после его последних слов, тихо проговорила:

— Я виновата, шеф Гатлинг, я согласна понести наказание...

— Давайте без этого драматизма, доктор. Никакого наказания не будет. Не в нашем положении. Если уж на то пошло, то больше виноват я, как куратор эксперимента. Мне нужно лишь, чтобы вы прониклись этой смертью, для предотвращения которой мы с вами — вдвоем, — не сделали ни-че-го. Чтобы это с нами никогда больше не повторилось. И чтобы вы выдали мне медицинское заключение. Сейчас же.

Докторша села на пол и внезапно залилась горькими слезами. Оператор, стоящий рядом, дернулся было к ней, но поймал ледяной взгляд Найджела и благоразумно остался на месте.

— Судя по выражению лица, а также по положению рук и ног, мы, скорее всего, имеем дело с комбинацией нейротоксинов, — бесстрастно произнес аналитик, рассматривавший тело, не обращая внимания на ревущую рядом девушку.

— Вы уверены?

— Обратите внимание на выражение лица. На зрачки. Перед смертью ему было больно. Причем, я предполагаю, что боль была вызвана именно поражением каких-либо нервных центров, а не, скажем, открывшейся раной в желудке. С другой стороны, гляньте на руки. Когда человек умирает таким образом, ему обычно сводит судорогой конечности. Не обязательно, но часто. И он старается принять эмбриональную позу. Здесь же мы видим полное расслабление. Это характерно для ядов, блокирующих передачу нервных импульсов.

Аналитик немного помолчал в задумчивости.

— Вообще, это очень нехарактерно. И звучит очень глупо и нелогично — какая боль при отключенных нервах? Но здесь, на этой планете, может быть всякое.

— Доктор Кокс, вы согласны? Или вам нужно еще время для того, чтобы поплакать?

— Да, нужно! — истерично взвизгнула докторша и снова залилась слезами.

Найджел поморщился и выглянул в коридор.

— Ты! Отведешь доктора Кокс в каюту, останешься на дежурстве. В каюте блокировать связь. Полная секретность. Когда доктор успокоится и соберется, проводишь в госпиталь.

— Так точно, сэр!

Проводив взглядом уходящую в сопровождении морпеха девушку, Найджел повернулся к оператору. Тот побледнел и отступил на шаг.

— А что это вы, мистер Хоук, нервничаете? Вам есть, что сказать?

Аналитик отвернулся от тела и тоже посмотрел на Хоука.

— Я, э...

— Смелее. В конце концов, пока что ваша вина только в том, что вы умудрились выжить. За это обычно не убивают.

— Сэр, я блеванул.

— Что, простите?

— Когда я вышел из госпиталя, то пошел в туалет и проблевался, сэр. Мне не нравилось, что внутри меня находится эта непонятная хрень, сэр! — гражданский, почувствовав запах жареного, перешел на уставной стиль. Забавно.

— Ясно. Вечером были неприятные ощущения?

— Нет... Только снились какие-то кошмары и утром встал, как будто с дикого похмелья...

— Ясно. Вы свободны. Пока что. Приведите себя в порядок и я вас жду в госпитале. С выключенной камерой. Отнеситесь к моим словам серьезно, иначе камеру вы больше не увидите.

— Я... я понял.

— Что делать-то будем? — поинтересовался Найджел у аналитика, когда штатский ушел.

— Тело переносим в госпиталь. Закрытое простыней. Затем мы с доктором проводим вскрытие и берем анализы у мистера Хоука. Вы, тем временем, готовите сообщение. Максимум на полминуты. Эксперимент провалился, мистер Ки погиб. Мистер Хоук выжил. Этот вид признан однозначно непригодным в пищу. Это вкратце, но больше разворачивать и не стоит. Можно было бы и замолчать все, но вчера передача шла на весь корабль, люди будут интересоваться. Желательно подготовить сюжет, на который можно было бы сразу после этого переключить оператора.

— Так и сделаем, — кивнул Гатлинг.

Командер Рональд Терон. 3410.

Третье утро в бухте принесло-таки смерть. Подспудно Рональд готовился к чему-то подобному, но все равно вызов Найджела оказался для него неприятным сюрпризом. Гатлинг, не обратив никакого внимания на спящую на заднем плане у командера в постели Холли, мрачным голосом рассказал о провалившемся эксперименте и планируемых дальнейших действиях. Получил одобрение и отключился.

Рональд глянул на часы, на постель... Боевой режим был отменен, так что он мог себе

позволить появляться на мостике когда угодно, а не в шесть утра каждый божий день. Впрочем, спать не хотелось. Заниматься сексом с энсином Тим, как ни странно, тоже. Чертов Найджел, похоже, реально выбил его из колеи.

Коммандер поправил халат, достал из холодильника бутылку минералки и ушел в другую комнату, где и расположился в кресле, бездумно тыкая по тактическому столу пальцами.

На кой черт они строят эту базу? Через три дня, если верить спутнику, взойдет адское светило, которое в любом случае загонит их всех внутрь корабля. Еще через декаду тот же спутник обещает наступление ледникового периода аж на полтора месяца. Минус ожидается такой, что на улице людям делать точно будет нечего.

За это время второй спутник уж всяко нарисует полную карту планеты. И, скорее всего, им все равно придется отсюда сваливать. Наверняка найдутся места и получше.

Глупый бесцельный труд, призванный лишь занять отчаявшихся людей. Отчаявшихся? Ха. Ни одного самострела, оба священника, вызванные вчера на неформальный разговор, в один голос заявляют, что паства чувствует себя довольной жизнью.

Вообще, это странно. Люди слишком спокойно ко всему относятся... Не сказать, что это выходит за рамки нормы, но не у нескольких же тысяч человек сразу? Да еще и поведение...

Рональд воровато оглянулся на соседнюю комнату, где дрыхла Холли. Нет, конечно, то, что у них с Тим все завертелось — это здорово. Но на мостике не одна девушка. А вечно флегматичная мисс Ван Вейк в последние дни как будто напилась женской виагры. Найджел, кстати, дурак, что до сих пор ничего не замечает. Девка крутится вокруг него, как муха вокруг... хм. Как пчела вокруг меда. Заработался старый товарищ, пожалуй, стоит ему намекнуть о перспективах.

А заодно и аналитикам. Чтобы подумали над проблемой. Если она есть, конечно.

Рональд глотнул минералки и мысли его приняли более приземленное направление. Еда и вода. С водой все было ясно и понятно — пока работают опреснители, проблем нет. А они работают и будут работать до тех пор, пока не сдохнет реактор. С едой все было заметно запутаннее. Энцо, закончивший вчера инвентаризацию, недвусмысленно намекнул, что для трех с половиной тысяч человек запасов хватит минимум на два года. Это даже с учетом части потерянного при отделении носовой части провианта. Сухпайки — наше все.

Но через два года им в любом случае придется найти новые источники пищи.

Циник внутри коммандера тонко намекнул, что такими темпами через эти два года от экипажа останутся, дай бог, человек десять, которым запасов хватит черт знает на сколько. Рональд предпочел об этом не думать.

— Милый, ты где? — послышался сонный голосок.

— Здесь я, спи, рано еще.

— Мне одной скучно спать...

— Тихо, не мешай. Я планирую.

— Ну, как знаешь, — донеслось обиженное бурчание. Уже пытается по мелочи манипулировать. Женщины...

Мысли коммандера медленно вернулись на серьезную волну. На ум пришло прочитанное когда-то давным-давно выражение русского классика... Или это сказал пропавший без вести русский консультант?..

Кто виноват и что делать. Вечные вопросы. И на оба из них Рональд не мог дать четкого

ответа. Если на вопрос о том, кто виноват во всех бедах корабля, ему, по большому счету, было наплевать, то вот второй тревожил его все больше и больше.

Планета, несмотря на очень дружелюбную атмосферу и приемлемые в обычное время условия, была совершенно непригодна для человеческой жизни в глобальном смысле. Можно целых восемь или девять дней радоваться жизни, да. А потом на несколько часов вокруг тебя от жары будет плавиться свинец, а твоя кожа на открытом воздухе начнет подрумяниваться аппетитной корочкой уже через пару секунд. Можно стоически переждать жару в какой-нибудь очень-очень глубокой пещере, но затем ласковый климат сменится ледниковым периодом... Хотя, теоретически, полтора месяца тоже можно отсидеться в пещере. Глубоко.

Его мысли приняли иное направление. Действительно. Глубоко под землей внешние температурные колебания нивелируются. Пятьдесят метров вглубь скалы — и радуйся жизни. Рональд немного повеселел. Все же, авианосец — не единственное спасение от капризов местного климата. Хоть какая-то радость. Осталось озадачить спутник поиском. Впрочем, такой поиск может затянуться чуть ли не на годы. Просканировать скальные массивы на всей планете — это не карту по фотографиям нарисовать. Но шансы все равно есть.

У Терона появилась еще одна реальная цель.

Отец Конрад, капеллан. 3410.

По внутренней связи сообщили еще об одном погибшем. В этот раз им оказался неизвестный ему кок, некий Роберт Ки. Бедняга, можно сказать, пожертвовал собой ради всего экипажа.

Седовласый священник вздохнул.

Вчерашний разговор с командером Тероном оставил неприятный осадок. Он внезапно осознал, что и сам, равно как и его раздолбай-прихожане, совершенно не переживает по поводу случившегося. Да, конечно, мозг осознает весь ужас ситуации... Но эмоций особых нет. Как будто кто-то могущественный мановением руки просто стер их, оставив только позитив.

Священник по привычке осенил себя крестным знаменем и прошептал несколько слов простой молитвы.

В его небольшой часовне и на Земле-то не бывало много посетителей. Раскаивающиеся пьяницы-матросы, разве что, да редкие пары, желающие вступить в брак. Отец Конрад вспомнил, как однажды ему пришлось обвенчать пару геев и сплюнул, снова перекрестившись. Стоит еще раз попросить прощения за этот поступок у Бога, обрушившего когда-то адский пламень на Содом и Гоморру.

Увы, толерантность... Священник искренне не понимал, как можно заставлять его, священника, делать то, что Бог явно не одобрял. Пугая при этом судом и потерей работы. Идиотизм.

Впрочем, он никогда не стремился плевать против ветра, особенно после того, как Папа чуть ли не прямыми словами сказал о том, что браки геев любы Господу.

Мир сходит с ума... причем давно.

Его мысли вернулись к предстоящему утру отпеванию и к прихожанам. Если в первые дни после Инцидента к нему валом валил народ, слушая проповеди и истово веруя, то затем поток верующих только уменьшался. Сегодня же вообще никто не пришел. Отцу Конраду

было обидно. К его-то конкуренту и другу, мулле Юсуфу, верующие как ходили, так и ходят.

Священник присел на скамейку, устремил взгляд на висящее на стене распятие и задумался.

Капитан Эрик Роджерс. 3410.

Новый день принес командиру авиакрыла давно ожидавшийся позитив — его механики, перебрав и перепроверив все, что осталось от вертолетного парка, сумели-таки сшить одну работоспособную машинку.

В настоящий момент капитан Роджерс стоял на внутренней палубе, широко расставив ноги, заложив руки за спину и с улыбкой крокодила наблюдая за мельтешением техников вокруг "апача".

Концепция блочной конструкции, стремительно набирающая обороты в военной промышленности, творила чудеса. Пятьдесят лет назад все поврежденные вертолеты можно было бы смело сгрести бульдозером и вывалить в море. Тридцать лет назад, пожалуй, можно было бы собрать что-то летающее, потратив на это пару месяцев труда. Сейчас же день ушел на то, чтобы аккуратно разделить все обломки на модули, еще два дня — чтобы запущенные программы диагностики выдали полный вердикт по каждому куску... Еще полтора дня — и вот она, новая машинка.

К сожалению, проверить такой фокус с самолетами пока что было нереально. Слишком уж большие перегрузки испытывает фюзеляж истребителя при полете. Увы, но модульные конструкции пока что с таким справиться не в силах.

Капитан медленно подошел поближе. Вертолет перед ним был облеплен техниками, как кусок сахара — нашедшими его муравьями. Каждый считал своим долгом найти свободный разъем под очередной бронепластиной, подключить к нему ноутбук и с упоением смотреть на пролетающие строчки характеристик.

"Апач" водил пушками, вхолостую стучал затворами пулеметов, перемигивался габаритными сигналами, иногда раскручивал то один, то другой винт...

— Капитан Роджерс, сэр, — обратился к нему один из проверяющих. — нужно ваше добро на проведение полетных испытаний на открытом воздухе. Потому что здесь мы совсем скоро закончим.

Полетные испытания представляли из себя длительный тест ходовой части машины и заключались в том, что вертолет, набрав высоту в пару ярдов, висел в одной точке полчаса-час, при этом разворачиваясь в разные стороны, разгоняя и успокаивая турбину, делая небольшие наклоны и проверяя все то, что можно было проверить, не набирая высоту и скорость.

— Разумеется. Сможете завершить все тесты до вечера? Завтра ожидается очередная парилка, хорошо бы успеть до нее.

— Так точно, капитан, все тесты, которые можно будет провести здесь, мы выполним еще до обеда. Останутся только летные испытания и стрельбы, но это все — уже в ведении ваших пилотов.

Луис Суарес, оператор СМОС. 3410.

Жара нагрянула по расписанию, но от этого не менее стремительно. Огненный диск выглянул из-за горизонта и быстро пополз ввысь, нагнетая температуру вокруг корабля.

Луис, немного понаблюдав за его восхождением, принялся действовать по установленному плану, аккуратно пряча подвластное ему оборудование внутрь обшивки. Да, в итоге авианосец практически ослепнет, но лучше уж на день, чем насовсем.

Визуальная картинка становилась все беднее, теряя детализацию, сектора обзора, строчки данных. Суарес печально вздохнул и переключился на изображение с висящего над ними спутника. Тому, сделанному из убойных новейших материалов, на передвигающееся неподалеку светило было все равно.

Картинка показывала авианосец, бухту, лагерь на берегу, леса, окружающие все вокруг. Уровень воды постепенно повышался — прилив, вызванный прохождением гиганта над планетой, никто не отменял. Впрочем, расчеты аналитиков говорили о том, что чего-то катастрофического ждать не стоит — максимум, изменение уровня океана на несколько ярдов.

Вокруг корабля начала скапливаться белая пелена — поверхность воды, ловя потоки энергии, расплавивалась паром. "Скоро опять кипеть начнет," — промелькнула мысль.

Минуты ползли мимо. Датчики температуры ожидаемо рисовали плюс пятьсот с лишним градусов по Фаренгейту на обшивке корабля. На берегу, в частично затопленном лагере, что-то загорелось — спутник показывал огонь возле одного из строений и шлейф серого дыма, медленно тянущийся вглубь континента.

Самому оператору стало заметно теплее. Осознав этот факт, Суарес вывел на экран сводку по состоянию внутренних помещений. Вот черт. В доброй трети зон, на которые был поделен авианосец, наблюдались предупреждающие метки о повышении температуры. Несколько зон и отсеков, расположенных рядом с носовым срезом, горели красным светом, докладывая о том, что кондиционеры однозначно не справляются. Центр мониторинга на схеме был подкрашен слабым желтым цветом.

Новый отчет улетел в сторону техников. Похоже, повреждения кондиционеров и климатических установок все же оказались достаточно значительными.

Время шло. Вода вокруг авианосца начала кипеть, окончательно портя картинку избытком водяного пара. В отсеке становилось все жарче. Луис страстно мечтал стащить с себя промокшую насквозь форму, но не мог этого сделать из-за чертова регламента, предписывающего не выходить из контакта с окружающим миром все время вахты.

Интересно, как там Джулия? Суарес вывел картинку с внутренней видеокамеры центра. Хм. Ну да, лежит себе в кресле рядом, тоже мокрая, как мышь.

Мысли оператора, свернувшие было на путь пошлости, мгновенно приняли совершенно другое направление, когда взгляд зацепился за холодильник с кока-колой, стоящий на заднем плане.

Еще сорок минут вахты... Луис чуть было не застонал от отчаяния.

Температура поднялась уже градусов до ста, когда вахта, наконец, закончилась. Загорелись подтверждающие метки от сменщиков и он наконец со вздохом облегчения стянул с головы мокрый шлем. Передвигаться в влажной одежде было противно.

Рядом точно так же выбиралась из кресла Джулия.

— Сейчас бы кофейку горяченького, да? — не удержался он от подкола, бодро направляясь в сторону холодильника.

— Мне тоже колы возьми, — слышалось сзади недовольное бурчание.

Кинув напарнице банку холодного напитка, Луис жадно присосался к своей. Блаженство... Он запретил себе думать о том времени, когда кола закончится. Этого не будет никогда. Кола бессмертна. Как мафия.

Суарес снова открыл холодильник и недрогнувшей рукой заграбастал еще штук пять банок. Пусть будет.

— Чао, красотка! — пора и в душ... Сбросить пропотевшую одежду и снова почувствовать себя человеком.

Луис стоял под струями прохладной воды, решая мучительную дилемму — остаться здесь, в этом прохладном раю, или же вылезти из душа и насладиться не менее прохладным напитком? Оба варианта были заманчивы донельзя.

Его ленивые размышления прервал стук в дверь каюты. Чертыхнувшись и намотав на торс полотенце, оператор побрел к двери. Воображение услужливо нарисовало ему стоящую за стеной в откровенном нижнем белье Джулию с сексуальной и многообещающей улыбкой на губах.

К его несказанному удивлению, за дверью действительно стояла Кьеллини. Потная, со спутанными волосами, охапкой какой-то одежды и злющая, как черт.

— Э...

— Пустишь?

— Да, заходи...

— Кондей в каюте накрылся, холодная вода накрылась, все накрылось. Так что я чуток займу твой душ, окей?

Говоря это, девушка уже успела пройти мимо Луиса, засунуть нос в душевую, хмыкнуть, положить принесенную одежду на стул и начать разоблачаться.

— Да, конечно, без проблем, — несколько ошарашенно произнес он. Похоже, выбор — кола или душ, был сделан за него.

— Ну и отлично, — Джулия выскользнула из формы, оставшись в черном нижнем белье, а затем скрылась в душевой.

— Тебе там спинку потереть не нужно? — спохватился он.

— Обойдешься...

Ждать упоенно плещущуюся под душем напарницу ему быстро надоело, так что, проглотив еще одну баночку колы, Луис растянулся на койке и потихоньку, незаметно для себя, задремал.

Разбудил его неожиданно навалившийся на бедра вес.

— Значит, нагло дрыхнем. Сначала соблазняем невинную девушку, заманиваем к себе в каюту, обещая неземные блаженства, а затем просто засыпаем...

Спросонья одетая только в коротенькое полотенце Джулия, сидящая на нем, казалась отголоском эротического сна. На всякий случай он протянул руку и потрогал гладкое бедро сновидения. Хороший, реалистичный сон...

— Ой, что же это... Неужели у бедной девушки все же есть надежда на толику внимания?

Напарница, чуть-чуть поерзав на нем, наклонилась вперед и уставилась прямо в глаза. Полотенце соскользнуло с плеча, обнажив задорно торчащую грудь.

Луис, с трудом сбросив с себя остатки сна, поднял руку и аккуратно, но властно привлек к себе голову девушки, впиваясь в ее нежные губы долгим поцелуем. Вторая рука, переместившись на талию, потянула Джулию чуть повыше, одновременно окончательно стаскивая с нее мешающее полотенце...

Элис Картер, оператор батареи рельсовых орудий. 3410.

Нацепив милую дежурную улыбку и ругаясь в душе последними словами, Элис в который раз за сегодня готовила кофе. Новый пульт управления был как две капли воды

похож на предыдущий, но за одним исключением. Здесь был сломан кондиционер. Судя по долетавшим слухам, такие проблемы наблюдались повсеместно, но только в их чертовом отсеке кондиционер упорно отказывался признавать какие-либо ограничения и с упоением нагнетал внутрь арктическую свежесть, не желая при этом выключаться. Температура очень быстро опустилась до тридцати двух градусов по Фаренгейту, приостановила свое падение, но затем все же добралась до двадцати градусов и там уже остановилась окончательно.

Смена сидела, уставившись в мониторы, переставшие показывать красивые картинки и ограничивающиеся скучными цифрами и графиками, куталась во всю доступную одежду и то и дело просила Элис приготовить кофе.

"Подать бы на вас, уродов, в суд за дискриминацию..." — мечтательно подумала Картер, кидая сахар в кружку лейтенанта Вика.

С другой стороны, сама виновата. Нечего было выслуживаться при зачислении на корабль. "Сделать вам кофе, сэр?" Тыфу, дура. Теперь терпи...

Притащив всем кофе, она поняла, что в очередной раз забыла сделать кружку и для себя тоже. Настроение упало ниже плинтуса.

— Спасибо, Элис, ты — чудо!

"Вот двинуть бы тебя кружкой по черепу, понял бы, какое я чудо..."

Снова готовить кофе, пусть даже только для себя, было лень. Так что она, стряхнув со своего кресла иней, уселась за рабочее место. Сразу стало холоднее.

— Ну все, чертово солнце, вроде как, свалилось за горизонт, — заметил Вика и начал тыкать пальцами по пульту. — Скоро будет тепло.

— Все равно еще часа два ждать, пока все остынет, — возразил ему оператор Джек Салливан, сидящий по правую руку от Элис.

— А у нас — нагреется, — добавил кто-то еще.

Самой девушке разговаривать не хотелось. Вокруг по-прежнему стоял совершенно непривычный для нее холод, форменная курточка абсолютно не спасала, а кофе не было. Картер жалко шмыгнула носом, пялясь в монитор, по-прежнему показывающий полное отсутствие врагов вокруг корабля.

Механик Джон Картер. 3410.

Однофамилец несчастной негрityночки сосредоточенно ковырялся во внутренностях климатической установки. Неподалеку, опутавшись проводами и обложившись ноутбуками, сидел Купер и тестировал систему изнутри.

Разок им, похоже, удалось пережить проход горячего солнца, имея на руках сбоящую систему, но в следующий раз может и не повезти. Так что все свободные технические работники сейчас в авральном порядке сутились по кораблю, тестируя все смежные системы и устраняя неполадки.

— Эй, Джон, глянь еще плату восемнадцать — тоже не откликается ни черта...

Плата выглядела абсолютно целой и невредимой, но на сигналы тестера отвечать отказывалась категорически. Механик вздохнул и пошел искать замену в шкафчике на колесах, предусмотрительно привезенном с собой.

— Вот, кроме восемнадцатой, все отлично! Теперь почти закончили. Нужно, правда, будет еще пару тестов прогнать...

Из-за угла вышел черный упитанный кот и, не обращая внимания на смотрящего в экран

Купера, подошел к Джону.

— Привет, Черный, — рассеянно сказал тот, рассматривая надписи на пакетиках с микросхемами.

— Ты это кому? — поинтересовался Купер, не отрываясь от экранов. Картер замер, осознавая щекотливость ситуации и напряженно думая над тем, как он будет объяснять свое знакомство с котом, про которого по кораблю уже начали ходить страшные сказки.

— Что за дерьмо...

Джон обернулся. Кот и Купер, замерев, настороженно рассматривали друг друга.

— Э... — умные мысли в голову не приходили.

Эшли аккуратно потянулся к кобуре. Кот тихо зашипел и царапнул по палубе когтями, сняв металлическую стружку.

— Мистер Купер, сэр! Не пугайтесь! Он хороший...

Хороший зверек выпустил когти подлиннее и царапнул настил поглубже, продолжая внимательно рассматривать незнакомого человека.

— Ты что, с ним знаком? — напряженно спросил Купер, не сводя глаз с кота.

— Да, сэр, он со мной в каюте в последнее время живет... Сэр, вы же помните, что никто не умирал уже несколько дней? Мне кажется, с ним просто неправильно обращались, а так он хороший...

Кот, словно в подтверждение, надулся как шар и громко замурлыкал. Но когти не убрал.

— То есть, ты с ним в близком контакте уже несколько дней и никак от этого не пострадал?

— Э... ну да, сэр... Он успокаивает и с ним весело...

— Представляю...

Купер, стараясь не отворачиваться от кота, ткнул несколько кнопок на ноутбуке, запуская следующий тест.

— Черный... Так ведь тебя зовут? Ты бы отошел чуток, чтобы не мешать, а?

Джон, на глазах у изумленного Эшли, подхватил зверя под пушистое пузо и перенес чуть подальше, на какой-то приютившийся в углу столик. Кот не сопротивлялся и, оказавшись подальше от незнакомого человека, втянул когти и принял совершенно домашний и мирный вид.

Заместитель главного инженера слегка перевел дух.

— Ладно, Джон, давай сменим плату и закончим всю эту хрень... А потом как-нибудь ты мне расскажешь, как подружился с этим котярой.

Перегоревшая плата была заменена и установка наконец-то выдала стопроцентный зеленый статус.

— Ну, отлично. Там уже и солнце сто раз село, да и палуба, поди, остыла...

Собирая ноутбуки, Купер время от времени посматривал на свернувшегося клубком и, казалось, спящего кота.

— Слушай, а можно его погладить? — решившись, спросил он. Кот тут же приоткрыл один глаз и с подозрением уставился на дерзкого.

— Сэр... На всякий случай, я бы, наверное, не рекомендовал...

— Да ладно, я кошатник со стажем.

Эшли аккуратно подошел к встревожившемуся коту, остановился в метре и аккуратно протянул руку, поднеся ее к носу зверя.

Кот напряженно замер, сверкая глазищами и выпустив устрашающей длины когти.

Джон, боясь дышать, застыл за спиной у босса.

— Ну, чего ты, дурашка, — на удивление ласково проговорил Купер. — Я с тобой подружиться хочу. Видишь?

Кот нервно дернул хвостом и зашипел.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Да ладно тебе... Вот, смотри, — Купер опустил руку и положил ее совсем рядом с когтями животного. — Я тоже друг. Понимаешь?

"Если Черный его сейчас прикончит, мне полная хана," — промелькнула в голове Джона мысль. Но кот избрал другой вариант развития событий и, не дожидаясь, пока рука человека коснется его лапы, спрыгнул со стола и в мгновение ока смылся из комнаты.

— Эх, черт. Почти получилось!

— Мы с ним тоже не с первого раза нашли общий язык, — поспешно заметил Джон. — Но теперь он вас точно запомнил и будет гораздо приветливее в будущем, я уверен!

— Хорошо бы... А вообще, интересная живность. Как он себя обычно ведет?

Джон замялся. Не рассказывать же, что кот, похоже, просто развлекается, наблюдая за его попытками преуспеть в роли дрессировщика.

— Ну, почти как обычный кот, сэр... Только не ест ничего и за мячиком прыгать не хочет. Но он очень приятный на ощупь и мурчит, — добавил он, немного покраснев.

— Счастливый ты человек, Джонни... Мы здесь в полной заднице, похоже, а ты себе домашнего питомца завел. Я, конечно, расскажу Найджелу, но постараюсь, чтобы он до тебя не докапывался. Будем считать, что, благодаря вашей дружбе, со стороны этого котяры экипажу ничего не угрожает. Надеюсь.

— Спасибо, сэр... А, может, не нужно говорить мистеру Гатлингу?

— Не дрейфь, я тоже котов люблю! — Купер дружески шлепнул его по плечу и вышел из помещения.

Картер отчетливо понял, что все его беды, печали и депрессии — ничто в сравнении с предстоящими объяснениями перед шефом полиции.

Розмари Викерс, помощница интенданта. 3410.

Палуба все еще отчетливо дышала теплом, грея ноги даже через подошвы кроссовок. Где-то далеко, над кронами деревьев, до сих пор просматривались оранжевые краски заката. Над головой сквозь туман и сгущающиеся тучи иногда просматривалось темнеющее небо с начинающими загораться звездами. Робко подул ветерок — предвестник приближающейся бури.

Розмари аккуратно оперлась на столбик ограждения, на всякий случай убедилась, что страховочная сетка надежно натянута вниз, а затем уже расслабленно вдохнула полной грудью влажный горячий воздух.

Ощущения были откровенно так себе. Примерно как наслаждаться русской баней, будучи одетой по всей форме — душно, жарко и донельзя глупо. Но женщина, стоящая на палубе авианосца, мыслила немного другими категориями.

Мисс Викерс, оставленная обстоятельствами совершенно за бортом всех корабельных дел, настолько устала сидеть без дела внутри стальной коробки, что с удивлением и некоторым ужасом начала отмечать у себя признаки подкрадывающейся клаустрофобии. Стены ее маленькой каюты с каждым днем словно сдвигались на несколько сантиметров,

забирая у Розмари драгоценное жизненное пространство. Коридоры корабля становились все уже, напоминая огромных змей, проглотивших свою добычу. Она бы с радостью заглянула к кому-нибудь из корабельных психологов, но, увы, все трое недавно превратились в невесомую серую пыль вместе со своими кабинетами, книгами и знаниями, оставив ее наедине со своими проблемами.

Так что в настоящее время Розмари изо всех сил старалась чаще бывать на открытом воздухе, напросилась на строительство береговой базы, по мере сил помогая матросам и десантникам, а в своей каюте появлялась только для того, чтобы упасть на койку и заснуть крепким сном.

К сожалению, горячее солнце, поднявшееся над горизонтом, прервало ее обычный распорядок, снова загнав внутрь стального гроба. И лишь спустя долгие-долгие часы сидения в нем, Розмари смогла-таки снова выбраться на свежий воздух. Пусть и не совсем приятный.

Вдалеке сверкнул ослепительный зигзаг молнии. И всего через три секунды по ушам ударил оглушительный треск. Женщина невольно помотала головой, пытаясь избавиться от звона в ушах.

Робкий ветерок, гуляющий по палубе, внезапно осмелел и начал пропитываться холодом. На палубу упали первые тяжелые капли дождя.

Мисс Викерс, подставив лицо прохладному дуновению, засмеялась счастливым смехом. Даже на Земле ей нравились дождь и гроза, здесь же, после дня, проведенного в заточении, такая погода вообще казалась раем.

Неподалеку полыхнула еще парочка молний. А затем где-то высоко разверзлись хляби небесные и на землю упала стена воды. Счастье закончилось практически сразу же — за несколько секунд промокнув до нитки, Розмари перестала радоваться ветру и, тихим голосом шепча ругательства, принялась шустро распаковывать предусмотрительно захваченный с собой прозрачный дождевик.

Какой-то матрос, пробегая мимо, накинув на голову куртку, что-то неразборчиво прокричал, махнув рукой в сторону ближайшего входа, а затем исчез за пеленой дождя.

Из полиэтиленового кокона жизнь снова начала казаться вполне себе сносной. Воздух быстро приобрел грозную свежесть, пропитавшись озоном, ветер, бросающий в лицо капли дождя, доставлял только приятные ощущения, абсолютная безлюдность палубы и разряды молний, вспыхивающие то тут, то там, добавляли картине легкий налет романтичности и сюрреализма.

Со стороны океана доносился постепенно усиливающийся грохот — шторм организовался буквально за полчаса и теперь волны изо всех сил пробовали прибрежные скалы на зуб. Но до бухты, где остановился "Барак Обама", долетали лишь тени отголосков тех стихий, что царили сейчас на открытой воде.

Вдалеке, прочертив пространство огненными линиями, мелькнули два метеора. Розмари сразу вспомнился репортаж неугомонного журналиста, который с умным видом рассказывал про столкновения гравитационных сил в этой системе, про скопления астероидов, на которые эти силы влияют, про повышенную метеоритную угрозу, вызываемую гравитационными завихрениями из-за прохода неподалеку горячего солнца...

— Интересно, сам-то он понял до конца то, о чем нам рассказывал? — вслух проговорила она, пытаясь рассмотреть берег сквозь пелену дождя.

Неподалеку остановились два часовых, окинули изучающими и несколько удивленными взглядами женскую фигурку, коротко переговорили с кем-то по рации и, видимо, получив

указание не предпринимать никаких действий, скрылись за краем надстройки.

Мисс Викерс продолжала наслаждаться природой.

Найджел Гатлинг, шеф военной полиции. 3410.

На мостике было необычайно людно. Помимо обычного командного состава, сегодня на совещание пришли все мало-мальски значимые начальники корабельных служб. Найджел, скромно приютившись в уголке, пялился на них, делая важный и суровый вид блюстителя порядка, а на деле просто из последних сил пытаюсь не заснуть. Благодаря проходу над планетой второго солнца, он уже почти сутки был на ногах, решая какие-то мелкие проблемы, а теперь, несмотря на выпитый энергетик, засыпал на ходу.

— Так, господа, минуту внимания, — раздался голос Терона. — У нас с вами сегодня внеплановое совещание из-за вновь открывшихся данных.

Невидимый из-за скопившегося народа Найджелу командер кашлянул, прочищая горло.

— Внимание на экран.

Шеф полиции, борясь с непослушными веками, то и дело пытающимися закрыться, поднял голову. На центральном сегменте обзорного экрана появилось изображение, похожее, переданное с одного из висящих над планетой спутников.

— У нас пока что нет полной карты планеты, но результаты уже внушают опасение. Присмотритесь внимательнее...

Центральный участок изображения резко увеличился. Какая-то береговая линия, лес...

Кто-то, не сдерживаясь, чертыхнулся. Почти в центре изображения виднелись малюсенькие, но вполне узнаваемые конусы инопланетных построек.

— Да, господа, у меня были примерно те же мысли... В принципе, такая возможность учитывалась и была вполне вероятной, но, тем не менее, когда догадки подтвердились, это было неприятно.

— Мы не выдержим еще один полномасштабный бой, — мрачно бросил сидящий неподалеку от Найджела капитан Лэксби. — Моих сил хватит только на то, чтобы отвлечь врага на пару минут.

— У меня в наличии один исправный самолет и один вертолет. Боюсь, это силы максимум для разведки, в крайнем случае — для какой-то точечной миссии.

Брук, стоящий рядом с креслом старшего штурмана, грустно вздохнул.

— Теоретически, оставшейся огневой мощи корабля может хватить для победы в еще одном встречном бою. И мы по-прежнему можем нанести два превентивных ядерных удара...

— И остаться совершенно без сил сдерживания, — пробурчал себе под нос высматривающий что-то на своем дисплее штурман.

— А что делать...

Несколько минут были потрачены на обмен мнениями по поводу целесообразности использования ядерных зарядов в теоретическом конфликте.

— Так, господа, — Терон немного повысил голос. — Все это замечательно, но, похоже, нам не светит даже добраться до ближайшего континента. Брэдли, расскажи вкратце.

— Ну, если только совсем вкратце... — немного замялся инженер. — Если вкратце, то шанс, что корабль пойдет ко дну во время перехода к другому континенту, возрос с нуля, бывшего в момент Инцидента, до процентов тридцати. После боя в пораженной части

корабля то и дело отказывает различная аппаратура. Все подряд мы заменить не можем, приходится купировать некоторые части. Боюсь, процесс будет продолжаться. А с учетом потери значительной части корпуса судна мы сейчас гораздо менее мобильны и маневренны. Нас минимум раз застанет в пути горячее солнце. Значит, придется пережить и последующий шторм. А это сейчас чревато...

Брэдли сконфуженно примолк. Собравшиеся помолчали, ожидая продолжения, но инженер молчал.

— С другой стороны, — раздался голос старшего аналитика, — судя по наблюдениям со спутника, наши теоретические противники не предпринимают никаких попыток добраться до нашего континента. Возможно, что коммуникативные связи у них существуют исключительно в пределах одной, гм, популяции...

Голова Найджела предательски склонилась к стене, прислонилась к ней...

— Всем тихо! — разбудил его громкий голос Терона. — Предлагаю принять, как данность, что в своих перемещениях мы ограничены только этим континентом. Отправляться на другие, рискуя новым конфликтом, рискуя просто пойти ко дну во время шторма — безумие. Вопрос закрыт!

Найджел аккуратно проморгался, лихорадочно пытаясь понять, сколько же он проспал. Судя по тому, что усталость чуть отступила, но все равно находилась поблизости, не больше четверти часа. Ничего страшного, если учесть, что его мнение в данном обсуждении не особо значимо, а повестка ему и так известна.

Он аккуратно повертел головой, разминая шею. Сидящая неподалеку Ван Вейк, заметив его движения, мило улыбнулась. Найджел, сдерживая зевок, улыбнулся в ответ и снова приготовился слушать.

Следующие полчаса командный состав с жаром обсуждал возможность исследования береговой линии, а аналитик безуспешно пытался настоять на выработке основной концепции дальнейшего поведения. Внимал его, похоже, только Терон, так как, послушав идущую по третьему кругу дискуссию, командер резко хлопнул ладонью по столу, заставив почти заснувшего снова Найджела подскочить на кресле.

— Хватит! Так мы ничего не добьемся. И ничего не решим. Предлагаю выслушать мысли мистера Джонса, а не повторять в пятый раз одно и то же.

— Кхм. Спасибо, командер Терон. Господа, на такой случай, понятное дело, никаких рекомендаций нет и быть не может, но, руководствуясь здравым смыслом, мы сами можем выработать правильный алгоритм.

Невидимый Найджелу аналитик сделал небольшую паузу.

— Итак. Для начала, нам нужно определить, какую линию поведения мы выбираем. Их у нас на выбор несколько. Первая — это прямая агрессия. То есть, мы считаем себя втянутыми в войну и сражаемся на уничтожение...

На мостике раздался недовольный гул — сражаться на уничтожение военным не хотелось. Особенно после того, как одно такое сражение они едва пережили.

— Спокойно, господа, это — ультрарадикальный выбор. Лично я считаю, что этот вариант совершенно неуместен...

Снова гул голосов, на этот раз — одобрительный.

— Более спокойный вариант — исследование. В рамках этого подхода нам требуется наиболее полно изучить эту планету, а также всеми силами постараться установить контакт с здешними формами жизни. Сразу говорю — это весьма рискованный вариант, если

основываться на предыдущем опыте и состоянии корабля. Но это также вариант, при котором у нас имеются наибольшие шансы на возвращение домой.

Джонс чуть помолчал и добавил:

— Впрочем, шансы эти все равно будут стремиться к нулю.

Аудитория грустно вздохнула.

— Третий вариант — это выживание. Это наиболее безопасный путь, который, тем не менее, в глобальной перспективе представляет из себя полный тупик. Наше общество неспособно к самопроизводству, мы пока что не нашли источников питания на этой планете, так что в итоге мы, скорее всего, просто медленно и печально вымрем, — немного пафосно закончил он.

— Если так подходить к делу, то у нас вообще выбора нет, — заметил Лэксби. — Для исследований мы не готовы, к другому континенту дойти не можем, на носу зима, как я понимаю...

— Я недавно размышлял о проблеме создания базы, — произнес Терон. — Нам нужно найти нечто вроде естественных карстовых пещер, уходящих на большую глубину. Чем глубже под землю, тем меньше будут ощущаться температурные колебания на поверхности.

— Хорошая мысль, шеф, — с сомнением проговорил Бойлз. — Но есть ли здесь что-то подобное?

— Мы уже выдали спутнику задачу, — быстро ответил аналитик. — Но результаты будут не очень скоро — геостационарный спутник слишком далеко и может обеспечивать лишь визуальную картинку, а траектория второго позволяет находиться над нашим континентом лишь определенное количество времени...

— Другие континенты мы уже в принципе не рассматриваем? — поинтересовался капитан Роджерс.

— Только в перспективе, я полагаю. В очень отдаленной перспективе...

Обсуждение опять растеклось во все стороны. И в итоге пришло к простому и банальному выводу — нужно все же переждать зиму в бухте, затем получить данные спутниковой съемки, а затем уже устраивать постоянную базу в наиболее подходящем для этого месте. Что, как полагал Найджел, должно было быть понятно всем и без этого балаболовства.

Впрочем, командера он понимал — экипаж и командное звено в частности, нужно спланировать, используя для этого любой повод.

Но лично он бы предпочел просто поспать.

Командер Рональд Терон. 3410.

На мостике после собрания стало как-то слишком тихо. Люди разошлись, осталась только дежурная смена в виде Бойлза, энсина Кроуфорда и самого Терона. Ну, еще за дверью наверняка находилась пара часовых, а уставший Найджел, поленившись идти до каюты, попросился поспать в крошечной комнате отдыха.

Освещение было приглушено практически до нуля. Посреди комнаты, радуя глаз, висела голограмма авианосца и окружающей его местности. На потолке и стенах, благодаря капризу Бойлза, разместилась проекция окружающей планеты звездного неба.

Сам штурман, оставив непосредственное наблюдение над окружающей местностью энсину и центру мониторинга, развалился на диване рядом с командером. Терон чувствовал, что им обоим очень хочется отставить в сторону баночки с колой и взять по

стакану виски... Но не на дежурстве же. Может, позднее...

— Как думаешь, Рональд, это — все? — неожиданно спокойно произнес штурман, катая в руках красную жестянку.

— То есть?

Бойлз слегка усмехнулся. В полумраке усмешка получилась зловещей.

— Брось, шеф. Все ты понимаешь. Сколько мы здесь еще протянем? День, если завтра в нас попадет очередной метеорит. Пару недель, если во время зимы произойдет что-то, к чему мы не готовы. Месяц, если через месяц у нас откажут кондиционеры. В лучшем случае — протянем пару лет, пока не закончатся припасы. При идеальном, утопическом развитии событий — просуществуем еще лет тридцать-сорок, пока не вымрем здесь потихоньку...

Желание ощутить в руке стакан с виски стало нестерпимым. Но пришлось глотнуть прохладную шипучку.

— Думаешь, шансов вернуться нет? — нейтрально спросил Терон.

— Откуда ж я знаю... Мы же понятия не имеем, как здесь очутились. Расстреляли какие-то спутники... Которые, возможно, вообще не при чем. На Земле, небось, до сих пор ругань из-за этого идет, — штурман усмехнулся в усы.

— Это да.

— Если рассуждать логически, то наибольшие шансы вернуться у нас были бы, останься мы точно в той точке, в которой оказались, когда свалились сюда. Вдруг там какой-то двусторонний коридор. Природное явление, так сказать.

Рональд хмыкнул.

— Сомневаюсь, что так. Двусторонние случайные коридоры не нацеливаются с такой точностью. Нас или выкинули оттуда, или притащили сюда. Кто-то.

Оба помолчали.

— Если выкинули оттуда — точно не вернут, — заметил Бойлз.

— А если притащили сюда — то нужно как-то налаживать контакт...

— Да уже раз попытались...

Снова молчание. Постепенно теплеющая в руках газировка.

— Задница нам, шеф. Выпить бы...

Оба уставились на голограмму и энсина, невозмутимо взирающего на нее.

— Нет, все же нельзя, — вздохнул Терон. — Не на вахте же.

Тони Хоук, оператор CNN. 3410.

Утро выдалось на редкость чудесное. Начисто вымытый потоками ночного дождя авианосец сиял, как на параде. Умытая водой зелень на берегу переливалась яркими оттенками, играя отражениями на мокрых листьях под лучами восходящего солнца. Вода в бухте, сегодня изумительно прозрачная и чистая, тихо плескалась вокруг корабля.

Картину портил только частично сгоревший лагерь на берегу.

Тони, воровато оглянувшись и убедившись, что страшного Гатлинга поблизости не наблюдается, пошел в обход по палубе, снимая окрестности, корабль и немногочисленных моряков, непонятно чем занимающихся наверху в этот ранний час. На него уже привычно никто не обращал внимания — все привыкли, что журналисту везде дан пропуск, что у него хватает мозгов не мешать никому заниматься своим делом... А что еще нужно, чтобы не обращать на человека внимания?

Далеко внизу раздалось несильное гудение — на воду опускалась поднятая по случаю

жары аппарат. Тони, опасно перегнувшись через край палубы и про себя проклиная мешающую съемке страховочную сетку, постарался снять это действие, но быстро бросил — картинка получалась убогая.

Еще немного похаживая по палубе, оператор присел на какой-то кнехт и загрустил. Идти на берег ему не хотелось. Болтаться же на корабле было чревато встречами с Гатлингом, что тоже не входило в список его приоритетов. Тони начал размышлять, куда направиться, чтобы и свой журналистский хлеб отработать, и избежать при этом неприятных встреч.

К докторше идти он как-то опасался. Черт его знает, что она там про него думает. Даст еще аптечкой по физиономии... Палубы с самолетами он облазил уже давно и снова идти туда ему опять же не хотелось. Десантники? Камбуз? Ракетные установки? Батарея рельсотронов?..

В конце концов, Тони признался себе, что сегодня ему просто лень работать.

— Эй, мистер Хоук! — послышался крик.

Тони обернулся. Ему махал рукой какой-то техник, стоящий вдалеке на фоне медленно поднимающегося на палубу вертолета.

— Чего? — заорал он в ответ.

Техник ничего не ответил, лишь призывно махнул рукой и решительно двинулся к вертолету. Оператору ничего не осталось, как, чертыхнувшись, подняться на ноги и отправиться за ним.

— Что такое? — поинтересовался он еще раз, подойдя к окончательно выехавшей на палубу машине.

— Капитан сказал, чтобы я взял вас с собой на тестовый облет, — белозубо улыбнулся техник, оказавшийся совсем даже не техником, а пилотом в летном комбинезоне. — Лейтенант Питер Кройц, сэр. Забирайтесь!

— Э... А разве вертолет уже прошел все тесты? — поинтересовался Тони.

— Как раз мы и проведем последний, — еще раз улыбнулся лейтенант. — Не дрейфьте, все будет норм.

— Да я и не того, — раздраженно пробурчал Тони, пытаясь залезть вместе с камерой на место второго пилота. — Здесь окна открываются?

— Увы, не предусмотрена такая опция, — весело ответил пилот, щелкая тумблерами. — Шлем наденьте, иначе ничего не услышите дальше.

— Знаю я... — веселый пилот, обращавшийся с ним, как с несмышленным младенцем, начинал серьезно раздражать оператора.

Аккуратно зашелестели винты, набирая обороты. Стальная стрекоза чуть качнулась, легонько подпрыгнула на палубе, а затем плавно и быстро рванула в небо. Желудок оператора, привыкшего к более спокойному вертолету телекомпании, предательски прыгнул вниз, а все тело налилось непривычной тяжестью.

Тони разозлился еще больше.

— У нас свободно-разведывательная миссия, сопряженная с тестом систем вертолета, — послышался в наушниках голос пилота. — Сделаем несколько кругов над кораблем, пройдемся над лагерем и побережьем, устроим небольшие стрельбы и вернемся. Если что надо будет — другим бортом повернуться или еще раз где-то пролететь, — говорите, сделаем.

— Окей! — настроение оператора чуть повысилось при упоминании о стрельбах.

Снимать что-то через маленькие, напоминающие амбразуры, окна, закрытые

бронированным стеклом, было нереально. У Тони даже промелькнула мысль — на кой черт они вообще сделаны?

Вид вперед перекрывала бронезаслонка, изолирующая пространства пилотов и позволяющая в случае попадания вражеского снаряда выжить хотя бы одному из них с большей вероятностью. На дисплее, занимающем всю ее поверхность, отражалась живая картинка местности, в сторону которой направлялась машина, виднелись полоски индикаторов, какие-то счетчики и графики. Отдельно светилась жирная пиктограмма, вызывающая общую карту местности. И еще с дюжина похожих, отвечающих за что-то непонятное. В общем, типичное штурманское место.

Тони с трудом примостил большую камеру под ноги, включил маленькую, которая с трудом прицепилась к надетому шлему и принялся заинтересованно рассматривать дисплей.

— Лейтенант, если я здесь что-то нажму, это нас не угробит?

Подождав с полминуты не дождавшись ответа, оператор обругал себя последними словами, затем включил исходящую связь и повторил вопрос.

— Кто ж его знает, — весело ответил пилот. — Сейчас, я вам включу учебный доступ, сможете баловаться... Готово, развлекайтесь.

В левом верхнем углу дисплея загорелась желтая иконка, намекающая на то, что ограничение доступа включено.

Тони наугад ткнул в одну из иконок. Дисплей тут же загорелся ярким бело-зеленым светом, погорел так несколько секунд, а затем вернулся к обычному состоянию. В ушах раздался смех лейтенанта Кройца.

— Мистер Хоук, это был ночной режим!

Тони угрюмо промолчал и нажал следующую иконку. Теперь изображение распалось на яркие пятна тепловой карты.

— Да, вот это уже больше подходит, — заметил пилот. — Обычно, при разведывательных миссиях так и летаем — один смотрит в живую, второй переключается между режимами картинки. Есть там что-то интересное?

— Да вроде бы нет... — вертолет успел отлететь от бухты уже миль на пятнадцать и теперь по одну его сторону за горизонт уходила морская гладь, раскрашенная на мониторе Тони в прохладно-голубые тона, по другую — берег, имевший светло-желтую окраску, а прямо по центру виднелась полоска пляжа, прогретая солнцем до оранжевого цвета и омываемая почти бесцветными волнами прибоя.

— Ладно, наберем-ка высоты...

Стальная стрекоза, немного задрав нос вверх, принялась шустро уходить от земли.

— Аа-плакаа, пелакрифые лашаатки... — на непонятном языке нараспев протянул пилот.

— Что, простите?

— Не обращайтесь внимания, сэ. Русский консультант по ракетам научил, будь он неладен. Говорит, песня про облака. Теперь вот второй месяц, как в облака захожу, эта хрень в мозгах крутится.

— Ясно...

Тони снова принялся тыкать по дисплею. Увы, ограничение доступа не позволяло ни сбросить тепловые ловушки, ни расстрелять запасы неуправляемых ракетных снарядов. Максимум, что получилось — это вызвать на экран карту местности, на которой был отмечен маленький вертолетик, гораздо более крупный авианосец, подконтрольная зона на

берегу и тонкий пунктир маршрута, по которому вертолетик медленно полз.

Оператор переключил дисплей в обычный режим. На экране появился закрывающий все поле зрения белый туман.

— В облаках летим, — подтвердил его догадку неугомонный пилот. — Сейчас выше поднимемся.

Действительно, через пару минут на экране снова показалось солнце, освещающее сверху бесконечные поля облаков, испещренные, впрочем, многочисленными прорехами.

— Скоро к потолку приблизимся. Задачи его протестировать у нас нет, но за четыре мили вылететь мы должны.

Отметку в четыре мили над уровнем моря вертолет преодолел легко и просто. Пилот, удовлетворенно хмыкнув, повел машину к земле.

— Остались стрельбы и можно возвращаться. Хотите пострелять?

— А можно?

— Ну, раз вы сидите в кресле второго пилота, то и пострелять вам, я полагаю, разрешено. Боевой миссии нет, есть цель — расстрелять боезапас. Сейчас, ограничение сниму...

Желтая иконка на дисплее погасла.

— Перед вами два джойстика, — начал инструктаж лейтенант. — Левый не трогайте, он для управления полетом. На правом — все управление огнем. Большая красная кнопка — отстрел неуправляемых снарядов. Жмёте ее и они уходят по два в секунду. Тумблер над ней не трогайте, там переключение на одновременный залп, это нам пока не нужно. По бокам две синие кнопки — сброс бомб. Их желательно сбрасывать, включив полное погружение в шлем. Ну, или просто крутануть дисплей вниз, а то уйдут непонятно куда.

— А клавиши?

— Две клавиши под указательным пальцем — пулеметы. Можете оба сразу включать, можете по одному. Клавиша ниже — пушка. Под мизинцем кнопка для отстрела тепловых ловушек.

Пилот чуть помолчал.

— Сбили вы меня с мысли... Так. Все, в принципе. Прицеливание осуществляется движением джойстика — отслеживать на тактическом экране. Сейчас, пониже спущусь и начинайте.

Вертолет завис в паре сотен метров над морем, развернув нос в сторону берега. Тони почувствовал азарт — не каждый день дается возможность ощутить себя пилотом на задании. Он аккуратно повел в сторону боевой джойстик. Крестик на дисплее тут же послушно поехал в сторону.

— Здорово! — он нажал на клавиши пулеметов.

Звуков стрельбы практически не было слышно — работающий двигатель и шлем погасили их почти полностью. Но на берегу начали одно за другим валиться деревья, пораженные шквалом железа, извергнутым двумя шестистволками.

— Да, неплохо, мне тоже это нравится, — весело отметил пилот, подводя вертолет поближе к берегу.

Тони повертел джойстиком, выискивая новые цели, и остановился на небольшой скале, торчащей из песчаного берега на десяток ярдов. Красная кнопка оказалась довольно тугой на ощупь — случайно не нажмешь...

Из-под куцых крылышек вертолета потянулись дымные полосы. Две, четыре, шесть,

восемь... Скала на берегу окуталась огненными клубами, треснула и, разваливаясь на куски, рухнула на песок.

Тони было хорошо.

Но все прекрасное рано или поздно заканчивается — закончился и боезапас. Берег, заваленный каменной крошкой, щепками от стволов и припорошенный сверху песком, легонько дымился от загоревшейся кое-где древесины. Впрочем, огонь на удивление быстро гас сам собой.

— Ну все, остались бомбы — и домой. Нет целей, куда их приложить можно?

Хоук, вполне освоившийся за последние двадцать минут с дисплеем, принялся переключать режимы, рассматривая берег.

— В полукилометре дальше что-то странное виднеется, — браво доложил он.

На тепловой карте там действительно обнаружилось непонятное ярко-красное пятно, отчетливо выделяющееся среди однообразного пейзажа.

— Ну, туда и сбросим, — беспечным голосом произнес лейтенант. — Посмотрим заодно, что там такое. Сумеете с высоты попасть? Бомбы с корректируемой траекторией, но все равно нужно понимать, как они себя поведут.

— Давайте тогда вы, — Тони, опустошивший почти весь боезапас вертолета, решил, что с него не убудет, если бомбы сбросит не он.

Вертолет немного набрал высоту и завис на месте.

— Аа-плака... тьфу. Бомбы пошли!

На дисплее у Тони, предусмотрительно сориентированном вниз и переведенном в обычный режим, было видно, как к земле полетели два толстых цилиндра. Бомбы, пару раз крутанувшись в воздухе, выбросили стабилизаторы, сориентировались и полетели туда, где на тепловой карте находилось странное пятно. Оператора посетило нехорошее предчувствие.

— А мы не слишком близко от земли? Осколками не достанет?

— Не волнуйтесь, они кумулятивные, направленного действия. Тысячи футов вполне хватит!

Внизу вспыхнули две яркие вспышки, во все стороны брызнул расплавленный песок... Тони ткнул кнопку, переключаясь на тепловизор.

Внизу, прямо под ними, колыхался яркий красный сгусток. А по всему пляжу от него стремительно разбежались белоснежные прожилки, чем-то напоминающие кровеносные сосуды.

— Что за черт... Лейтенант, нам бы повыше...

Поднять машину повыше Кройц не успел. Внизу, там, где на дисплее у Тони рисовались белые линии, песок внезапно начал проваливаться вниз, рисуя на пляже сюрреалистичную картину в виде напоминающего сердце пятна, окруженного вязью сосудов.

В следующий момент из провалов вверх метнулись нитки расплавленного кварца. Неправдоподобно тонкие и длинные, словно вязальные спицы циклопических размеров, они мгновенно преодолели расстояние, отделяющее вертолет от земли, ударились в брюхо, обстучали пустые ракетные подвески, разлетелись стеклянной пылью под ударами винта...

— Ох ты ж, мать твою, — послышался удивленный возглас пилота. Тони выглянул в узенькое окошко.

Вокруг продолжающего спокойно висеть на месте вертолета возник целый лес из прозрачных, тонких, уходящих куда-то далеко вверх стеклянных ниток.

Несколько секунд они держались прямо и ровно, а затем, не выдерживая собственного

веса, начали ломаться. Сначала отдельные нитки, затем целые скопления... Фантастический стеклянный лес в мгновение ока превратился в стеклянный ливень.

— Я в шоке с этой планеты, — пробормотал Тони, рассматривая через стекло, как ливень прозрачных осколков падает на породивший его пляж.

В шлеме послышался испуганный вопль пилота, а затем вертолет потряс удар. Дисплей перед оператором погас, а винтокрылая машинка накренилась, натужно закашляла двигателем и неуклюже, боком, начала валиться куда-то вниз.

Прямо между ногами у Тони, пробив пол и уйдя в потолок кабины, появился непонятный штырь диаметром в карандаш, отливающий черно-стеклянным блеском.

— Фак, фак, фак!!! — второй раз в жизни Тони Хоук падал вместе с вертолетом и второй раз никаких приятных ощущений ему это не доставило.

Он лихорадочно задергал аварийный рычаг, но систему катапультирования заклинило.

— Питер!!! Питер, мать твою!!!

— Это база, что у вас случилось? — послышался в шлеме неизвестный спокойный голос.

— Мы падаем, черт возьми! Питер, сукин сын, сделай что-нибудь!

— Это база, что у вас случилось? — спокойно повторил голос. Тони, ругаясь последними словами, нащупал на шлеме какие-то тумблеры и начал их щелкать в разные стороны. Ничего не произошло.

— Питер!!!

Питер не отвечал. Но аварийная система вертолета, на разработку которой много талантливых умов потратили не один год, все сделала за него. Отметив попадания, зафиксировав критический сбой в работе двигателей и получив отчет о прекращении жизнедеятельности одного из пилотов, компьютер, потратив на анализ в общей сложности семь с половиной секунд, выполнил приоритетную задачу спасения жизни второго пилота, развалив вертолет на куски.

Уже второй раз за последнее время оружий ругательства Тони оказался висящим под куполом парашюта в окружении разлетающихся в разные стороны кусков вертолета.

Водная гладь была совсем рядом.

— Х-ха..! — приземление чуть не вышибло из него дух. Спасательная платформа, уйдя от удара под воду, все же всплыла, отстрелила парашют и теперь, слегка накренившись, качалась на легких волнах.

Оператор помотал головой, пытаясь избавиться от звездочек, летающих перед глазами.

— Везет мне, как утопленнику, — пробормотал он, озираясь.

Элизабет Кокс, доктор медицины. 3409.

Элизабет, смотря на экран телевизора, показывающего в прямом эфире полет Тони, непроизвольно закрыла рот ладошкой и замерла.

Увлечательные стрельбы, закончившиеся пусть плохо видимым из иллюминатора вертолета, но все равно впечатляющим стеклянным дождем, сменились какой-то неразберихой, руганью в эфире... Затем темная картинка внутренностей кабины внезапно сменилась на изображение неба, моря, парашюта... Снова неразбериха.

Показанное под углом в сорок пять градусов море.

— Везет мне, как утопленнику...

Картинка пропала, сменившись черным экраном — где-то в нескольких десятках миль

от авианосца ретрансляционный блок вертолета все же не выдержал превратностей судьбы и утонул, хотя и был в теории рассчитан на длительное плавание и обеспечение коммуникации для выживших пилотов.

Лиззи продолжала смотреть в черный экран.

Капитан Эрик Роджерс. 3409.

— Да вашу мать, уроды, вы что, охренели в край, что ни вылет, то потери?! — первая реакция капитана Роджерса на случившееся была не совсем литературной.

— Беспилотники — на разведку, быстро! — заорал он на нектоати подвернувшегося под горячую руку лейтенанта. — Бегом!

Лейтенант, чуть не подавившись булочкой, стремглав выскочил из столовой, в которой их застало окончание репортажа Тони, и помчался в сторону координационного центра авиационного крыла. Капитан, бодро ругаясь, отправился следом.

Притихшие морпехи, завтракавшие за соседними столиками, немного расслабились.

В вотчине капитана все было в идеальном порядке — предупрежденные подчиненные суетились, словно наскипидаренные, целых три беспилотника неслись в сторону крушения вертолета, на отдельном дисплее показывалась переведенная из центра мониторинга картинка со спутника, на которой, правда, ничего толком не было видно... Табло, показывающее статус готовности к вылетам, говорило, что единственный оставшийся самолет уже поднимается на палубу, а лейтенант Гивен, похоже, выдернутый из постели, мчится к нему со всех ног.

— Сэр! Беспилотники легли на курс, время прибытия к месту — восемь с половиной минут! Истребитель выведен на палубу, взлет по пятиминутной готовности! Картинка со спутника получена! Ждем дальнейших распоряжений!

— Вольно всем. Истребитель — отставить. Ждем информацию с беспилотников.

Послышался звук вызова с мостика. Роджерс вздохнул и включил видеосвязь. На экране появилась не до конца проснувшаяся физиономия Найджела Гатлинга.

— Капитан Роджерс.

— Шеф Гатлинг.

— Капитан, я в данную минуту старший на мостике, доложите, пожалуйста, оперативную ситуацию с аварией. И есть ли смысл поднимать командера.

Капитан снова вздохнул.

— Шеф, вертолет потерян, пилот предположительно погиб, сопровождающий его гражданский предположительно жив. Последняя картинка и телеметрия показывают, что было столкновение с чем-то непонятным. Природное это явление, разумная агрессия или атака животного — пока неизвестно. Дроны на подходе, через несколько минут будет картинка. Я продублирую на мостик.

Он взял паузу.

— Терона, пожалуй, нет смысла тревожить. Ситуация не несет прямой срочной угрозы кораблю, на данный момент все под контролем.

— Спасибо, капитан, — Гатлинг кивнул и отключился.

Вот, вроде бы, нормальный тип, а все равно какой-то неприятный... То ли сам, то ли должность у него такая... Капитан Роджерс не любил особистов, хоть и признавал необходимость их существования в команде.

— Сэр, есть контакт с тактическим шлемом второго пилота!

— Выводи на громкую.

— Это база. Вы меня слышите? Прием.

В эфире послышался какой-то треск.

— Ответьте базе, прием.

— О, блин, беспилотники прислали, — послышался недовольный голос гражданского. — Эй вы, я здесь!

— Мистер Хоук, ответьте кораблю, — в нарушение регламента прямым текстом произнес связист.

— Хрена ли вы здесь летаете? Вытащите меня отсюда! — дальше послышалась нецензурная ругань. Роджерс поморщился.

— Или после крушения отказала входящая связь, или этот идиот просто не знает, как ее включить...

На картинке, транслируемой с камеры дрона, человек на спасательной платформе, качающейся на волнах, опасно подпрыгивал и махал руками.

— Сэр, тесты проходят нормально, мы работаем с его шлемом, он просто физически не включил или же отключил входящий аудиосигнал.

— Гражданский кретин.

На экране человек снял шлем и со злостью пнул его ногой. Шлем улетел в воду и утонул. Звук ругательств пропал.

— Полный кретин, сэр...

Роджерс некоторое время смотрел на дисплей, где гражданский что-то показывал на пальцах, маша руками во все стороны и эмоционально подпрыгивая.

— Черт с ним... Спишем на шок после катастрофы. Что у нас в целом?

— На берегу странная картина, сэр, — один из операторов беспилотных аппаратов вывел на главный экран изображение. — Судя по последним секундам съемки, то, что берег усыпан битым стеклом, это нормально... а вот эти, кхм... штуки, они непонятны.

Капитан и сам внимательно рассматривал пучок черных нитей, выходящих из воронки, вызванной попаданием бомб, и уходящих ввысь, к облакам. В отличие от обвалившихся стекляшек, эти ломаться и падать точно не собирались.

— Проведи аппарат над пляжем.

— Есть, сэр.

Беспилотник на бреющем полете пролетел над самым песком и беспрепятственно ушел ввысь.

— Хм. Режимы картинки?

Что-то странное виднелось только в инфракрасном диапазоне — пятно, которое засек Тони, так и находилось на своем месте, ничуть не потревоженное бомбами. Впрочем, ярких прожилок, которые были заметны сразу после попадания, видно не было.

— Сэр, что бы это ни было, оно, похоже, сейчас снова в спящем режиме.

— Похоже на то, — Роджерс скривился. Очередная непонятность этой планеты, будь она неладна. — Снимите все, запротоколируйте координаты точки, зафиксируйте картинки во всех диапазонах... И пошло оно к черту, пусть лежит, где лежало. Что мы можем сделать для этого вот красавца?

— Может, его десант заберет, сэр? У нас точно больше нет такой возможности.

— Да у них тоже не очень-то с этим.

Тем не менее, с Лэксби он пообщался. Увы, десантники тоже не имели никакой возможности отправиться за семьдесят миль и забрать оттуда оператора. Но капитан пообещал прислать десантный шлем, гораздо больше приспособленный для передвижения по местности, нежели пилотный.

— Сбросьте ему с беспилотника еду, шлем, одежду и пусть чешет по берегу. Расстояние не слишком большое, мои парни за день такие концы мотают, — подытожил жестокосердный морпех.

Тони Хоук, оператор CNN. 3409.

Некоторое время, наблюдая за неспешно летающим над головой дроном, Тони просто ругался. Затем шок потихоньку сошел на нет, а способность трезво мыслить — постепенно вернулась.

Оператор, окончательно успокоившись и усевшись по-турецки на качающейся платформе, принялся оценивать обстановку. Лейтенант-весельчак, скорее всего, погиб. Да даже не скорее всего, а абсолютно точно — неподалеку на воде колыхалось несколько обломков от вертолета, но Питера на них видно не было. Большая камера, оставленная под сиденьем, сейчас покоилась где-то глубоко внизу, на дне. Маленькая...

Тони лихорадочно оглянулся и в отчаянии выругался. Маленькая камера, закрепленная на шлеме, отправилась вместе с последним все туда же — на дно, посланная в полет его могучим пинком. Операторское будущее Тони внезапно оказалось под угрозой — из запасных камер у него осталась только одна — такая же малютка. Потерять ее — и все, останется только идти работать уборщиком.

Впрочем, сейчас это все же не показалось ему особо большой проблемой. Больше тревожило пятьдесят ярдов водного пространства, отделяющего спасательную платформу от берега. В воду лезть Тони не хотел категорически, помня о том, как внезапно из ниоткуда здесь появляются красные водоросли-волоски. Грести было нечем.

А на берегу, вдобавок, пряталось что-то непонятное, только что уничтожившее их вертолет и, возможно, до сих пор имеющее не самые добрые намерения. По крайней мере, толстый жгут тонких черных нитей, уходящий в небо, намекал на это весьма красноречиво.

В конце концов, Тони, понимая, что помощи в данную секунду ждать неоткуда, начал аккуратно грести руками, то и дело со страхом рассматривая воду на предмет красных волосков. Минут через десять ему удалось добраться до плавающего в воде куска пластика от обшивки и дело пошло веселее — получив некое подобие весла, оператор начал чувствовать, что его импровизированное судно, хоть и медленно, но продвигается вперед.

Еще через десять минут, сумев побороть легкий прибой, он все же добрался до берега. Что немаловажно — за пределами области, покрытой стеклянными осколками.

И тут же постарался еще сильнее увеличить это расстояние. Находиться рядом с похожей на обвитое сосудами сердце шгукой, скрытой под песком, было немного неприятно.

Беспилотник продолжал бесстрастно наблюдать за ним с высоты. Это, с одной стороны, раздражало, с другой — придавало ощущение защищенности. Хотя Тони предпочел бы взвод морпехов, высадившихся, чтобы его забрать.

Морпехи в итоге так и не появились, зато прилетел еще один беспилотник, сбросивший ему здоровенный рюкзак с примотанным сверху десантным шлемом. Рюкзак, покачившись

полминуты под куполом миниатюрного парашюта, упал на песок совсем рядом с оператором.

— Это еще что?

На шлеме виднелась примотанная скотчем бумажка с надписью "Надеть на голову, НИЧЕГО не трогать!!!"

— За идиота меня, что ли, держат...

Судя по разговору, произошедшему вслед за тем, как он надел шлем, — да, именно таковым он и предстал в глазах армейских специалистов. Тони даже стало немного стыдно.

Полученные инструкции не радовали — присылать к нему за семьдесят миль помощь просто не на чем, так что оператору предлагалось надеть шлем, прочитать инструкцию к нему, затем взять мешок и протопать ножками до бухты с авианосцем. Очень рекомендовалось сделать это до того, как на планете наступит давно ожидающаяся зима.

Спорить было не о чем, так что Тони повиновался. Небольшим утешением невольному туристу стало то, что высшее командование не собиралось складывать с него полномочия шоумена и картинка с камеры шлема уже начала транслироваться вживую на весь корабль.

— Итак, дорогие телезрители, после того, как наш вертолет потерпел крушение, в живых удалось остаться только мне. Мир праху лейтенанта Кройца, погибшего на этой негостеприимной планете.

Тони выдержал подобающую приличиям паузу и продолжил:

— Теперь в прямом эфире вы увидите небольшое путешествие по местной природе, которое, надеюсь, закончится через несколько дней на палубе нашего корабля. Мне предстоит пройти около семидесяти миль и это будет настоящее испытание на выживаемость человека в здешней природе. Итак, в путь!

Первый час Тони прошагал весьма бодро, держась лесной опушки и счастливо избегая как блуждания среди деревьев, так и ходьбы по неудобному песку. Затем пляж постепенно начал исчезать, сменяясь каменистыми россыпями, а лес аккуратно придвинулся почти к самому срезу воды. Берег медленно, но неуклонно пополз вверх, превращаясь в скалистый обрыв над бьющимся о камни прибоем. Тони, не так давно взбегавший на такие горки одним порывом, сейчас был вынужден заметно снизить темп и даже пару раз остановиться на привал, про себя проклиная отравившую его ракету.

Безжалостный шлем показывал, что с момента начала путешествия было преодолено всего три с половиной мили.

— Итак, господа, мы видим, что рельеф местности... сильно изменился... Ух. Вместе с тем, состав флоры остался практически неизменным — лес все тот же. Чешуйчатые пальмы в качестве преобладающего вида... Трава обыкновенная...

В конце концов, ему пришлось замолчать и добираться до вершины молча, лишь изредка позволяя себе сосредоточенное пыхтение.

Оказавшись же на вершине подъема, Тони не сдержал легкого ругательства. Впереди, насколько хватало глаз, тянулся лес, покрывающий собой множество сопок. Оператору на пути домой предстояло преодолеть еще немало подъемов.

Наскоро перекусив и в очередной раз глянув на неутешительные цифры пройденного расстояния, он отправился в долгий спуск к подножью холма. К его несказанному удивлению, дорога вниз оказалась заметно мучительнее, чем наверх. Уже через полчаса все мышцы на ногах превратились в один безвольный, ноющий кусок мяса, просящий отдыха.

Остановившись в нижней точке и посмотрев на все еще далекое море, бьющееся о скалы

десятью метрами ниже, Тони всерьез задумался о том, успеет ли он за оставшиеся семь... — или уже шесть? — дней добраться до корабля. Такими темпами, пожалуй, стоит немного подвернуть ногу, — и прощай, уютный авианосец, здравствуй, непонятная зима.

Отец Конрад, капеллан. 3409.

— Бросьте, падре. Я никогда не был особенно верующим и сейчас, мне кажется, довольно поздно меняться. Я вас пригласил к себе по делу.

Терон, перестав расхаживать по каюте, остановился у бара.

— Вам налить чего-нибудь? Понимаю, вера и все в этом духе, но все же?

Отец Конрад чуть поколебался, но не стал вставать в позу.

— Немного виски, если можно. С содовой.

— О, старая школа, — хмыкнул командер, доставая пузатую бутылку. — Сейчас так никто и не пьет, пожалуй.

Капеллан покатал в руках прямоугольный стакан с янтарной жидкостью и задумчиво посмотрел на старшего офицера корабля.

— Итак?

Терон задумчиво отхлебнул напиток и поднял глаза к потолку.

— Даже не знаю, с чего начать, падре. Хотел попросить у вас совета, но не понимаю, какой нужно задать вопрос.

Он снова отхлебнул виски и примолк, рассматривая белую поверхность над головой. Конраду пришлось подождать. Впрочем, на исповедях случались паузы и подольше, а, как ему казалось, командер позвал его сюда именно для исповеди. Что бы при этом не говорил.

— Скажем так, я не очень понимаю, что сейчас происходит с экипажем. Мы попали в непонятную, безвыходную, практически смертельную по факту ситуацию. Потеряли множество товарищей. Потеряли треть корабля. Как намекает курс психологии, уже давно должны были начаться какие-то истерики, марши недовольных или что-то в этом духе. Но ничего этого нет и в помине. Более того, я прямо сейчас сам ощущаю, что меня не очень сильно все это заботит. Такое впечатление, что разум все понимает, а эмоций, чувств — их нет.

Снова пауза. Отец Конрад попытался вспомнить что-то истеричное в своих прихожанах, но не смог. Они вели себя примерно так же, как и при обычном переходе из порта в порт. Людская глупость или что-то еще? Он вспомнил свои недавние размышления, но ответа в них не было.

— Так вот, хотелось бы услышать ваше мнение на этот счет, святой отец.

Мимо них, из спальни на кухню, прошла какая-то смутно знакомая капеллану девушка, поприветствовавшая его доброй улыбкой на милом личике.

— Командер, я сам размышлял на эту тему... Немножко. Я... я не знаю, чем это может быть вызвано, но у меня очень схожие с вашими мысли. Взять хотя бы нашего журналиста, — он махнул рукой в сторону дисплея, работающего в беззвучном режиме. — Он, насколько я помню, с час назад посчитал в эфире, что с такими темпами, как он сейчас продвигается, он вполне может и не успеть на корабль до наступления зимы. Вы думаете, он испугался? Пошел быстрее?

На экране журналист, судя по картинке, беззаботно спал, валяясь на травке.

— Вот и я про то же, — мрачно ответил Терон. — Причем вспышки негативных эмоций

однозначно присутствуют, в том числе и у Хоука того же. Когда упал вертолет, он ругался так, что краснели бывалые матросы. Но прошло десять минут — и все, тишь, да благодать. Я уже намекнул аналитикам, что, возможно, это станет проблемой в будущем. Правда, непонятно какой. Теперь вот хочется поговорить с вами.

Капеллан осторожно отхлебнул напиток, пытаясь понять, что же именно от него хочет командер. Массовую проповедь, что ли, устроить? Хотя...

— Мистер Терон, если это не военная тайна... Какая у нас прогнозируемая обстановка в ближайшее время? Что-то опасное предвидится?

Собеседник криво усмехнулся.

— Да на этой проклятой планете настоящий рай. Не суйся в воду к красным водорослям, да успевай прятаться раз в девять дней от горячего солнышка — вот и все. В остальном — делай, что хочешь. Хищников нет, враги в данном регионе уничтожены, катаклизмов особых нет, разве что очередной метеорит свалится прямо на голову. Можно всей командой валяться на пляже и загорать...

Командер замер, задумавшись. Отец Конрад улыбнулся — он только что подумал о том же самом.

— Судя по вашей улыбке, падре, вы тоже решили, что неплохо бы выдать экипажу увольнительную?

Тихо подошла девушка, поставила перед ними по блюду с нарезкой, снова улыбнулась и скрылась.

— Что-то подобное, командер. Мне кажется, что бы ни творилось с людьми, некий отдых пойдет всем на пользу. Если есть какие-то конфликты, возможно, они откроются. Лучше сейчас, в спокойной обстановке, чем потом, неизвестно в какой момент. Если кто-то скрыто паникует — наоборот, успокоится.

— Вдобавок, можно устроить спортивные соревнования, — подхватил Терон. — Как сброс лишней энергии. И устроить нечто вроде пресс-конференции с руководящим составом — пусть люди смогут спросить о наболевшем.

— Можно отпустить всех желающих погулять по берегу. Судя по мистеру Хоуку, там вполне себе безопасно.

— Если, конечно, там нигде не прячется что-то, подобное тому, что сбило вертолет, — мрачно добавил командер.

Капеллан смутился и глотнул виски. Закашлялся, попробовал аккуратно закусить беконом, но получилось все равно не очень изысканно. Впрочем, Терону явно было не до него.

— Но в целом, я думаю, это хорошая мысль. Вы сможете провести проповедь на берегу? Мы устроим вам уютное местечко.

Отец Конрад внезапно с кристальной четкостью понял, что он имеет шанс стать первым священником, читающим проповедь на земле чужой планеты.

— Для меня это будет честью, командер.

Джиллиан Ван Вейк, помощница штурмана. 3409.

Валяться одной на кровати в своей каюте было невыразимо скучно. Не помогал даже телевизор, в котором пробирающийся по вечерним зарослям сизэнновский оператор пытался донести до зрителей всю тяжесть и бедственность своего положения. С одной

стороны, Джиллиан уж точно не хотелось бы оказаться на его месте — в десятках миль от корабля, на чужой неизведанной планете... С другой — ничего особо бедственного в его положении не наблюдалось. Агрессивной флоры и фауны в местных лесах замечено до сих пор не было, погода стояла теплая, до наступления зимы, которой пугал спутник, оставалась еще почти неделя. Вдобавок, все, необходимое для комфортного выживания, было Хоуку сброшено, а сверху постоянно болтался беспилотник, обеспечивая связь и прикрытие.

Оператору, похоже, надоело плутать по темному лесу и он принялся разбирать палатку. Мисс Ван Вейк, мысленно сплюнув, переключилась на другой канал. Здесь шла какая-то выдернутая из глубин корабельной библиотеки передача, где отважный ведущий плутал по джунглям далекой Земли, попутно добывая себе пищу собирательством. И не жаловался, в отличие от своего здешнего коллеги.

На третьем канале нонстопом шли клипы. Уже успевшие надоесть почище ползающего по лесам оператора.

Девушка приглушила звук и достала планшет. С минуту задумчиво смотрела на него. Играть в глупые игры ее не тянуло. Читать она не любила никогда. Что ей делать с этим чертовым планшетом?

Бросив бесполезный девайс на кресло, она откинулась на подушки и некоторое время тупо пялилась в потолок.

— Так и свихнуться недолго.

Светлой искрой промелькнула идея сходить в развлекательный центр. Но искра тут же погасла — в такое время он уже, скорее всего, закрыт.

Мысли Джиллиан, совершив нехитрый финт, аккуратно затормозили возле тупицы-Найджела.

— И чего тебе, придурку, еще нужно? — пробормотала она.

За последнее время на долю "придурка" выпало с ее стороны столько обольстительных улыбок, нечаянных прикосновений и прочих милых женских хитростей, сколько он за всю свою жизнь, наверное, не видел.

Девушка подскочила на кровати, метнулась в ванную и критически уставилась на себя в зеркало. Миловидная стройная шатенка с симпатично выступающей под туго затянутым халатиком грудью, длинными, слегка вьющимися волосами, аккуратным, чуть вздернутым, носиком и выразительными глазами.

— Может, он гей? — задалась вопросом Джиллиан, любуясь собой в зеркале. — Да нет, не может быть.

Рассматривать себя, в конце концов, ей тоже надоело. Пришлось возвращаться в кровать. Некоторое время пролежав там в безуспешных попытках заснуть, она снова поднялась, решительно направилась к мини-бару и выудила оттуда початую бутылку старого-доброго Джека.

— И пусть весь мир подождет! — торжественно заявила мисс Ван Вейк, рассматривая янтарную жидкость на свет.

Дэн Соссьо, матрос первой статьи. 3409.

В то время, как помощница штурмана дегустировала виски у себя в офицерской каюте, двумя палубами ниже и на пятьдесят ярдов ближе к носу корабля точно так же тосковал в одиночестве матрос первой статьи Дэн Соссьо по прозвищу Алкоголик.

Что характерно для таких "позывных", горячительные напитки Дэн терпеть не мог с детства. И это, возможно, делало его сейчас на порядок более несчастным, нежели скучающую Ван Вейк.

С учетом же того, что девушка всего-то отсидела штурманскую вахту в удобном кресле на мостике неподвижно стоящего корабля, а матрос Соссьо весь день валил деревья на берегу, расчищая место вокруг временной базы, различие в их настроении было радикальным.

Дэн откровенно злился. Сейчас объектом его злости был журналист, который вел умные речи по телевизору, рассказывая о невзгодах своего путешествия обратно к авианосцу.

— Да чтоб ты сдох на том берегу, дрищ штатский, — злобно проговорил матрос.

У него были серьезные сомнения в том, что, попади он в такую ситуацию, к нему за сотню километров гоняли бы беспилотники, а потом, доставив вещи для выживания, еще и транслировали бы круглосуточно его приключения.

— Проклятые журналюги.

Его негодование вполне можно было понять. Дэн давным-давно смирился с тем, что есть люди гораздо умнее или, по крайней мере, образованнее его, служащие офицерами и инженерами. Смирился с тем, что есть гораздо более сильные и тренированные, которые тянут лямку в десанте или летают пилотами на самолетах. Да, черт возьми, даже более успешные матросы, уходившие на повышения, не вызывали у него никакого гнева или зависти — ведь он сам видел, как они старались ради этого. Но пришлый журналист, который, на взгляд Дэна, не приносил кораблю никакой пользы, раздражал его невероятно.

То, что командер Терон и остальные офицеры носятся с ним, как курица с яйцом, раздражало его еще больше. И мысль о том, что репортер действительно работает, обеспечивая какое-никакое, а развлечение для команды, тщательно изгонялась им из головы.

— Ничего, припрет нас еще эта планета к стене, тебя, бездельника, первого за борт отправят.

Журналюга в телевизоре, высокомерно игнорируя Соссьо, демонстрировал, как выглядит окружающая местность в различных режимах работы десантного шлема.

Мысли Дэна оторвались от болтающего журналиста и зацепились за сказанные им только что слова.

А ведь действительно. Чертова планета с чертовыми здешними обитателями уже успела, образно выражаясь, хорошенько вломить их непобедимому кораблю по печени. А сегодня добавила еще одну пощечину, размолотив последний имеющийся в строю вертолет. Что будет дальше?

— А дальше будет жопа, — с мстительными оттенками в голосе произнес матрос, нехорошим взором поглядывая в сторону экрана.

Интуиция подсказывала ему, что, в случае возникновения на горизонте этой самой части тела, полезность человека на борту корабля точно будет определяться не его умением работать с видеокамерами.

Впрочем, скрепя сердце, Дэн вынужден был признать, что самой нужной частью экипажа в условиях, когда всем им придется бороться за выживание, будут десантники, пилоты и прочие тренированные люди. Но следующим звеном уж точно пойдут те, кто умеет и любит работать руками — техники и такие, как он, работяги.

Соссьо задумался — а нужны ли вообще будут в такой ситуации офицеры? Поразмыслив, пришлось признать, что все же нужны. Дураком он не был и понимал, что

руководить людьми тоже нужно уметь.

На некоторое время Дэн, попав в логический тупик, размышлял, кого же все-таки можно заранее списать в утиль. Но, как он ни старался, оказывалось, что все или почти все члены экипажа несли пользу кораблю. Кроме журналиста.

Телевизор удостоился еще одного неприязненного взгляда.

Адам Кошрайбер, боевой пловец. 3409.

Могучий удар швырнул Адама на палубу корабля, выбив воздух из легких. В глазах потемнело, мяч вывалился из ослабевших рук.

— Да, детка, да!!! — послышались совсем рядом чьи-то вопли. Издалека донесся одобрителный гул.

Он очумело поболтал головой, пытаясь привести мозги в порядок и сфокусировать хоть на чем-то взгляд.

Совсем рядом с ним вопил и исполнял какой-то странный танец отвратительно жирный негр в футбольной амуниции. Рядом с ним обнимались его товарищи по команде.

Адам повертел головой и ругнулся от досады — до зачетной зоны оставалось всего ничего. Но, увы, нереализованный четвертый даун и, в итоге, проигрыш, вылет. Не повезло. Не хватило совсем чуть-чуть...

Он тяжело поднялся, морщась от боли в ребрах, получил пару утешительных хлопков по плечам от друзей и отошел в сторонку, смерив по пути еще раз недобрый взглядом веселящегося негра.

Без наплечников и шлема жизнь сразу стала заметно приятнее. А переодевшись в нормальную одежду, он даже снова начал радоваться погожему деньку.

На палубе царило небывалое со времен Инцидента оживление. Корма корабля была отдана любителям баскетбола, на огрызке носа, где он сейчас находился, было расчерчено футбольное поле, в центре, около надстройки, вяло шел обмен вопросами и ответами между экипажем и офицерским составом. Там же, неподалеку, виднелись нехитрые аттракционы, неизвестно как притащенные на палубу из зала отдыха, а также палатки, в которых можно было получить прохладительные напитки и приготовленные на скорую руку сэндвичи с хот-догами.

За бортом корабля по бухте носились надувные лодки, на время переквалифицировавшиеся из десантных в прогулочные. На пляже народ играл в волейбол и жарил барбекю. Адам, помассировав ноющие ребра, признался сам себе, что на скорую руку устроенный праздник-выходной получается очень неплохим.

Болтаться на палубе и смотреть на футбол дальше ему не хотелось, так что, захватив по дороге хот-дог и банку колы, он отправился вниз, на десантную палубу, откуда можно было перебраться на берег. Поплутав чуть по внутренностям корабля, вышел на легонько качающийся понтонный мост и, неторопливо жуя, потопал к суше.

На земле его встретил патруль, выдавший идентификационный браслет и строго-настрого запретивший ходить куда-либо без него.

— Территория под роботизированной охраной, так что без браслета вас нашьигует свинцом в секунду, сэр. Зато с ним можете гулять где угодно и как угодно далеко. Если заблудитесь, мы вас отыщем. Приятного отдыха!

Перебросившись парой слов со знакомыми, валяющимися на пляже, Адам стащил с гриля кусок жареного мяса, пару бумажных салфеток и отправился, куда глаза глядят.

С неба светило ласковое солнце, веселыми зайчиками пробиваясь сквозь кроны чешуйчатых пальм, легкий ветерок, пробирающийся между древесными стволами, приятно гладил кожу, постепенно, по мере отдаления от лагеря, наступала все большая тишина...

— Идиллия, мать его, — задумчиво произнес он, откусывая кусок чуть подгоревшего жилистого мяса и осматриваясь.

На стволе неподалеку виднелся незаметный коричнево-зеленый нарост, представляющий собой не что иное, как замаскированный датчик охранной системы. Адам невольно скосил глаза на браслет — но тот умиротворяюще светил зеленым огоньком, сигнализируя о том, что его обладатель учтен в системе и классифицирован, как дружественный.

Немного дальше ему попала небольшая просека, устроенная для проезда машин к опорным пунктам. Чуть подумав, Адам все же свернул на нее. Почему бы и не глянуть на тот самый пункт, в конце-то концов.

Через десять минут подъема он оказался на месте. Увы, легкий блокпост был без людей — настороженно шевелили стволами два пулемета, между которыми примостилась, собственно, база, собирающая данные с расположенных вблизи датчиков.

С открытого пространства была неплохо видна бухта с авианосцем, можно было спокойно различить людей, веселящихся на пляже.

— А репортеришка сейчас, точно так же, как и я, где-то в лесу, один.

Почему ему вспомнился оператор, Адам не знал, да и не стал задаваться размышлениями на эту тему. Вместо этого он улегся на мягкую траву, оперся головой о крепление пулемета и принялся нежиться на солнышке, постепенно впадая в дрему.

Разбудил его шорох чьих-то шагов неподалеку. Быстро сообразив, что ситуация мирная и опасности не предвидится, он не спеша зевнул и сел, потирая отдаленный железкой затылок.

— Ой, я не знала, что здесь кто-то есть! — послышался сзади женский голос. Адам обернулся.

Рядом со вторым пулеметом, опасливо на него косясь, стояла симпатичная девушка в легкомысленном наряде и с рюкзачком в руках. Девушка перевела взгляд на его лицо и тут же прыснула от смеха.

— Вам никто не говорил, что загорать нужно аккуратно?

Адам провел рукой по лицу. Точно... Вот тебе и ласковое солнце. Кожа легонько зудела и, наверняка, была уже гнусного красного цвета. А через денек ему предстоит увлекательнейший процесс линьки... Он поднялся на ноги, машинально отметив, что ребра по-прежнему побаливают. Как бы трещины не образовалось какой-нибудь после удара гадского негра.

— Позвольте представиться, прекрасная незнакомка, — насколько возможно более галантно произнес он. — Адам. Адам Кошрайбер. Нечто вроде подводного спецназа на этом симпатичном корытце.

Он махнул рукой в сторону авианосца. Девушка улыбнулась и плюхнулась на траву, принявшись расшнуровывать кроссовки.

— А я Джул. Джульетта, если быть точной, но лучше просто Джул, — представилась она, стаскивая правый кроссовок. — Я с беспилотниками вожусь... О, боги, как же хорошо без обуви. У тебя попить есть что-нибудь?

— Нет, к сожалению... — Адам внезапно понял, что и сам чертовски хочет пить.

— Ну и ладно. Там неподалеку ручеек какой-то есть, можно оттуда воды будет набрать. Ты какими судьбами сюда забрался? Дежуришь?

— Я? Нет, просто гулял по лесу, наткнулся на просеку, дошел в итоге до пункта, да и заснул здесь. Местечко приятное.

— А самое классное — нет мошкеры, — заметила Джул, сбрасывая второй кроссовок и вытягивая на траве длинные ноги. Адам некстати вспомнил, как давно был лишен женского внимания со всеми этими инцидентами, сражениями и прочим.

— Так чем ты именно занимаешься? — из рюкзака были извлечены два апельсина, подвергнуты придирчивому осмотру, после чего один был метко брошен в его сторону.

— Ну, последнее, что я делал, это взорвал наш корабль, — похвастался подводник, ловя фрукт.

— Это как? — Джул перевернулась на живот и принялась чистить апельсин.

— Ну... Ты, случайно не была на дежурстве во время боя?

— Была.

— Помнишь, наверное, что пришлось отрезать нос корабля, чтобы пожар и радиация не перекинулись на остальную часть? Вот наша команда этим и занималась.

— Не, нам тогда было немного не до корабля... Чуть не поубивало всех совсем. Так что, когда отошли от случившегося, все уже закончилось.

Апельсин был восхитительно вкусным, общество девушки — неизмеримо приятным, природа — чудесной, хоть и не очень разнообразной. Адам и сам не заметил, как за беспечной болтовней пронеслось время.

— Ух ты. Это всегда так выглядит? — к своему стыду, он первый раз воочию наблюдал, как из-за верхушек деревьев появляется исполинская тень потухшей звезды и начинает погоню за убегающим к горизонту солнцем. Телевизор-телевизором, а, когда ты вживую видишь, как бесконечный небосклон начинает исчезать за огромным силуэтом... Адам почувствовал, как по коже пронеслись мурашки.

— Да, я уже видела. Здорово, правда? И жутко.

— Жутко — не то слово...

— Кстати, странно, раньше она появлялась в более позднее время. Наверное, это из-за того, что мы сейчас потихоньку уходим в тень планеты.

Увидев лицо мало что понимающего собеседника, Джул постаралась объяснить особенности здешней системы. Адам понял главное — скоро будет темно и холодно.

— Ну, темно — это не факт... Здесь столько звезд, что на три наших Луны хватит...

Шли минуты. На тускнеющем кусочке неба, еще не закрытом гигантским темным диском, действительно начали россыпями вспыхивать прятавшиеся до этого звезды.

— Красота... Интересно, завтра она уже догонит солнце или еще нет...

Адам поежился. Погасшее за горизонтом светило принесло неожиданно сильную прохладу.

— Холодно становится... Может, того, на корабль?

— Смотри... — Джул кивком головы указала на пулемет. Тот медленно, но неотвратимо покрывался белесым налетом.

— Что за черт... — Адам осторожно коснулся ствола. — Да это же иней...

Окружающий лес внезапно показался чужим и недружелюбным. Ветерок, еще недавно теплый и ласковый, продолжал терять температуру.

— Ничего не понимаю, — поежилась Джул, обхватывая себя за плечи озябшими

руками.

Далеко внизу едва просматривающиеся в наступивших сумерках люди шустро убирались на корабль.

— Мне кажется, нам стоит поторопиться...

Главный аналитик Том Джонс. 3409.

Том сидел в одиночестве в аналитическом центре, вальяжно закинув ноги на стол и лаская пальцами еще теплую кружку кофе. Взгляд его задумчиво блуждал по стенным экранам, послушно выдающим оперативную информацию.

В самом центре виднелась детальная спутниковая картинка местности с авианосцем посередине. Вокруг корабля, на берегу, на воде, да и на самой палубе наблюдались скопища зеленых точек — экипаж, отпущенный на выходной.

Зеленые точки, еще недавно хаотично разбросанные по местности и перемещающиеся по законам броуновского движения, сейчас в едином порыве стремились к кораблю.

Том с досадой осмотрелся. Никого. Кто-то из отдела болтался на берегу, Сноуграсса переманил к себе оператор, пара человек погибла во время произошедших событий... Мозговой штурм устраивать было не с кем. Пришлось вызывать на связь центр мониторинга.

— Мистер Ливингстон.

— Так точно, мистер Джонс.

— Что произошло в последние пятнадцать минут в окружающей среде?

Оператор задумался на десяток секунд.

— Произошел полный закат. Освещенность снизилась в двенадцать раз. Температура воздуха снизилась на... двадцать семь градусов. Ничего себе.

В голосе невозмутимого оператора послышалось удивление. Джонс встрепенулся.

— Можете составить мне временной график температуры и освещенности с отметкой заката для любой точки местности за последние четыре дня?

— Тридцать секунд, сэр.

Спустя полминуты на одном из экранов рядком выстроились четыре графика. Том нехотя поставил кружку, поднялся и подошел вплотную.

На всех графиках кривая температуры делала резкий провал сразу же после захода солнца, затем медленно понижалась еще в течение часа, после чего оставалась неизменной до утра — после рассвета температура быстро восстанавливалась.

Неприятным было то, что четыре дня назад температура после заката падала на пять градусов, три дня назад — на одиннадцать градусов, а сегодня — уже на двадцать семь.

— Так-так-так...

Последовательность вырисовывалась скорее геометрическая. Том попробовал прикинуть дальнейшее поведение температуры. Получалось, что через пару дней закатное падение температуры будет составлять около семидесяти градусов, а вокруг будет настоящая зима с морозом под минус четыре-пять градусов. Бред.

— Или не бред.

Аналитик задумался. Затем прочертил график дальше. В день наступления рассчитанной компьютером зимы температура на планете, как показывал неумолимый рисунок, должна быть в районе минус двухсот тридцати по Фаренгейту.

— Все же бред.

Аналитик подумал еще немного.

— Мистер Ливингстон, — задумчиво проговорил он. — А какая температура во время зимы рассчитывалась компьютером? И какая температура, по данным компьютера, должна быть прямо сейчас?

В этот раз оператор не отвечал дольше, очевидно, копаясь в глубинах машинной памяти.

— Пиковый минус температуры рассчитывался как минус семьдесят градусов по Фаренгейту, сэр. В данную минуту температура должна быть от плюс шестидесяти до плюс шестидесяти пяти.

— А она, эта температура...

— Плюс тридцать семь градусов, сэр.

— Похоже, не бред, — пробормотал Джонс.

— Простите, сэр?

— Да нет, нет, все нормально...

Том отключился от связи, аккуратно распечатал стопку графиков, собрал их в папку... Мысли лихорадочно вертелись вокруг свежеиспеченной теории. Черт с ней, температурой. Корабль на ядерном реакторе как-нибудь проживет, обогревая себя самостоятельно. Но в диапазоне от минус двухсот пятидесяти до минус трехсот тридцати градусов расположены точки кипения всех подряд газов, составляющих земную, да и здешнюю, атмосферу. Лишние двадцать-тридцать градусов — и огромная куча проблем.

— Но корабль у нас все же может быть практически полностью герметичным... Должен стать таким.

Ноги довели Джонса до мостика, где он, уткнувшись в часовых, внезапно осознал, что стоило предупредить командера заранее.

— Э... м... Командер Терон на мостике? — обратился он к одному из морпехов, смотрящих на него глазами, лишенными даже искры интеллекта.

— Так точно сэр.

— Не могли бы вы сообщить ему, что у меня к нему очень важное дело? Я Джонс, Том Джонс, аналитик.

— Минуту, сэр.

Терон ему не поверил. Смотрел на графики, хмыкал, но явно гнал от себя мысль о том, что Том может оказаться прав.

— Спасибо за предупреждение, Том. Но это выглядит уж слишком... фантастично.

Из-за его спины тенью выдвинулся шеф Гатлинг. Взял один из графиков, рассмотрел. Тяжело вздохнул.

— Думаешь иначе? — повернулся к нему командер.

— Не знаю я, что думать... — Найджел положил график обратно на стол. — Выглядит убедительно. А на этой планете я уже ничему не удивлюсь.

Терон скривился.

— Ладно, Том. Спасибо за предупреждение... Давайте так — если температура пойдет и дальше по вашему графику, то будем бить тревогу. Через два дня.

Аналитик понял намек и аккуратно ретировался. Уже на выходе услышал слова Гатлинга:

— Если все так и пойдет, что будем делать с этим остолопом-журналистом? Замерзнет ведь...

Хотелось сказать, что, если все пойдет именно так, то замерзнут вообще все, но Том сдержался и вышел с мостика. Хотелось поговорить с кем-то, кто бы понял его опасения.

Увы, научный штат корабля был ничтожно мал, а после Инцидента так и вовсе стремился к нулю. Разве что с доктором Кокс поговорить...

Элизабет Кокс, доктор медицины. 3409.

Неожиданно появившийся в госпитальном отсеке аналитик оказался глотком свежего воздуха для Лиззи. Девушка, отпустившая весь остальной персонал на выходной, сама была вынуждена весь день просидеть на дежурстве в пустом госпитале, слушая однообразную болтовню карабкающегося по сопкам Тони и играясь в тупые игрушки. Время от времени на нее накатывали угрызения совести — время можно было бы потратить и на более полезные вещи, например, на чтение медицинских справочников... У совести в итоге ничего не получалось, а мисс Кокс продолжала скучать и бездельничать.

Очкастый аналитик, появившийся в дверях, вызвал у нее приступ нездорового ажиотажа.

— О, мистер Джонс! Заходите! У вас что-то случилось? Отравились или поранились?

Гость заметно смутился.

— Я, собственно, не по этому поводу...

— А что тогда? Да вы проходите, я сейчас кофе сделаю.

— Спасибо. Собственно, я по дороге заглянул на камбуз, попросил собрать небольшой ужин — боялся, что вы здесь проголодались...

— Ужин — это замечательно! Но неужели вы заглянули ко мне только по этому поводу?

Аналитик смущенно махнул пакетом.

— Дело в том, что я внезапно понял, что мне совершенно не с кем поговорить о том, что я сегодня обнаружил. Вот и вспомнил про вас. Вы не заняты?

Лиззи, возясь с кофейником, безмятежно махнула рукой.

— Свободна, как томагавк в полете. Выкладывайте.

— Я сегодня наблюдал за картинкой со спутника...

— Да подождите вы. Из пакета все выкладывайте, сейчас сообразим ужин. Там и расскажете.

Зашедший в гости Джонс, несомненно, был весьма умным человеком, но в плане бытового общения заметно тушевался. И стеснялся резать мясо медицинскими скальпелями.

— Давайте я сама, — Элизабет, отобрав всю инициативу себе, принялась сервировать нехитрый ужин. — Так что там у вас стряслось?

Рассказывать интересно Джонс не очень умел, но Лиззи все равно слушала внимательно, попутно уплетая жареную свинину. По рассказам аналитика получалось, что у корабля осталось всего ничего времени для спокойной жизни.

— А дфеф... — доктор покраснела и торопливо проглотила кусочек мяса. — А днем какая ожидается температура в ближайшее время?

— Температура днем на удивление стабильна, — задумчиво произнес ее собеседник, рассеянно рассматривая мисочку с салатом. — Днем все время от плюс шестидесяти до плюс семидесяти пяти. Утром прохладней, в полдень теплее... Проблема в том, что день с завтрашнего дня будет стремительно сокращаться. Мы уходим в тень погасшей звезды и к вечеру она просто будет перекрывать нам вид на солнце. Еще пять дней — и все, ночь.

— А чем это объясняется? Я помню, нам командер говорил, что будет холодно. Но не

настолько же.

— Сам не понимаю. Какая-то аномалия, но я не понимаю, какая. Кстати, при таких температурах не исключено, что у нас на палубе будут образовываться лужицы из инертных газов. Здесь в атмосфере достаточно много ксенона — вполне себе может получиться неплохая роса.

Элизабет внезапно пришла в голову мысль.

— А вы думали, что будет, когда над нами пройдет горячее солнце? Это же будет через несколько дней после того, как мы уйдем в тень, верно?

Аналитик замер, похоже, обдумывая вещь, до которой раньше ему не было дела. Мисс Кокс даже немного возгордилась от осознания того, что подбросила ему эту мысль.

— А вот проход солнца вполне себе может стоять нам всем жизни... — задумчиво пробормотал гость. — Элизабет, я вынужден откланяться! Прошу прощения, но вы затронули очень важную тему. Приятного аппетита.

Четырехглазый исчез, словно по мановению волшебной палочки, оставив удивленную Лиззи в компании недоеденного салата.

— Да и черт с тобой, — мудро заметила девушка, включая звук на телевизоре, где в это время устраивавшийся на ночлег Тони проклинал неожиданный холод и старался как-то согреться в тонюсенькой палатке.

Десантник Фил Скотт. 3409.

Фил, весело проведший целый день в компании пива и барбекю среди деревьев, окружавших береговую базу, расплачивался за это во время второго выходного. Ему выпало оказаться в числе счастливчиков, которые на моторках катали по бухте всех желающих.

Желающих было на удивление много — люди, до этого момента практически не показывавшие носа из стальной коробки, с радостью пользовались случаем познакомиться с природой чужой планеты. Филу, на правах старожилы, успевшего даже поучаствовать в высадке к городу аборигенов, приходилось отвечать на десятки идиотских вопросов.

— А вы вблизи чужих видели? — любопытствовал молодой матрос в несколько затасканной робе.

— Нет, я дежурил на десантном корабле.

— Здесь вообще опасно? Я думала потом прогуляться по берегу.

Это спросила уже пышнотелая пожилая леди с камбуза.

— Единственная разведанная реальная опасность, угрожающая жизни — это красные водоросли. По берегу можно гулять спокойно.

— Нам можно выйти через пролив к океану? — вопрос прозвучал от довольно милой девушки с офицерскими повадками. Фил мысленно взвыл — в каждой группе, которую он сегодня катал по бухте, находился умник, желающий посмотреть на океан.

— Нет, мисс, запрещено. Слишком сильный прибой.

— Красные водоросли — это вот это? — нервно поинтересовался матрос.

Десантник кинул взгляд за борт лодки и тихонько выругался. Только что бывшая идеально чистой и прозрачной, вода бухты стремительно обретала красноватый оттенок.

— Господа, я, пожалуй, вас отвезу к берегу... На всякий случай.

Красные водоросли, как по мановению волшебной палочки заполонившие бухту, мгновенно выгнали всех, катающихся на лодках, из воды. На берегу выстроилась цепочка

морпехов, предупреждающая отдыхающих об опасности. Люди, не обращая на них особого внимания, то и дело собирались на пляже, рассматривая опасную диковинку. Некоторые тыкали в красные волоски палочками, пара особо смелых и особо глупых попробовали потрогать их на ощупь...

Экспериментаторов быстро привели в чувство, а появившийся из ниоткуда шеф Гатлинг выдал распоряжение никого не пускать к срезу воды. Затем снова исчез.

Фил, примостившийся около вытащенной на берег лодки, незаметно для себя крепко заснул. Вокруг шастали люди, неподалеку переливалась и убаюкивающе шелестела красноватая от водорослей вода...

Проснулся десантник от того, что заработал громкоговоритель, сообщивший, что до заката остается всего три часа, а сразу после него вероятно резкое понижение температуры.

Проморгавшись и облизнув пересохшие губы, он, еще ничего толком не видя спросонья, потянулся к фляжке, открутил тугую пробку и запрокинул голову, чтобы глотнуть освежающей водички.

Закашлялся, отставил фляжку и принялся протирать глаза. Снова взглянул в небо.

— Чтоб меня черти сожрали...

Неба над планетой больше не было видно. Гигант, в тень которого потихоньку забирался их новый дом, занимал собой две трети небосклона, деля его своей тенью на день и ночь. На светлой стороне все еще светило обычное ясное солнышко, дальше виднелась своеобразная сияющая корона — подсвеченные контровым освещением пыль и астероиды, скопившиеся возле потухшей звезды, а дальше начиналась непроглядная чернота.

— Что, брат, первый раз увидел? — смутно знакомый чернокожий морпех, сидевший на травке неподалеку, весело улыбнулся. — Все самое интересное проспал. Когда эта штука только на небо вползать начала, здесь у некоторых чуть крыша не поехала.

— Могу себе представить, — хрипло произнес Фил и огляделся в поисках фляжки.

— Главное, — быстро ведь идет, зараза. Солнце догоняет только в путь. Мне вот вообще кажется, что закат у нас сегодня не через три часа будет, а через часик-полтора, когда догонит окончательно.

— А что там про похолодание говорили?

— Ты вчера на берегу не был?

— Да, но ничего такого не слышал.

— Значит, вовремя на корабль убрался. В общем, вчера сразу после заката знатная холодрыга накатила. Народ ломанулся на корабль, отогревать шары. Ну, в принципе, ничего такого, но один из головастиков это заметил, чего-то там насчитал и у него получилось, что сегодня может образоваться очень даже неплохой минус. Пока что это неофициальная информация и подтверждения ей нет, но по кораблю объявили предупреждение, чтобы, если что, все были в курсе.

Скотт глянул на небо. Черная тень, казалось, приблизилась к солнцу еще ближе. А корона так и вовсе практически дотянулась до него.

— Ладно, брат, пойду я на корабль. И тебе советую. Черт его знает, что здесь на самом деле произойдет после заката.

Морпех ушел, а неподалеку послышались радостные женские визги — как понял Фил, кому-то посчастливилось поймать в лесу местную ящерицу и теперь счастливчик вовсю пользовался женским вниманием.

Ящерицы после недавнего трагического эксперимента были признаны условно

безопасными, названы с чьей-то легкой руки игуанами космическими и нашедшему одну из них рекомендовалось просто поймать ее и принести в госпиталь или к аналитикам. Увы, до сей поры пресмыкающиеся никому не встречались.

— А что будет, если ее засунуть в воду к водорослям?

— Не смейте, посмотрите, какая она милая!

Мимо валяющегося у лодки десантника прошла небольшая толпа, бурно обсуждающая пойманную рептилию. Само животное Филу разглядеть не удалось. Ну и не больно-то и хотелось.

Он снова принялся изучать небо. Солнце, уже зашедшее за корону потухшей звезды, светило заметно слабее и уже не заставляло щуриться при взгляде на себя. Оставалось совсем немного времени до того, как тень поглотит его окончательно.

Скотт поежился и осмотрелся вокруг. Народ все также болтался по берегу, но то один, то другой отдыхающий нет-нет, да и посматривали наверх. И потихоньку собирались в надежное брюхо авианосца.

Медленно и неотвратно крошечный сияющий диск прикоснулся к исполинскому черному, помедлил мгновение, а затем начал уходить в тень.

Разговоры на берегу стихли. Кто-то снимал затмение на фотоаппараты, телефоны и компьютеры, кто-то просто глазел в небо.

Солнце спряталось. Народ напрягся, помня предостережение про похолодание.

Фил тоже на всякий случай поднялся на ноги и прикинул, как, в случае чего, будет ловчее смыться на корабль. До конца смены оставалось еще больше часа, но, как говорится, непредвиденные обстоятельства и все такое.

На лагерь внезапно опустилась тишина — люди настороженно ждали чего-то, отложив все дела, природа безмолвствовала.

Морпех поежился — легкое дуновение ветерка принесло прохладу. Пришлось надеть и застегнуть лежащую рядом куртку.

С борта авианосца поднялся и стремительно улетел куда-то вдаль беспилотник.

— Смотрите, лед! — послышался чей-то удивленный и немного испуганный голос.

Фил огляделся, пытаясь рассмотреть окрестности во внезапно быстро наступившей темноте. Зажегшееся неподалеку на территории базы освещение погоды хоть и не сделало, но все же помогло. Льда он не увидел, зато иней, обильно проступивший на пластике лодочного баллона, бросился в глаза сразу же.

— Чертовщина...

Качнув вершины чешуйчатых пальм, в бухту залетел легкий ветерок. Окатил морпеха потоком холода и улетел дальше. Со стороны базы послышались возмущенные женские крики. Скотт помимо воли улыбнулся. Женщины — везде женщины...

Рядом с его физиономией пролетела одинокая снежинка. Словно разведчик, идущий впереди армии — когда Фил взглянул на небо, оттуда уже плавно и неспешно падало белое кружащееся покрывало.

Ожил громкоговоритель, настоятельно рекомендуя всем отдыхающим проследовать на корабль. Как дважды подчеркнул металлический голос, непосредственной опасности не предвидится, но температура в ближайшее время станет совсем неприятной.

Выловив основную информацию, а именно, что угрозы для жизни пока что нет, Фил неспешно направился к понтонному мосту, рассматривая быстро окутывающуюся снегом местность. Впрочем, усиливающийся холод быстро заставил его ускориться.

Мимо пробежали отчаянно ругающиеся и не в пример более легко одетые люди, решившие, похоже, испытать изменение погоды на своем опыте. Вприпрыжку промчался огромный негр, сжимающий в руке кусок жареного мяса. Фил постарался не заржать в голос.

Перед достаточно узким мостом образовалась небольшая толкучка. Люди стремились пробраться к теплу и не стеснялись высказывать все, что думают, о конкурентах. Морпех, чуть подумав, остался чуть позади — в конце концов, у него есть куртка, лишние пять минут ничего не решат.

Из скопившейся толпы послышался дикий, тут же оборвавшийся вопль, а следом за ним — многоголосая ругань. Людская масса забурлила, кто-то пытался выбраться наружу, края, наоборот, давили в центр, стремясь попасть на мост. Раздался испуганный женский визг.

— Да что там происходит? — удивленно пробормотал он, вглядываясь в происходящее.

Криков вдруг стало больше, а затем масса народа бросилась врассыпную. Какой-то человек чуть не сбил его с ног, пытаясь отбежать подальше, кто-то спрыгнул на темный лед бухты...

— Не прыгайте на лед! — раздался чей-то крик.

Поздно. Только что схватившийся тонюсенькой корочкой лед, само собой, не выдержал бы и ребенка. Послышались крики проваливающихся в воду.

— Бежим!

— В сторону!

— Вытащите их!

Фил стоял, как дурак и ничего не понимал в происходящем.

Со стороны корабля на берег уставились прожекторы. Взвилась пара осветительных ракет. И он, наконец, увидел всю картину.

Испуганные люди вокруг. Черная пустая полынья, уже начинающая затягиваться новым ледком. Чья-та пилотка, бесхозно валяющаяся на самом краю проломившегося льда. И три тела, сломанными куклами лежащие на понтоне.

Фил невольно сделал шаг назад. На одном из тел гордо восседала пойманная недавно игуана космическая. А из под ее лапок вокруг медленно растекался белый налет. Сначала он закрыл тело под самой ящерицей, затем перебрался на остальные два, дошел до метала моста и остановился. Ящерица, до этого сидевшая неподвижно, встрепенулась и уставилась в сторону толпы.

Люди, которые до этого, словно загипнотизированные, наблюдали за рептилией, дружно отшатнулись.

Ящерица соскользнула на мост, неожиданно шустро пробежала пару ярдов, затем остановилась, подняв голову и рассматривая людей.

Толпа бросилась в рассыпную. Несколько человек выхватили оружие. Фил, вспомнив, что у него тоже при себе пистолет, вытащил его и прицелился.

Ящерица забавно наклонила голову набок и сделала осторожный шаг вперед. У кого-то не выдержали нервы и хлопнул первый выстрел, повлекший за собой целую канонаду. Лично Фил выпустил все восемнадцать пуль из обоймы и теперь плохо слушающейся от холода рукой нащупывал запасную.

Выстрелы стихли. Все напряженно смотрели на не имеющую никаких внешних повреждений тушку ящерицы, отброшенную пулями обратно на мост.

Рептилия оправдала все самые нехорошие ожидания — приподнялась на лапках, встряхнулась, словно собака, а затем разгневанно зашипела на стрелявших.

Неизвестно, что бы произошло дальше, но тут в морозном воздухе послышался громкий треск, сменившийся звонким стаккато. По понтону побежала плотная цепочка миниатюрных пробоин, завернула к ящерице...

Рептилию швырнуло вниз, крутануло и поволокло, немилосердно крутя, в сторону берега. Пару мгновений тушка сохраняла свои очертания, а затем все же разлетелась неаппетитными ошметками.

— Опасность устранена, всем предписывается проследовать на борт корабля, — ожил ближайший громкоговоритель.

Тони Хоук, оператор CNN. 3398.

Тони, не стесняясь ругаться в прямом эфире, как мог быстро лез на дерево. Именно туда угодил сброшенный беспилотником тюк с зимней одеждой и набором для выживания в условиях зимы.

Пальма скользила под непослушными руками и, казалось, старалась отобрать у оператора последние крохи тепла. Но тюк был уже совсем рядом...

Листья дерева, вероятно, реагируя на усиливающийся холод, начали аккуратно сворачиваться и подгибаться ближе к стволу в тот момент, когда оператору до цели осталось совсем чуть-чуть. Тюк, потеряв опору, не удержался, пролетел мимо древолаза и шлепнулся на землю под деревом.

Тони, несколько секунд ошалело смотрел ему вслед, затем снова выругался и полез обратно.

В зимней одежде и обуви, толстой, теплой и с дополнительным подогревом, жить стало заметно легче. Пожалуй, даже палатка для ночевки не нужна.

В лежащем рядом шлеме пиликнул сигнал вызова. Пришлось оставить на время мысли о ночлеге и выйти на связь.

Капитан Роджерс церемониться не стал и вывалил на него всю информацию с самого начала.

— Слушайте меня очень внимательно, мистер Хоук. Вы сейчас находитесь почти в пятидесяти милях от корабля. И вам нужно будет пройти эти пятьдесят миль максимум за двое суток.

— Но...

— Не перебивайте. Я в курсе, что вы после отравления, в курсе, что по маршруту очень сложная для передвижения местность. Но это все не играет роли, если вы хотите выжить. Сегодня ночью, согласно расчетам нашего аналитика, температура будет держаться в районе десяти-пятнадцати градусов по Фаренгейту. Завтра днем снова будет тепло. Но ночью завтра будет уже мороз около пятнадцати градусов. И это будет последняя ночь, которую вы сможете пережить. Мистер Хоук. У вас есть две ночи и два дня на то, чтобы пройти эти несчастные пятьдесят миль. Потом вы умрете и мы не сможем вам помочь.

Тони тихо шмыгнул озябшим носом, осознавая реальность.

— У вас в карманах куртки четыре дозы армейских стимуляторов. Принимать можно раз в двенадцать часов. Бросайте все, что у вас было до этого — палатку, еду, остальное. Оставьте только воду. Принимайте стимулятор и бегом вперед.

Капитан чуть помолчал и добавил чуть теплее:

— Давай, сынок, у тебя получится.

После чего отключился.

Тони потребовалась пара минут, чтобы до конца осмыслить ситуацию. Затем еще минута, чтобы найти упаковку прозрачных тюбиков с красноватой жидкостью.

— Вот так люди и становятся солдатами, — неизвестно к чему пробормотал он и опрокинул в рот один тюбик.

— О-ля-ля...

Препарат впитался в кровь практически мгновенно. Черный лес вокруг оператора сделался заметно светлее. Кружащиеся снежинки на мгновение словно полыхнули недобрым багряным огнем. По жилам пробежал кипяток, а затем вырвался наружу с обжигающим горло выдохом. Кулаки невольно сжались от желания действовать.

Оператор мотнул головой, стараясь собрать в кучу разбегающиеся мысли. Включил фонарик на шлеме. С сожалением осмотрелся — палатку бросать было жаль, равно как и еду... Впрочем, от мысли о пище его замутило и чуть не вырвало. Понятно, организм пищу пока что явно не хочет.

Тони подпрыгнул на месте, а затем сорвался на бег по ночному лесу. Шлем исправно рисовал на забрале две надписи, информирующие его о том, что осталось пройти еще сорок девять миль, а времени на это осталось всего сорок два часа.

К сожалению, капитан, привыкший к измерению расстояний в чистом небе, не учел, что за счет постоянных подъемов и спусков путь несчастного оператора чуть ли не удваивается. А сам Тони, в голове которого сейчас гулял легкий наркотический экстаз, об этом не думал в принципе, грациозным оленем несясь сквозь ночной лес и наслаждаясь неожиданной мощью своего тела.

Откат пришел далеко за полночь. Сильные и неустойчивые ноги, несколько часов несшие его по склонам сопки, стали наливаясь свинцом и заплетаться. Голова начала слегка кружиться.

В конце концов, Тони банально повело в сторону и он со всей дури приложился головой о ствол очередной пальмы. Шлем выдержал, хоть и укоризненно пискнул, регистрируя попадание.

Тут же прошел вызов от дежурного оператора с корабля.

— Мистер Хоук? У вас все в порядке?

— Я... Да... Похоже, чертов стимулятор прекра... прекращает действовать. Голова кружится.

— Это нормальное явление. Вам сейчас желательно выпить воды, затем заснуть минимум на четыре часа. Поставьте будильник. Когда проснетесь, первые два часа новую порцию стимулятора принимать крайне нежелательно. Затем компоненты предыдущей дозы окончательно разложатся в крови и тогда сможете снова ускориться.

Тони старательно напился, затем, после нескольких попыток, заставил шлем включить будильник, врубил подогрев в одежде и почти мгновенно заснул прямо на заснеженной земле.

Цифры на забрале показывали, что пройти осталось еще тридцать четыре с половиной мили. Если считать по прямой.

Механик Джон Картер. 3398.

Джон проснулся среди ночи от внезапной вспышки боли в груди. Сел, массируя грудную клетку, за которой загрохотало сердце. Поморщился. Называется, накатила

старость — никогда никаких проблем с сердечком не было, а вот на тебе.

Рядом загорелись знакомые кошачьи глаза.

— Привет, Черный... Бывает такое у людей. Фигово мне что-то.

Необычно слабой рукой он дотянулся до выключателя и каюту залил свет.

В грудной клетке снова стрельнуло.

— Да чтоб тебя, — поморщился Картер. Кот заинтересованно повертел головой и подобрался поближе. Боль внезапно почувствовалась заметно ошутимее.

— Не понял, это что, твои проделки? — с удивлением и возмущением спросил человек.

Кот виновато зашипел и чуть отодвинулся, продолжая смотреть на Джона изучающим взглядом.

— Так, слез с кровати, быстро! — Джон слабой рукой указал коту на пол. Тот оскалился, зашипел хищно и протяжно, но с кровати все же спрыгнул. Картер почувствовал, как на спине выступили крупные капли холодного пота. Но слабость и боль немножко отступили. А мозг механика заработал очень быстро и четко.

— Ну-ка, пойдём, котяра, — стараясь говорить дружелюбно и не делать резких движений, Джон слез с кровати и аккуратно подошел к двери. Кот потянулся следом. На мгновение Картеру показалось, что его тело слегка размазалось и потекло туманом, но наваждение тут же пропало.

Черный, подойдя к человеку, замурчал и потерся шеей о ногу. Джон почувствовал, что нога начинает отниматься и как можно быстрее открыл дверь.

— Кс-кс! Тебе туда, — убежденно проговорил он, показывая взглядом коту на уходящий вдаль коридор и стараясь удержаться на одной ноге. — Давай-давай, там вкусные негры... Черные такие, совсем как ты...

Кот с сомнением посмотрел на него, словно раздумывая, стоит ли менять общество хорошо знакомого доброго человека на каких-то негров. Но тут в глубине коридора кто-то куда-то прошел, спеша по своим делам и решение было принято. Черный кот, текучим движением перемахнув через порог, растворился в легких тенях, то здесь, то там лежащих в коридоре.

Джон с облегчением захлопнул дверь и защелкнул замок. Затем привалился спиной к двери и с минуту смотрел на трясущиеся руки.

— Мать твою.

Слабость потихоньку отступала, а сердце снова начало работать спокойно и размеренно

— Мать твою за ногу.

Джон пытался осознать достаточно простую мысль — что он только что прошел по самой грани, а выжил, по большому счету, только потому, что успел немного подружиться с инопланетной тварью. Впрочем, если бы не подружился, то и опасности, скорее всего, сегодня никакой бы не было...

Коммандер Рональд Терон. 3395.

Проснулся коммандер в этот раз сразу с плохим настроением. Вчерашние события не сумел сгладить ни сон, ни вечерний секс с Холли. На душе у Терона было гадко.

Проклятый аналитик, похоже, опять оказался прав. Температура на планете ведет себя непредсказуемо... Точнее, непредсказуемо для компьютера, как оказалось, а не для Джонса. Но от этого не легче. Если раньше, говоря условно, команде пришлось бы перенести всего лишь полярную зимовку, пусть и достаточно долгую, то теперь... Коммандер знал, что при

минус семьдесят или даже при минус девяноста градусах по Фаренгейту человек, закутавшись в спецобмундирование, может разгуливать на улице и даже нести службу. Да и корабль это спокойно переживет.

Что происходит с человеком при минус двухстах, командер не знал. И боялся даже думать о том, что будет с кораблем при таких температурах.

Аккуратно выбравшись из кровати, сумев не потревожить при этом Холли, он запахнулся в халат, вышел в соседнюю комнату и прикрыл за собой дверь. Посмотрел в сторону ванной, скривился и пошел готовить кофе. Мысли вертелись возле происшествия на берегу.

Вчера вечером, собравшись на мостике офицерским составом, они с полчаса пересматривали произошедшие события, снятые с разных камер. Картинки происшествия были неакцентированные, плохого качества, темные. Но ситуация в целом вырисовывалась достаточно четко.

Миролюбивая спокойная ящерица, пойманная одним из техников, с полчаса пользовалась повышенным вниманием публики, охотно позировала, позволяла себя гладить, держать на руках и вообще, вела себя, как заправский домашний питомец.

А после того, как скрылось солнце и температура начала стремительно падать, проявила себя, как заправский убийца. Три человека, которые, похоже, прикасались к ней в момент нападения, оказались в прямом смысле слова заморожены. Впрочем, судя по рассказам очевидцев, сначала ящерица их каким-то образом обездвижила, а уже потом проморозила насквозь. Как это могло произойти, Терон не понимал, но решил не заморачиваться, оставив проблему аналитикам.

Последовавшую за этим панику командер вспоминал с брезгливой гримасой. Военные, вроде бы, люди, а бросились от одной несчастной ящерицы, как от ожившего тираннозавра. Нескольким хватило ума даже спрыгнуть на только что схватившийся лед на радость красным водорослям. Хорошо еще, что нашлись среди них и более смелые, открывшие огонь на поражение. Ящерице это, правда, не особо повредило, но дало время для того, чтобы одна из зениток развернулась и угостила рептилию очередью.

Просмотр этого момента вызвал бурное обсуждение на мостике. На видео было видно, как подбрасываемая снарядами малокалиберного рельсотрона тушка кувыркается по мосту... И при этом не имеет ни одного повреждения в шкуре. А затем, спустя какие-то мгновения, все меняется — стальные шарики прошивают рептилию насквозь, разрывают на части... Все, враг уничтожен, стрельба закончена.

Аналитик, припомнив опыты, проделываемые над другой ящерицей, распинался на тему того, что, мол, внутренние энергетические каналы местной живности, служащие ей чуть ли не абсолютным щитом, нужно просто перегрузить избыточной энергией, а потом уже пойдет результат. Терона же больше волновало другое. А именно — что именно здесь начинает твориться, когда заходит солнце?

— Причем ведь раньше ничего такого не было, — пробурчал он, дую на кофе и включая экран телевизора.

Всем, впрочем, было понятно, что перемены связаны с наступающей зимой. Никто не знал другого — какие еще пакости подбросит им планета, когда солнце окончательно скроется из вида.

Командер сел на стул и, прихлебывая кофе, включил на телевизоре звук. Увы, но аудиопоток был идентичен по смысловому содержанию визуальному ряду — оператор,

устрашенный перспективой замерзнуть насмерть, объелся стимуляторов и теперь бодро неся сквозь лес, спеша успеть к кораблю. Терон покачал головой и выключил картинку.

Предстояло подумать, как пережить полтора месяца диких холодов. Теоретически, реактор сумеет обогреть корабль. Практически же для этого, похоже, придется знатно потрудиться. Изолировать и законсервировать все отсеки, которые однозначно не будут использоваться при такой температуре. Сконцентрировать людей в местах, которые наиболее удобны для обогрева. Обеспечить их водой, едой, туалетами... Да и развлечениями какими-нибудь, а то за полтора месяца безделья кто угодно волком взвоет.

На стене вспыхнул огонек вызова. Терон дал добро на видеосвязь и отхлебнул кофе.

На экране возник Найджел, как обычно, серьезный и чем-то озабоченный.

— Коммандер, доброе утро.

— Доброе, шеф. Что-то случилось?

— Три трупа случились, — мрачно сообщил Гатлинг. — Судя по всему, опять проделки того кота.

— Подожди, я же помню, ты говорил, что, вроде как, какой-то механик его приручил и даже с Купером познакомил? Говорил, что он стал мирным, только боится чужих и никому не показывается, кроме этого механика?

— Похоже, не стал он мирным. Я уже поговорил с тем механиком — эта тварь, судя по его словам, чуть не прикончила его во сне. И спасся он только потому, что сумел выманить ее за дверь.

Терон снова отпил кофе.

— Ну, хоть не зря приручал, получается. Что-то еще произошло?

— Больше нет. Но экипаж после вчерашнего начал немного волноваться. До этого они как-то сидели внутри корабля, смотрели веселые картинки по телевизору и ничего не видели особо, а теперь столкнулись со всей этой инопланетной хренью лицом к лицу. По кораблю уже какие-то слухи идиотские ходят про динозавров и ледниковый период.

— Только этого нам не хватало, — проговорил Рональд со злостью. — А казалось — такая хорошая идея с этими выходными.

— Сегодня все отменить?

Коммандер чуть задумался.

— Нет. Природа планеты в обычных условиях по-прежнему дружелюбна. Но экстренный сбор на корабль пусть объявят за час до того, как солнце скроется. Там же опять тепло, я смотрю?

— Да, солнышко светит, температура плюс двадцать, даже водоросли из бухты куда-то делись.

— Ну, тогда пусть будет очередной выходной. Скоро возможность пропадет.

Стоило Найджелу отключиться, как на линии объявился Брэдли. Старшему инженеру взбрело в голову порадовать командера своими опасениями насчет того, как пострадавший в бою металл может отреагировать на перепады температуры во время прохода над планетой горячего солнца.

— Сэр, я не могу ручаться на сто процентов, но у меня есть веские, очень веские основания полагать, что после заморозки до минус двухсот, потом нагрева до плюс шестисот и последующей новой заморозки металл просто не выдержит.

— Брэдли, но ведь, когда закаляют сталь, там и большие перепады случаются. И ничего.

— Знаю, сэр... Но после попадания той, я извиняюсь, хренью, металл ведет себя не

совсем так, как положено. У него просто другие свойства, как будто произошли сдвиги в решетке или еще что-то такого рода. И я понятия не имею, как он будет себя вести. Гарантию, что все будет плохо, дать не могу, но поберечься бы не помешало.

— И что предлагаешь?

— Мы же планируем законсервировать отдельные неиспользуемые зоны? Было бы неплохо, если бы пораженная часть корабля попала в этот список.

— Бог мой, Брэдли, да это же чуть ли не четверть от корабля. Мы просто не сможем тогда нормально наладить жизнь, если разделим корабль пополам.

Рональд почувствовал, что начинает злиться. Не на инженера, а на ситуацию, подбрасывающую ему все новые подлости.

— Сэр, я понимаю. Просто предупредил об опасности. Решать все равно вам.

Ну вот, похоже, обиделся, подумал Терон, глотая остывший кофе и смотря в погасший экран. Ничего, переживет...

Из спальни выползла хмурая Холли, пробурчала приветствие и скрылась в ванной. Еще и эта чем-то недовольна, похоже.

Коммандер внезапно ощутил, что до невозможности устал стоять у руля всей этой машины, наполненной людьми. Перед глазами, как наяву, возник образ Шефа.

— Как же ты не вовремя от нас ушел, — тихо пробормотал он.

Рэй Гивен, пилот. 3395.

Рэй, прислонившись к переборке, с мрачным выражением лица наблюдал за тем, как кучка техников консервирует его самолет. Самому пилоту никакой работы, как обычно, не досталось, так что оставалось смотреть на то, как палубу приводят в закрытое состояние.

Пилоту не нравилось то, что происходило у него на глазах, но это было, скорее, неосознанное неприятие грядущих перемен, а не рациональный протест.

Зима близко, холода, если верить командирам, ожидаются дикие — понятно, что никто и носа не покажет за пределы корабля, пока они не пройдут. И полетов точно не будет.

Но смотреть на то, как самолет приводят в нерабочее, но зато очень жизнеспособное состояние, все равно было неприятно. Равно как и то, что его переселяли из привычной каюты куда-то ближе к корме. Опять же, умом Рэй понимал, что уменьшившийся вдвое экипаж корабля лучше собрать в компактную группу, которую проще обогревать, кормить и защищать, но на практике это было неудобно.

Вдобавок, пилоту не очень хотелось жить поблизости от техперсонала, матросов и прочего не особо квалифицированного народа. Интеллектуальный шовинизм, мать его.

В очередной раз тяжело вздохнув, он отлип от переборки и отправился наверх.

На верхней палубе царило запустение. Все, кому полагались увольнительные, болтались на берегу, наслаждаясь природой и с опаской посматривая на закрывающую полнеба черную тень. Остальные, как муравьи, копошились во внутренностях корабля, тестируя системы обогрева, консервируя целые секции, располагающиеся в потенциально уязвимых для холода местах, либо просто переезжая на новые места.

Рэй еще раз позавидовал старшему офицерскому составу, который компактно располагался в отдельном отсеке и никуда перебираться не собирался.

Гулять по палубе тоже было скучно. Корабль, если посмотреть со стороны, стремительно умирал. Уходили в палубу антенны, обесточивались зенитки, закрывались чехлами стволы орудий. Сторонний наблюдатель мог бы прийти к выводу, что "Барака

Обаму" окончательно списало правительство США и он готовится к долгому и беспросветному стоянию в каком-то отстойнике.

Пилот хмыкнул. А, ведь, по большому счету, так и есть. Правительство их точно уже списало, стоят они в отстойнике и стоять будут долго... Рэй даже развеселился на минуту. Впрочем, радость быстро прошла, снова сменившись меланхолией.

В конце концов, он все же собрал волю в кулак и отправился переезжать на новое место жительства.

Розмари Викерс, помощница интенданта. 3395.

Розмари, выбравшись в коридор, с интересом наблюдала за своим новым соседом. Сама она переехала еще утром, а вот симпатичный пилот с хмурым лицом, похоже, тянул до последнего. Сейчас он, стараясь не пыхтеть на виду у девушки, тащил по коридору огромную сумку с вещами.

Роз вспомнила, насколько малы каюты десантников, в которые их переместили, и со скептицизмом хмыкнула. У парня, после того, как он засунет внутрь свой баул, места не останется больше ни для чего.

Пилот, затащив в каюту сумку, вышел обратно, закрыл дверь и облегченно вздохнул, мимоходом улыбнувшись соседке.

— Может, по стаканчику, за переезд? — предложил он сходу.

— Не рановато ли для стаканчиков? Солнце еще высоко, — улыбнулась она в ответ.

— А что еще делать, — неожиданно грустно произнес пилот. — Работы нет, дел нет...

Только и остается, что со стаканчиками возиться.

Мисс Викерс, как-то незаметно в последнее время совершенно выкинутая из корабельной жизни, почувствовала родственную душу. Ей тоже осточертело бездельничать и чувствовать себя совершенно ненужной.

— Пожалуй, вы правы. По маленькому стаканчику все же можно. У вас или у меня?

— Наверное, лучше не у меня, — покосился пилот в сторону своей каюты. — Бардак и места нет. Зато у меня припасен неплохой скотч!

Он скрылся за дверью, чем-то пошуршал пару минут, а затем появился обратно, держа в руке пузатую бутылку с янтарной жидкостью.

— Кстати, я — Рэй, — непринужденно представился он, помахивая бутылкой.

— Очень приятно. А я — Роз. Заходи. Стаканы есть?

— А, сейчас, — Рэй хлопнул ладонью по лбу и снова отправился в каюту.

К удивлению мисс Викерс, легкие посиделки, превратившиеся в такую же легкую пьянку, ни к какому интересному продолжению не привели. Пилоту, похоже, было совершенно плевать на ее женские достоинства — немного набравшись, он сначала принялся изливать ей душу по поводу погибших сослуживцев, а затем окончательно впал в черную меланхолию и просто умолк.

Не то, чтобы Розмари так уж прям хотелось замутить интрижку прямо сейчас, но от подобного пренебрежения ей все же стало несколько обидно.

Попытка заглушить обиду скотчем привела к тому, что в каюте оказалось уже двое людей, одержимых пьяной депрессией. Бутылку эти двое допивали молча, с мрачными лицами и осознанием тотальной несправедливости мироздания.

Младший лейтенант Джозеф Виск. 3395.

Младшему лейтенанту приснился кошмар. Во сне он, будучи почему-то ценным научным сотрудником, а не флотским офицером, отправился на далекую космическую базу для исследования непонятной аномалии. Аномалия на поверку оказалась огромным сухопутным головоногим моллюском белого цвета, развлекающимся охотой на персонал станции, а в свободное от этого занятия время гуляющим по коридорам в образе маленькой милой девочки в белом платьице. Разумеется, Джозеф повстречал эту девочку в полутемном переходе с неверным мигающим светом от разбитых осветительных панелей. Разумеется, милое маленькое создание с огромными и совершенно черными глазами, пожелавшее, чтобы добрый дядя погулял с ним по окрестностям, напугало его чуть ли не до сердечного приступа.

К счастью, проснуться удалось достаточно быстро.

Пару минут после этого Викс, как испуганный мальчик, лежал в койке, боясь пошевелиться и включить свет. Сон был столь ярок и свеж, что перебороть себя и подняться ему удалось далеко не сразу. Но под напором загоревшихся ламп страхи все же потихоньку растаяли.

Он бросил взгляд на часы. Два пятнадцать ночи.

Спать лейтенанту почему-то больше не хотелось, так что, позевав немного и заварив чай, он принялся придумывать себе занятие. Первым делом был включен телевизор. Там, что неудивительно, транслировалась картинка ночного промерзшего леса, сквозь который пробиралась местная телезвезда — сиэнэновский оператор. Судя по частому дыханию и бодрому щелканью зубов, оператор был уставшим и замерзшим.

Викс, заинтересовавшись, вызвал на планшете общую корабельную сводку и присвистнул — если верить полученным данным, то парень сейчас шпарил по пятиградусному морозу.

— Правду говорят — жить захочешь, еще и не так раскорячишься.

Впрочем, топающий по местному лесу оператор ему быстро наскучил — чего интересного в том, чтобы минута за минутой смотреть на проплывающие мимо деревья, слушать шмыганье носом и редкие ругательства.

Он переключил канал. Здесь уже было интереснее — крутился какой-то клип с кучей полуголых девиц и разодетым в золотые цепи чернокожим певцом, наслаждающимся жизнью в их обществе.

Хмыкнув, Джозеф оставил канал, чуть приглушив звук, взял кружку чая и уютно устроился в кресле. Затем вспомнил, что забыл положить в напиток сахар — пришлось снова подниматься, тащиться к кухонному столику, а затем возвращаться в кресло. Не до конца выспавшийся организм воспринимал все эти телодвижения совершенно без энтузиазма. Но чай по пути он все же не пролил, чем даже позволил себе погордиться пару секунд.

Напиток слегка прогнал сон и прочистил мозги.

Викс, время от времени косясь на певца в телевизоре, подключил планшет к мультимедийному столу и, выведя голограмму, снова принялся изучать сводку корабельных новостей, доступную для младшего командного состава.

Новости особо не радовали. Судя по компьютерной модели, завтра утром ласковое солнышко выглянет еще часа на три, а послезавтра подарит всего полчаса дневного света, после чего наступит окончательная ночь.

Впрочем, к модели имелось дополнение, в котором говорилось, что ближайшие полтора месяца ночь будет не абсолютной — обилие звезд подразумевало, что в ясную погоду

местность видна будет не так уж и плохо.

— Кто только ходить там будет, интересно.

Откровения Брэдли и новый план заполнения корабля были ему не особо интересны — его всеобщее переселение не коснулось, поскольку он и так обитал в непосредственной близости от десантных отсеков.

Неприметной строчкой сообщалось, что обитающий на корабле черный кот, вроде бы остепенившийся, снова оставил за собой три трупа. Рекомендовалось по возможности избегать зверя, а при прямом контакте звать на помощь и открывать огонь. В случае, если оружие, конечно, имеется при себе.

Викс свернул информацию и откинулся в кресле. Было скучно. Сон пропал совершенно.

Некоторое время посидев на месте и допив чай, он решил было прогуляться по кораблю. Но тут же отбросил эту идею — мало того, что где-то там гулял кот-убийца, так еще и идти было совершенно некуда. Не на верхнюю палубу же, на мороз.

— Да мы здесь повесимся со скуки за полтора месяца. Или поубиваем друг друга, — мрачно пробурчал он себе под нос.

За дверью каюты послышался шорох. Лейтенант насторожился, обратившись в слух. Прошло несколько минут, но вокруг него царил тишина.

— Померещилось, похоже...

Шорох раздался снова, сменившись легким металлическим царапаньем. Викс замер, боясь шелохнуться и покосился на тумбочку, где лежала верная беретта.

Снова наступила тишина. Но эта тишина теперь казалась человеку обманчивой и пугающей. Свет, заливающий каюту, внезапно показался слишком тусклым, таящим в себе слишком много теней.

Снова потекли минуты. Сторонний наблюдатель очень удивился бы, рассматривая напряженного человека, сидящего в неудобной позе в кресле и боящегося пошевелиться. Но Виксу было плевать на сторонних наблюдателей — он, до этого не обращавший внимания на новости и слухи о корабельном госте, сейчас чувствовал себя дичью, крупной жирной мышью...

За дверью послышалось тихое вопросительное мяуканье, а затем по металлу будто провели пучком гвоздей. И все снова стихло. Джозеф забыл, как нужно дышать. Все мысли о толщине и надежности стальной двери вымывались из головы потоком какого-то иррационального страха.

Шли минуты, прошло полчаса тишины. Наконец, человек, аккуратно разминая затекшие конечности, вылез из кресла, пробрался в кровать и спрятался под одеяло.

Элизабет Кокс, доктор медицины. 3392.

Ночной холод быстро и уверенно исчезал под лучами поднимающегося из-за горизонта солнца. Казалось бы, час назад еще стоял трескучий мороз, а уже двадцать градусов... какое там, уже плюс тридцать... плюс сорок...

Вышедшая на палубу в теплой куртке Лиззи была вынуждена разоблачиться — обычные плюс семьдесят по Фаренгейту образовались сами собой за каких-то полчаса.

Лед вокруг корабля таял на глазах. Далеко внизу жаждущие урвать последний кусочек пляжного отдыха экстремалы уже начали перебираться на берег. Доктор покачала головой — некоторых ничему жизнь не учит. Но, может, в этот раз никто из них не станет ловить

ящериц.

Следом за солнцем небо над горизонтом закрыл уже знакомый силуэт.

— Часа через три наша планета повернется так, что точка, в которой мы находимся, уйдет в тень и настанет окончательная ночь. Интересное зрелище.

Элизабет повернулась к подошедшему аналитику и улыбнулась.

— Доброе утро! Знаю, просмотрела ваш отчет по этой странной системе. Что вы здесь делаете?

Джонс немного смутился.

— Ну, вообще-то, увидел вас и решил составить компанию. Если вы не против, — добавил он вопросительно.

— А вы в этот раз убежите от меня так же неожиданно?

— Кхм. Надеюсь, нет, — аналитик обезоруживающе улыбнулся. — Сейчас у меня не предвидится вообще никаких дел. И в ближайшие полтора месяца, думаю, мне тоже будет нечем заняться.

— Бросьте, Том. Кому, как не вам, думать о том, что нам всем делать в дальнейшем...

На Лиззи внезапно нахлынула грусть, а Джонс стал очень серьезным.

— Элизабет, что-то мне подсказывает, что эти шесть недель и вам, и мне очень желательно будет провести, закрывшись от общества. Вы, может быть, не замечаете, но с приближением зимы люди начинают менять свое отношение к происходящему. Вы чаще грустите. Командер и большинство офицеров начинают впадать в меланхолию и злятся теперь заметно больше, чем раньше. Среди оставшихся десантников было несколько драк на пляже.

— И что?

Аналитик чуть помолчал, задумчиво рассматривая берег.

— Знаете, мисс Кокс...

— Можно просто Лиззи, — улыбнулась она. — Меня почти все так зовут.

— Знаете, Лиззи... Меня ведь учили вылавливать самые тонкие колебания на воде, которые сулят в будущем крупные волны. Собственно, мой температурный прогноз — это мой провал как аналитика. Я должен был отслеживать ситуацию вокруг корабля, а я просто расслабился. И это, кстати, тоже ненормально.

Джонс замолчал, не замечая любопытного взгляда докторши.

— Но эта температурная аномалия, — наконец, продолжил он, — позволила мне встряхнуться и снова начать работать.

— И каков итог? — не выдержала Лиззи очередной паузы.

— Итог... Итог такой, что все наше поведение после Инцидента является ненормальным. Ни одного психоза. Ни одного самоубийства. Нет истерик, попыток нападения на офицеров. Нет банального желания разобраться в ситуации. Да даже на погибших друзей всем, по большому счету, плевать.

Он снова примолк, рассматривая черную тень над горизонтом.

— Так вот, сейчас, складывается у меня впечатление, пружина начнет разгибаться в обратную сторону. И толчок этому дает наступающая зима. Я голову себе сломал, читая сводки обо всех самых маленьких инцидентах на борту корабля и накладывая на получившуюся картину свои ощущения о настроениях команды. И в итоге мне кажется, что нас ждет не только шесть недель лютой зимы, но и шесть недель вырвавшейся на свободу человеческой депрессии.

— Вы серьезно?

— Куда уж серьезнее, Лиззи. А знаете, что мне на это сказал командер? Он сказал, что ему и так застрелиться хочется и попросил не усугублять ситуацию. После чего Найджел запретил мне доступ на мостик. С чего бы, казалось, — грустно усмехнулся аналитик.

— А у вас есть теория, почему все так происходит?

— Нет у меня никакой теории... Я, пока что, так и не могу понять этот мир. Здесь все подчинено какой-то неизвестной нам логике.

Опять молчание. Элизабет принялась рассматривать лес и бухту, думая о том, что, собственно, ей делать с полученной информацией. В голову ничего не шло, зато вспомнился пробирающийся где-то через местные заросли Тони.

— Том, а как вы думаете, успеет наш оператор добраться до корабля до вечера? — поинтересовалась она, стараясь не выдавать особой заинтересованности.

Аналитик глянул на небо, затем на часы.

— У него осталось часа полтора до наступления холода. Потом — еще полчаса до того момента, когда ему уже ничего не поможет. Это негативные моменты. Позитив же в том, что утром ему оставалось всего десяти миль по прямой и около пятнадцати — в реальности. Думаю, успеет. Под стимуляторами и страхом смерти люди еще и не такое делают.

— Я видела, в корабельной сети ставки делают на то, выживет он или нет. Уроды.

— Тоже видел. Ко мне несколько человек даже обратились с просьбой предсказать результат. А вам, кстати, не мешает подготовить для него койку. Я думаю, там будет обморожение, истощение и ломка после нескольких доз стимуляторов.

— Спасибо, — смутилась доктор Кокс. — Я, что-то, даже не подумала. Сейчас займусь.

— Успеете еще. Лучше насладитесь зрелищем — такого на Земле точно не бывает...

Командер Рональд Терон. 3392.

Рональд мрачно наблюдал сразу за двумя мониторами. На первом показывалась живая картинка исчезающего в тени затмения местного светила, на втором же шел не менее живой репортаж с камеры суматошного оператора, из последних сил мчащегося к кораблю.

— Не успеет, — авторитетно заметил Бойлз, развалившийся в кресле и смакующий виски из прямоугольного стакана. После завершения работ по экстренной консервации корабля на мостике сама собой образовалась кают-компания из высшего офицерского состава — отсюда и виски, и вальяжность штурмана.

Правильно, чем еще заниматься в командном центре, лишившемся практически всех способов воздействия на окружающий мир. Только выдавать ценные указания для оставшегося экипажа, уже начинающего страдать бездельем, да наблюдать за бегущим сквозь заросли сиэнэнщиком.

— Еще как успеет, — возразил капитан Лэксби. — На моих стимуляторах он еще и на верхнюю палубу по голому борту залезет.

— Если я не сделаю ему коридор в закрытом периметре, то хрен он куда успеет и куда залезет, — меланхолично заметил притаившийся в уголке координатор вооружений.

— У него что, нет идентификатора? — удивилась Джиллиан.

— Свой он оставил на корабле. В десантном шлеме — есть, но он неполного соответствия, так что может и приглубить, — все так же меланхолично ответил Брук. — Да не смотрите вы на меня так. Сделаю я ему коридор, ясно же.

— Сколько ему там осталось? — поинтересовался Терон, присматриваясь к бутылке, стоящей рядом с главным штурманом.

— Мили две до начала безопасной зоны, плюс еще полторы мили самой зоны.

— Не успеет, — вздохнула мисс Ван Вейк. — Солнце уже скрылось практически.

— Я на него сто баксов поставил, — неожиданно поделился вечно молчащий Капарроса.

Мостик на время погрузился в тишину. Рональд, плюнув на все, тоже налил себе огненной воды и поудобнее расположился в кресле. Его примеру последовал Найджел, а затем и большинство присутствующих.

— Все, полное затмение, — констатировал факт капитан Роджерс.

Рональд скосил глаза на цифры, показывающие значение температуры за бортом. Цифры на глазах начали уменьшаться.

— Добрался до защитного периметра, шустрый. Коридор проложен.

Потянулись длинные минуты.

— Уже почти ноль.

— Нормально, успевает. Полмили осталось.

Картинка с шлема оператора внезапно бешено завертелась, затем раздался треск и непередаваемая игра слов.

Коммандер глотнул виски. Действие начало становиться интересным.

— Мать вашу, я ногу сломал! — донеслось с экрана. — Нет, вывихнул... больно... черт...

— Высылаем помощь? — вскинулась Джиллиан.

Терон, оторвавшись от стакана, взглянул на значение температуры. Уже минус двадцать по Фаренгейту, черт. В голове у командера пронеслись варианты развития событий.

— Нельзя, — наконец, произнес он. — Встречающая команда не экипирована для вылазки и может погибнуть. Передайте ему, чтобы вставал и в темпе несся к кораблю, хоть на четвереньках.

Холли, до этого сидевшая на своем месте незаметной мышкой, начала что-то говорить в коммуникатор. Через полминуты баюкающий ногу мистер Хоук разразился потоком ругательств, очевидно, получив директиву от ведущего его диспетчера, а затем, с трудом поднявшись, заковылял к кораблю.

— Уже минус сорок. Не успеет.

— Стимуляторам плевать на минус сорок.

— Он уже почти на берегу!

На отметке в минус шестьдесят три градуса оператор вывалился-таки из леса и довольно шустро отправился к понтонному мосту.

— Давай, давай, давай! — азартно принялась подбадривать его Ван Вейк.

Лэксби окинул окружающих таким гордым взором, как будто сам только что с вывихнутой ногой пробежал марафон по Северному полюсу.

А Рональд внезапно понял, что лично ему до жизни и смерти оператора нет вообще никакого дела. Одним больше, одним меньше... Новый глоток виски теплым комком упал в желудок.

Вокруг кто-то радовался за путешественника, который заполз-таки внутрь авианосца, кто-то горевал о проигранной ставке в корабельном тотализаторе — неизвестно, в шутку или всерьез.

Ему же просто хотелось заснуть и таким образом хоть на время избавиться от своей ответственности за экипаж. Коммандер глотнул еще виски.

Часть третья. Уничтожение.

"Барак Обама", авианосец. 3390.

Над неназванной планетой в неизвестной звездной системе в очередной раз вошло солнце. Вошло на четырнадцать минут, едва просвечивая сквозь пылевую корону потухшей звезды, а затем снова скрылось в тени своего умершего собрата.

Холод, отступивший было от планеты, снова рванулся в наступление, проморозив водоемы, покрыв снегами степи, заставив съжаться растения... А также зажав искалеченную тушу прибывшего из другой звездной системы авианосца в своих ледяных объятиях и попытавшись продавить ими его внешнюю обшивку. Корпус корабля, рассчитанный на сопротивление артиллерийским обстрелам и имеющий шанс сдержать воздействие даже небольшого ядерного взрыва, если он, конечно, произойдет не слишком близко, немного поскрипывал, но держался. Лишь в местах, поврежденных неизвестным оружием аборигенов, образовывались легкие деформации. Пока еще небольшие и незаметные.

Спустя час после того, как погас последний лучик местного солнца, над укрытой льдом и снегом планетой пошел легкий дождик. Ксеноновый дождик. Температура перевалила за минус сто семьдесят градусов по Фаренгейту и первая из частей здешней атмосферы поспешила выпасть в осадок, образуя симпатичные лужицы на палубе замороженного в лед корабля.

Еще через полчаса лужицы замерзли.

Странные города местных обитателей на других континентах с наступлением холодов исчезли из объективов пролетающего над ними спутника, скрывшись как с поверхности планеты, так и из всех возможных диапазонов сканирования.

Вместо них на поверхности появилось что-то другое. Луис Суарес, дежурящий в центре мониторинга, заметил множественные нарушения охранного периметра береговой базы, но огневые системы, скованные холодом, смогли только передать сигнал тревоги. Пулеметы на берегу молчали, неспособные работать в условиях аномальных температур, батареи корабля молчали, находясь в полной консервации.

Первый из объявившихся гостей, напоминающий собой сгусток темного дыма среди расцветенной звездами черноты ночи, осторожно приблизился к металлической скале, откуда-то появившейся в давно знакомой ему бухте. От скалы веяло тщательно скрытым теплом и странными эмоциональными образами. И еще — внутри скалы находился один из его сородичей, буквально купающийся в потоках энергии. Среди мертвого голодного мира его наслаждение ощущалось как дуновение прохладного ветра в центре знойной пустыни.

Комок дыма аккуратно сформировал нечто, напоминающее когтистую семипалую чешуйчатую лапу, мгновение помедлил, а затем решительно царапнул металл. На лед полетели стальные стружки.

Сородич, сидящий в полутемном коридоре на остывающем теле какого-то бедолаги, почувствовал приближение конкурента, поднял усатую черную морду и злобно зашипел в пространство.

На мостике сообщение Суареса о нарушении периметра встретили равнодушно. Луису даже показалось, что его и не приняли всерьез даже, а просто поставили галочку и забыли о докладе.

Точно так же часом позднее мостик воспринял сообщение о потере контроля над геостационарным спутником — какой-то очередной пролетающий мимо планеты

космический мусор зацепил хрупкое искусственное тельце, прервав его существование.

О полном отключении берегового периметра, произошедшим вследствие наступления критической температуры, он сообщать уже не стал. К чему.

На мостике действительно было не до Суареса. Там шла мрачная пьянка, каждый тост которой был приурочен к очередному отказу какого-либо узла или системы корабля. Потеря спутника сопровождалась распитием коллекционной Черной Жемчужины от Реми Мартина, внезапно обнаружившейся в закромах у Бойлза. Стоящий десятки тысяч долларов напиток разошелся по стаканчикам и был выпит, как дешевое пиво на школьном выпускном.

Рассыпавшиеся в пыль линзы лазерных пушек удостоились лишь пары бутылок средненького вина.

В то время, как на мостике старший офицерский состав предавался моральному разложению, отлученный от компании главный аналитик лежал на койке, смотрел в потолок и лихорадочно проверял состояние своего разума, панически боясь найти сбой в его работе и даже не задумываясь о том, что эта суета и паника — и есть самое наглядное проявление того, что с его всегда точно и четко работающими мозгами происходит что-то неладное. Время от времени мысли Джонса перескакивали на симпатичную докторшу, но в такие моменты он смущался сам себя и снова принимался отслеживать функции своего сознания.

Доктор Кокс про аналитика не вспоминала — ей просто не хватало на это времени. За последние сутки, помимо обмороженного и отравленного стимуляторами Тони, к ней поступило сразу пару десятков человек. У экипажа, до этого ни на что не жалующегося, внезапно начались обострения всевозможных хронических болячек. От сердечной недостаточности до язвы желудка и двух случаев внезапно активизировавшегося рака.

С учетом того, что старое помещение госпиталя попало под консервацию и теперь Лиззи ютилась в совсем небольшом и совершенно не приспособленном для работы с больными отсеке, с работой она попросту не справлялась. Приданные ей в помощь медики из десанта разводили руками, но не брались за лечение острой почечной недостаточности или инсультов. Объясняя, что это не их профиль.

Тони, опять попавший на больничную койку, пытался шутить и поднимать настроение окружающим, но удавалось ему это откровенно плохо. В конце концов, поддавшись общему мрачному настроению, он тоже примолк, с ненавистью поглядывая на капельницу с восстанавливающим раствором, приковывающую его к кровати.

С не меньшей ненавистью уже к самому Тони жил переселенный чуть ли не в общий барак Дэн Соссо. Среди невзгод, обрушившихся на авианосец в последнее время, среди потихоньку нарастающего в команде страха перед призрачным черным котом, оставляющим после себя каждую ночь по паре свежих трупов, среди этого всего его внезапно пробудившаяся ненависть к ничего не подозревавшему оператору расцвела пышным цветом, превратившись в психологический якорь и навязчивую идею.

Такой же силы навязчивая идея преследовала и механика Картера. Но его идея была гораздо более прозаической — он всеми силами старался оградить себя от новой встречи с Черным. Переселение в общую каюту на десять человек он воспринял, как манну небесную, в отличие от всех остальных своих соседей — Джон отлично помнил, что большие компании его недавний питомец не любит.

Младший лейтенант Викс, наоборот, предпочел прятаться от корабельного гостя в одиночестве, всеми правдами и неправдами умудрившись за сутки натаскать к себе в каюту запасов еды на полтора месяца вперед и теперь ведя тихую жизнь затворника. Его смена,

обитающая в каютах неподалеку, сначала смотрела на эти действия, как на проявление откровенного слабоумия, но затем, после изучения глубоких царапин на двери своего шефа, крепко призадумалась.

Мисс Викерс и лейтенант Гивен целенаправленно уничтожали запасы доступного алкоголя. Отсутствие при этом постельного продолжения раздражало Розмари все больше, но пилоту явно было плевать на ее мнение.

Зато у боевого пловца с оператором беспилотников все складывалось как-то очень быстро, хорошо и буднично. Всего несколько дней после знакомства — а они уже оказались переселенными в двухместную каюту благодаря хорошим отношениям Адама с распределяющим новые места обитания офицером. Джульетта даже успела навести в истинно десантной берлоге некое подобие домашнего уюта.

Где-то очень далеко, за непроглядной чернотой умершего солнца, по орбите неслось солнце живое, горящее. И неумолимо догоняющее медленно ползущую замерзшую планетку.

Найджел Гатлинг, шеф военной полиции. 3389.

— Сейчас, вообще, какое время суток? — пробрался сквозь затуманенное сном сознание Найджела чей-то въедливый голос. — Кто-нибудь может сказать?

Он попытался спрятаться от реальности под одеялом. Увы, одеяла поблизости не оказалось — приоткрыв глаза, Найджел обнаружил себя на диване в комнате отдыха рядом с мостиком. Дальнейший осмотр показал наличие безвольного тела Ван Вейк, свернувшейся у него на ногах, а также торчащей рядом головы капитана Лэксби, спящего, привалившись к дивану.

Он мотнул головой, пытаясь немного осознать окружающую реальность. Это необдуманное действие вызвало каскад негативных ощущений — словно проснувшись, на него набросилась головная боль, стены вокруг начали плавно крутиться из стороны в сторону, в отлежанных помощницей штурмана ногах проснулись мириады мерзких иголок, а во рту прорезался гнусный вкус.

В дополнение ко всему, шефа Гатлинга страстно потянуло блевать.

Осознав это желание и страшась его несанкционированного исполнения, он попробовал было шустро броситься в местный галльюн... Увы, непослушные ноги, пронзенные дикой болью от оживающих нервов, бросили его на пол уже на втором шаге, подарив новую порцию тошноты.

Мисс Ван Вейк, не просыпаясь, что-то пробурчала и поудобнее устроилась на диване.

Найджел, не пытаясь реанимировать до конца ноги, пополз на четвереньках к заветной комнате, морщась от ощущений в конечностях.

Успел, слава всем богам. И жертва белому брату не прошла напрасно — организм живо откликнулся, приглушив тошноту и головную боль, а взамен подарив сушняк и чувство голода.

Найджел осторожно вышел на мостик. Аккуратно протер глаза. Затем на всякий случай ущипнул себя за ногу. Но нет, все было наяву — вповалку валяющиеся тела в офицерских мундирах, пустые бутылки из-под разнообразного спиртного, какие-то огрызки...

— И это мостик? — вырвался у него недоуменный вопрос.

Единственное тело, подающее признаки осмысленной жизни — Капарроса, — соизволило повернуть к нему голову.

— Что же еще... Мостик, конечно... Сейчас день или ночь?

Вопрос поставил Найджела в тупик. Часы с двенадцатичасовым форматом времени, который был успешно адаптирован компьютером под здешние реалии, показывали пять часов. Отметок "до полудня" или "после полудня" на экране почему-то не наблюдалось. Сам обзорный экран показывал только черноту вместо окружающего корабль пространства.

— Э... Не знаю...

Некоторое время оба помолчали, пытаясь разрешить задачу, не залезая в настройки компьютера и не доставая карманные гаджеты.

— А когда это все началось? — Найджел выразительно обвел рукой царящий на мостике бардак.

Капарроса поморщился, вспоминая.

— Сразу, как солнце зашло. То есть, как взошло... В общем, утром.

— Наверное, тогда ночь...

Помолчали еще.

— Если ночь, то на небе должны быть видны звезды.

— Ага. Хотя, нет, вроде бы, наоборот, теперь звезды видны только днем...

Куда-то идти и переключать экраны на вид неба не хотелось никому.

— Черт с ним. Давай сделаем кофе...

Запах бодрящего напитка послужил катализатором, заставившим остальных потихоньку просыпаться.

Лэксби вместе с Роджерсом быстро откланялись, решив провести восстановительные процедуры в своих вотчинах. Капарроса, убедившись, что вокруг действительно ночь, а, точнее, раннее утро, тоже исчез, сославшись на окончание своего дежурства. Ван Вейк заняла крохотную душевую, также имеющуюся в комплексе обеспечения мостика. Брук, попробовавший было дождаться ее выхода оттуда, чтобы в свою очередь освежиться, через десять минут плюнул и тоже покинул мостик.

Бойлз с мрачной физиономией сидел в штурманском кресле, рассматривая пустую бутылку из-под своего коллекционного коньяка.

Терон, взъерошенный и несчастный, пялился в список неисправностей и повреждений, отображающийся на экране.

Сам Найджел, потихоньку возвращающийся к жизни, все острее чувствовал необходимость поменять форму и побриться. В конце концов, забив болт на вежливость, он тоже отправился к себе в каюту.

Выйдя из прокуренного и насыщенного алкогольными парами помещения, он поразился непривычной прохладе, царившей в коридоре. Часовые, вытянувшиеся по струнке при его появлении, выглядели замерзшими и не очень радостными.

— Вольно, солдаты. Что-то интересное происходило в последнее время?

— Никак нет, сэр! Все было спокойно!

— Только холодно, сэр.

Найджел уже и сам успел немного озябнуть.

— Я сообщу вашему капитану, что пора выдавать теплые комплекты на дежурство. Потерпите немного.

— Так точно, сэр!

Кабюта встретила шефа полиции темнотой, легким беспорядком и запустением. Но в ней, хотя бы, было заметно теплее, чем в коридорах.

— Ладно... Пора приходить в норму.

Через десять минут слегка прибранная каюта уже радовала глаза, нос и уши — на кухне варился кофе и готовился завтрак, телевизор крутил легкую музыку, температура поднялась до комфортной. Сам же хозяин апартаментов нежился под струями горячего душа, попутно соскабливая отросшую за последнее время щетину.

Еще через десять минут Найджел, свежий, гладко выбритый и довольный жизнью, старательно уплетал приготовленную из нашедшихся полуфабрикатов пиццу, запивая ее кофе и попутно просматривая новости по кораблю. К его несказанному удивлению, за последнее время обновлений новостей не было даже на командирском уровне доступа.

— Такое впечатление, что все с приходом этой чертовой зимы откровенно положили хрен на свои обязанности, — пробурчал он себе под нос и связался с центром мониторинга.

— Говорит Найджел Гатлинг. Не могли бы вы предоставить мне полную информацию по состоянию корабля и по происшествиям за последние двадцать часов?

— На связи Ливингстон, сэр. Я только что отправил подобный отчет на мостик. Вам продублировать?

— Давайте. А почему офицерская сводка новостей пустая?

— Не могу знать, сэр. Все данные в штатном режиме отправляются аналитикам, почему они их не опубликовывают — неизвестно.

— Понятно... Когда ваш отчет придет?

— Уже на вашем терминале, сэр.

Отчет Найджела откровенно не порадовал. За короткое время, прошедшее с начала зимы, они успели лишиться спутника, лазерных пушек, всей защитной системы береговой базы, потерять одну из антенн, попытки вращения которой в условиях намертво схватившейся смазки в движущихся частях привели к тому, что ее мотор просто сгорел. Вдобавок, вышла из строя чуть ли не половина внешних незаконсервированных датчиков — различные коэффициенты сжатия материалов, из которых они были изготовлены, при охлаждении привели к неоднородным деформациям, повлекшим за собой их гибель.

Был обнаружен еще один труп с признаками нападения гадского кота. Помимо этого, к врачам обратилось аномальное количество пациентов — люди словно вспомнили, что у них есть всевозможные болезни и решили порадовать единственного оставшегося доктора их разнообразием.

На сладкое Найджелу досталась разгерметизация корпуса сразу в трех местах. Все — на уровне ватерлинии, все — вдали от жилых отсеков. Неприятно и неожиданно было то, что прорехи в корпусе появились совсем не там, где ожидалось — часть корабля, законсервированная из-за попадания инопланетного оружия, не пострадала пока что никак.

Гатлинг откинулся в кресле и, потягивая кофе, принялся рассматривать потолок. В принципе, отчет был не смертельным. Повреждения пока что укладывались в рамки допустимого. Тем более, что основные проблемы и ожидалось именно в начале зимы, а дальше все должно было идти равномерно и без особых эксцессов. Если, конечно, не откажет реактор.

Терминал пикинул и высветил новую новость — произошла новая разгерметизация, на этот раз в отсеке, смежном с одним из пострадавших в прошлый раз. Шеф недовольно посмотрел на появившийся перед ним план корабля. Если так пойдет и дальше, то серьезные проблемы могут начаться уже совсем скоро.

В столовой в этот раз было не протолкнуться — люди, собранные в небольшой части корабля, вынужденные кучковаться в одних и тех же помещениях, сейчас, за завтраком, как селедки в бочке топтались во всех доступных для получения пищи местах.

Филу пришлось изрядно постоять в очереди и потолкаться, пока не подошел его черед взять тарелку какого-то не очень аппетитного варева и разогретый сухпайк. Аккуратно неся поднос с добычей и ища место, куда можно было бы приткнуться, десантник успел услышать много нелицеприятного о командире корабля, согнавшем всех в эту душегубку, а также о коках, приготовивших в этот раз черт знает что вместо нормального завтрака.

Самому Филу питаться сухпайком было не в диковинку, а доставшийся в дополнение к нему полусуп-полукаша служил неплохим плюсом. Но десантников на корабле осталось не так уж и много, а технические работники, матросы и прочие штабные крысы негодовали откровенно и явно.

Судя по тому, что буквально через несколько минут на громкую связь вышел злой Энцо, претензиями коков затрахать успели уже очень основательно.

— Господа, позволю сказать вам несколько слов и прошу отнестись к ним со всем вниманием, — произнес динамик голосом шеф-кока.

Дождавшись наступления некоторой тишины, динамик продолжил:

— Мать вашу, выкормыши дикой обезьяны, согрешившей с тарантулом, как у вас ваши поганые языки поднимаются вонять на моих поваров? Вы что, тупые задницы, не втыкаете своими куриными мозгами, куда мы попали и в какой ситуации находимся? Вам, падлам, не нравится, что мы на вашу ораву, надрывая животы, приготовили хоть что-то в ситуации, когда у нас больше нет ни нормального камбуза, ни нормальной площади для готовки? Может быть, это мне стоит задать вам, бесполезным слизням, вопрос — как вы довели корабль до такого состояния, как сейчас? Я только что слышал возмущение от какого-то морпеха. Что ж ты, сынок, не перебил всех врагов, до того, как они покорежили корабль до неменяемого состояния?! Я здесь слышу негодование от простых матросов. И они, черт возьми, имеют право жаловаться, потому что не от них зависело это дерьмо. Но какого полового органа вы, тупые ушлепки, гоните волну на меня и моих ребят, а не на тех, кто довел это корыто до такого состояния, что здесь нечего, не на чем и некому готовить? Запомните, охреневшие рыла — или вы самолично толпой херачите рожи тем, кто хотя бы косой взгляд бросит в сторону моих ребят, или будете жрать холодные сухпайки без чая и кофе весь остаток этой долбаной зимы. Я ясно выразился, детеныши болотного ящера?!

Динамик на мгновение примолк, а затем вежливо добавил:

— Всем спасибо за внимание и приятного аппетита.

Смолкшие на время спича разговоры снова возобновились, только теперь уже с более позитивным окрасом. На коков уже никто не наезжал, вместо этого отпуская шпильки в адрес командиров, заведших команду в такую задницу. Неподалеку отвесили пару подзатыльников кому-то только что прибывшему, посмевавшему возмутиться стряпней.

Фил, доев суп и изготавливая из набора сухпайка грандиозный гамбургер, усмехался. Шеф-кок оказался тем еще стрелочником, сумевшим одной короткой речью вывернуться из-под критики команды, очутиться в рядах невинно пострадавших, а заодно и окончательно перевести вектор недовольства на отсутствующее начальство. Мастер.

Гамбургер получился неожиданно аппетитным на вид и приятным на вкус. И чего этим дурням не нравятся сухпайки? Неторопливо пережевывая свое творение, Фил продолжал прислушиваться к разговорам. Люди, несколько повеселевшие после выступления Энцо,

снова начали мрачнеть. Кому-то не нравилось, что их переселили в тесные десантные казармы, кто-то так и не распробовал сухпак и ругался на жратву, кто-то внезапно с чего-то вспомнил о далекой Земле. И все чаще и чаще звучали слова недовольства в адрес командера Терона и его штаба. Особенно сильно разорялся какой-то матрос, уже собравший вокруг себя немало слушателей. Фил, захватив остатки завтрака, притиснулся поближе.

— ...вы видите уже сейчас. Нас здесь в прямом и переносном смысле кормят дерьмом. Я вам сейчас напому две вещи. А вы сами решите, что это значит. Все помнят, как мы лишились куска корабля? Все помнят, как мы разрезали переборки, чтобы избавиться от него? Кто-нибудь из вас думает, что на этой здоровенной хрени, которая пошла потом ко дну, не осталось живых? Есть такие идиоты? Вижу, что нет. Так вот, их всех отправили умирать на дно просто по прихоти командира. Потому, что там находились обычные простые моряки — такие, как мы с вами. На нас всем плевать! Хотите другой пример? Этот репортеришка, который не представляет собой ничего ценного для нашего корабля. Когда он оказался черт знает где, за ним гоняли беспилотники, сбрасывали ему припасы и стимуляторы, направляли его и, в конце концов, спасли. Почувствовали разницу? Множество наших братьев, погибших в мгновение ока, на одной стороне и один бестолковый штатский — на другой. А все потому...

— Мать вашу! — прорезался динамик. — Закончили жрать, дайте поесть и другим. Охота пообщаться — общайтесь в других местах. Поимейте совесть, бакланы бескрылые!

Со злым Энцо спорить никто опять не захотел и толпа начала аккуратно рассасываться по выходам. Недавний оратор, о чем-то оживленно разговаривающий с группой матросов, тоже вышел из столовой.

Фил покачал головой и проглотил последний кусочек гамбургера. Ему не нравилось нездоровое недовольство команды и красноречие неизвестного матроса. Так и до бунта в условиях ведения боевых действий недалеко. Десантнику, привыкшему есть, что дают, выполнять, что приказывают, держать закрытым рот и открытыми — глаза и уши, вся ситуация казалась какой-то дикой. Некоторое время он даже подумывал, не отправиться ли с докладом к капитану Лэксби, но, в конце концов, решил, что не стоит. Наверняка, кто-то и без него настучит.

Командер Рональд Терон. 3389.

Командер сумрачно рассматривал своего безопасника. Тот, чувствуя запах жареного, стоял навтыжку и ел начальство глазами. С учетом того, что он озаботился возвратом себе идеального внешнего вида, а Рональд лишь слегка привел себя в порядок, Найджел раздражал командующего кораблем с каждой секундой все больше.

— Значит, у нас там назревает бунт, а я узнаю об этом лишь под вечер? Найджел, твою мать, ты о чем вообще думал?

— Сэр, я узнал об этом недавно, сэр! После чего проводил изучение ситуации для того, чтобы дать более полный отчет, сэр!

— Найджел, не ори, говори нормально. И так голова еще болит. И что выяснил в итоге?

— В общем и целом, люди недовольны сложившимся разделением между командным составом и простыми матросами, механиками и прочими. Думаю, катализатором выступило то, что жизненные условия кардинально изменились всего за несколько дней. То был отдых, прогулки на природе, барбекю, а теперь — тесные казармы, отсутствие внятных занятий и

плохая еда...

— То есть, нам что, не следовало их выпускать на отдых, что ли? — перебил Терон.

— Нет, думаю, это был правильный шаг. А ситуация все равно бы была напряженной. Так вот, команда с чего-то решила, что, раз мы в новом мире, то у нас у всех должны быть чуть ли не равные права и обязанности. А то, что мы здесь предаемся праздности и ничегонеделанию, в то время, как они там страдают, — это они считают вопиющей несправедливостью и чуть ли не приравнивают к кастовому расслоению, возможно, рабству. Точнее, пока еще они ничего такого не считают, более того, даже не догадываются о таком варианте. Пока что им просто не нравится теснота и сухпайки. Но через некоторое время в ходе риторики они точно додумаются и до таких эпитетов. И тогда будет уже труднее.

— Да чтоб они все сдохли нахрен, — в сердцах бросил Рональд. — Мало нам проблем. А чего они хотят и требуют?

— Самое неприятное, что осмысленных требований, которые мы могли бы выполнить, у них просто нет. Пока что им просто не нравится все вокруг.

— Ладно. А кто вовлечен во все это?

— Технический персонал, матросы, механики. Все, кто занимает должности, хоть сколько-нибудь требующие наличия мозгов, старались поскорее уйти от таких разговоров. Еще десантникам было явно странно все это слышать. Они чувствуют себя, в отличие от этих идиотов, на войне и ведут себя соответственно.

— Десантники — это хорошо... Знаешь что, скоординируйся-ка с Лэксби и постарайтесь как-нибудь разрулить эту неприятную ситуацию.

Найджел кивнул и ушел, оставив командера наедине с недобрыми мыслями.

— К черту.

Действительно, к черту этих недовольных. Есть дела и поважнее, например — почему разгерметизация происходит уже в восьмом отсеке с трех различных направлений. Терон вызвал главного инженера.

— Брэдли, есть новости об этих дырках?

— Пока что ничего, командер. В отсеках, которые уже контактируют с внешней атмосферой, выходят из строя средства наблюдения — похоже, из-за температуры. При этом температура падает далеко не мгновенно, что подразумевает очень небольшой диаметр отверстий. На данный момент мы освещаем и держим под наблюдением все примыкающие к разгерметизированному помещению — успеем заснять, что там происходит.

— Как будто червяки в яблоке ходы протачивают, — злобно пробормотал Терон, рассматривая карту повреждений.

На другом конце линии задумчиво хмыкнул Брэдли.

— А знаете, командер, в ваших словах что-то есть... Мы пока что рассматривали только физические причины происходящего, но, может быть...

Командер внезапно вспомнил, что сутки назад оператор центра мониторинга что-то докладывал о нарушениях периметра.

— Только этого нам еще и не хватало!

— Вы о чем?

Пришлось напомнить о докладе оператора.

— Да уж, если это какая-то новая животная хрень, то будет совсем неприятно...

Закончив общаться с инженером, Рональд попытался вызвать главного аналитика, но тот упорно не отвечал на вызовы. То ли спал, то ли пал жертвой кота, то ли обиделся за то,

что его отстранили от мостика. Терон задним умом понимал, что это решение было весьма глупым, но не бежать же извиняться...

От мыслей об аналитике его отвлек снова появившийся на экране Брэдли Джонс.

— Коммандер, новая разгерметизация, — мрачно произнес он. — И на этот раз мы сумели ее заснять.

На сжатой четырехминутной записи было видно, как в каком-то помещении, сначала в одном месте потолка, а затем еще в трех, появляются прорехи. Появляются и потихоньку расширяются под напором шустро работающих когтистых лап. Вниз летит металлическая стружка, затем, когда отверстия достигают ширины примерно в десять дюймов, в них пробираются незваные гости.

— Гадство, — пробормотал Терон. Существа, которые на последних секундах видеозаписи начали всестороннее исследование помещения, чем-то напоминали уже примелькавшегося черного кота. Совершенно другая форма, напоминающая помесь осьминога со сгустком тумана, но размеры, способности к изменению внешности — когтистые лапы, которыми они проделывали себе путь внутрь, давно исчезли, сменившись чем-то, напоминающим щупальца...

— Метаморфы, — со злостью отметил очевидное инженер. За спиной у Терона печально вздохнула пробравшаяся туда Холли.

— А что им нужно внизу? Там же ничего особенного нет — склады, да и только.

— Может, они к продовольствию пробираются? — пискнула набравшаяся смелости энсин Тим.

— Да на хрен им не сдалось наше продовольствие, — раздраженно ответил Бойлз, тоже оказавшийся поблизости. — Что-то не заметно было, чтобы нашему коту это продовольствие было нужно.

— Внизу им будет легче пробраться к реактору — неожиданно сказал Джонс.

Все примолкли, рассматривая план корабля.

— И как мы технически можем им помешать? — наконец, спросил Рональд.

— Теоретически — наварить на их предполагаемом пути новых перегородок. Но практически у нас нет на это материалов. Так что ответ — ничего. Впрочем, можно попытаться встретить их автоматным огнем. Но я не уверен, что он им повредит. Хотя, если судить по другим представителям фауны, шанс есть.

— А что будет, когда завтра взойдет яркое солнце? — снова поинтересовалась Холли.

— Затопит там все к чертям, — после небольшого раздумья ответил инженер.

— Совсем все? — удивился Бойлз.

— Нет... Дайте немного подумать...

Коммандер нервно потеревил подлокотник кресла. Мысль о затоплении внутренних отсеков корабля казалась ему не самой желанной. А размышляющий по ту сторону экрана Джонс почему-то становился все мрачнее.

— У нас намечаются очень крупные проблемы, — наконец, соизволил сообщить он.

— Подробнее, — горько махнул рукой Рональд. — Я уже ничему не удивлюсь.

— Про солнце я как-то позабыл. А зря. Знаете, как разрушаются скалы? В маленькие трещинки попадает влага, замерзает и, расширяясь, разрушает породу.

Бойлз, сразу схвативший суть, от души выругался.

— Вот-вот, вы поняли. Сейчас солнце растопит здесь все. Теоретически, мы можем изловчиться и заварить внешнюю обшивку в то время, когда температура еще будет

приемлемой. Тогда мы избежим этой проблемы. Но проблема с незваными гостями останется актуальной. Они продолжают ломать переборки, доберутся до реактора — и нам всем конец. Так что получается, что мы должны попробовать их уничтожить. Я предлагаю утопить. Для этого нам, кстати, придется приоткрыть кингстоны и набрать немного воды — чтобы прорехи гарантированно оказались под водой. Судя по всему, пары футов хватит — тот уровень, на котором они появились на корабле, почти под потолком палубы. Это не критично.

— Может быть, лучше все же отправить десантников?

Джонс некоторое время думал.

— Знаете, командер... Не мое дело — что-то вам советовать, но, если меня верно информировали, то сейчас десант нужно беречь, как зеницу ока. У меня тут сложилось впечатление, что назревает анархия и только морпехи способны ее предотвратить. А их осталось очень мало и неизвестно, сколько из них может погибнуть там, в стычке с этими тварями.

Командер, глядя в пол, размышлял.

— Поймите, Терон, их мы отправить сможем всегда. Но почему бы не попытаться решить проблему чисто техническими средствами?

Рональд, приняв решение, кивнул.

— Если предположить оптимистичный вариант, то они утонут, а мы останемся с несколькими заполненными водой отсеками, так? И во время последующего наступления холода вся эта вода, замерзнув, к чертовой матери сломает следующие стенки отсеков?

— Верно. Именно поэтому нам каким-то чудом нужно сначала запустить в отсеки воду, утопить тварей, затем заварить снаружи пробоины, а перед наступлением холодов пустить набравшуюся воду дальше. Либо откачать ее. Суть в том, чтобы не оставлять полностью заполненных отсеков. Запустим мы там в них снова обогрев или нет — дело десятое. Если что, просто будет еще несколько изолированных помещений. Но дальше все это не распространится.

— А вентиляция? По ней эти гады не убегут?

— Вентиляцию мы везде, кроме жилой части, уже наглухо перекрыли. Еще при консервации. Но, честно скажу, гарантии никакой. В конце концов, они через внешнюю обшивку пробурились.

Командер кашлянул и подвел итог:

— Получается, готовим команду подводников, готовимся открыть кингстоны. Затем, при достижении нормальной температуры за бортом, опускаем корабль, затапливаем отсеки с тварями, затем ставим заплатки, а перед самым понижением температуры немного сливаем воду. Так?

— Главное, чтобы эти сволочи утонули, — оставил мрачную ремарку Бойлз.

Элизабет Кокс, доктор медицины. 3388.

Лиззи хотелось плакать и биться головой об стену. С экипажем творилось что-то непонятное. Застарелые болячки начали выскакивать у людей с пугающей периодичностью. Каждый час — два-три пациента. Рак, сердечная, почечная, печеночная недостаточность. Язвы, гормональные сбои, гемофилия.

Молодой доктор сбивалась с ног, но сделать практически ничего не могла. Большинство нужных лекарств либо пропало в результате Инцидента, либо их в принципе не содержалось

на корабле. Диагностическое оборудование осталось только самое примитивное. А что делать с диагностированным по картам пациентов раком, она вообще знала только в теории, да и то очень слабо.

Помогающие ей десантные медики, сначала улыбавшиеся неопытности своей коллеги, быстро прочувствовали ситуацию и взяли на себя все операбельные случаи. Уж что-что, а резать и зашивать им приходилось очень часто.

И вот, спустя всего лишь полтора дня после начала странной эпидемии, умер первый пациент. Авиатехник, сорок лет, стремительно прогрессирующий рак. И Лиззи ничем не смогла ему помочь — разве что облегчила страдания морфием.

— Доктор, здравствуйте... У меня, похоже, что-то с сердцем...

Ну вот, еще один пациент. Лиззи выдавила из себя кривую улыбку, усадила пациента в кресло и вызвала историю болезни. Ну да, легкий порок сердца, не позволяющий заниматься спортом, но в целом совершенно не мешающий жить. И вот, пожалуйста.

Элизабет тупо смотрела в монитор, не решаясь повернуться к пациенту, наверняка ждущему от нее чуда. Чуда не будет. Без медкапсулы, без опытного кардиохирурга, ничего она сделать не сможет.

— Ну что, доктор?

Пришлось повернуться.

— Стивен... К сожалению, у нас нет оборудования, чтобы провести вам операцию. Если мы попробуем, то просто вас уьем...

— И что же делать? — похоже, этот добродушный увалень еще не понимает всей тяжести ситуации.

— Ничего не делать, Стивен. Совершенно ничего. Вы сейчас пойдете в каюту, ляжете на койку и будете лежать там, вставая только в туалет. Было бы очень желательно, чтобы вам кто-то из друзей приносил еду. И проведете вы так, в самом лучшем случае, полтора месяца. Потому что все это, — Элизабет обвела рукой заполненный пациентами отсек, — все это началось с наступлением зимы и закончится, скорее всего, вместе с ней. Я надеюсь...

Стивен, все больше грустневший по ходу ее речи, немножко оживился в конце и даже нашел в себе силы поблагодарить за совет перед уходом.

Лиззи оперлась локтями на колени и спрятала лицо в ладонях.

— Эй, доктор, — послышался чей-то доброжелательный голос. Боже, еще один пациент...

Она подняла голову. Перед ней, держа две кружки с кофе, стоял худой, седой, как лунь, но жизнерадостный и на вид вполне здоровый Тони.

— Не пугайся так, док, — ухмыльнулся он. — Я здоров, просто решил принести тебе кофе. А то смотреть больно.

— Спасибо, — поблагодарила своего бывшего пациента доктор и внезапно для самой себя расплакалась.

— Эй, эй, док, спокойнее, — засуетился Тони. Поставил кофе на стол, достал откуда-то салфетку, присел рядом на краешек кресла и принялся вытирать ей слезы, одновременно обнимая за плечи. — Спокойнее, все образуется и будет хорошо...

— Не надо меня жалеть, — попыталась отпихнуться Лиззи, жалко шмыгая носом. Оператор наплевал на ее телодвижения с высокой колокольни и обнял крепче. Слезы полились с новой силой.

Наконец, после нескольких минут позора, она все же сумела взять себя в руки и

принять, как ей показалось, гордый и независимый вид. Впрочем, Тони, увидев это, лишь прыснул со смеху. Дурень.

Она аккуратно высвободилась из его рук и сделала вид, что рассматривает что-то жизненно важное на мониторе. Оператор поднялся с кресла и подошел к наблюдавшей издали за всем действием медсестре. О чем-то поговорил с ней, довольно кивнул и отправился обратно. Элизабет снова принялась разглядывать монитор.

— Пошли, док. Поднимай свою милую попу с кресла, хватай кофе и вперед. Подъем, солдат! — она почувствовала, как его руки снимают ее с кресла.

— Куда... Тони, прекратите!

— Вот, молодец, очнулась хоть, — невозмутимо заметил наглый оператор и сунул ей в руки горячую кружку.

— Ай! — сосуд пришлось перехватывать поудобнее, а в это время Тони уже успел протащить ее на буксире почти до двери временного госпиталя.

— Куда вы меня тащите, пациент?!

— Не буянь, док, я сейчас не твой пациент, а твой друг, который будет помогать тебе приходить в норму. Шевели копытцами.

— Копытцами?! Да ты...

— Я, я... Почти пришли уже. Говорю же, не буянь. Заходи, гостем будешь.

Каюта, в которую Тони ее притащил, оказалась просторной и двухкомнатной. Оператор чуть ли не силой усадил ее в кресло, ткнул пальцем в кружку, намекая, что кофе можно не только перемещать в пространстве, но и пить, а затем принялся хлопотать по хозяйству, что-то доставая из холодильника, разрезая, смешивая, засовывая в плиту...

— Ну и зачем ты меня сюда притащил? — мрачным голосом поинтересовалась Элизабет, прихлебывая кофе. Отвратительное настроение, царившее у нее на душе двадцать минут назад, быстро сменялось позитивом, однако наглец явно не был достоин увидеть подтверждения правоты своих действий.

— О, приходишь в себя, док, — улыбнулся тот, продолжая что-то резать. — Все просто. Я не могу позволить самому компетентному и очаровательному доктору на этом корабле загнаться от перевыполнения взятых на себя обязанностей.

Лиззи снова вспомнились пациенты, требующие врачебного ухода и у нее опять заскребли кошки на душе.

— Я, наверное, пойду, — поставила она кружку с недопитым кофе на стол.

— Сидеть! — неожиданно рявкнул Тони, поворачиваясь к ней и упираясь руками в бока. От неожиданности, привставшая мисс Кокс снова шлепнулась в кресло.

— Ты, наглая, бесчувственная, не думающая о своих пациентах докторша! — от удивления Лиззи даже открыла рот. — Ты сейчас пойдешь туда, получишь нервное истощение и через неделю загнешься от какой-нибудь болячки. Молчать! И после этого все те люди, которым ты будешь нужна, будут тихо и спокойно умирать, потому что тебе вздумалось играть здесь и сейчас в героиню, а не включить свои маленькие мозги и подумать о будущем! Молчать, я сказал! Так вот. Ты сейчас выслушаешь все, что я тебе скажу. Потом обругаешь меня самыми последними словами. Потом поешь как следует пиццу и салаты. Затем ты ляжешь спать и проспишь здесь, на этом диване, до тех пор, пока не выспишься как следует. Потом ты примешь душ и, отдохнувшая, с нормально работающей головой, пойдешь дальше спасать пациентов. Все ясно?

Лиззи, во время гневной речи оператора почувствовавшая себя испуганной маленькой

мышкой, неуверенно кивнула.

— Вот и молодец. А теперь рассказывай давай, пока я готовлю, что происходит у тебя такого страшного, что тебя довели до такого состояния.

К удивлению самой Элизабет, неуверенно начавшийся рассказ о непонятной эпидемии превратился в настоящий словесный потоп, где объективная информация щедро перемежалась жалобами на судьбу, пациентов, долбаную планету и всех тех, из-за кого она теперь была вынуждена практически в одиночку противостоять нашествию больных. В конце концов, она не выдержала и снова расплакалась, но Тони в этот раз утешать ее не стал, пробурчав что-то о необходимости выплакаться.

Наконец, слезы закончились, а Лиззи, на удивление, почувствовала себя заметно лучше.

— Ну вот, такой ты мне нравишься больше, — заметил Тони. — А раз так, то вставай и помогай мне накрывать на стол.

Пока она жаловалась на жизнь, гостеприимный оператор успел наделать целый поднос симпатичных минипицц, накрошил два салата, достал откуда-то бутылку вина и, приглушив слегка свет, включил медленную музыку.

— Специально для тебя, док, романтический ужин в лучших итальянских традициях! — патетически произнес он, разливая вино по бокалам.

Ухо Лиззи зацепилось за слово "романтический", заставив ее отчаянно покраснеть. Тони тут же заметил ее смущение и жизнерадостно засмеялся:

— Не переживай так, док, не буду я тебя соблазнять. По крайней мере, сегодня не буду, — добавил он, окинув ее нарочито плотоядным взглядом. Мисс Кокс не сдержалась и невольно улыбнулась.

Ужин, с учетом общей обстановки, оказался восхитительным, вино — отменным. Под конец, правда, снова закрались страхи по поводу коварных намерений бывшего пациента, но тот их быстро пресек, выдав ей халат, разложив диван и строго-настрого приказав хорошенько выспаться. После чего выключил свет и перебрался в другую комнату.

Впервые за несколько дней Лиззи засыпала с безмятежной улыбкой на лице.

Адам Кошрайбер, боевой пловец. 3385.

Утренняя побудка у Адама получилась несколько неожиданной. Оказалось, привыкнуть к безделью можно буквально за пару дней. А привыкнуть к безделью в компании с красивой девушкой...

Но конкретно в это утро идиллия была грубо нарушена увесистыми пинками в дверь от взмыленного десантника, которому высокое начальство поручило разыскать всех подводников и немедленно представить их пред светлые очи командера Терона.

Десантник умчался дальше, а Адам, зевая и ругаясь в душе, принялся собираться на ковер, время от времени завистливо поглядывая на продолжающую смотреть сны Джул.

Задачу командер в итоге обрисовал нетривиальную, но не такую уж и сложную — любой боевой пловец в рамках общего повышения квалификации получал необходимый базовый уровень по подводной сварке. Тем более, что здесь и глубины-то не предвиделось — подумаешь, два-три фута...

Пара часов пролетели незаметно за проверкой и подгонкой оборудования и снаряжения, а также повторением поставленной задачи. Наконец, осталось только ждать.

Ждать пришлось час, второй... Адаму, как и его сослуживцам, осточертело сидеть в подводном снаряжении и ждать вылазки, но приказ — есть приказ...

В начале третьего часа к ним заявился Лэксби и велел снять подводное снаряжение и

расслабиться.

— В общем, парни, отчасти у нас все получилось. Долбаный лед все же растаял, мы набрали воды в трюм и затопили нужные отсеки. Там, кстати, в воде еще и эти красные волосы болтаются в огромном количестве, так что, надеюсь, тем падлам, что забрались к нам внутрь корабля, точно пришел каюк. Проблемка в том, что, пока таял лед под корпусом корабля, позволяя нам открыть кингстоны, лед на поверхности давным-давно растаял. И сейчас море вокруг нас, как обычно в таких случаях, кипит, мать его. И вся операция по установке заплаток переносится на несколько часов вперед, когда температура снова начнет падать.

Все помолчали, переваривая полученную информацию.

— А сколько у нас будет времени, — наконец, спросил кто-то.

Капитан недовольно пожевал губы и нехотя сообщил:

— Если верить аналитику, то у нас будет максимум полчаса с того момента, как можно будет выйти на палубу, не поджарившись при этом, и до того, как вода снова схватится льдом. Причем, если наступление первого момента мы отследим спокойно, то вот со вторым — проблема. Насколько стремительным будет похолодание, не знает никто. И я очень надеюсь, что никто из вас не захочет оказаться мухой в янтаре.

Адам представил, как падающая температура вмораживает людей в лед и ему стало немного не по себе.

— Не переживайте так. У всех будет страховка. И у тех, кто будет работать под водой, и у тех, кто будет в лодках. В случае критического похолодания врубятся лебедки и вас всех выдернет на борт. Будет немного больно, но вы точно останетесь в живых. Холод на воздухе сразу никого не убьет, а дальше все будут внутри и всех отогреют.

Капитан внимательно всех осмотрел, выявляя признаки малодушия, остался доволен результатом и удалился. Команда принялась стаскивать осточертевшие акваланги.

Старший научный сотрудник, полковник Ильин М. Д. Уральские горы.

— Итак, господа, вы присутствуете при втором боевом испытании нашего экспериментального оружия. Напоминаю, что первый пуск был признан лишь ограниченно успешным в связи с не до конца точной калибровкой луча, а также из-за потерь, которые понесла космическая группировка. К счастью, в конструкцию изначально был заложен потенциал для последовательного тройного срабатывания луча, что и позволило выполнить тренировочную миссию.

Полковник пошарил взглядом в поисках стаканчика с водой и опять проклял себя за забывчивость. Пора уже завести референта, который будет следить за всеми этими мелочами...

— В настоящее время вы видите нашу цель — эсминец четвертого флота США Дональд Трамп. Буквально через несколько секунд он войдет в зону поражения. Следите внимательно. Благо, в этот раз у нас есть еще и визуальная картинка...

Коммандер Рональд Терон. 3385.

Гадский климат планеты опять решил спутать все карты. Да, корабль немного просел, заполнил водой необходимые отсеки, но вторая важная часть задачи теперь становилась гораздо более трудновыполнимой. Коммандер пробормотал проклятие, наблюдая за тем, как

солнце потихоньку уходит к горизонту, а температура и не думает опускаться.

— Ничего, уже скоро, — уловил его мысли возвращенный из опалы главный аналитик. — Расчеты показывают, что через тридцать пять минут начнется достаточно быстрое понижение температуры, еще через сорок минут команда начнет работать, а затем у них будет минут двадцать на все.

— Хорошо бы...

По периметру мостика внезапно вспыхнули красные лампы тревожной сигнализации, заставив Терона подскочить в кресле от неожиданности.

— Что за хрень? — удивился кто-то.

— Внимание! На частоте ВМС США получен сигнал бедствия, — прозвучал бесстрастный голос оператора из центра мониторинга окружающей среды. — Через пять секунд канал связи будет передан на мостик старшему офицеру. Пять. Четыре. Три...

Рональд, очнувшись, бросился к командирскому пульта и задвигал переключателями, включая микрофон, запись и громкую связь одновременно.

— Мэйдэй, мэйдей, мэйдэй! — раздался хриплый голос в динамике. — Меня кто-нибудь слышит?

— На связи командер Терон, исполняющий обязанности капитана мобильной многофункциональной платформы "Барак Обама", третий флот США, — скороговоркой проговорил Рональд. — Назовитесь.

Собеседник немного помолчал.

— Это что, шутка? У меня здесь чрезвычайное бедствие...

— Это не шутка, — перебил неизвестного командер. — Вы просто попали туда же, куда и мы. Вокруг вас сейчас кипит океан, а температура воздуха не позволяет выйти на палубу. Я прав?

— Так точно.

— Держите вводную. Удивляться и спрашивать будете потом. Итак. Вы на совершенно другой планете. Воздух пригоден для дыхания. Это единственный плюс. Температурный режим здесь крайне жесток. Аномальная жара продержится еще около часа. Затем в течение следующего получаса температура опустится значительно ниже ноля градусов. Через три-четыре часа она стабилизируется на отметке в минус двести сорок пять градусов по Фаренгейту. Для того, чтобы выжить, вам нужно предпринять незамедлительные меры по спасению. Назовитесь и укажите тип вашего корабля. Мы постараемся вам помочь.

К чести неизвестного, принимал решения он достаточно быстро. Очевидно, кипящее вокруг корабля море неплохо убеждало его в правдивости слов Рональда.

— Капитан Джеймс Скотт, сэр. Командую эсминцем "Дональд Трамп", четвертый флот США.

Он сделал небольшую паузу и неуверенно добавил:

— Командер Терон, сэр, вы уверены в ваших словах? Я прошу прощения...

— Капитан, вы сами сказали, что вокруг вас кипит море. Что вам еще нужно в доказательство? Принимайте решение, верите вы мне или нет. И мы начнем вытаскивать вас из задницы. Если сможем...

— Так точно. Верю. На данный момент на корпусе корабля критическая для жизни температура. Во внутренних помещениях рост температуры удалось задержать на отметке от ста двадцати до ста семидесяти градусов. В зависимости от наличия кондиционеров. Холодильные системы работают на пределе, но еще час они выдержат. В случае же

похолодания до указанной вами температуры, боюсь, климатические системы не справятся...

— Есть, я засекала их! — радостно замахала руками Холли. Капитан Скотт, очевидно, услышав ее слова, замолчал.

— Так, капитан... — Рональд окинул взглядом появившуюся карту. — Вы в почти в трехстах милях от нас. Сейчас вам перешлют коды доступа к нашему спутнику, а также карты и тактическую информацию. Это хорошая новость...

— А плохая? — не выдержал капитан Скотт.

— Плохая новость состоит в том, что после встречного боя с местными аборигенами мы потеряли практически всю авиацию. Мы не сможем вас забрать. А вы не сможете за час преодолеть это расстояние своим ходом. Встречать же здешнюю зиму на вашем эсминце — это откровенное самоубийство. Ваш вертолет, я полагаю, смыло в море при переносе?

— Так точно, сэр.

Наступило неловкое молчание.

— Получил ваши данные. Проложил курс до вас, — бесстрастным тоном доложил Скотт. — Ваши слова — это окончательный приговор, сэр? У нас нет никаких шансов?

— Единственный шанс на спасение — это использование остатков наших воздушных сил, капитан, — медленно проговорил Терон. — И будь я проклят, если мы не попробуем сыграть этот шанс! Холли, срочно вызови сюда капитана Роджерса. Срочная расконсервация летных палуб. Всех операторов беспилотников — на вахту. Техников — тоже. Любимого пилота Роджерса — к самолету. Выполнять!

— Есть, сэр!

— Спасибо, сэр, — донеслось из динамика.

— Пока что не за что, — сердито ответил Рональд. — Сколько человек у вас в экипаже?

— Осталось триста двадцать два человека.

— Как много... Слушайте, капитан. Это выглядит и звучит, как полный бред, но нам придется забирать вас беспилотниками. И последним самолетом.

— Сейчас все вокруг меня выглядит, как бред, так что я готов ко всему.

— Сейчас мы в срочном порядке выбросим в воздух наши дроны. По идее, они не должны сразу сгореть при такой температуре, а дальше им будет проще. До вас они доберутся примерно за час. Примерно в это время океан вокруг вас начнет замерзать. Наши ребята будут сажать их поблизости от вашего корабля, от вас же требуется как-то прикрепить людей к подвескам. Надежно. И при этом одеть их так, чтобы встречный поток ледяного ветра не выдул из них всю жизнь. Ваши люди поймут, что это — действительно необходимо?

— Коммандер, прошу меня простить, но я почти сразу же переключил наш разговор на громкую связь по всему кораблю. Вас все слышат. Пойдут добровольцы из женщин, затем по жребию.

— Гм... Мудрое решение, капитан. Приветствую экипаж вашего корабля от лица нашего.

Терон, немного сбитый с толку тем, что он, оказывается, все это время выступал перед не самой маленькой аудиторией, собрался с мыслями.

— Возвращаемся к теме... Так вот, примерно в это же время прилетит наш самолет. У него будет возможность поместить четырех человек во внутренние отсеки для бомб, одного — на место второго пилота и дополнительно взять несколько человек на подвески. Учтите,

что шансы выжить у тех, кто будет внутри — выше всего. А у тех, кто будет снаружи — ниже всего. Потому что скорость полета будет выше, чем у дронов, равно как и неудобства при полете.

— Впрочем, это все равно смертельная затея... — добавил он чуть тише.

— Капитан Роджерс введен в курс дела и принял на себя командование операцией! — подскочила с докладом Холли. Коммандер благодарно кивнул.

— Теперь дальше, капитан Скотт. Мы успеем сделать только один рейс. Я понятия не имею, получится ли у нас спасти хоть кого-то в ходе нашей авантюры. Моряки, я это говорю для вас. Шансы спастись таким образом не такие уж и высокие, предупреждаю честно. Так вот, капитан. Про тех, кто полетит, я ничего не могу сказать. Но я точно знаю, что ждет тех, кто останется. Их ждет неделя адского холода. Минус двести сорок пять градусов — это реальность. После этой недели наступит такой же день, как сегодня — над нами пронесется это сумасшедшее солнце, превратив все вокруг в доменную печь. Но этот день даст вашему кораблю шанс добраться до нас. Для этого сейчас вам нужно заглушить и законсервировать все движущиеся части — винты, антенны. Иначе они просто сгорят, пытаясь двигаться на морозе. Вам нужно будет собраться всем где-нибудь в центре корабля. Пустить всю возможную энергию на поддержание тепла в этой части корабля и в буферной зоне.

Рональд сделал паузу и глотнул остывший кофе из чьего-то недопитого стаканчика.

— Господа, вполне возможно, что в конце этой недели вам придется сидеть без еды и воды в одном еле-еле отапливаемом помещении, сбившись в плотную кучку. Я не знаю. Не знаю, как справятся с этим ваши отопительные системы. Но шанс у вас будет только такой. Через неделю, возможно, вы все спасетесь. Также возможно, что холод настигнет вас уже завтра. Я не знаю...

Адам Кошрайбер, боевой пловец. 3385.

— Вперед, вперед, вперед!

Адам перемахнул через ограждение палубы и стремительно заскользил на тросе вниз, к слабо парящей водной глади. Мимо него вниз пролетела надувающаяся в полете спасательная лодка.

Плюх.

Плюх-плюх.

Отлично, приводнилась вся тройка. На страхующего их четвертого, который сейчас прицельно спускался в ярко-желтую лодку, всем было плевать.

Отбросив от лицевого щитка противные красные волоски, болтающиеся в воде, он принялся осматривать корпус. Вот оно. Есть первое отверстие. И действительно, почти у самого среза воды. Инженеры сработали ювелирно, осадив корабль именно настолько, насколько нужно.

Адам достал из-за спины сварочный аппарат. Блеснула и ярко вспыхнула огненная дуга. Красные волоски, словно почуяв неладное, торопливо отдернулись в стороны.

Итак, сначала скруглить края... Совсем рядом под водой вспыхнул еще один огонь.

Теперь — приставить грубую заплатку и начать сварку... Главное — герметичность, а намертво и по всей толщине обшивки дырку заделают позднее, изнутри...

Адаму внезапно подумалось — при таком небольшом размере отверстий, кто мешал дожидаться момента, когда лед за бортом схватится, а потом уже выпустить воду из

заполненных отсеков? Не промерзнет же она в мгновение ока. А потом можно было бы спокойно отбить изнутри образовавшуюся ледяную пробку, да заварить дыру всеми возможными способами. К сожалению, хорошая мысль, как обычно, пришла слишком поздно. А, может, он просто не знал чего-то, что было известно командному составу...

Подводник усердно вел огненной дугой по краю заплатки. Осталось совсем немного...

Джульетта Грин, оператор беспилотных аппаратов. 3385.

— Да чтоб тебя... — проклятый дрон, избиваемый льющимся с небес ледяным дождем, болтался в воздухе, как пьяный и изо всех сил пытался сбросить с себя оковы управления.

Неподалеку послышалась ругань и очередной ее коллега раздраженно поднялся из операторского кресла.

— Нереально. Дождь, тут же замерзающий на фюзеляже, потеря баланса, вдогонку еще и град... Мы так все беспилотники оставшиеся угробим.

— Заткнись, Свен, не все здесь такие криворукие неумехи, как ты, — проревел капитан Роджерс.

Джул была про себя абсолютно согласна со Свеном. Долбаный дрон то и дело пытался перевернуться в воздухе, окончательно потерять равновесие и шлепнуться в океан.

— Держите их, ребята, — уже совсем другим тоном произнес капитан. — Дождь скоро закончится, ребята с эсминца собьют намерзший лед и назад ваших птичек вести будет легче...

Выругался еще один оператор, в свою очередь разбивший беспилотник.

— Держите, держите, ребята... Осталось чуть-чуть... И океан уже начал замерзать...

Рэй Гивен, пилот. 3385.

В отличие от стайки беспилотников, тщетно попытавшихся преодолеть облачный слой, но смирившихся в итоге с обрушившимся на них дождем и градом, Рэй все же сумел его пробить и теперь несся в чистом небе, любуясь мириадами звезд над головой, наблюдая последние краски заката за хвостом самолета и колышущийся облачный океан внизу.

— А вот обратно придется пилить на сверхмалых высотах, — пробормотал он себе под нос. — Иначе пассажиры точно помрут...

Три сотни миль для истребителя — не расстояние. Вылетев значительно позднее беспилотников, он уже перегнал их и теперь находился практически над эсминцем. На панели замигала лампочка дружественного вызова. Пилот включил связь.

— На связи "Дональд Трамп", прием.

— Слышу вас, сэр. На связи младший лейтенант Рэй Гивен. Нахожусь над вами выше облачного фронта. Прошу корректировки с места.

— Лейтенант, пока что рано. Лед только начал схватываться, а ледяной дождь еще не закончился. Через пять минут должны начать прибывать ваши беспилотники, предлагаю сначала загрузить их, а уже потом сядете вы. Все равно у вас скорость выше и доберетесь до своих вы значительно быстрее.

— Принято, сэр. Жду вашего сигнала. После него ждите меня в течение двух минут.

Рэй сбросил скорость и принялся нарезать круги небольшого радиуса над эсминцем. Внизу появились, наконец, зеленые точки дронов. Пилот поморщился — вылетело сорок три штуки, а сейчас отметок оставалось едва ли два десятка.

Точки принялись маневрировать возле схематического изображения эсминца. Одна из них внезапно погасла.

— Вот же криворукие обезьяны, — в сердцах произнес пилот, забыв, что находится на прямой связи с эсминцем. Впрочем, в ответ тактично промолчали.

Одна из зеленых точек, недавно замершая на месте, снова начала движение и устремилась в сторону далекого авианосца.

— Рэй, слышите меня? — ожила связь.

— Так точно, сэр.

— У вас отображается тактическая информация с нашего корабля? Мы оставили специально для вас свободную полосу по левому борту. Начинайте снижение.

— Так точно, все вижу, иду на посадку. Какая температура за бортом?

— В настоящее время — минус четыре градуса по Фаренгейту и очень быстро понижается, как и предсказывал ваш командер. Будьте аккуратны при посадке, лед может быть еще непрочный...

— Здесь, сэр, такое впечатление, что все остывает одновременно. Не удивлюсь, если сейчас все замерзло уже на пару сотен метров вниз.

— Вам виднее...

Истребитель камнем рухнул сквозь быстро исчезающие облака.

— Наверное, град внизу был знатный, — опять сам себе заметил Гивен.

— Вы правы, но, к счастью, он очень быстро закончился, — подтвердил неизвестный с эсминца.

Рэй вышел на посадочную полосу с ювелирной точностью. Сбросил скорость, опустился на неровный лед, включил реверс... Самолет немного поболтало, но все же не развернуло, да и остановился он совсем рядом с группой поджидающих его людей.

Пилот открыл бомбовые люки и раскрыл захваты подвесок. Вокруг самолета тут же началась возня. Закутанные в множество одежд люди с трудом тащили на себе неуклюжие меховые тюки, чтобы прицепить их к подвескам. Гивен не сразу понял, что это — тоже люди, только доведенные до состояния огромного кокона кучей намотанных на них тряпок.

— Жестоко, — снова не сдержался он.

— А что делать, — снова ответил его собеседник с эсминца. — Температура уже минус двадцать пять. На скорости, сами понимаете, станет в три раза холоднее. А так у них будет хоть какой-то шанс.

За спиной у пилота началась возня — на штурманское место, до сих пор не восстановленное после катапультирования его второго номера, грузили пассажира.

Через пару минут молчания собеседник продолжил:

— Попросят вам передать, что можно закрывать бомбовые люки. Пассажиры там закреплены окончательно.

— Пассажиры? — поинтересовался Рэй, давая команду на закрытие створок.

— Так точно. Двое — наши врачи, одна — штурман, одна — штатный аналитик. Вы уж сберегите их там...

— Постараюсь, — с неожиданным волнением в голосе ответил пилот.

— Все, передают, что вы можете взлетать. Удачи, Рэй!

Фигурки внизу быстро отбежали в сторону подсвеченного огнями силуэта эсминца.

— Спасибо, друг. Надеюсь, вам здесь улыбнется удача. Шансы есть.

— И тебе спасибо, — грустно ответил собеседник.

Самолет, сначала плавно и неуверенно, затем все быстрее и стремительнее двинулся по неровному льду. Рэй некоторое время боялся, что сейчас его птичку развернет или уведет в сторону, но истребитель все же справился с задачей, оторвался от земли и с черепашьей скоростью, не намного превышающей скорость беспилотников, полетел в сторону авианосца.

Джульетта Грин, оператор беспилотных аппаратов. 3385.

— Сэр, я не знаю, что делать! — в панике прокричала Джул. — Дрон перестает меня слушаться!

— Тихо, девочка, тихо, — Роджерс положил ей на плечо сильную руку. — Он будет тебя слушаться. Он, сволочь, никуда не денется... Держи его...

Беспилотник не хотел слушаться ни свою хозяйку, ни ее командира. Под его короткими крыльшками болтался непривычный и сильно мешающий полету груз, на его корпусе все больше и больше нарастал пушистый покров из инея, ледяной холод все глубже пробирался в его внутренности, грозя погасить в нем искру жизни...

— Температура перевалила за минус шестьдесят, — бесцветным голосом произнес кто-то за спиной Джульетты.

Та, стиснув зубы, продолжала ловить и нивелировать джойстиком малейшие колебания своего подопечного.

— Давай, давай, осталось всего половина пути...

Кто-то у нее за спиной протяжно выругался и тут же затих, стараясь больше не мешать тем, кто все еще вел беспилотники с живым грузом к авианосцу.

— Минус семьдесят шесть градусов...

Рэй Гивен, пилот. 3385.

— Рэй, температура за бортом приближается к минус девяноста, — раздался в наушниках голос капитана Роджерса. — Мы начали терять беспилотники, а до авианосца вам всем осталась еще практически половина пути. Слушай прямой приказ, младший лейтенант. Выйти на крейсерскую скорость, все остальное делать согласно первоначальному плану.

— Но, сэр...

— Выполнять немедленно.

Капитан отключился, а Рэй горько ухмыльнулся. Роджерс, скорее всего, сейчас спас жизнь самому Гивену и четверем его пассажирам, ютящимся в бомбовом отсеке. А также неизвестному, примостившемуся сзади. Но при этом обрек на гибель тех, кто сейчас уродливыми коконами цеплялся к крыльям его самолета.

Интересно, что они чувствуют сейчас и что будут чувствовать через несколько минут, когда пронизывающий поток ледяного ветра будет выдувать из их тел остатки тепла и рвать хлипкие крепления, на которых сейчас крепятся ниточки их жизней? Какими словами они наградят в последний момент своей жизни пилота, обрекшего их на смерть?

Гивен прикусил губу и прижал кнопку форсажа на джойстике. Привычное ускорение вдавило его в спинку сиденья.

Пятьсот миль в час.

Шестьсот.

Семьсот. Внизу промелькнули несколько зеленых точек.

Восемьсот. Умная электроника оповестила о непреднамеренном сбросе трех ракет. Как

же, ракет... По щеке пилота скатилась слеза.

Девятьсот миль в час. Еще один сброс.

Тысяча. Вдали появилось схематичное изображение авианосца. Пилот проморгался и включил полное погружение в шлеме. Окружающий мир расцвел топографическими сетками, отметками высот и рекомендованными посадочными коридорами. Для того, чтобы посадить самолет на авианосец в его теперешнем месте пребывания, требовалось сделать небольшой крюк, понизить скорость чуть ли не до нуля, а затем полагаться на удачу. Гивен начал глушить двигатель.

— Рэй, ты молодец. Температура за бортом — минус сто двадцать по Фаренгейту. Это еще не критично. Осталось немного. Тебя встречают, тебе помогут.

Он выключил полное погружение — палуба корабля все равно будет расчерчена посадочными огнями, а в живую сажать самолет ему всегда было удобнее. Даже на такую куцую полосу.

Шасси ударились о настил, крюк зацепился за трос, гася скорость...

В следующий момент надежнейший и прочнейший трос лопнул, как гнилая веревка, а самолет, заскользив по обледеневшей палубе, боком понесся к краю палубы.

— Твою мать...

Целую секунду Рэй пытался придумать выход из сложившейся ситуации, замороженно наблюдая стремительно приближающийся обрыв. Затем рефлекс пилота сработали и он, успев нажать кнопку экстренного сброса бомб, рванул рычаг катапульты.

Колпак кабины отлетел в сторону, а кресло выбросила вверх реактивная струя — как раз в тот момент, когда гордость американского самолетостроения снесла собой хрупкое ограждение и в последний раз величественно замерла в воздухе.

Затем над пилотом распахнулся купол, а самолет, в момент растеряв всю свою грациозность, кувыркаясь, рухнул на далекий лед.

Удар, ледяные крошки, разлетающиеся в стороны... Пара язычков пламени, пробивающиеся сквозь покореженный остов. И тут же — яркая вспышка и клубы огня, жадно облизнувшие борт авианосца.

Рэй задергал стропы, стремясь направить полет парашюта на палубу. Там, внизу, бегали и суетились люди, некоторые — смотря на него, некоторые — копошась вокруг двух длинных свертков, валяющихся на самом краю палубы.

— Неужели получилось? — неверяще спросил сам себя пилот, продолжая дергать за стропы.

Джюльетта Грин, оператор беспилотных аппаратов. 3387.

— У меня не получилось... — повторяла и повторяла Джул одну и ту же фразу, стеклянными глазами смотря на свой экран.

Ее беспилотник был предпоследним, оставшимся в строю. До корабля оставалось всего двадцать девять миль, когда в летающей машинке произошел очередной сбой, на этот раз оказавшийся критичным. Картинка и телеметрия с аппарата просто застыли и отказались обновляться. Через пять секунд появилось сообщение о потере связи с беспилотником. А еще через десять секунд бесстрастный спутник, уже почти скрывшийся за горизонтом, констатировал падение ее подопечного.

Еще через минуту оператор за три кресла от нее схватил свой монитор и с яростью разбил его об пол. Капитан Роджерс не сказал на это ни слова, мрачно рассматривая потолок.

Коммандер Рональд Терон. 3387.

— Капитан Скотт, прошу прощения за долгое молчание.

— Слушаю вас, коммандер... Как я понимаю, новости не самые хорошие? В этот раз вы общаетесь только со мной, по закрытому каналу.

— Благодарю, капитан. Я не имею понятия, как можно смягчить это известие. Так что я просто сообщаю вам, что ни один из наших беспилотников не смог добраться до корабля.

— Вообще ни один? — невозмутимым голосом спросил Скотт.

Рональду захотелось застрелиться. От осознания собственного бессилия, от того, что его авантурный план стоил преждевременной смерти почти полусотне человек.

— Нет, капитан. Наши операторы ничего не смогли противопоставить погоде. Простите меня, если можете. Ведь это из-за меня они все погибли. Из-за моего дурацкого плана.

С другой стороны линии раздался горький смешок.

— Коммандер, вы сделали все, что было в ваших силах, чтобы спасти моих людей и не ваша вина, что этого не случилось. Поверьте, я бывал в подобных ситуациях. Я знаю, что это больно. И не вините себя слишком сильно. Все оставшиеся на нашем корабле, скорее всего, не проживут до следующего теплого денька. У нас на корабле уже началидохнуть все подряд системы, а ведь мороз пока что подошел всего к полутора сотням. Мы покойники, коммандер. Но мы будем мучиться долго и безо всякой надежды, а тем, кто рискнул и полетел к вам, вы дали надежду и подарили быструю смерть. Не корите себя, Рональд, не нужно.

Терон не сумел найти слов в ответ.

— А что с самолетом? Тоже провал?

— Самолет добрался до корабля. Но только за счет того, что пилоту был отдан прямой приказ набрать крейсерскую скорость.

— Ясно. Погибли все? — спокойным голосом поинтересовался Скотт.

— Те, кто находились под крыльями — да. Крепления не выдержали. Тем, кто был в бомбовом отсеке, повезло больше. Но, к сожалению, из-за аномальной температуры при посадке произошла авария. Самолет свалился с палубы. Единственное, что успел сделать пилот — это открыть створки люка и катапультироваться самому. В итоге в последний момент на палубу вывалились двое из четырех перевозимых. Их забрали, они сейчас в нашем госпитале, с ними все должно быть в порядке. Остальные трое погибли вместе с самолетом.

— И вы тянули с такой замечательной новостью, коммандер?! Бог мой, я не верил, если честно, что получится хоть у кого-то. А вам удалось вытащить двух наших девчонок! Пилот жив?

— Жив, капитан. Но я не очень понимаю вашу радость...

— Передайте ему мою личную благодарность. А по поводу радости... Коммандер, в самом начале нашего разговора вы буквально приговорили нас всех к смерти. И я вам поверил. Было сложно не поверить. Потом вы подарили нам мизерный шанс. И вот теперь я узнаю, что двое из моего экипажа сумели-таки вытянуть счастливый билет!

— Все равно я так не могу...

— Вас что-то становится плохо слышно, коммандер. Спутник уходит за горизонт?

— Скорее всего, да, капитан. Через несколько часов сигнал снова появится. Но мы законсервируем станцию, так что связь с нами будет только во время следующего периода тепла.

— Принято, коммандер. Не забудьте передать бла...

Голос Скотта затих.

Терон, стоявший на ногах весь разговор, прошел к дивану и плюхнулся на него, рассматривая собравшихся на мостике безумными глазами.

— Получается, можно подвести итоги сегодняшнего дня? У кого что?

— Коммандер, мы потеряли все боевые беспилотники и последний самолет, — произнес осунувшийся Роджерс. — С сегодняшнего дня авиагруппы у авианосца больше не существует. Позитивный момент — никто не погиб при выполнении задания, ни один из операторов, потерявших дронов с людьми, пока еще не покончил с собой, а по итогам операции спасены два человека.

Рональд задумчиво кивнул.

— Я только что был в госпитале. Спасенные дамы — аналитик и штурман. Состояние обоих стабильное, в госпитале они только ради профилактики. У них всего лишь небольшие ушибы, легкое переохлаждение, да и все. Я уже распорядился, чтобы им подобрали двухместную каюту. Точнее, доктор Кокс сказала, что они могут воспользоваться ее каютой, а она сама переберется к знакомому.

— Спасибо, Найджел. Что у нас с заплатками и незваными гостями?

— Пришлось повозиться, но в целом план выполнен полностью. С момента затопления до настоящего момента не произошло ни одной новой разгерметизации...

Корабль слегка качнулся из стороны в сторону, заставив стоящих людей схватиться за ближайšie неподвижные поверхности.

— Это еще что?

Пол под ногами опять легонько дрогнул.

— Так! Брэдли — быстро лезь в свои программы, от тебя нужна диагностика. Центр!

— На связи, сэр. В настоящую секунду, судя по поступающим данным, происходит частичное разрушение металлических конструкций в зоне, подвергшейся во время конфликта заморозке неизвестным оружием. Происходит множественная разгерметизация отсеков в законсервированном секторе. Явление теоретически предсказанное и сиюминутной опасности не несет. Все значимые ресурсы, не говоря уже о людях, находятся вне зоны поражения.

— Ну, хоть что-то хорошее. Брэдли, добавишь что-нибудь?

— Минуту, коммандер. Сейчас...

Перед собравшимися развернулась голограмма, иллюстрирующая текущее состояние корабля. Зона, на которую пришелся холодный выстрел, теперь пестрела красными секторами.

— М-да.

— Точно так, сэр. Мы, считай, потеряли одну шестую от оставшейся части корабля. А сам корабль получил знатную дыру. Хорошо еще, что не разрез сверху донизу. В будущем однозначно придется забыть о каких-либо передвижениях, а перебираться из одной части корабля в другую мы сможем только через трюм или главную надстройку.

— Бог ты мой, когда же это все закончится... Он нашего корабля постепенно отщипывают кусок за куском. Уже сейчас это — убогий огрызок. Что мы можем? Пальнуть пару раз из рельсотронов? Выпустить две баллистические ракеты? Нас даже какие-то драные осьминоги имеют во все отверстия!

— Брось, Рональд, — рассудительно произнес Бойлз. Осьминогов мы сами очень неплохо поймали. Корабль не умер и в будущем у него таких перспектив я что-то не

замечаю. Реактор пашет, свет, тепло и холод у нас есть. Припасы тоже. Так что все у нас еще нормально. Вот ребятам с эсминца зато точно не позавидуешь...

— Мостик, у нас проблемы, — послышался из коммуникатора голос главного инженера. — Посланные на устранение пробоев в корпусе команды не отвечают. Ни одна.

Десантник Фил Скотт. 3375.

Собираться пришлось в темпе, старшина Янг в этот раз не делал никаких скидок на его физическое состояние. Произошло явно что-то серьезное, раз даже его выдернули для выполнения задания. Наконец, небольшой отряд выстроился перед раздраженным старшиной.

— Морпехи! Судя по полученным нами данным, на борт корабля произошло проникновение здешних местных тварей. Причем, сразу в трех местах. Наша задача — зачистить территорию и, по возможности, уничтожить всех противников. Слушайте вводную. Наш враг — существа небольшого размера, способные к изменению формы своего тела. Потенциально они чрезвычайно опасны в ближнем бою. Скорее всего, они чрезвычайно хорошо умеют маскироваться. Согласно выводам аналитического отдела, смертельными будут только многочисленные попадания в тело противника, которые приведут в итоге к разрушению его шкуры. Говоря проще, ребята, стрелять в них нужно до того момента, пока из них не полетят клочки мяса. До этого они, считай, невредимы.

Кто-то в нарушение устава негромко ругнулся. Старшина это проигнорировал.

— Согласно записям, эти твари имеют некий неосязаемый контур, стрелять в который, похоже, не имеет смысла. Но, вместе с тем, они не бесплотны — для проникновения на корабль им пришлось делать дырки не меньше десяти дюймов в поперечнике. Так что наш шанс — это плотный шквальный огонь. И только до победного конца!

Спуск на первый уровень под ватерлинией прошел штатно и быстро. Открывшаяся за дверями лифта палуба была хорошо освещена, абсолютно безлюдна и опасной не выглядела. Но, судя по всему, именно где-то здесь пришельцы и таились.

— Внимание всем! К нашему каналу подключен один из операторов центра мониторинга. Под его присмотром сейчас находится наша группа и вся эта палуба. Не полагайтесь на него, как на Бога, но слушайте, что он говорит, в оба уха!

Прочесывание территории началось с кормы корабля, благо там львиную долю пространства занимали глухие отсеки с пусковыми шахтами баллистических ракет. Дальше пришлось облазить все вокруг таких же глухих реакторных отсеков. Все двери после прохода отряда тщательно закрывались, пломбировались, после чего незримо сопутствующий им оператор помечал помещение как безопасное и предлагал всем продвигаться дальше.

— На расслабляться! — выдал ценное указание старшина. — Сейчас мы проверили ту часть палубы, которая имела минимальные шансы на проникновение врага. Дальше начинается территория, на которую он мог проникнуть, благодаря появлению здесь сварочной команды.

— Внимание! — тут же раздался в ушах голос оператора. — Третья группа вступила в огневой контакт с врагом. Есть потери. Всем оставаться на местах!

Морпехи, не говоря ни слова, заняли круговую оборону в каком-то узком коридоре.

— Семь убитых в третьем отряде. Восемь. Один противник уничтожен. Пятнадцать убитых. Восемнадцать убитых. Третий отряд уничтожен. Подтверждена смерть одного врага.

Анализ обстановки затруднен использованием одним из десантников плазменной гранаты.

Фил почувствовал, насколько нервно его руки сжимают металл штурмовой винтовки.

— Всем оставшимся отрядам предписано оставаться на местах и ждать подкрепления.

В коридоре пришлось сидеть еще почти сорок минут. Затем, практически одновременно, до них добралось то самое подкрепление и оператор выдал, наконец-то, целеуказание.

— Слушай мою команду, — негромко произнес старшина. — Враг обнаружен в пятидесяти ярдах к носу корабля. Судя по всему, здешняя команда сварщиков все же закрывала за собой двери, поэтому эти твари не прошли далеко. Процарапали всего одну перегородку, а там их отследили камеры. Так что двигаемся в темпе, выходим к отсеку с ними, дальше координируемся с командованием и работаем. Вперед!

Полсотни ярдов отряд прошел за минуту, столпившись около неприметной двери, ведущей в какой-то склад. Старшина развернул и наклеил на стену мобильный дисплей, куда тут же выдал текущую информацию оператор.

По толпе солдат прошла легкая волна шепотков и ругани.

Судя по выданной информации, твари, в количестве четырех штук, расселись полукругом прямо за дверью, явно ожидая посланных по их душу морпехов.

— Предлагаю план действий, — снова раздался в ушах у всех бесстрастный голос оператора. — В первую очередь требуется полностью заблокировать противоположный конец коридора. Затем отойти на десять ярдов, перегородить коридор сетью и занять позиции для стрельбы сразу за ней. Потом я дистанционно открою дверь. При выходе противника в коридор нужно будет встретить его массированным огнем.

Заминка в итоге вышла только с сетью — ее пришлось сначала искать, а потом ждать, пока принесут.

— Внимание, общая информация. Группа один закончила проверку палубы. Обнаружены тела сварщиков, найдено место боя третьего отряда. Обнаружено три мертвых существа. Помимо этого, обнаружены следы проникновения в одну из лифтовых шахт. Что особенно неприятно, анализ видеозаписи ничего не дал — похоже, конкретно эти существа научились как-то становиться невидимыми. Либо же это просто запредельный уровень маскировки.

Существа за стенкой, в отличие от своих более искушенных собратьев, маскироваться не собирались и все также с интересом рассматривали дверь отсека, ожидая, когда же люди наберутся смелости зайти внутрь.

— Десятисекундная готовность. Десять. Девять. Восемь...

Фил, стоя на колене, крепче сжал в руках оружие. Перед ним лежал другой морпех, сзади стоял третий. Все для того, чтобы залить коридор свинцовым дождем...

Дверь открылась, с легким шелестом отойдя в сторону... И ничего не произошло.

Секунда, другая, третья... Фил бросил взгляд на висящий на стене экран. Твари за дверью целеустремленно пятились назад, явно не желая высовываться в коридор.

— Джек, — послышался тихий голос старшины. — Ты должен закинуть внутрь сцепку гранат. Действуй.

Морпех рядом с Филом аккуратно положил винтовку на пол, вытащил из разгрузки четыре бруска плазменных гранат, состыковал их в одну группу и, отогнув сетку, вышел вперед. Шаг, другой. Замер, присматриваясь к дверному проему. Хлопнул по кнопкам активации и плавным, красивым, явно годами отработанным движением бросил посылку

внутри отсека.

В этот самый момент корпус корабля ощутимо вздрогнул от очередного разрушения покореженных холодом переборок.

Сцепка крутанулась в воздухе, мигая красными диодами, затем ударилась о край дверного проема и, словно нехотя, отскочила обратно в коридор.

Фил почувствовал, как все волосы у него на теле встают дыбом.

— Ложись!!! — заорал кто-то рядом.

В следующее мгновение в коридоре зажглось миниатюрное солнце, щедро плеснувшее во все стороны потоками перегретого ионизированного газа. Вспышка длилась десятые доли секунды, а поток плазмы практически мгновенно остыл, успев за это время отдать энергию окружающей среде. В том числе и боеприпасам, находившимся у морпехов. Новая череда вспышек и взрывов оставила несколько зияющих дыр в стенах, полу и потолке коридора, заодно превратив отряд в кровавое, неравномерно прожаренное месиво.

Из дверного проема, окруженного медленно темнеющим раскаленным железом, акkuratно выглянуло существо, отдаленно напоминающее сразу кота и осьминога. Осмотрелось, а затем, забавно подпрыгивая на раскаленном металле, добралось до дырки в полу и, чуть помедлив, исчезло в ней.

Из отсека высунулись еще два существа. Одно из них нерешительно притронулось лапкой-щупальцем к оплавленному дверному проему, заставляя все еще светящийся металл темнеть на глазах. Но через пару секунд это занятие ему разонравилось и оно тоже выпрыгнуло в коридор. Следом за ним туда же выбрались и остальные корабельные гости.

Луис Суарес, оператор СМОС. 3314.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, оператор, — голос командера был вежлив, но чрезвычайно зловец. — Вы говорите, что, выполняя поставленную задачу, погибло больше полусотни наших людей, а в итоге задача выполнена только на треть, к тому же, забравшиеся к нам на корабль гости сумели скрыться в неизвестном направлении? Я ничего не упустил?

— Никак нет, сэр.

— И как же это произошло, позвольте полюбопытствовать?

— Человеческий фактор, сэр. Один из морпехов, выполняя заброс гранаты внутрь захваченного противником отсека, ошибся, в результате чего взрыв произошел в непосредственной близости от тактической группы.

— Чья была идея штурма? Чей план?

— План захвата помещения — мой, сэр. Приказ на использование гранат — тактическое решение старшины Янга, сэр.

Невидимый, далекий, но, к сожалению, очень даже реальный командер Терон немного помолчал.

— Вы на время отстраняетесь от службы. Сдавайте вахту дублеру и можете быть свободны до следующего приказа. Конец связи.

— Да и черт с тобой, — в пространство заявил Луис, перекидывая приоритет управления на Джулию и выползая из кресла.

В груди почувствовалась прорезавшаяся пару дней назад и уже ставшая немного привычной боль. К врачам, что ли, сходить... А почему, собственно, и нет? Джулии еще пару часов сидеть на вахте, делать ему абсолютно нечего. Решено.

Суарес, подошедший к госпитальному отсеку, не учел только одного — в это время корабельные часы показывали уже далеко за полночь и никого из медперсонала на

дежурстве не было. Точнее, не было врачей — сонная дежурная медсестра все же присутствовала, но, узнав о причинах его визита, мягко послала в теплое и темное место, сообщив, что диагностика не входит в ее компетенцию.

На выходе из отсека на Суареса внезапно напал кашель, скрючивший его напололам прямо перед сочувственно смотрящим на него чернокожим часовым.

— Слышь, брат, если у тебя совсем все плохо, я могу вызвать доктора. Ты как?

Суарес, справившись с приступом кашля, несколько секунд мрачно рассматривал кровь на пальцах руки, которой он прикрывал себе рот.

— Нормально, друг. Не нужно будить доктора. Я потерплю...

Путь до каюты оказался неожиданно долгим и неприятным. Боль в груди теперь казалась предвестником скорой смерти, мысли в голове роились все более печальные. Вышедший из центра мониторинга веселый и довольно жизнерадостный Суарес подошел к дверям своей каюты грустным и разбитым.

Машинально включив свет, переодевшись и включив музыкальный канал, оператор уселся на диван и задумался, машинально массируя грудь.

Что это? Неожиданно подкравшийся туберкулез, обычное воспаление легких или..?

Луис неожиданно разозлился на себя за малодушие. Какое, к черту, воспаление легких. Самый обычный и от этого не менее смертельный рак. Наверняка.

— Докурился, оципаный опоссум, — зло сказал он сам себе.

Новый приступ кашля скрутил его прямо на диване. Оператор, откашлявшись, с трудом разогнулся.

— Что за черт, — пробормотал Луис, рассматривая свежую кровь на пальцах. — Вчера же еще ничего не было практически.

Промелькнула мысль вернуться в госпиталь и все же вызвать врача. Но при мысли о новом переходе накатила неприятная слабость и желание напрочь отпало.

В легких начал разгораться новый пожар.

— Я что, прямо сегодня сдохну, что ли? Так не бывает.

На экране очень в тему запустился древний, как дерьмо мамонта, клип "Дорога в ад". Луис, оценив иронию, криво улыбнулся, капнув кровью на халат.

Да пошло все к черту. Он, с трудом поднявшись, дошел до заветного ящика с двумя оставшимися сигарами. Достал их, достал начатую бутылку виски из бара. Немного подумал и, пошарив в холодильнике, достал пару банок колы.

Очередной сеанс кашля опять заставил его согнуться в три погибели, уронив на пол сигары и колу. Пришлось ползать по полу и собирать. Наконец, Луис со вздохом облегчения устроился в любимом кресле. Чуть торопясь, набулькал себе стакан виски. Плюнув на долгие церемонии, отхватил гильотинкой кончик сигары и подставил ее под пламя зажигалки.

Наконец, сладковатый дым коснулся его языка и Суарес прикрыл глаза со вздохом наслаждения. Аккуратно выпустил дым через нос. Положив дымящееся чудо табачной промышленности в пепельницу, глотнул виски, тут же варварски запив его кока-колой.

Жизнь налаживалась. Даже боль в груди отступила на второй план, а кашель затаился до более подходящих времен.

Найджел Гатлинг, шеф военной полиции. 3301.

Этим утром Найджел уже успел сделать все, чтобы только не открывать новостную сводку, любезно скинутую ему дежурным оператором центра наблюдения. Побрился, умылся, прибрался в каюте, приготовил завтрак, съел его, приготовил кофе...

Дальше поводы для того, чтобы отложить работу, закончились. Шеф полиции допил кофе, горестно вздохнул в пространство и развернул сводку.

За ночь разрушение корпуса корабля в местах применения замораживающего оружия практически закончилось. Да, большой участок обшивки и внутренних конструкций теперь напоминал решето, но в целом все было не так уж и страшно. Дальше в стороны коррозия металла не распространялась.

Инопланетные твари, пробравшиеся на корабль, продолжали жить и здравствовать. Одна их группа, потихоньку куроча перегородки, подбиралась все ближе к реактору, вторая...

— Охренеть.

Вторая группа, похоже, пробралась сквозь пояс консервации и добралась до обитаемых палуб. Чем незамедлительно и воспользовалась, равно как и беспечностью обитателей одной из кают, оставивших ее открытой. Итог — десять трупов, мирно лежащих в своих кроватях.

Среди экипажа корабля, мигом узнавшего про массовую смерть, опять начались волнения, пусть и не очень сильные. Как основного организатора и подстрекателя оператор выделил некоего Дэна Соссо. Найджелу пришлось достать из небытия файл с его личным делом и погрузиться в чтение.

— Не был, не состоял, не привлекался...

Обычная, стандартная карточка в личном деле. Серая ничтожная мышь. А здесь, под влиянием ситуации, — пожалуйста, чуть ли не вождь и предводитель народного восстания.

Найджел ткнул пальцем в экран, узнавая, в каком месте корабля находится Соссо, а затем вышел из каюты. Искать Лэксби ему было лень, поэтому, увидев в одной из зон отдыха двоих морпехов, направился к ним.

— Солдаты, вы нужны мне для полицейской миссии. У вас есть десять минут для того, чтобы взять винтовки и встретиться со мной в отсеке пятнадцать-шесть-три.

— Да, сэр! — в глазах десантников, оторванных от безделья, читалась тоска и безысходность.

Шефу полиции пришлось подождать не десять, а пятнадцать минут, но он не стал акцентировать на этом внимание.

— Солдаты, нам предстоит отправить на гаупт-вахту одного излишне буйного матроса, занимающегося подрывом морального духа команды. Действовать по ситуации. Пошли.

Морпехи, предусмотрительно нацепившие на себя полные боевые комплекты, согласно кивнули и отправились за Найджелом.

Соссо обнаружился в полупустой столовой, где он произносил пламенную речь перед тремя-четырьмя десятками матросов и техников. Шеф Гатлинг, пока еще никем не замеченный, прислушался.

— ... как крысы. Но самое главное — нас практически не считают за людей. Нас запихнули в душные камеры, кормят дерьмом, ни о чем нам не рассказывают. Сегодня ночью погибло восемь наших товарищей — и что, они что-нибудь сделали? Нет! Нам даже тела пришлось выносить самим. Пора уже понять, что мы больше не в Америке! Здесь играет роль то, что человек умеет, а не то, какой у него пост был там. Мы все — отличные специалисты, знающие, как работать руками. Не пора ли нам взять ситуацию в свои руки?

Толпа ответил крайне одобрительным ворчанием.

Найджел шагнул вперед.

— Дэн Соссо, вам придется проследовать со мной, — произнес он безразличным

тоном. — Мной было принято решение об изоляции вас от общества в целях предотвращения беспорядков на корабле.

Матрос, кажется, не удивился и не испугался, а даже обрадовался.

— Вы видели, парни? — он повернулся к аудитории. — Когда мы умираем, они даже не появляются. Зато, стоило только запахнуть жареным, сразу же прислали своего цепного пса. И что же? Вы отдадите меня этим крысам? Или же возьмете яйца в кулак и потребуете справедливости?! Смотрите, я иду к ним. Ваше дело — остаться трусами или пойти за мной!

Найджел, сохраняя невозмутимое выражение лица, с холодком в душе смотрел на то, как то один, то другой из собравшихся, стиснув зубы и нахмурившись, присоединяются к медленно приближающемуся Сосью. Сзади слышались щелчки предохранителей. Он секунду подумал и вытащил из кобуры пистолет, держа его в опущенной к полу руке.

Матрос не дошел до шефа полиции нескольких шагов и остановился, картинно раскинув руки.

— Вот он я! Подойдите и арестуйте!

За его спиной скопилась мрачная толпа человек человек из пятнадцати. Остальные, как краем глаза отметил Гатлинг, потихоньку покидали помещение через противоположный выход.

Он принял решение.

— Насколько я понимаю, матрос Сосью, вы отказываетесь добровольно подчиниться приказу вышестоящего офицера в обстановке, приравненной к боевой, — все так же безразлично произнес он, заметив, как забегали глаза почувствовавшего неладное матроса. — Я уполномочен вынести приговор...

Негромко хлопнул выстрел. Голову матроса дернуло назад и он рухнул прямо в толпу своих последователей, расступившихся от неожиданности.

Найджел спрятал пистолет в кобуру.

— ...и привести его в исполнение.

Он пару секунд смотрел на оторопевшую толпу.

— Вы все. Тело убрать, палубу вымыть. Все ясно?

Толпа ответила злым молчанием и чуть-чуть приблизилась.

— Я спросил — все ясно?

— Дэн был прав, — со злобой произнес какой-то неизвестный Найджелу негр. — Братья, если мы сейчас промолчим, мы так и останемся бесправным скотом в этой банке. Их всего трое!

Толпа заворчала и сделала шаг вперед. Гатлинг невольно отступил на шаг и тут же понял, что это было ошибкой.

Матросы и техники бросились вперед. Навстречу им из-за спины у у шефа полиции ударили очереди из винтовок.

Найджел долгие пять секунд смотрел на то, как падают и корчатся на полу люди, прошитые стальным ливнем. Затем наступила тишина. Лишь где-то неподалеку все катилась и катилась пустая гильза, никак не желая останавливаться и нарушая тишину легким звенящим шорохом.

Розмари Викерс, помощница интенданта. 3284.

Проснувшись, Роз некоторое время не могла понять, где она и почему у нее так болит

голова. Но все быстро встало на свои места — тесная десантная каюта, открытый бардак повсюду, две пустые бутылки...

— О-ох...

С трудом поднявшись с кровати, она подошла к холодильнику и с надеждой его открыла. Пакет томатного сока, предусмотрительно спрятанный ей там накануне вечером, исчез. Дальнейшее изучение каюты позволило-таки найти пропажу, но легче девушке не стало — пакет оказался пустым.

— Черт.

Сбросив одежду, она проковыляла в душ и немного постояла под струями воды, искренне надеясь, что головная боль пройдет.

Надежда не оправдалась.

Пришлось лезть в аптечку и пить аспирин.

Некоторое время Розмари сидела на кровати и смотрела в одну точку, пытаясь понять, становится ли ей лучше.

— Пора это прекращать, — пробормотала она, когда головная боль начала потихоньку уходить.

Нет, Рэй, конечно, замечательный парень, с ним очень легко общаться и в качестве собутыльника он тоже отлично подходит. Но вот так просто пьянствовать — это уже слишком.

Она вспомнила, как пилот в пьяном угаре жаловался на жизнь и рассказывал о своем последнем вылете, время от времени пуская печальную слезу. Ее передернуло. Нет, пьянки точно нужно прекращать. Видеть своего соседа в таком состоянии она не хотела...

Тут ее мысли свернули в другую колею и мисс Викерс вспомнила свои собственные пьяные откровения. Стало чрезвычайно стыдно.

— К черту.

Девушка принялась убираться в каюте, продолжая при этом думать о Рэе. С учетом сложившегося на корабле бедственного положения ей, как никогда раньше, хотелось иметь рядом крепкое мужское плечо. И пилот подходил на роль спутника жизни лучше всех, кого она здесь знала. Нужно просто перестать пьянствовать и начать действовать, как полагается в таких случаях.

Закончив убираться, Роз критически осмотрела себя в зеркале и потратила десяток минут на легкий макияж. Затем, облачившись в свой самый симпатичный халатик, принялась готовить бутерброды. Затем, немного подумав, достала пару таблеток аспирина и положила их на поднос к бутербродам, поставив рядом стакан воды.

Вот теперь пойдет. Не ресторан, конечно, но сосед должен обрадоваться такому набору.

Она выбралась из своей каюты, подошла к двери Гивена и, немного поколебавшись, подняла руку, чтобы постучаться.

Изнутри раздался громкий хлопок выстрела, а затем звук падения чего-то тяжелого. Розмари застыла с поднятой рукой.

Секунд десять длилась немая сцена, затем мисс Викерс развернулась, аккуратно зашла в свою каюту, поставила поднос с бутербродами на стол и села рядом на койку.

После чего тихо заплакала, спрятав лицо в руках.

Адам Кошрайбер, боевой пловец. 3283.

Адам попрыгал, проверяя, как сидит экипировка. Рядом с ним точно так же прыгали и

проверяли снаряжение товарищи из его группы и незнакомые морские пехотинцы. Приказ, переданный командером Тероном через капитана Лэксби, заставил объединиться всех, привычных к оружию.

Большая часть из боеспособного экипажа сейчас, правда, рассредоточилась по кораблю, занимая ключевые точки — после того, что произошло в одной из столовых, где шеф Гатлинг с парой десантников был вынужден расстрелять полтора десятка взбунтовавшихся матросов, меры безопасности резко усилились.

Кошрайбер смотрел на происходящее философски. Сам он никогда в такой ситуации не пошел бы против начальства, поэтому поступок полицейского вызывал в его душе лишь равнодушное одобрение. Несколько идиотов съехали с катушек в боевой ситуации и были расстреляны... Да, это не по букве существующего закона, но что-то правильное во всей ситуации точно есть.

— Выдвигаемся, — произнес старшина, командуя их группой.

Морпехи и пловцы нестройной толпой двинулись вперед, толкаясь и мешая друг другу в узких коридорах. Адам, привыкший к свободе морских волн, почувствовал внезапный прилив отвращения. Но служба есть служба...

— Твари сейчас сидят в одном из вспомогательных камбузов, — продолжил старшина. — Согласно данным видеонаблюдения, их там три штуки. Наша задача — забросать помещение гранатами в таком объеме, чтобы никто оттуда не выбрался живым. Все проверили, у всех гранаты осколочные?

— Так точно! — послышался многоголосый ответ.

— Если кто-нибудь кинет плазменную — самолично яйца вырву, — пообещал старшина и, закончив инструктаж, ускорил шаг.

Почему нельзя использовать плазменные гранаты, Адам так и не понял, но не стал заикливаться на этом — в конце концов, начальству, как обычно, виднее.

Спустившись на две палубы вниз, охотники на инопланетных тварей оказались в пустой столовой. Старшина поднял сжатую в кулак руку и, опустив забрало, принялся изучать картинку на тактическом дисплее.

— Они вон за той дверью, — наконец, произнес он, показывая рукой в сторону невзрачного прямоугольника с надписью "вход запрещен". — Сидят прямо за порогом, все трое. Сволочи.

Адам отлично понимал недовольство старшины. При таком расположении противника использовать гранаты становилось практически невозможным.

— Гранаты — отставить, — подтвердил его мысли старшина. — Выстроиться в три ряда перед дверью. Винтовки на изготовку. По моей команде оператор откроет дверь. Стрелять на поражение. В случае, если враг скроется из вида — использовать гранаты.

Ему досталось место во второй линии. Встав на колени, Адам поднял винтовку, отщелкнул предохранитель и прицелился в прямоугольник двери.

— Внимание, десятисекундная готовность... семь... шесть... пять...

Сосед боевого пловца нервно сглотнул, смотря на дверь, за которой прятались непонятные твари.

— ...один...

Дверь в камбуз плавно улетела в сторону, открывая людям вид на троих черных существ, замерших по ту сторону.

— Огонь! — крик старшины утонул в грохоте двух десятков стволов.

Некоторое время Адам стрелял, стараясь попасть в кувыркающиеся в дверном проеме сгустки темноты, менял магазины, снова стрелял... Наконец, старшина вскинул руку вверх и огонь прекратился.

Солдаты напряженно всматривались в проем, за которым виднелись две истерзанные тушки. Третьей нигде не было заметно. Кошрайбер про себя чертыхнулся и потряс головой, стараясь отогнать навязчивый звон в ушах.

— Эта тварь спряталась в левом от нас углу, — бодро произнес старшина. — Возвращаемся к первоначальному плану. По одному — вперед!

Морпех перед Адамом вскочил на ноги, подбежал к камбузу и одну за другой закинул внутрь пару гранат, после чего отскочил в сторону. Его место тут же занял другой...

Помещение снова заполонил грохот. На камбузе все взрывалось, разлеталось и падало друг на друга, изрешеченное дождем осколков.

Старшина снова поднял руку, когда гранаты кинул третий морпех.

— Готово! Судя по картинке, мы их сделали. Стивенс и Кох, на разведку! Каждой тваре по контрольной очереди!

Два морпеха забежали внутрь. Послышался треск винтовочных очередей, затем люди вышли обратно.

— Готовы, старшина, — произнес один из них. — Мертвее не бывает.

Группа начала потихоньку расслабляться. Послышались первые смешки и радостные замечания.

Адам, поднявшийся на ноги, с недоумением смотрел по сторонам. И это — все?

"Барак Обама", авианосец. 3074.

Замерзший, покрытый льдом шарик планеты стремительно несся в темноте космического пространства. Но он был не одинок в своем стремлении поскорее обогнуть угасшего колосса. Пылающее красное солнце уже появилось над горизонтом и стремительно настигало крошечную, по сравнению с ним, планету.

Первые лучи уже коснулись ее ледяного покрывала, испаряя ксенон и разогревая заледеневший океан. Но корабль, притаившийся в одной из бухт одного из континентов, пока что был далек от этого — пройдет еще несколько часов, прежде чем шарик планеты достаточно повернется навстречу своему яркому соседу, чтобы тот осветил забытый всеми авианосец...

Внутри корабля все так же теплилась жизнь. Но доктор Элизабет Кокс, тихо плачущая в ночи на груди у Тони, не замечала этого. Вокруг нее все время умирали люди. Морпехи, матросы, инженеры и офицеры приходили в госпиталь, пытаясь найти помощь и спасение у хрупкой девушки в белом халате. Приходили с начинающим барахлить сердцем, отказывающей печенью, прогрессирующим раком... Лиззи ничем не могла им помочь — через несколько дней после начала зимы у нее закончились даже запасы морфия, способного облегчить чьи-то страдания. Люди уходили от нее, лишённые последних надежд, понурые и сгорбившиеся, а затем их находили в своих каютах — похолодевших и неподвижных.

Коммандер Терон, еще лучше доктора знающий ситуацию, пребывал в черной меланхолии. Буквально день назад мостик простился еще с одним офицером — сердце Бойлза не справилось с испытаниями, уготованными экипажу негостеприимной планетой.

Луис Суарес, сотрясаемый приступами кашля, без сил лежал на своей койке, с благодарностью сжимая слабыми пальцами руку Джулии. Осунувшаяся девушка, скрывая дорожки слез, смотрела в сторону.

Лейтенант Викс, по-прежнему прячущийся в своей каюте, нервно сжимал в руке пистолет, прислушиваясь к шорохам за дверью и ожидая появления непрошенных гостей. Но к нему никто не шел.

Непонятные твари, появившиеся на корабле, потеряв нескольких своих собратьев, прекратили попытки добраться до людей и упорно пробивали себе дорогу к реактору. Каждый день на них устраивались облавы, но они, наученные горьким опытом, больше не торопились встречать охотников лицом к лицу и, каждый раз ретируясь в хитросплетения вентиляции и переходов между палубами, не прекращали своих попыток.

Мисс Ван Вейк, чувствую, что мир летит в тартарары, готовилась к решительным действиям.

Найджел Гатлинг же ни к чему не готовился. Он просто лежал в своей каюте и в очередной раз пытался отогнать от внутреннего взора всплывающие перед ним лица Соссыо и других матросов, погибших на его глазах.

Аналитик Том Джонс думал, сидя за столом и изучая какие-то графики.

Адам и Джульетта валялись, обнявшись, на узенькой кровати. И им было хорошо — возможно, единственным на корабле.

Коммандер Рональд Терон. 3072.

— Ну, привет, солнышко, — пробормотал коммандер, развалившийся на своем кресле и бездумно вззирающий на обзорные экраны.

Найджел, Ван Вейк, Холли и неизвестно как оказавшийся на мостике капитан Лэксби промолчали. Капарроса, занявший место главного штурмана, невесело хмыкнул, но тоже не сказал ни слова.

Прошедшие дни, проведенные посреди ледяного ада, неблагоприятно сказались почти на всех офицерах. Рональд, некоторое время проведенный за рассматриванием медленно поднимающегося солнца, перевел взгляд на свою команду.

Лишь Лэксби выглядел отвратительно чистым, свежим и лоснящимся на фоне самого коммандера, незаметно обзаведшегося трехдневной щетиной и одетым в достаточно помятый мундир. Терона даже кольнуло чувство стыда и он пообещал сам себе, что сразу же после пролета солнца отправится в каюту и приведет себя в порядок.

Найджел... Что-то неладное со старым товарищем. Последние дни ходит, как в воду опущенный. То ли у него тоже обнаружилась какая-то болячка, то ли принял слишком близко к сердцу смерть неудавшихся бунтовщиков. Скорее бы уже Джиллиан к нему подкатила, что ли... Хоть прямой приказ отдавай...

Терон усмехнулся и перевел взгляд на девушек. Холли выглядела вполне довольной жизнью, хоть и не менее помятой, чем сам коммандер. Два сапога пара, называется. А вот мисс Ван Вейк в последнее время явно сдала... Какое-то изможденное лицо, черные круги под глазами...

— Коммандер, можно расконсервировать оборудование. Температура на палубе достаточная, — произнес Капарроса.

— Давайте, — махнул рукой Терон.

— Как вы думаете, они живы? — отстраненным голосом произнесла смотрящая в пустоту Холли.

— Вряд ли, — после паузы грустно произнес Найджел. — Но шанс все же есть.

Потекли минуты, наполненные ожиданием. Наконец, включившаяся РЛС установила-таки контакт со спутником.

— Ну, хоть он там, на высоте, все еще работает, — глубокомысленно заметил Лэксби.

— Толку-то, — пробормотал командер, — Далеко ему там до нас?

— Уже достаточно близко. Можно вызывать эсминец, пока снова не улетит.

Попытки не увенчались успехом. Спутник пронесся над кораблем и ушел к далекому горизонту, так и не получив ответного сигнала.

— Может, не разбудили системы еще, — с надеждой сказала Холли. — Нужно скорректировать его курс — пусть на следующем витке снимет место, где находится эсминец.

— Сделаю, — пожал плечами Капарроса. — Но, мне кажется...

Авианосец ощутимо дрогнул. По мостику пронесся длинный протяжный скрип. Затем пол начал слегка наклоняться, заставив людей хвататься за спинки кресел и приборные панели.

Кондиционер, нагнетающий в помещение прохладный воздух, выключился.

И все закончилось.

Некоторое время люди с тревогой смотрели друг на друга, ожидая продолжения. Но ничего не происходило.

— Что это было? — наконец, поинтересовался Лэксби.

— Не знаю, — протянул Терон. — Холли, организуй связь с центром мониторинга, пусть он расскажет.

— А я свяжусь с Джонсом, — взял на себя инициативу Капарроса. Рональд кивнул.

Отчет от оператора пришлось ждать всего пару минут. Появившаяся на экране картина откровенно не радовала. В том месте, где корпус подвергался воздействию холодного оружия, наблюдались множественные разрывы и повреждения.

— Металл окончательно устал, — прокомментировал изображение незаметно появившийся на мостике Джонс. — Что смотрите, я рядом был, вот и поднялся к вам сразу.

Терон кивнул, снова поворачиваясь к картинке.

— Чем это нам грозит?

— Сами разрушения — ничем особенным, — пожал плечами инженер. — Мы были готовы к чему-то подобному. Просто это, наконец, случилось и все отсеки, раньше считавшиеся условно пригодными для жизни, теперь таковыми больше не являются. Меня беспокоит другое — боюсь, как бы не оказались повреждены коммуникации и герметичность в смежных отсеках.

Он некоторое время смотрел на картинку, затем махнул рукой.

— Ладно, пойду я... Не обращайтесь внимания и не тревожьте оператора центра — он мне сейчас очень сильно понадобится. Будем разбираться на месте, что к чему.

Джонс скрылся, оставив мостик в тягостном молчании.

— Задница, нам наступает, господа офицеры, — неожиданно для самого себя произнес Терон.

— Она давно наступает, — философски заметил Лэксби. — Просто сейчас совсем приблизилась.

— И становится все больше, — мрачно добавил Гатлинг

— Что делать будем?

— А что здесь сделаешь, — неожиданно подала голос помощница штурмана. — Мы

можем помолиться...

— Падре позавчера скончался, — еще более мрачным голосом сообщил Найджел.

В помещении повисло гробовое молчание.

— Так что, пытаемся связаться с эсминцем? — поинтересовался Капарроса. — Или ну его к черту? Все равно шансов выжить у них нет...

— Командер Терон, сэр! — на мостик заглянул морпех. — К вам просятся на прием некие Джудит Свенсон и Кэти Стиллер. Утверждают, что им нужно поговорить с вами по поводу эсминца.

— Пропусти их, — вздохнул Терон, в очередной раз жалея, что выглядит не самым лучшим образом.

На мостике появились две молодцевато выглядящие женщины в немного не по размеру подобранном камуфляже.

— Сэр... — более высокая из них, неуверенно переводила взгляд с Терона на Лэксби и обратно.

Командир десантников улыбнулся и кивнул на Рональда.

— Командер, сэр, просим вас разрешить нам участвовать в сеансе связи с нашим эсминцем!

Терону показалось, что во взгляде, обращенном на него, прячется хорошо скрытое недоумение. Ну да, девочка явно не так представляла себе командующего одним из трех крупнейших кораблей мира. Он махнул рукой.

— Вольно, дамы. Конечно же, разрешаю. Присаживайтесь, где хотите, сейчас наш штурман внесет коррективы в орбиту спутника — и мы ваш эсминец даже увидим. Вот только я бы очень не хотел вас обнадеживать раньше времени.

Женщины аккуратно примостились на диване, с любопытством рассматривая экипаж и мостик.

— Как там, на Земле? — поинтересовался Рональд. Внезапно это показалось ему очень важным. — Что было после того, как мы исчезли?

Экипаж наострил уши.

— Был очень сильный скандал, сэр. Президент обещал разобраться и сровнять виновных с землей. Вот только никто ничего так и не узнал. Но разбираются до сих пор.

— Ясно... — Терон погрузился. Это он и сам мог бы рассказать.

— А я надеялась, виновных все же найдут и поджарят их паршивые задницы, — злобно произнесла Ван Вейк.

Все немного помолчали, посматривая на Капарросу, колдующего над приборной панелью.

— Все совсем плохо, сэр? — неожиданно тихим голосом поинтересовалась вторая женщина.

Рональд нехотя кивнул.

— Хуже не бывает, к сожалению. Я хотел бы сказать, что с нами вы в полной безопасности, что вместе мы преодолеем все трудности... Но это — полное дерьмо. Я не знаю, что должно произойти, чтобы мы спаслись. Это звучит кошунственно, но нам бы точно не помешало, прилети сюда еще одна ММП. Тогда были бы шансы.

— Все сделано, — сообщил Капарроса. — Осталось его дожидаться.

Следующие сорок минут Рональд молчал, уставившись на экран, по которому неумолимо ползло местное солнце, пробивающееся сквозь пелену пара. Величественное

зрелище.

— Есть контакт, есть изменение курса... — тут Капарроса нецензурно выругался. — Простите. Визуальной картинки не будет, везде сплошные облака из-за этого гейского солнца.

— А, ну да... — Странно, что это не пришло ему в голову. Терон даже задумался — может быть, его самого затронула чередой болезней? И эта глупость — результат деградации коры головного мозга?

Но потом все же решил, что не подумал об облаках просто потому, что в последнее время плевать ему и на облака, и на эсминец...

— А что со связью? — жадно спросила высокая женщина. Интересно, кто она — Свенсон или Стиллер?

— Спутник изо всех сил старается добить до них. С его стороны сигнал однозначно проходит. Не может не пройти.

Минуты текли. Изменений не происходило.

— Спутник вышел из зоны уверенного приема, — извиняющимся тоном произнес Капарроса. — Мне очень жаль.

Высокая женщина кивнула и поднялась с дивана.

— Сэр... господа. Прошу нас извинить, думаю, будет лучше, если мы вас оставим.

Женщины вышли.

На мостике опять воцарилось молчание.

Главный механик Брэдли Джонс. 3071.

— Вот же сволочи... — ругнулся Джонс, рассматривая дыру, ведущую к святой святых корабля — последнему оставшемуся реактору.

Стоило снова наступить ледниковому периоду, как корабельные гости снова резко активизировались. И, обманув-таки ищущие их отряды, пробурились сквозь первый защитный контур.

— Сволочи... — повторил Джонс, размышляя о том, что же предпринять в подобной ситуации.

Идти вслед за тварями было откровенно чревато — как получением дозы радиации, так и встречей с самими тварями. Как-то выкурить их? Некоторое время механик всерьез обдумывал эту мысль. Затем тряхнул головой и отправился в диспетчерскую реактора.

— Стив, — кивнул он афроамериканцу, находившемуся на посту. — Что-нибудь случилось в последнее время?

— Кроме разгерметизации, которую отметили приборы и из-за которой я вызвал вас — нет, сэр!

— Это хорошо... Что показывают камеры возле самого реактора?

— Все пусто, сэр, посмотрите сами.

Некоторое время Джонс сидел, уткнувшись в экран, словно ожидая, что залезшие в реактор твари соизволят показаться на глаза. Не дождался.

— А скажи-ка мне, Стив... — повернулся он к подчиненному. — Что, по-твоему, нам стоило бы сделать?

— Э... простите, сэр, вы спрашиваете у меня?

— Да, у тебя. Мне нужно с кем-то посоветоваться — и не с Гатлингом же это делать...

Так что тебе приходит на ум?

— Э... сэр, я думаю...

Мягкая ладонь ласково подняла закованный в лед авианосец, подержала какой-то мигновение в воздухе, а затем с размаху швырнула оземь. Соседние сопки, окутанные холодом и тьмой, встряхнулись, пытаясь поменять свои очертания. Совсем неподалеку, буквально в десятке миль от уютной бухты, целый участок земной поверхности размером с маленький городок поднялся вверх, раскрываясь исполинским перевитым огненными лентами цветком, жутко и величественно смотрящимся на фоне мрачной и темной планеты.

Сквозь все переборки корабля, вселяя ужас в и без того перепуганных людей, прокатился тяжелый грохот от вонзившегося в планету метеорита.

Оба инженера, не удержавшись на ногах, полетели в угол помещения. По всей комнате мгновенно замигали лампочки аварийной сигнализации, а на чудом не выключившемся экране появилось изображение заполошно мечущихся между защитных контуров реактора черных тварей.

— Ты живой?...

Новый толчок. Огромный корабль пошатнулся и немного накренился на бок. Раздался долгий протяжный скрежет жалующегося на свою судьбу корпуса.

И все затихло.

Джонс, проверив пульс потерявшего сознание Стива и, убедившись, что тот жив, добрался до пульта управления. Удостоверился, что с реактором все в порядке, помянул крепким словом виднеющихся на экране тварей, после чего со всей возможной скоростью отправился наверх — узнавать, что же случилось с его кораблем.

Идти по наклонным поверхностям было немного непривычно, но Джонс все же справился.

На мостике царил хаос. Украшенные синяками и ссадинами офицеры злобно ругались на планету, какой-то метеорит и проклятый холод. Инженер отметил, что на мостике действительно холоднее, чем обычно.

— Коммандер, — обратился он к злющему, как черт, Терону. — Разрешите задействовать оператора из центра мониторинга.

Тот только отмахнулся — мол, делай, что хочешь.

Джонс, добравшись до кресла штурмана, связался с центром. Ему никто не ответил. Он попытался связаться с аналитическим отсеком — с тем же результатом.

Чуть подумав, инженер решил все сделать без посторонних и принялся вызывать на дисплей информацию по кораблю. После чего оперся щекой на руку и крепко задумался.

У него за спиной продолжали раздаваться вялые ругательства.

Найджел Гатлинг, шеф военной полиции. 2757.

Найджел, забывшись, поставил кружку с кофе на стол. Кружка заскользила по наклонной поверхности, увернулась от пальцев человека, а затем спрыгнула на пол, разбившись на несколько крупных осколков и забрызгав все вокруг черным напитком.

Гатлинг некоторое время рассеянно смотрел на жидкость, убегающую к стенке, затем вздохнул и разлегся на кровати, смотря в потолок.

Последние двое суток были выматывающими. Авианосец, подброшенный в воздух колебанием земной коры, вызванным близким падением метеорита, начал буквально

рассыпаться на части. Такое впечатление, что корабль, не выдержав очередного подарка судьбы, сдался, прекратив сопротивление.

Трещали, гнулись и лопались переборки — сначала от перегрузок, затем — от холода. Разрывались коммуникации, оставляя целые отсеки без света, воды и тепла. Люди, напуганные и отчаявшиеся, покидали еще недавно бывшие безопасными помещения, уходя от подкрадывающегося холода и скапливаясь в единственном оставшемся пригодном месте — надстройке и жилым помещениям между ней и шахтами стратегических ракет.

Впрочем, людей становилось все меньше. Кто-то не пережил очередную болтанку, кто-то скончался по медицинским причинам.

Найджел больше и не вспоминал про потери. Они уже как-то слишком прочно вошли в реальность корабля. Новый день — новые тела не выдержавших больше людей, которые нужно доставить в один из пропитанных холодом отсеков и оставить там среди других таких же несчастных.

Шеф давно исчезнувшей корабельной полиции поморщился. Самострелы, драки, какие-то импровизированные митинги... Ему было уже на все плевать. Даже случившийся день назад эпизод, в ходе которого несколько матросов, скооперировавшись, отправились в каюту к спасенным с эсминца женщинам в надежде на сексуальную разрядку, в итоге перешли все грани разумного и были застрелены в самый разгар процесса случайно проходившим мимо морпехом — и тот не вызвал у Гатлинга сколько-нибудь заметного отклика в душе. Да, он выразил публичную благодарность солдату, заметно опасавшемуся за свою дальнейшую судьбу, постарался утешить женщин и выдал им пистолеты на всякий случай... Но все это происходило как в тумане.

На него накатило безразличие. Да, после двух дней авральной работы новый периметр против холода был создан, коммуникации восстановлены...

Зато начал потихоньку угасать реактор. Главный инженер, витиевато ругаясь на тварей, вьющихся вокруг него, сообщил, что какие-то долбаные нейтроны больше не хотят размножаться и что придется убирать замедлители реакции.

Гатлинг понял не особо много, поскольку никогда не интересовался атомной энергетикой, но понял достаточно для того, чтобы уяснить — забравшиеся внутрь местные организмы убивают реактор своим присутствием. К сожалению, выкурить их оттуда не представлялось возможным.

Найджел косил глаза на пистолет, лежащий рядом на кровати. Может быть, имеет смысл...

Некоторое время он с интересом обдумывал появившуюся мысль. Чего ради он еще живет? Ради чашки кофе и уже успевшего надоесть сухпайка каждый день?

Он презрительно фыркнул и принялся обдумывать ситуацию дальше. Возможно, его существование нужно кому-то на корабле? От приятной мысли пришлось отказаться. Простым морякам на него плевать, а тот же Терон, похоже, окончательно сломался. Да и весь мостик тоже. Конечно, со стороны так просто не заметишь, но, когда общаешься с людьми каждый день...

Человек вздохнул и поднял пистолет. Щелкнул предохранителем, с любопытством заглянул в черноту ствола.

Раздался стук в дверь. Некоторое время Найджел боролся с искушением закончить все здесь и сейчас, потом вздохнул и, отложив пистолет, пошел встречать нежданного гостя.

За дверью обнаружилась слегка пахнувшая алкоголем Джиллиан Ван Вейк, одетая в

достаточно легкомысленный наряд. Игнорируя удивление в глазах хозяина комнаты, она решительно шагнула внутрь и захлопнула у себя за спиной дверь.

Тони Хоук, оператор CNN. 2713.

Тони лежал на кровати, укрытый тремя одеялами, задумчиво гладил пальцами волосы доверчиво прижавшейся к нему Элизабет и глупо лыбился в потолок.

В кои-то годы оператор встретил девушку, с которой ему было хорошо постоянно. Ночью, днем — без разницы.

"Наверное, окажись мы сейчас на Земле, сделал бы предложение" — промелькнула мысль, заставившая неунывающего Хоука слегка нахмуриться и испустить легкий вздох сожаления.

В возвращение верилось с трудом. Положа руку на сердце, в него с трудом верилось с самого первого дня в новом мире... Но люди — странные создания, ставящие веру и надежду выше голоса разума. Вот и сейчас, умом понимая, что пути назад нет, Тони все же продолжал надеяться на чудо. В конце концов, если одна МПП оказалась в этом мире, почему бы здесь не оказаться и другой? А жить на полностью исправном и боеспособном корабле — совсем не то, что на этом жалком огрызке.

Тони вспомнил, как несколько дней подряд помогал остаткам экипажа разбираться со все новыми и новыми проблемами — таскал баллоны с газом для сварки, тела погибших, переносил на новое место складирования запасы, оказавшиеся в зоне, подверженной наступающему холоду...

Воспоминания были не из приятных.

Но — на этом месте своих размышлений он скопил глаза на мирно сопящую девушку, — кое-кому пришлось еще сложнее. Лиззи, оставшись в своем госпитале одна, не имея возможности хоть как-то облегчить приходящим к ней людям существование, все равно продолжала упорно ходить на работу и принимать больных.

Правда, их поток неуклонно редел — потихоньку до всех доходило, что помощи от доктора Кокс ждать уже бессмысленно. Но зато те, кто доходили, питали столь страстную и отчаянную надежду, что, лишая их ее, Элизабет сама каждый раз заливалась горячими слезами.

Слезы не помогали.

Экипаж продолжал сокращаться.

— Ты уже не спишь? — пробормотала доктор, поднимая голову и сонно шурясь. — Который час? Сделай кофе...

Тони пришлось выбираться из-под теплых одеял и отправляться готовить кофе. Воздух был неприятно холодным — после недавних событий каюта оператора оказалась на самой границе обитаемой территории и обогреватели больше не справлялись с гуляющим неподалеку морозом.

Не выдержав испытания прохладой, оператор забрался в шкаф и нацепил на себя два слоя одежды, только после этого почувствовав некоторый комфорт.

Со стороны кровати, выглядывая из-под одеял, за ним наблюдал блестящий, но сонный глаз — Лиззи, оставшись без живой грелки, подобрала под себя все доступное одеяло и, закутавшись в него, превратилась в некое подобие куколки насекомого.

Следя за тем, чтобы кипящий чайник не уехал от него по наклонной поверхности стола,

Тони быстро приготовил кофе, сотворил несколько бутербродов из содержимого сухого пайка и, жонглируя всем этим, направился к кровати.

— Держи. С пробуждением!

— Спасибо, — Элизабет утащила кружку и один из бутербродов под одеяло, вызвав у Тони ехидную усмешку — насколько он помнил, пока в каюте было тепло, девушка весьма негодовала по поводу изредка встречающихся на кровати крошек.

— Может, не пойдешь сегодня? — с надеждой поинтересовался он. — Только нервы себе мотаешь. Все равно ведь у тебя ничего не осталось, чем кого-то вылечить можно.

Лицо сосредоточенно жующей бутерброд девушки погрузнело.

— Надо, Тони... Включишь телек?

— Да там ничего нового нет, поверь, — оператор пожал плечами, но нашел пульт и включил экран. В каюте раздались вопли модной эпатажной певицы, забравшейся в последнее время на вершины рейтингов.

Некоторое время они оба смотрели на прыгающую по сцене девчонку. Затем, Лиззи, горько вздохнув, принялась выбирать из теплоты своего кокона.

— Как-нибудь я тебя просто запру в каюте и не выпущу в эту твою гребаную больницу! — крикнул Тони в закрывающуюся дверь душевой кабинки.

Ответ он не расслышал.

Холли Тим, энсин. 2651.

Холли в одиночестве сидела на мостике, рассматривая в обзорных экранах быстро светлеющее небо. Похоже, сегодня она — главная на корабле.

Эта мысль заставила ее неожиданно весело хихикнуть.

Пройдя к месту капитана, она выпятила грудь, раскинула в стороны руки и, гордо подняв подбородок, произнесла суровым тоном:

— Холли Тим, капитан "Барака Обамы", встречайте!

— Да неужели? — послышался позади нее насмешливый голос.

Капарроса, пройдя мимо залившейся краской девушки, шлепнулся в свое кресло.

— Но помечтать, конечно, не вредно... Тем более, что такими темпами мечты могут и сбыться. А где все?

— Коммандер просил передать, что ему плохо, у него болит голова и он сегодня не собирается принимать участия во всем этом. Шеф Гатлинг и Джиллиан, по-видимому, тоже не придут. А больше... в общем-то, никого и не осталось. Разве что капитан Лэксби снова зайдет.

— Понятно, — протянул Капарроса, что-то нажимая на приборной панели. — Зря они так, конечно. Корабль и так в могилу смотрит, что угодно случится может. Но мы, конечно же, справимся...

Раскаленный красно-желтый шар медленно поднимался над горизонтом и мир вокруг авианосца начинал стремительно оттаивать.

Корабль начал шевелиться. До этого момента спокойно лежащий под небольшим уклоном среди огромных осколков льда, теперь, когда твердая опора постепенно становилась жидкой, стал проваливаться вниз, скользя между оплывающими ледяными глыбами.

Холли вцепилась в кресло, со страхом ожидая повторения страшной болтанки... Но

"Барак" быстро успокоился. А затем и вовсе выровнялся.

— Ну вот, а ты боялась, — улыбнулся Капарроса, забыв о том, что не так давно сам выдавал мрачные пророчества.

— На связи центр мониторинга, оператор Ливингстон, — внезапно раздался голос из динамика. — Поступает критичная информация о жизнедеятельности корабля. На данный момент локализованы одиннадцать повреждений герметичного контура, сквозь который начинает поступать вода. Прогноз — корабль окажется под водой в течение часа, если не установить новый контур. На данный момент мной были изолированы несколько отсеков, что позволило снизить скорость набора воды. Но существуют направления, куда мои полномочия не распространяются, либо нет технической возможности что-либо сделать. Требуется указание.

Несколько секунд Холли осмысливала ситуацию. Нужно срочно мчаться обратно в каюту и будить Рональда...

— Оператор Ливингстон, — произнес Капарроса спокойным голосом. — вам необходимо связаться с капитаном Лэксби. Передайте ему, что у вас и у него есть карт-бланш на использование любых технических и человеческих ресурсов для устранения проблемы. Вам также понадобится инженер Джонс. Поручаю вам координацию и поддержку этой операции, Джонсу — оперативное управление, а Лэксби — обеспечение. Выполняйте.

— Так точно, сэр, — невозмутимо произнес оператор и отключился.

К концу скоротечного дня, проведенного Холли все также в обществе одного Капарроса, пригодный для использования объем авианосца уменьшился на две нижние палубы и несколько крупных отсеков чуть выше. Сам корабль опустился на добрых десять ярдов и только после этого остановился — работавшим в поте лица своему людям удалось таки перекрыть воде доступ дальше внутрь обитаемых помещений.

Про то, что в экстренно заблокированной Ливингстоном части корпуса находилась добрая сотня человек, никто старался не вспоминать.

Главный механик Брэдли Джонс. 2316.

Брэдли, небритый и помятый, сидел за пультом управления реактором и, морщась, массировал левую сторону груди. Похоже потихоньку наступал и его черед — проклятая планета буквально высасывала силы из оставшихся живыми людей и на этом фоне внезапно открывшаяся сердечная недостаточность являлась практически приговором.

"Интересно, доживу я до нового восхода этого долбаного солнца?" — неожиданно возникла мысль.

Дожить хотелось. Судя по расчетам, проведенным на основе данных со спутника, местная зима как раз перевалила за экватор. Еще каких-то двадцать дней — и снова наступят ласковые деньки...

Джонс с неприязнью посмотрел на экраны, показывающие внутренности реактора, а затем монотонно выругался.

Если люди на корабле постоянно умирали, то загадочные существа, выбравшие своим местом обитания реактор, — размножились. Проникло туда всего три особи, но сейчас их однозначно стало больше — сам инженер однажды увидел сразу пятерых.

С учетом того, что реактор начал работать на последнем издыхании, сам собой напрашивался вывод, что твари просто нагло жируют на дармовой энергии, чувствуют себя в

полной безопасности и посему увеличивают свое количество. Непонятно только, откуда берут ресурсы для новых организмов — не оболочку же реактора грызут.

Хотя, мелькающие на экране твари, кажется, стали заметно мельче по сравнению с записями недельной давности.

— Делитесь вы, что ли, как амебы... — Джонс снова помассировал сердце и промокнул со лба холодный пот. — и как потом расти собираетесь...

В груди словно растеклось огненное озеро. Человек некоторое время цеплялся за подлокотник кресла, глядя искажившимися от муки глазами перед собой, а затем обмяк и замер.

Твари на экране продолжали деловито копошиться около реактора.

Механик Джон Картер. 2314.

Вызов на мостик прозвучал, как гром среди ясного неба. Джон, питая самые нехорошие предчувствия, сначала долго собирался, говоря сам себе, что ему нужно выглядеть солиднее, что нужно сбрить щетину...

А потом, осознав, что на такой вызов лучше не опаздывать, торопился, как сумасшедший, пытаясь преодолеть пару сотен ярдов переходов и лестниц до мостика как можно быстрее.

Часовой у двери встретил его фигуру довольно брезгливым взглядом, но промолчал и даже открыл дверь, пропуская внутрь.

— Джон Картер прибыл... сэр... — он попытался найти знакомые лица и, в конце концов, зацепился за командера Терона.

Командер был гладко выбрит, в отличие от самого Картера, пропустившего несколько участков под подбородком и теперь страдающего от этого.

— Наконец-то. Проходите, присаживайтесь.

Терон подождал, пока Джон усядется на диван и продолжил:

— Так получилось, что на вас, Джон, сейчас оказалось завязано очень много. Дело в том, что вы остались единственным из всей команды обслуживания наших реакторов. И мощность последнего оставшегося сейчас упала до критических значений. Говоря попросту, реактор не тухнет только каким-то чудом. Брэдли, занимавшийся в последнее время его контролем, был убежден, что все это — из-за местных форм жизни, пробравшихся внутрь и теперь хозяйничающих там. А вы, насколько нам известно, имели продолжительный контакт с одним таким существом.

Картер, чувствуя запах жареного, нервно произнес:

— Сэр, поверьте, я никак не причастен к этому! Я...

— Да успокойтесь вы, — брезгливо перебил его сидящий поблизости Гатлинг. — Мы не такие идиоты, чтобы считать, что все это — ваших рук дело. Командер пытается сказать, что вы сейчас — наиболее компетентный специалист сразу и по реакторам, и по тварям.

Джону стало чуть полегче.

— Что мне нужно делать?

Командер одобритительно кивнул.

— Вы назначаетесь старшим и ответственным за реактор. Вам выделяют охрану на всякий случай. Лэксби, распорядитесь... Ваша задача будет заключаться в том, чтобы понять, наконец, что происходит с реактором и возможно ли его как-то вылечить. Заодно

попробуйте придумать, что можно сделать с этими тварями. Выполняйте.

К реактору Картер спускался, преисполненный чувства гордости. Старший по реактору... Звучит. Знала бы Сьюзен... Джон немного расстроился. Казалось бы, времени прошло совсем немного, а скучать по жене и ее бесконечной болтовне он уже начал.

— Сэр, — поприветствовал его морпех у диспетчерской реактора. Механик кивнул, отвечая, а затем зашел внутрь.

Реактор работал. Лампочки на пультах горели умиротворяющим зеленым светом, ползущие по экранам строчки показывали нормальные параметры... Но за всем этим стояло практически полное отсутствие замедлителей в реакторе. На Земле в таких условиях потерявшие голову от счастья нейтроны давно бы спровоцировали ядерный взрыв.

Здесь же реактор еле-еле продолжал работать.

Картер перевел взгляд на экран, где вокруг туши реактора крутились десятки крохотных сгустков черноты.

Что со всем этим делать — он не представлял.

Элизабет Кокс, доктор медицины. 2297.

Лиззи, наконец, поняла, что такое настоящее счастье.

Счастье — это когда тебе больше не нужно каждый день ходить в пустой госпитальный отсек и принимать там обреченных на смерть людей, пытаясь каким-то чудом вселить в них надежду на чудесное избавление.

Доктор Кокс с нежностью посмотрела на нагло дрыхнувшего в постели Тони. Именно он, замучившись терпеть каждый день ее слезы, достучался до Терона и вытребовал для единственного доктора на корабле отпуск.

Коммандер особо и не сопротивлялся — ему, похоже, было все равно.

Элизабет, вынырнувшая из омута кружащихся вокруг нее смертей, чувствовала настоящую свободу. Хотелось танцевать, веселиться... заниматься любовью...

Она еще раз глянула на спящего оператора и решительно полезла к нему под одеяло.

"Барак Обама", авианосец. 2171.

Над кораблем опять медленно плыло по небосводу нещадное солнце. Снова кипела вода за бортами, снова жара неотвратно пробиралась сквозь корпус все глубже и глубже внутрь корабля.

Сейчас помешать ей получалось с огромным трудом. Холодильные установки, и так работающие на износ, начали выходить из строя, оставляя незащищенными целые отсеки и заставляя людей перебираться в самый центр корабля.

В один прекрасный момент критичное повышение температуры произошло в одном из арсеналов.

Огромный хвост пламени вырвался из передней части корабля, заставив исполина вздрогнуть и немного развернуться на месте. По окрестностям прокатился грохот, ударная волна колыхнула листья чешуйчатых пальм, раскинувшиеся в попытках собрать как можно больше тепла...

Палуба над местом взрыва выгнулась горбом и покрылась трещинами, но устояла. Борты тоже потеряли форму, но выдержали давление. А вот внутренние переборки оказались снесены огненным вихрем. Поток огня прокатился на добрую треть длины корабля, испаряя людей, уничтожая припасы и калеча технику. Затем стих, уступая дорогу терпеливо ждущей

своего времени жаре.

Каким-то чудом важнейшие на данный момент коммуникации избежали серьезных повреждений и корабль, хоть и с трудом, но все же продолжал сопротивляться повышающейся температуре. Но около четверти хоть как-то еще используемых людьми помещений потеряли всяческую привлекательность.

А затем красная звезда скрылась за горизонтом и планету снова окутал неземной холод.

Джон Картер, чувствуя, как в помещении диспетчерской становится все холоднее, наблюдал за тем, как уменьшается количество черных существ возле реактора. Они явно выбирались за его пределы — и Джон боялся даже представить, ради чего.

Коммандер Терон мрачно рассматривал последний глоток виски, задержавшийся на доньшке бутылки. Мир окончательно рушился, а что с этим делать, коммандер не представлял.

Тони и Лиззи продолжали коротать время в обществе друг друга и старались не думать больше ни о чем другом.

Аналитик Джонс с удивлением обнаружил, что у него начались проблемы с опорно-двигательным аппаратом.

Люди, только что прятаящиеся от невыносимой жары, теперь начали прятаться от быстро наступающего холода.

Найджел Гатлинг, шеф военной полиции. 1813.

Найджелу повезло. Причем, повезло вдвойне — они вместе с Джиллиан находились на мостике в тот момент, когда огненная волна, прокатившись по внутренностям корабля, сожгла его каюту. Случайное стечение обстоятельств. Тем же, кто в бездельничал соседних каютах, ожидая непонятно чего, судьба преподнесла огромный сюрприз.

Гатлинг, немного встряхнувшийся и прибодрившийся после начала отношений с мисс Ван Вейк, с тревогой наблюдал за все больше расклеивающимся коммандером. Терон, похоже, окончательно прекратил что-то делать для корабля, оставив все дела на Холли и Капарросу. Вот и сейчас он сидел, развалившись, в кресле и с абсолютно безучастным лицом слушал доклады о случившемся на корабле.

Новость о трех сотнях погибших вследствие взрыва не вызвали у него никаких эмоций.

Необходимость срочно создавать новые преграды для холода лишь дала повод для меланхолического пожатия плечами — мол, делайте, я-то здесь при чем.

Известие о том, что паразиты, засевшие в реакторе, выбираются наружу, заставило изумленно поднять брови, да и только.

Гатлингу стало страшно.

С мостика он выходил, размышляя о недалеком будущем. По большому счету, все уже смирились с тем, что следующей зимы кораблю не пережить. Но ведь нужно дотянуть до конца этой, затем сделать все возможное, чтобы найти укрытие и окопаться там. Корабль все еще на ходу. Он все еще может привезти уцелевших людей в безопасное место. Но нужно что-то делать...

Идущая рядом с ним Ван Вейк неожиданно запнулась и начала оседать на пол. На ее лицо нахлынула мертвенная бледность.

— Эй, эй... — перепугался Найджел, подхватывая девушку на руки. — Ты чего, Джил? Подожди, сейчас я тебя донесу...

Продолжая говорить какие-то успокаивающие слова, он как можно быстрее дотащил Джиллиан до их новой каюты и бережно уложил в кровать.

— Скажи, что сделать? Чем тебе помочь... Точно, доктор! Сейчас, милая, я ее вызову...

Ван Вейк ухватила его слабой рукой, не давая отойти от койки, затем еле-еле покачала головой и грустно улыбнулась.

— Не надо... Это давно. И она... никак мне уже не поможет. Просто посиди со мной немного, хорошо?

Найджел почувствовал, что плачет.

Тони Хоук, оператор CNN. 1805.

Это был очередной прекраснейший день для Тони — день, проведенный в компании любимой девушки, вдали от забот и печалей авианосца...

Все изменилось, когда оператор, отправившись за пайками для себя и Лиззи, встретил черного кота.

Кот сидел в темном проеме какого-то помещения на пути человека и внимательно смотрел по сторонам. Тони отметил, что кот какой-то маленький... Крупный котенок, скорее.

Он остановился, держа в руках два сухпайка и пытаясь сообразить, что ему делать. Идти дальше, мимо котенка, в свою каюту — было страшно. Черное создание выглядело милым и невинным, но оператор отлично знал, что его внешность обманчива.

Уходить назад, оставляя Лиззи одну посреди корабля, тоже не хотелось. Кто его знает, сколько еще "котиков" гуляет по здешним коридорам.

Черный зверек, которому, похоже, наскучило ожидание, выбрался в коридор. И направился в сторону человека. Тони, стараясь не паниковать, принялся отступать назад, в сторону столовой, где только что получил пайки.

Некоторое время они двигались молчаливой парой, причем зверек ненавязчиво пытался сократить дистанцию, а человек столь же упорно этому противился.

Баланс нарушился достаточно быстро.

— Эй, ты чего пятишься? — послышался у Тони за спиной чей-то невеселый и слегка удивленный голос.

В следующий момент послышалась громкая ругань и топот. Затем до оператора донесся крик:

— Закрывай, там эта тварь!

И дверь в столовую, до которой почти добрался Хоук, намертво захлопнулась. Послышался лязг запоров, едва слышная ругань и металлический грохот — за спиной у оператора, похоже, организовывалась целая баррикада.

Он ругнулся про себя, пытаясь придумать, что делать. Куда ведет этот коридор? Столовая, помещения, доверху забитые спасенными запасами провизии... Затем несколько жилых кают, перекресток и лестница наверх...

Тони, следя за существом, осторожно преследующим его, двинулся в сторону лестницы, все ускоряя шаг. Там, наверху, мостик, значит, где-то должны быть вооруженные люди.

Котик тоже ускорился.

На перекрестке к нему присоединился еще один — гораздо более гротескный, напоминающий какого-то осьминога. Оператор почувствовал внутреннее отвращение от близости к чуждой форме жизни. И практически перешел на бег.

Взлетел наверх по ступенькам, отметив, что твари и не подумали отставать, промчался сквозь пару коротких коридоров и вылетел прямо на пост морпехов около вождельного мостика.

— Стоять! — десантники, увидев взмыленного человека, перехватили оружие на изготовку.

Тони остановился и, хватая ртом воздух, ткнул рукой за спину.

— Там твари...

В следующий момент его отдернули с линии огня, бесцеремонно толкнув на стену. И все внимание морпехов оказалось приковано к проходу.

Твари выскочили из коридора.

Навстречу им ударили автоматные очереди.

Тони с дикой радостью увидел, как его преследователи, не выдерживая попаданий, буквально разлетаются на лоскуты.

Грохот выстрелов смолк. Морпехи синхронно поменяли обоймы.

— Их было только двое?

— Да, сначала один, потом добавился второй.

Морпех еле слышно чертыхнулся.

— Ты же оператор? — поинтересовался он, с толикой удивления рассматривая крепко зажатые в руках у Тони сухпайки. — Ну, тот самый...

— Да, это я...

— Что за шум? — дверь за спинами десантников открылась и оттуда выглянула симпатичная девушка в форме энсина. Тони забыл, как ее зовут.

— За гражданским гнались две твари, мэм. Мы их уничтожили.

— Замечательно... Вы же оператор? — поинтересовалась энсин, косясь на сухпайки. Тони смущенно спрятал руки за спиной. — Ну да, он... Пойдемте на мостик, расскажете.

Он проследовал за девушкой.

Картина, открывшаяся его взору, была нерадостная. Легкий сумрак, тускло горящие мониторы, отображающие скудные строчки данных, спящий на диване помятый и небритый командер Терон... Такой же небритый, да еще и слегка пьяный, Найджел Гатлинг, сидящий в кресле и рассматривающий один из экранов, на котором ничего не происходило.

Тони слегка передернуло. Люди, скопившиеся внизу, тоже в последнее время часто переставали бриться, а проблема стирки стояла достаточно остро, чтобы везде витал неприятный запах грязной одежды. Но он как-то не ожидал увидеть подобную картину в самом сердце корабля.

— Пойдемте, — поманила его девушка в какой-то закуток, откуда доносился приятный запах кофе.

— Мисс...

— Тим. Холли Тим, — она протянула ему тонкую руку. — Какой кофе будете?

— На ваше усмотрение, мисс Тим...

— Зовите меня Холли, ладно? — грустным голосом произнесла она, нажимая какие-то кнопки на здоровенной кофе-машине. — Хоть немного вспомнить нормальное общение...

— Хорошо, Холли. А я вам здесь точно нужен? Меня девушка ждет, я боюсь ее оставлять одну.

— Элизабет? Не удивляйтесь, в мои задачи входит знать все о важных членах экипажа. Подождите секунду...

Оставив в покое кофе-машину, она вышла обратно на мостик, подошла к ближайшему экрану и начала над ним колдовать. Через минуту появилась картинка знакомого Тони участка коридора перед их каютой, а в саму каюту пошел вызов.

— Поговорите, скажите, чтобы она никуда не уходила и что вы скоро вернетесь. Мне нужно услышать про этих тварей.

Элизабет, напуганная его долгим отсутствием, явно вздохнула с облегчением, увидев, кто вызывает ее с мостика и согласилась никуда не выходить. Тони вернулся к Холли, уже приготовившей кофе.

— А у вас здесь... м... всегда так?

Холли вздохнула.

— Мистер Хоук...

— Тогда уж Тони.

— Тони... Вы, вообще, в курсе, что происходит с кораблем?

Оператору пришлось со стыдом признаться, что нет.

— Счастливым вы человек, — снова вздохнула девушка, задумчиво дую на кофе. — Наверное, так и надо. Просто брать от жизни ту толику радости, которую еще можно.

По спине у Тони пробежал холодок.

— О чем вы?

— Если вкратце, то каждое здешнее изменение температур наносит кораблю новые раны. Эту несчастную посудину столько была жизнь в последнее время, что я иногда удивляюсь, что она еще не распалась на атомы. Системы обогрева и кондиционирования живут каким-то чудом. Реактор на последнем издыхании. Трупы экипажа уже некуда складывать... Причем это реально так — у нас закончились помещения, в которых холодно, но не настолько, чтобы живые люди там мгновенно замерзали...

Холли отхлебнула кофе, поморщилась и добавила пару ложек сахара в кружку.

— Несколько дней назад наш дежурный по реактору сообщил, что, похоже, твари выбираются наружу... Вы в курсе, что они оккупировали ядро реактора?

Тони помотал головой и услышал историю про радующихся жизни и размножающихся тварей.

— Вот... А теперь, получается, вы их встретили и они явно вас преследовали? Расскажите.

Тони пожал плечами, в свою очередь делая глоток кофе. Напиток показался ему отвратительным.

— Я просто получил очередной паек, — он кивнул на пакеты, лежащие рядом, — и шел обратно в каюту. Ну и повстречал одну эту сволочь. Начал от нее уходить — она за мной. В столовую меня не пустили, испугались. Я вспомнил, где точно должна быть вооруженная охрана и отправился сюда. По дороге на одном из перекрестков повстречал еще одну. Спасли меня морпехи здесь, у мостика.

— Ясно... — девушка еще больше погрузилась.

Тони внезапно понял, что ей просто требуется хоть с кем-нибудь немного поговорить. Хоть чуть-чуть общения с людьми, а не... Он воровато оглянулся.

— Холли, а давно командер с Гатлингом в таком состоянии?

— Уже недели две, наверное... Будете печенью? Я сейчас принесу!

Наблюдая за аккуратно хрустящим печеньем оператором, Холли грустно произнесла:

— На Рональда слишком много всего свалилось. Стать командиром корабля в таких

условиях... — она покачала головой. — Но до этой проклятой зимы нам казалось, что у нас есть шансы. Сейчас же...

— Все настолько плохо? — оторвался от печенья оператор.

Девушка кивнула.

— Вы действительно счастливый человек, Тони... Простите, что отнимаю сейчас толику этого счастья. Простые ребята из экипажа боятся ситуации, но не знают про нее. Морские пехотинцы ничего не боятся, но, опять же, не в курсе. Всю ситуацию целиком знают только офицеры здесь... Сколько нас осталось...

Она внезапно как-то совершенно по-детски шмыгнула носом. У Тони кусок печенья застрял в горле.

— Мы все умрем, — Холли подняла на него мокрые глаза. — Или замерзнем, или изжаримся, или нас убьют эти проклятые твари. Нам как-то удастся балансировать между этим всем, но это не будет продолжаться вечно. И самое обидное, что из всего мостика почему-то только я должна держаться и отвечать за все, пока Найджел заливает свое горе, а Рональд вообще устранился от дел...

— Я все слышу, — послышался безразличный голос полицейского.

— А мне плевать! — неожиданно чуть ли не взвизгнула девушка и расплакалась.

Реакции от невидимого Гатлинга не последовало и Тони, оставив недопитый кофе, осторожно подошел к Холли. Обнял ее за плечи, прижал к груди и принялся аккуратно гладить по волосам.

Энсин Тим, легонько вздрагивая от рыданий, даже не старалась отстраниться и несколько минут беззастенчиво плакала, орошая ему рубашку своими слезами.

У Тони на душе скребли кошки.

Наконец, Холли выплакалась и немного отстранилась.

— Простите меня.

— Все нормально, — улыбнулся он. — Не в первый раз.

— Все равно извините. Я не должна была так вот терять лицо... — девушка достала небольшое зеркальце и принялась внимательно себя рассматривать. — Скажите, вам что-нибудь нужно?

— Э... в смысле?

— Эх, гражданские, — попыталась улыбнуться она, после чего подошла к шкафу у стены и открыла его.

Тони увидел ряд винтовок, отсвечивающих тусклым металлическим блеском.

— Стрелять умеете?

Военный оператор только презрительно хмыкнул.

— Отлично.

Она достала из шкафа винтовку и три снаряженных магазина. Чуть подумала и добавила два пистолета.

— Держите. Будут вопросы — отвечайте, что я выдала. Надеюсь, в следующий раз вам не придется бегать от этих тварей. Имея оружие, убить их достаточно легко. К сожалению, когда мы это выяснили, они уже окопались в реакторе.

Идти по коридорам корабля, будучи вооруженным, оказалось гораздо приятнее, чем раньше. Тони даже хотелось, чтобы какая-нибудь тварь показалась на глаза. Но корабль как будто вымер.

Коммандер Рональд Терон. 1753.

— Они жрут трупы, Рональд. И опять начали убивать людей. Мы должны раздать оружие. Нельзя оставлять их без защиты.

Терон с раздражением смотрел на возбужденно жестикулирующую Тим. Сегодня он чувствовал себя немного лучше, чем обычно, вдобавок, даже побрился, как следует помылся и почистил одежду по такому поводу... Но Холли, похоже, всерьез вознамерилась все же испоганить ему это долбаное утро.

— Доказательств я пока не видел.

— Рональд, какие еще нужны доказательства? Присылали же съемку.

— На съемке видно, что у некоторых тел отсутствуют части. Неизвестно, дело это тварей или самого экипажа, который хочет получить оружие. У нас есть морпехи — и хватит.

— Найджел, ну хоть вы ему скажите!

— Мне плевать, — меланхолично произнес полицейский, пустым взглядом рассматривая стену с потухшим экраном.

— Ты просто боишься давать оружие людям! — снова переключилась на коммандера неугомонная Холли.

Терон поморщился. Ему действительно не хотелось, чтобы по кораблю разошлось оружие. Только повторения истории с тем матросом ему и не хватало.

Над планетой вставало солнце. Коммандер некоторое время рассматривал его изображение, игнорируя продолжающую распинаться Тим. Пристрелить, что ли, дуру...

Корабль дрогнул, наверняка получая еще какие-то повреждения.

Коммандеру было, в общем-то, плевать. Больше всего сейчас он жалел о том, что вернулся в нормальное состояние этим утром. До этого, в обнимку с бутылкой, жизнь казалась заметно проще.

Он нажал кнопку вызова и на мостик заглянул один из дежуривших у двери пехотинцев.

— Солдат, с сегодняшнего дня энсину Тим запрещен проход в это помещение. Обеспечьте выполнение приказа.

Элизабет Кокс, доктор медицины. 1749.

— Тони, я должна идти! Это совсем не далеко, кстати говоря. И я не могу отказать в помощи человеку, с которым хорошо знакома! Ты можешь пойти со мной, если тревожишься. Постоишь у двери и проследишь, чтобы со мной ничего не случилось, хорошо?

Убеждать бывшего пациента и текущего любовника пришлось долго. Взявшийся о ней заботиться оператор изо всех сил пытался оградить Лиззи от опасностей. Это, конечно, было мило и приятно... Но не всегда.

Каюта аналитика Джонса действительно оказалась совсем неподалеку. Пришлось пройти всего сотню шагов по хитросплетению коридоров.

— Подождешь меня здесь, ладно? — Элизабет чмокнула хмурого оператора в щеку. — Я скоро.

Некогда серьезный и собранный аналитик валялся на кровати сломанной куклой. В каюте стоял затхлый и противный запах.

— Элизабет... Прошу прощения за свое состояние, — постарался улыбнуться Джонс. — Я совсем расклеился, до туалета едва добираюсь.

— Том, как я могу помочь? — Лиззи, последнее время находившаяся вдалеке от

умирающих, почувствовала, что сейчас в очередной раз расплачется. Человек перед ней явно находился на грани между жизнью и смертью. И готовился уйти за эту грань.

— Бросьте, Элизабет. Вы мне не поможете и знаете об этом... Я позвал вас попрощаться и предупредить... Мне нравилось с вами разговаривать.

Джонс некоторое время помолчал, глядя на девушку. Затем облизнул губы и попросил принести воды.

— Мне в последнее время все сложно.

Доктор Кокс все же не выдержала и заплакала. Аналитик не обратил на это особого внимания.

— Я тут в последнее время изучал графики температур... Вы же знаете, что океан здесь после пролета подозрительно быстро остывает?

— Э... не уверена...

— Это была первая странность, на которую стоило обратить внимание. Вторая — это то, что на планете вообще существует жизнь. Ну, а потом, когда мы познакомились со здешними обитателями более подробно, все должно было стать окончательно ясно... Но всем было не до того. Лишь зима окончательно расставила все по местам.

— Вы о чем, Том?

— Вся планета представляет собой уникальную энергетическую систему, Элизабет.

— Э... И что? — доктор Кокс не очень понимала практическую ценность этих знаний.

— Вся планета, растения, животные, — все они буквально питаются энергией. Запасают ее во время проходов этого проклятого красного карлика, спокойно впитывают в летнее время. Но зимой энергия на планету не поступает. Зимой здешний мир или погружается в спячку или начинает борьбу за любые крохи энергии. Весь мир пытается оттянуть на себя кусочек одеяла. И именно поэтому температура настолько падает.

— Том, это все, конечно, интересно, но...

— Элизабет, не перебивайте. Проблема заключается в том, что здешним формам жизни тоже требуется размножаться и сделать это с помощью одной только энергии невозможно. Им нужен строительный материал для тел.

— И?

— Скажите мне, Элизабет... Когда на Земле происходит размножение у животных?

— Весной... — Лиззи начала понимать, к чему клонит аналитик.

— Именно. Я ведь даже в таком состоянии продолжаю получать информацию о корабле. Эти твари, которые сидят в реакторе, не так давно принялись размножаться. Если к активной зоне реактора изначально подобралось всего несколько штук, то сейчас счет идет на десятки. И буквально недавно поступили сведения, что они начали выбираться оттуда к людям...

— Да, Тони рассказывал — он недавно встретил сразу двоих.

Джонс немного помолчал.

— Я думаю, что, как только настанет лето, на корабле нельзя будет оставаться.

— Но как...

— Не перебивайте, доктор. Когда настанет лето, эти твари действительно начнут размножаться и расти. Их уже достаточно много, чтобы представлять опасность — а станет еще больше. Они начнут есть все, что попадется под руку...

— Откуда вы знаете?

Аналитик некоторое время смотрел на Лиззи с доброй, почти отеческой, улыбкой.

— Они же уже начали. Пока они маленькие и их мало, они жрут трупы. Но это скоро изменится. И я вас позвал к себе только для того, чтобы сказать это. Элизабет, когда начнется лето, вас не должно быть на корабле.

После непродолжительного молчания Джонс откинулся на подушку и прикрыл глаза.

— А сейчас, доктор, я попрошу вас покинуть меня. Не нужно вам это все. Идите.

Тони Хоук, оператор CNN. 1746.

Оператор, чертыхаясь, затащил в каюту увесистый тюк. Закрыв за собой дверь и устало привалился к ней спиной.

— Еле дотащил. Тяжелый.

— Главное, чтобы мы потом сумели с ним выбраться из корабля.

— Я, в принципе, нашел проход, — медленно произнес Тони, размышляя о реалистичности своего плана. — Не так далеко от нас был взрыв. Те направления, конечно, перекрыли, но не заваривали наглухо. Мы сможем выйти там на открытый воздух. Вода будет под нами ярдах в десяти, наверное. Придется прыгать.

— Я не смогу.

— Сможешь, милая. Сбросим плот, спрыгнем сами — и на берег. Главное, чтобы эти водоросли не появились.

Вспомнив прикосновение красных волосков, Тони невольно передернул плечами.

— А что с остальными? Ты собираешься им рассказать? Нужно, чтобы как можно больше людей узнало о том, что сказал Джонс.

Тони вспомнил лихорадочный стук за своей спиной, когда остатки экипажа, трясясь за свои шкуры, старательно перекрывали ему дорогу к спасению от черного котика.

— Нет! — затем ему вспомнилась Холли, плачущая на груди и он поправился: — Да. Но я не пойду к этим животным. Я схожу на мостик.

В этот раз по дороге оператору никто не встретился. Люди прятались где-то в других частях корабля — кто-то поодиночке, запершись в каютах, кто-то, наоборот, целыми толпами, оккупируя столовые и продовольственные склады.

Незнакомый морпех, стоящий на часах около входа на мостик, пропускать Тони внутрь отказался.

— Извините, сэр, я знаю, кто вы, но командер отдал прямой приказ — никаких посторонних на мостике.

— Скажите, а Холли... энсин Тим — она сейчас там? Не могли бы вы ее позвать?

— Сэр, энсину Тим запрещено появляться на мостике. Попробуйте поискать ее в ее каюте.

— Послушайте, может быть, тога вы передадите кому-нибудь из старших офицеров? У меня информация от старшего корабельного аналитика, очень важная.

— Что за информация? — послышался сзади голос незаметно подошедшего Гатлинга.

— Шеф Гатлинг, сэр! — постарался придать себе официальный вид Тони. — Аналитик Джонс считает, что сразу после наступления лета местные существа начнут агрессию и находиться на корабле станет смертельно опасно. Он советовал покинуть корабль на это время.

— Джонс недавно умер, — равнодушно произнес полицейский, направляясь к двери. — Он мне ничего такого не говорил.

— Послушайте, это же информация первостепенной важности! Весь экипаж может

погибнуть!

— А так он, конечно же, проживет долгую и счастливую жизнь, — ядовито заметил Гатлинг. — Но я передам ваши слова командеру, не беспокойтесь.

Дверь за полицейским закрылась.

Тони повернулся к часовому.

— Вы выслушаете меня? Возможно, вам или кому-то из ваших товарищей это спасет жизнь.

— Конечно, сэр.

Оператор кратко пересказал содержание разговора Лиззи с аналитиком. Морпех серьезно кивнул.

— Я скажу оставшимся ребятам. Спасибо, сэр.

На обратном пути у Тони появилось было мысль рассказать обо всем команде... Но воспоминание о захлопывающейся за спиной двери снова всплыло перед ним — слишком живо и ярко.

Он прошел к своей каюте.

Из дальнего угла коридора его проводил взглядом очередной котик. Заметно подросший.

"Барак Обама", авианосец. 1725.

Над горизонтом показалось солнце. Но не то, к которому привык за последние полтора месяца корабль, а другое, ласковое и приятное. Показалось всего на десяток минут, но этого оказалось достаточно для того, чтобы на планете стали происходить изменения.

Температура вокруг корабля начала повышаться. Пока еще незначительно, но уже достаточно для того, чтобы скопившийся на поверхности планеты ксенон сначала растаял, а потом и закипел, снова превращаясь в газ.

Твари, оккупировавшие ядро реактора, тоже почувствовали приближение весны. И теперь вокруг активной зоны сновали уже десятки крохотных сгустков темноты. Картер, наблюдающий за этим из диспетчерской, тоскливо ругался, но сделать ничего не мог.

Холли Тим сидела в пустой каюте и ни о чем не думала. Потеряв доступ к мостику и Рональду, она также потеряла все возможные способы воздействия на ситуацию и превратилась просто еще в одного члена экипажа, прячущегося от реальности за толстыми дверями.

Сам Терон сидел на мостике в компании Найджела и предавался горьким размышлениям — алкоголь закончился и скрываться от реальности становилось все сложнее.

Младший лейтенант Викс, сидя в своей каюте, пересчитывал оставшиеся пайки и настороженно посматривал на дверь.

Тони и Лиззи, валяясь после занятий любовью в помятой кровати, размышляли, как проще и безопаснее покинуть авианосец.

Механик Джон Картер. 1699.

На второй день после первого появления спокойного солнца реактор стал гаснуть. Джон пытался как-то влиять на ситуацию, но тщетно. Нейтроны переставали делиться, тепловыделение упало практически до нуля.

Твари, до этого беспорядочно болтающиеся возле активной зоны, сейчас сгрудились вплотную к контуру. Некоторые даже пытались царапать стенки.

— Проклятые черные ублюдки, — произнес Картер и недрогнувшей рукой перещелкнул несколько тумблеров, запуская процедуру аварийного сброса всех замедлителей. Если уж реактор все равно не работает, незачем оставлять его в подвешенном состоянии. Пусть станет окончательно потухшим.

Коммандер Рональд Терон. 1699.

— Ну что, дружище, — произнес Рональд, рассматривая переданную Картером картинку из внутренностей реактора. — Похоже, все.

Найджел особо не отреагировал. Ему, похоже, после смерти Джиллиан было абсолютно все равно на все.

Терон почувствовал жалость и сочувствие. Так долго был один, нашел какое-то призрачное счастье... и потерял.

Коммандер еще раз посмотрел на картинку, где показывалось абсолютно свободное от местных тварей пространство. Затем поднялся и отправился к кофе-машине.

— Будешь что-нибудь? — поинтересовался он.

Найджел, немного помолчав, ответил:

— Давай черный, большой и без сахара. Что там, говоришь, с реактором?

— Реактор сдох, — произнес Терон, задавая программу на аппарате. — Картер его заглушил. После чего эти сволочи потихоньку оттуда ушли и гуляют сейчас по кораблю.

— Значит, аналитик, скорее всего, был прав, — по-прежнему равнодушно заметил Гатлинг.

— Да и черт с ним. Днем раньше, днем позже... Держи.

— Спасибо.

Мужчины посидели немного в молчании.

— Знаешь, Найджел... Я всегда считал придурью все эти жесты командиров гибнущих кораблей. А сейчас вот проникаюсь.

Терон поставил кружку на приборную панель.

— Ты о чем?

— Да я просто думаю — так ли мне необходимо продолжать сидеть здесь, слушать отчеты о потерях и знать, что все равно ничего не могу поделать?

— Мы можем что-то сделать, — резонно заметил Гатлинг. — Например, открыть арсеналы, объяснить ситуацию экипажу и устроить охоту на этих сволочей.

— Все равно не перебьем. А если даже и перебьем, то только продлим агонию — через несколько дней над нами взойдет настоящее солнце.

— Если мы перебьем всех тварей, то реактор, возможно, удастся снова запустить. И мы опять переживем жару.

Терон некоторое время подумал, затем мотнул головой.

— Не хочу. Все, что мы делаем — это слепо барахтаемся, как котята, брошенные в бочку с водой. Я больше не хочу мучить ни себя, ни людей. Это просто агония. И она никому не нужна.

Коммандер расстегнул кобуру и достал пистолет. Найджел уставился на него с вялым интересом.

— Если хочешь, принимай полномочия и действуй. А я устал. Будешь отговаривать?

Гатлинг пожал плечами.

— Ты достаточно взрослый для такого выбора.

— Спасибо.

Рональд посмотрел в черный зрачок ствола. Ну же, соберись, тряпка.

— Для меня было честью служить рядом с тобой, Найджел, — произнес он и вдавил спусковой крючок.

Тони Хоук, оператор CNN. 1698.

— Давай, любимая, прыгай же...

Вцепившаяся в покореженный рваный край переборки Лиззи зажмурила глаза и замотала головой.

— Надо. Плот уже внизу. Здесь всего-то ярдов десять. Прыгнешь солдатиком, вынырнешь — и сразу на него. Я следом.

— Не могу.

Тони слегка ругнулся. Пока они пробирались к этому месту, оператор заметил двух черных существ, целенаправленно двигавшихся в их сторону. Сейчас между ними находилось несколько закрытых дверей, но он пятой точкой чувствовал, что это ненадолго.

— Так, Лиззи... Хватит цепляться за эту железку, повернись ко мне. Стой. Закрой глаза...

В следующий момент коварный оператор мягко толкнул девушку рукой в грудь, а затем, слушая ее удаляющийся визг, поспешно прыгнул сам.

Удар о поверхность чуть не выбил из него весь дух. Но ему все же удалось вынырнуть и вдохнуть новый глоток воздуха. Рядом отчаянно ругалась Лиззи.

— Хватит орать, — рявкнул оператор. — Марш на плот, пока водоросли не появились!

На берег они выбрались мокрые и злые друг на друга. Переоделись в сухую одежду, уселись на выгашенном на песок плоту и принялись молча рассматривать быстро скрывающееся за деревьями солнце.

— Ладно, — поднялся Тони. — Надо развести костер какой-нибудь. Сегодня ночью все еще будет холодно, хоть и не особо сильно.

Лиззи гордо промолчала, рассматривая серую громаду корабля, потихоньку тающую в наступающих сумерках.

Развести костер у оператора в итоге так и не получилось — чешуйчатые пальмы гореть почему-то отказывались в принципе, а ничего другого, подходящего для костра, в окрестностях не наблюдалось.

В итоге им обоим пришлось забираться на плот, закрываться прилегающей крышей и, кутаясь во всю доступную одежду, прижиматься друг к другу, сберегая остатки тепла.

— Как думаешь, что там сейчас на корабле? — прошептала Элизабет.

Младший лейтенант Джозеф Виск. 1401.

Сон лейтенанта неожиданно прервался. Некоторое время Виск неподвижно лежал на кровати, страхась даже включить свет. Затем все же нажал кнопку.

В каюте все было по-прежнему.

Валялись обертки от сухпайков, висело наскоро постиранное нижнее белье, высилась солидная куча самого разного мусора возле дальней стены.

Джозеф аккуратно опустил ноги на пол.

От двери в каюту раздался легкий скрежещущий звук. Человек замер каменной статуей, чувствуя, как по спине течет струйка холодного пота.

Скрежет послышался снова. Викс ощутил, как бьется и трепещет от страха его сердце.

Он наконец дождался.

За ним пришли.

Капитан Лэксби, шеф десанта. 1071.

— Держим круговую оборону, парни, — невозмутимо произнес капитан, обращаясь к четырем десяткам солдат, собравшихся в одном из уцелевших ангаров. — Мы отлично знаем, что этих тварей можно убивать. Этим мы сейчас и займемся. Приказ ясен?

— Так точно, сэр!

Морпехи толково разбирали направления для стрельбы, обкладываясь гранатами, запасными магазинами и пулеметными лентами.

Им оставалось только ждать.

Элизабет Кокс, доктор медицины. 903.

— Может быть, хоть кто-нибудь...

Они вместе с Тони стояли на берегу и смотрели на изуродованный корабль. Все утро до них доносились легкие отзвуки выстрелов и взрывов. Ближе к обеду все стихло.

— Может быть, они смогли победить?

Тони, аккуратно поглаживающий ее руку, молчал, с грустью рассматривая авианосец.

Минуты текли, превращаясь в часы. Люди все так же смотрели на авианосец.

— Посмотри, — произнес Тони перед самым закатом, указывая на воду.

Элизабет всмотрелась сквозь сумерки. Водная поверхность потихоньку приобретала все более красноватый оттенок.

— Водоросли?

— Да. Причем, они лезут вверх по кораблю, видишь? Твой Джонс был прав, весна здесь не очень.

— А они могут выбраться на берег? — испугалась Лиззи.

Тони немного подумал.

— Думаю, да. Пойдем-ка отсюда куда подальше.

Уходя с берега, Элизабет в последний раз посмотрела на корабль.

— Хотя бы один... — прошептали ее губы.

Темный силуэт, все еще не растерявший остатки бывшего величия, хранил безмолвие.

Найджел Гатлинг, шеф военной полиции. 127.

Найджел с отстраненным любопытством прислушался к шуму, раздававшемуся в коридоре. Похоже, настал и его черед.

Некоторое время офицер размышлял о вариантах. Можно было взять пистолет и последовать примеру командера. Можно было принять бессмысленный бой.

Либо же просто дождаться смерти и встретить ее с подобающим достоинством.

Шеф Гатлинг никак не мог сделать выбор.

Тони Хоук и Элизабет Кокс. 2.

Два человека сидели, тесно прижавшись друг к другу, на вершине поросшей редким лесом скалы. У них за спинами можно было увидеть бухту средних размеров, половину пространства которой занимал истрадавшийся и безжизненный корпус земного авианосца.

Но люди не смотрели назад. Их взгляды были прикованы к расстилающейся впереди бесконечной морской глади, украшенной полосками лениво ползущих волн.

Там, вдалеке, над горизонтом начинал медленно подниматься край величественного кроваво-красного диска.

— Мне страшно... — прошептала девушка.

Эпилог.

На мостике нашедшего в бухте свой последний приют авианосца неожиданно зашипела и включилась аварийная связь, заставив насторожиться несколько странных черных существ, облюбовавших это место для отдыха.

— На связи мобильная многофункциональная платформа "Джон Кеннеди", военно-морские силы США. Мы обнаружили ваш спутник. Немедленно выйдите в эфир и объясните, что за чертовщина здесь происходит! У нас потери!

Больше книг на сайте - Knigolub.net